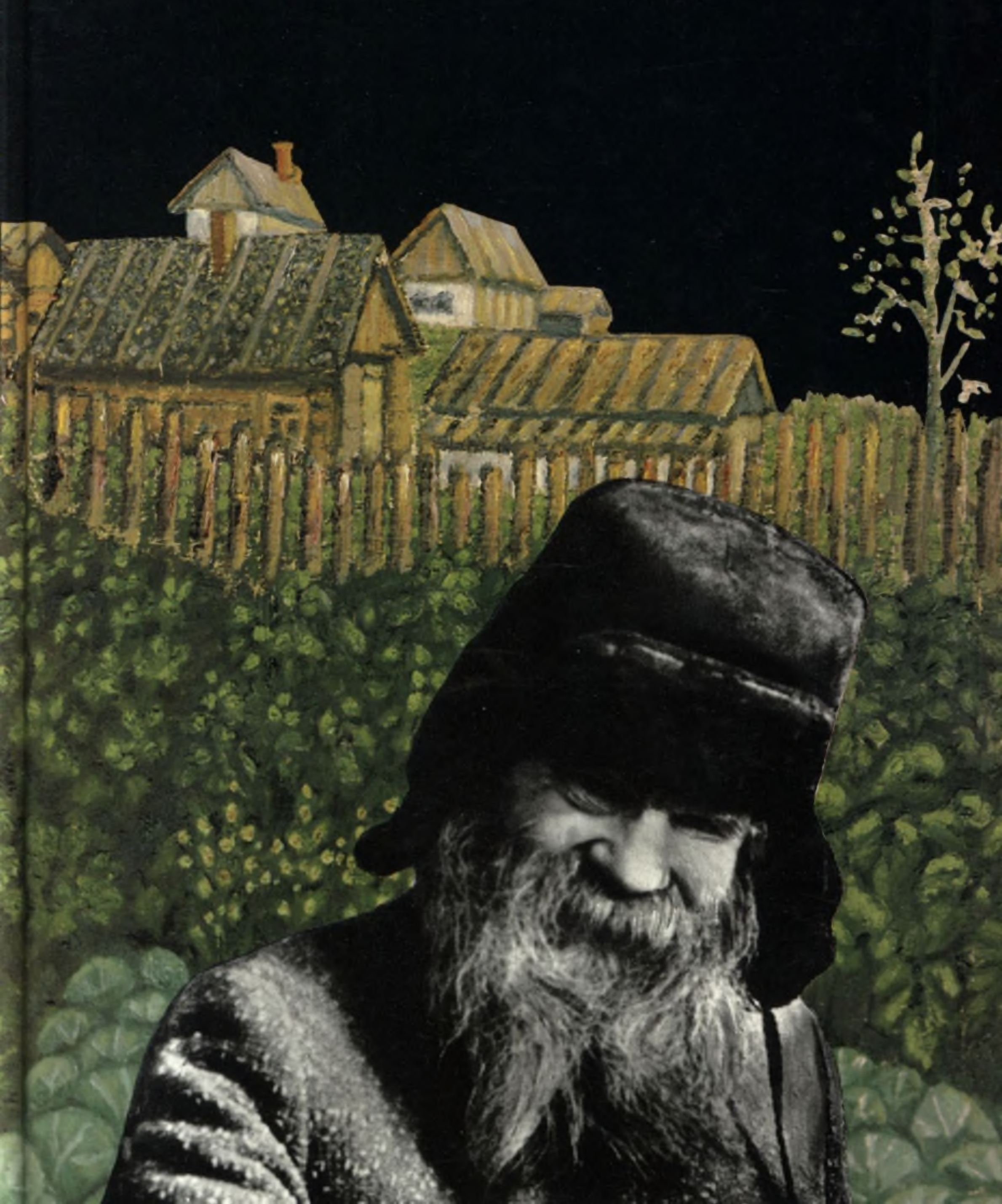
И БЫЛА ЖИЗНЬ...

И. Селиванов

дневники письма картины

Мир

художника

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1990

И. Селиванов, Н. Катаева

Нина Катаева

И БЫЛА

...

дневники

письма

картины

ЖИЗНЬ...

Иван Охлобыстин

ББК 85.143(2)7
С 29

Художник Екатерина Ковалева

Фотограф Вячеслав Карев

С $\frac{4903000000-296}{078(02)-90}$ 231–90

ISBN 5-235-00357-8

Содержание

Я рожден своей мамушкой Татьяной Егоровной не для больших денег, не для роскошной жизни, а просто для жизни, как всякое живое существо в природе. Воспитывался среди нищенского сословия.
Вся моя жизнь, весь мой труд прошли задарма, а зачем – я не знаю. Неужели найдутся такие люди, проглотят мой труд, как жадный крокодил, или выбросят? Будущие поколения таких людей не похвалят•.

• Отрывки, отмеченные этим знаком здесь и далее, взяты из книги „Иван Селиванов, живописец. . .“, изданной Кемеровским книжным издательством в 1988 году.

Помню, как в детстве я мечтала о том, чтобы в нашем шахтерском городе Белове, не большом и не малом, но для Кузбасса заметном, появилось нечто выдающееся, ради чего люди, не раздумывая, пускались бы в дальние путешествия. И вот годы спустя, находясь в командировке от столичного журнала, сама еду в родной город к самодеятельному художнику Ивану Егоровичу Селиванову.

Это была четвертая наша встреча за последние два года. На этот раз художник встречал меня в новом доме, выстроенном на территории интерната для ветеранов труда в поселке Инском Беловского района Кемеровской области. Дом был построен по типу прокопьевской избушки „на бугре“, в которой Селиванов прожил тридцать четыре года. Престарелые лета, немощь и одиночество заставили-таки с ней расстаться, и через год горестного существования в неуюте комнатушки дома престарелых старый художник ощутил наконец заботу местных руководителей о себе.

Как нельзя более своевременным представляется мне разговор об этом человеке в наше удивительное время „открытий“, удостоверяющих наконец, что земля должна принадлежать крестьянам, что руководитель производства сам лучше спланирует, что и в каком количестве производить, что учитель и врач – профессии особые, и не следует в них пускать всех, не добравших баллы у жизни, что самая главная ценность на свете – неординарная человеческая личность, а процветание государства в конечном счете зависит от того, как оно умеет беречь эту личность и воздавать ей по ее возможностям.

К сожалению, нам пока рано засчитывать очки по последнему пункту – мы озабочены сотворением памятника, история появления которого не имеет аналогов. К счастью, самобытный художник из Кузбасса печник Иван Селиванов не будет иметь отношения к этому памятнику. А мог бы. Его педагог из Заочного народного университета искусств (ЗНУИ) в Москве Юрий Григорьевич Аксенов не случайно обмолвился: „Единственное, от чего уберегла его жизнь, это от лагеря. Все остальное – было“. Под „остальным“ подразумевались голод, холод, нищета, одиночество, скитания без работы, несправедливые обвинения. Но, может быть, благодаря именно этой судьбе скитальца художник смог остаться „янтарно чистым“ до последнего вздоха.

Впрочем, по порядку. Впервые встретились мы в городе Прокопьевске, что находится по соседству с Беловом. Тогда я совсем по другому поводу ехала в Кузбасс и перед командировкой посмотрела фильм „Серафим Полубес и другие жители Земли“ – о деревенском художнике-самоучке, так называемом „наивном“ живописце. Внимание зрителей буквально приковали кадры, в которых показывались работы самодеятельных художников. Собака. Корова. Петух. Девочка кормит кур. Кот. Автопортрет.

Картины поражали чистотой изумленного детского взора и зрелостью почерка мастера. Ведь „наивные“ изображают мир не на основе знания построений в пространстве, а опираясь на чутье, природный дар, интуицию. Их „наив“ не в том, что они не подозревают о сложности этого мира и всех его полутонах, а в том, что с удивительной силой запечатлевают красоту и гармонию всего сущего. Это мудрецы, в которых вечно живет детство.

Оказалось, что Селиванов – один из прототипов главного героя фильма. Никто из авторов не побывал у реального Полубеса, но основную его специальность – печник – Серафиму они все-таки подарили. Работами Ивана Егоровича восхищались в Париже, Лондоне, Праге, Берлине, Будапеште, Бонне, Монреале, Нью-Йорке, а на сеансе „Серафима Полубеса“ в центральном кинотеатре Прокопьевска никто не обратил внимания на старичка, которого при-

вели две учительницы. Так состоялась премьера для самого Селиванова. Но об этом я узнала много позднее, а тогда, в Москве, мною овладело неодолимое желание поскорее увидеть автора работ, заснятых в фильме, поговорить с ним.

Вспоминаю, как шла по одному из окраинных уголков Прокопьевска. Справа и слева кружились огороды. Раскинулось картофельное царство. Пахло сентябрьской ботвой и углем – где-то незримо присутствовали шахты. Я петляла по узким проулочкам между изгородями, искала дом, похожий на крепость, – так местные мальчишки охарактеризовали селивановские владения. Когда дом показался, я отметила точность характеристики. В самом деле, стоит на возвышении, высоко огорожен и от соседей как бы отрезан овражком.

Хозяин, прежде чем открыть дверь, сурово спросил: „Доку́мент?!" Ему было под восемьдесят. Легонький, щупленький старичок с окладистой седой бородой, острыми голубыми глазами. Видавшая виды кепка надвинута на лоб, фартук мастерового почти до полу, на босу ногу надеты короткие сапоги. С виду – не сибиряк. И двор не сибирский – северный. Вокруг высоченные поленницы дров, и все как бы выложено деревом. Наверное, были когда-то такие в архангельской деревушке Васильевское, откуда художник родом. Вернув мне удостоверение, Иван Егорович все еще строго произнес: „Проходи!" И, как бы извиняясь, добавил, что мальчишки здесь часто „шалят", вот он и проверяет.

Пронзительность его взгляда узнавалась сразу – словно на вас глянули его картины. А засмеялся – смех легкий, радостный, так смеются дети и очень беззащитные люди. В домишке веяло запустением. С тех пор как умерла Варенька (так называл Селиванов жену), прошло более десяти лет, и он почти переселился из комнаты в кухню. Здесь ел и спал и совсем изредка рисовал.

Детей у Селивановых не было, и Ивана Егоровича мало кто навещал. Кухня была похожа на келью аскета, вот только мастерски сложенная печь выдавала хозяина, некогда домовитого.

Впрочем, в огороде он до последнего времени трудился сам. Заготавливал на зиму овощи и картошку. А чтобы тех же мальчишек разогнать, летом еще и с колотушкой в полночь выходил.

Селиванов показал газетные и журнальные публикации, прекрасно изданные книги с иллюстрациями его работ, золотые медали и значки, почетные призы и дипломы, переписку с художниками и искусствоведами. Один восхищался его творчеством, другой сообщал о новой книге или выставке в Москве, третий писал, что в Югославии вышла „Всемирная энциклопедия „ наивного" искусства" с его автопортретом. Особое место занимала переписка с преподавателями ЗНУИ. Учился в нем Селиванов почти сорок лет. Дома – ни одной работы. Все отсылал в Москву.

Нечасто жизнь дарит нам такие встречи. Долгая жизнь разнорабочего, не гнушавшегося никаким трудом, – и руки художника. Отсутствие обыкновенной десятилетки – и полная достоинства речь. „Рембрандт – исключительное явление, таких художников, как он, немного в мире. Может быть, человек десять. В отличие от остальных, у них есть выражение действительности". Откуда все это в крестьянском пареньке, едва учившемся грамоте?!

С этого вопроса, заданного самой себе, и началось для меня открытие материка по имени Селиванов. Позднее не раз ловила себя на том, что, постигая образ мысли просвещенного философа, откровения модного писателя или известного художника, думала, что сказал бы по этому поводу Иван Егорович. Не раз бывало так, что, общаясь с людьми близкими или малознакомыми, неожиданно заговаривала о нем, а в качестве неопровержимого аргумента приво-

дила его мнение. Вначале я открывала Селиванова-художника, потом Селиванова-литератора, но все время – Селиванова-человека.

И вот о чем думалось: не стоит опасаться за нравственное здоровье нации, которая знает, чтит и любит своих Селивановых. Как же до обидного мало знаем мы об Иване Егоровиче и сотнях (а может, тысячах?) подобных ему людей, рассеянных по необъятным просторам Отчизны! Пока живы они, живо наше искусство, в какие бы дебри ни заходили новаторы в поисках форм современного языка. Можно быть спокойными: вернутся. Вернутся к Селиванову, если, конечно, будут знать его.

Помню, как искусствовед из Польши, услышав на киновечере в Министерстве культуры РСФСР, что для селивановского наследия все еще не найдено достойное пристанище, изумленно сказала: „Если бы у нас обнаружился такой художник, как ваш Иван Егорович, мы отдали бы ему лучший музей Варшавы!“

И я верю – поляки отдали бы! Достаточно вспомнить, как после войны они подняли из руин свою столицу. . .

Отчего же мы, русские, пестуем в себе безродность?! У создателей этой книги есть надежда: что, если мы в какой-то мере поспособствуем тому, чтобы Музей Ивана Селиванова открылся в Москве?!.

К тому времени, когда мне была предложена работа над книгой, посвященной Ивану Селиванову, начался последний этап его жизни – он переехал в дом престарелых. Иван Егорович очень ждал эту книгу, так как „любому человеку-производителю интересно, что он изделал в своей жизни“. Он направил даже письмо редактору с просьбой „пропустить“ книгу вне очереди, но, к сожалению, мы не успели.

Люди по-разному относились к самодеятельному художнику – от полного неприятия до восторженного почитания. Особенно ясно я ощутила это во время встреч с теми, кто с ним общался. Впрочем, вряд ли бывает иначе с подобными ему „фигурами-образами“!

Известно, что истина кроется там, где крайности сходятся. Эту самую истину почти два года искала я, работая с селивановскими дневниками, которые писал он в основном в последнее десятилетие жизни. В работе над книгой со всей искренностью помогали мне педагог Ивана Егоровича заслуженный работник культуры Ю. Г. Аксенов, автор фотосъемки В. П. Карев, кемеровская журналистка М. М. Кушникова, заместитель редактора газеты „Кузбасс“ Ю. В. Дьяконов, фотокорреспондент газеты „Шахтерская правда“ А. С. Равилов, прокопьевские художники Г. В. Стаценко и В. И. Самошкин, художник книги Е. Д. Ковалева, редактор книги В. Н. Аксенов и художественный редактор К. Г. Фадин.

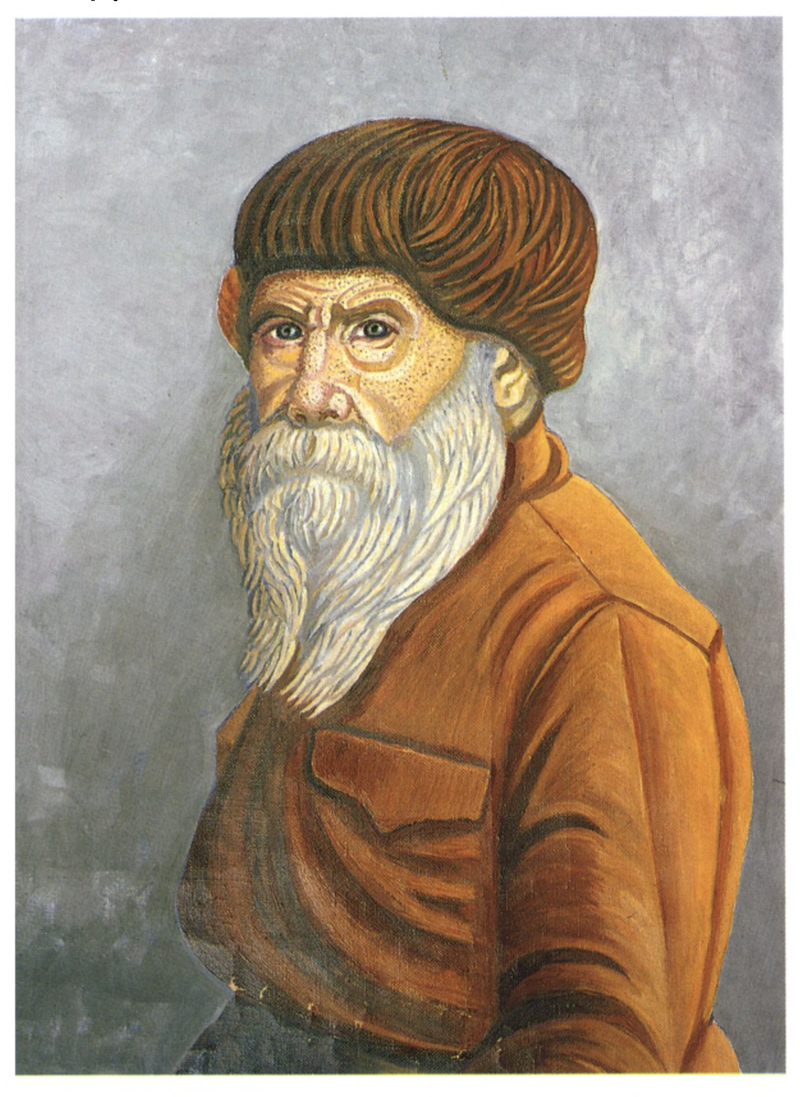
Всем им я искренне благодарна.

Нина Катаева

Ты и я, и мы с тобой беседуем
про что-то. Где-то мы про правду
поговорим, где про кривду скажем.
Кто прохлопает ушами,
кто не поймет умом. Все
за истину пройдет,
за существенное дело.

Вечерня работа, 7 января 1980 года.
Селиванов Иван Егорович

Автопортрет. 1978.

В поле. ▶

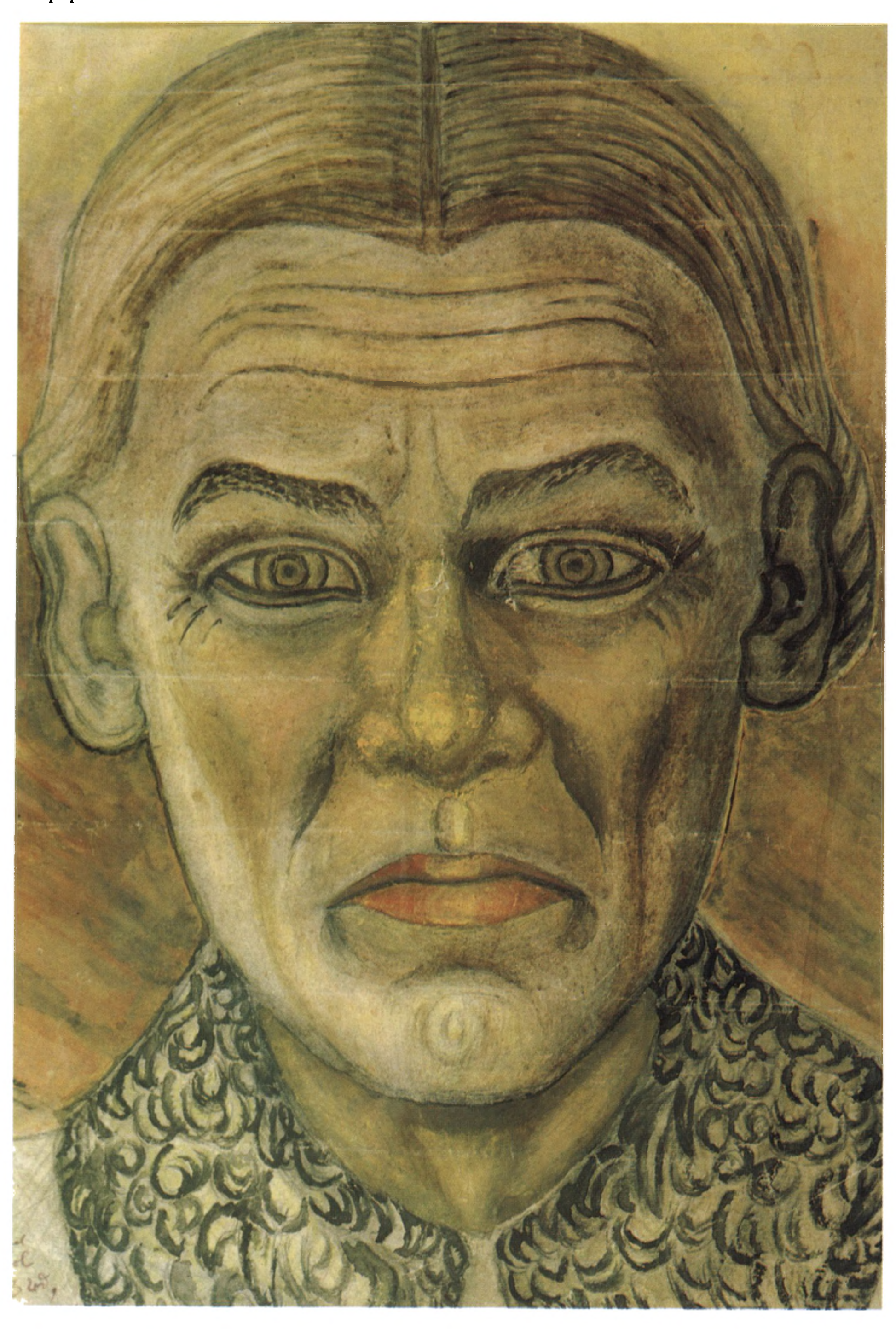

Цветы.

Портрет жены.

Портрет девочки.

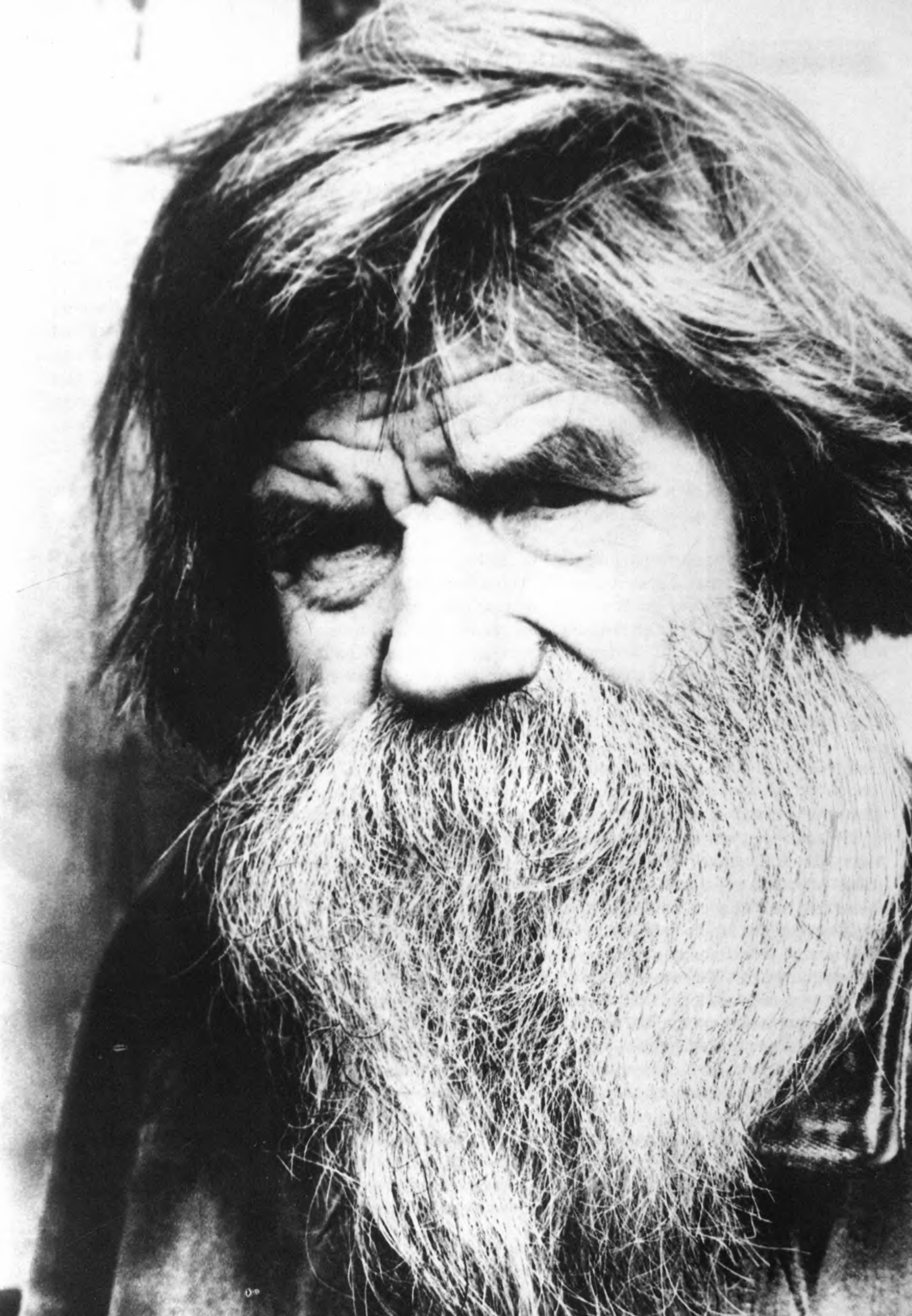
Кот на снегу.

Часть первая

„Учись жить у природы!“

Человек ничего не познает
на свете, если не видел сценок
жизни. Не каждый одаренный
природой может получить познания
без учебного заведения-школы!
Нужны для этого упорный труд
и чтение книг. Без любви
к природе никто не станет
мастером своего дела. Природа
есть не что иное для человека,
как превысшая школа.

Глава первая. ЗОЛОТЫЕ КОСОГОРЫ ДЕТСТВА

С каких времен малой родиной стали называть мы родной край, взрастивший нас? Мне не по душе это определение, хотя и сама не раз им пользовалась. Малая родина, большая – может ли быть такое деление? Родина есть Родина, и она одна у всех. А вот родной край – у каждого свой. „Люблю тебя, мой край родной, мой край родной, всегда мне дорог ты, мне дорог ты", – кажется, так пелось в популярной хоровой песне детства, и, право, она больше говорила сердцу о местах, где какой-нибудь придорожный вьюнок рождал целую поэму воспоминаний, чем долгие и бесплодные рассуждения о малой родине. Например, одна из селивановских картин называется „Мой дом, моя родина". В этих мрачных синих небесах, волнистом жнивье и покошенных травах, стожках сена и как бы игрушечных снопиках, домике с пристройкой и зеленым двориком, словно бы выстланном деревом, есть та конкретность, которая не позволит вычислять квадратные километры, на которых раскинулась твоя родина.

Иван Селиванов – северянин. Поистине заповедная, таинственная земля, и столько в ней отголосков древности, столько вестей из прошлого получает она! И верится, неразменна чистота помыслов людей, рожденных ею, и может потягаться в силе искренности своей с глубиной северных озер. Хотя и среди северян есть превратившие в труху слов ценности, полученные в наследство от отцов своих. Не одобрил бы их позицию печник из Шенкурского уезда, ставший художником. И припечатал бы суровым селивановским словцом. Рассказывают, как старик громогласным „вон!" выставил однажды из своей комнатки в доме престарелых вы-

сокое должностное лицо, в силу обстоятельств явившееся к нему с повинной, явно не желая того.

Но Иван Селиванов – и сибиряк. Без малого полвека – на земле, которой не занимать особой стати (проверено настоящими испытаниями), и чтобы прижиться на ней, необходимо располагать этой статью в душе своей. Сибирь зовут краем будущего, и здесь крестьянин с речки Ваги, повенчанный с сибирскими просторами и могучими реками, воплотил собой явление уникальное. Словно таинственная сила, дремавшая в его роду веками, нашла вдруг выход на подходящей почве и взметнулась ввысь ярким пламенем народного таланта. И старик „с указующим перстом“ потряс в равной степени русского и американца, француза и итальянца, немца и англичанина. Рассказывают, что экспозицию селивановских работ с выставки в подмосковном Подольске порывались „оптом“ закупить американские коллекционеры.

Однако перенесемся на берега Ваги начала века. Беря начало на вологодской земле, широко и раздольно несла она воды по Архангельской губернии в Северную Двину, а там – и в Белое море. И сейчас протяженность ее больше, чем полтысячи километров, не хиреет речка-труженица.

А тогда . . . Светило нещедрое северное солнце, шли белые пароходы по Ваге, и ребятню деревушки Васильевской не вытащить было из воды. И порыбачить можно было на речке, и искупаться. Даже сейчас, несмотря на то, что мельче стала она из-за вырубленных по многочисленным притокам лесов, попортил ее сплав, русло местами уклонилось от прежнего, берега у райцентра подмыло, река остается сравнительно чистой. До сих пор водится в ней стерлядь, не говоря о лещах, щуках, подъязках, окуньках и прочей мелочи. Так утверждают влюбленные в родной край земляки Селиванова, которые, отложив все дела, не могут не приезжать сюда за тысячи километров. „Побывать на красавице Ваге и порыбачить с удочкой на утренней зорьке – истинное наслаждение“. Не поспоришь.

Для Ванюши, среднего сына Егора Григорьевича и Татьяны Егоровны Селивановых, Вага была главным событием в его пятилетней жизни. На берегу реки ему было весело, но не так, как остальным. Ребятишки кричали, плескались, толкали друг друга, а он из этой кутерьмы незаметно выберется на бережок и замрет, медленно озираясь по сторонам. И вдруг что-то екнет в детском сердечке, вздрогнет оно, и пробегут мурашки по коже. Что это?! А это солнце в предвечерний час так зависнет над их деревушкой, что золотистыми станут косогоры за речкой, а часовня наверху как будто поплывет по небу. Береза же у колодца рядом с их рубленым домом, наоборот, потемнеет, и словно бы холодком с речки потянет. А через минуту опять все по-прежнему . . .

„Вспоминая сегодня далеки прошлы годы жизни, вижу высокую хвойную гору, покрытую ельником низкорослым. Вижу дали необозримы и синеву небес. И вот уже стою у подножия горы. Течет речушка неширока с чистою водой. Чистота необыкновенна, видно все дно в речушке. Мысли заговорили: где взяла исток речушка? Почему так чиста вода в ней? Где-то в верховьях местности лесной, ельника низкорослого бьют ключи из-под земли с янтарною водою. Текут ручейки с обоих берегов речушки из таких же подземных фонтанчиков-ключей . . .“

Прибежит вечером Ванюша домой, а рассказать некому, хоть и много народу. Отца вечно дома нет, он печник, как и дед – печки кладет тем, кто его позовет. Мать за ткацким станком сидит: берда взад-вперед так и ходит, и из-под материных рук выходит грубое полотно. На белье да на рубашки всем в семье, а то и на продажу, если повезет.

„В нашу молодость, когда моя Варюша и я были молодые, в деревнях, в сельских местностях почти все женщины умели вязать, ткать по-грубому полотна, сукна из овечьей шерсти, прясть и шить вручную. В то время мало кто из крестьянок имел швейные машинки. Только дочери состоятельных родителей, и то в редких случаях“. Мать – маленькая, худенькая, но бойкая, с громким голосом. Лицом Ваня на нее похож. Наверное, она любит Ванюшу, но както виду не показывает. Грубовата, неразговорчива. Можно и подзатыльник схлопотать. Лучше ее не тревожить.

С братом Сергеем, хоть он и старше всего на три года, особо не дружили, а Андрей еще младенец. К бабке с дедом не пойдешь за стенку: дед старый, а бабка-то отцу мачехой приходится, у нее свои три дочери, ей не до мужниных внуков. Ваня побаивался ее: невысоконькая, щупленькая, а скандальная!.. Вот и оставался мальчишка сам с собою. Рос дичком.

Каждый день ждал Ванюша вечера. Вот уже и повечеряли, чем бог послал, и затемнело в окнах, пора лезть на печь спать. Перед этим, улучив момент, мальчик стремглав выскакивал во двор. Там было страшно, но, затаив дыхание, он отбегал от дома и смотрел на березу у колодца. Она так странно светилась в темноте, словно кто облил ее серебром. Ему страстно хотелось подойти и пощупать дерево, но он боялся черного зева колодца и мчался назад в кухню. Залезал на печку и с колотящимся сердцем долго лежал в темноте.

Согревался, и когда сладкая дрема охватывала его, неизвестно откуда выплывали золотистые косогоры. Теплом и светом они заливали все вокруг, и мальчишка забывался блаженным сном. . . „Вот моя деревня, вот мой дом родной. В старом доме находился, за столом сидел. Мама печь русскую топила. Караваи из теста приготавливала, из ржаной муки. Мало ли по дому дел! Картошку мыла, в цыгун клала, в печь варить ставила. Ведро брала, на колодец за водой ходила. Корова во дворе мычала, есть у мамуки просила, а еще конь рыжий за коровой ржал, тоже у мамы есть просил. Я сидел за столом, смотрел на мамину работу и мечтал: „Мама!“ – „Что, сыночек?“ – „Чем тебе помочь?“ – „Возьми шайку, мой картошку, а потом кожуру с нее счищай маленьким ножом. Это будет мне подспорье, станем суп варить. Привыкай, сыночек, с детства. Варить, стряпать, хлебы печь, печь топить – это дела неотложны, всему учись. Придет время, пойдешь в школу, хорошо учись“.

А утром, перед тем, как побежать на речку, он долго ходил около старого, по окна осевшего в землю дома, который рубил дед, и с опаской поглядывал на колодец.

Был как бы на родине в своей повети, там большой кучей сложено сено, на отдалении примерно метра от стен. Я был у одной стены. Зачем?. . Меня заметил брат Андрюша, он принес ребенка, посадил на доску или скамейку, а сам ушел . . . День пятница, 18 июня 1982 года.

В одной деревне на моей родине мальчишки воровали из сада яблоки. Яблоки были на удивление крупны, больше четырех-пяти никто не мог унести. Мальчишек было много – много было и яблок. Не знаю, почему никто не заметил такое количество воришек, время было дневное.

После того, как мальчишки прошли, я зашел в одну избу. Там находился молодой мужчина среднего роста, белобрысый – он сидел на чем-то. Перед ним стояла большая корзина, неновая, почему-то та самая, в которую мальчишки клали яблоки. Я стал мужику рассказывать про этот случай, а он посмотрел на меня, покачал головой и ничего не сказал. Похоже, он не поверил мне. День суббота, 28 февраля 1981 года.

. . . Через десятки лет двор родного дома таким и увиделся ему на картине – в сиянии золотых косогоров.

Очень скоро своим детским умом Иван понял, почему такой неласковой была мать, такими неразговорчивыми крестьяне в их деревне, в том числе Селивановы, что жили напротив, и Селивановы, что жили рядом, – однофамильцев в селе было много. Из разговоров взрослых детям стало ясно, что нет ни одной семьи в селе, которой хватило бы хлеба, собранного со своей делянки, до нового урожая. Люди отчаянно нищенствовали. А в доме у Селивановых давно осталась мать с тремя детьми – отец умер. И хотя были у них в хозяйстве и корова, и лошаденка, и телята с овцами – любимая живность Вани, и одна-единственная кура – „по богатству“, перебивались они с трудом. На золотые косогоры детства пала черная тень нищенства.

. . .Я очутился в низменности, в которой разрабатывались каменноугольны пласты когда-то. Не было видно ни людей, ни животных. Везде угольная пыль и мелкий уголь. Мое сознание говорило мне: „В этой низменности пасется твой конь рыжей масти, которого дал комендант города твоей матери Татьяне Егоровне во время гражданской войны“. Мне стало жаль этого коня, и при воспоминании о прошлом у меня полились слезы. Этого коня я не стал искать, потому что на меня напала робость. Надвигалась темнота. День воскресенье, 8 марта 1981 года.

Хмура погода широко раскинулась над нашей землей. Мелкий дождь с небес моросит. Неприятно в душах и сердцах у сельских людей-хлеборобов, куда ни посмотри на людей, домашних животных, а также на всех диких зверей. Не гаркнет ворона в нашем селенье большом, а в лесу зеленом громко не поет соловей. Жизнь над человеком и над землей как бы полумертва стала от ненастной погоды. На обширных полях зрелы злаки убирать нельзя. На лугах ароматных косить траву тоже нельзя. Может все погибнуть и погнить от мелкого дождя, а время бежит быстрее нашей жизни в глубь осени холодной, хмурой и страшной, порой лихой. Обеспокоен весь сельский-крестьянский народ. Играет погода лихая давненько.

В болотах и тундрах Севера виноград никогда не растет. Надвигается над нами вечерня пора и мрачная ночь. Мелкий дождь все идет и идет. Промелькнула невидимо ночь. Небо раздвинулось. Синева показалась на востоке. Загорелась восточная заря. Солнца лучи заглядели во все дома и лачуги.

Все крестьянские люди тогда просыпались в настроенье особом, как бы с восторгом. Видать, взмолились стары люди от неугодной хмурой погоды. Все ожило на полях и лугах. Каждый из нас за своею работой. Кто косит травы зелены, а кто грабит-скребет сухое сено. Разве мало работы на полях, на лугах в ясну погоду? Только работай, к чему ты способен. Хоть без разгибу до поры-времени, пока твои глазенки видят и спина гнется.

„В страдно время день год кормит" – так говорили нам когда-то стары деревенски мужики. И женщины-старухи. Святое дело – труд крестьянский, когда кипит работа на лугах-полях. В счастливо время, ясную погоду. Не зевай, не зевай, убирай, убирай урожай! День среда. 22 декабря 1982 года.

Вспоминаются далеки юные годы: школы, парты, детская игра. На крыльце стоит дежурный школы, держит колокольцо в правой руке. В минуту времени назначенную он бренчит колокольцом, это значит – собирайтесь, дети, в школу. Приказ учителя исполнил дежурный школы. Собралася на свои места вся школьная детвора. Зашел учитель иль учительница в класс. Настала тишина, кто нарушит тишину, того становили на горох, на колени. Такое правило-закон было у сельских просвещенцев-учителей. Кто не выучит задания во время своего урока, тому учителя приказ: изучай после уроков, что изучали в этот час урока. . . Тянулось время, темнота на подступе . . . Будь любезный, выполняй. Не ответишь, отвечай завтра, хошь ночью изучай пройденно.

Горе тому, кто слабо учится-учился в школе. Особенно детям бедного сословия. Причин на неуспеваемость было много. Хлеба нет, нечего на ноги надеть. С наступлением вечернего часа нет лампы-керосинки. Щепали из дерева дрань-лучинки, зажигали над корытом, в специальный рогач пихали. Так лучину за лучиной жгли до полночи. Счастливцев было мало у детей беднейших-нищих. Горе горем погоняет, как его изжить? . . С глубины времен седых ползет горе, как удав лихой, к народу низшего сословия по всей земле большой.

Родина моя, старая деревня, звать тебя Васильевска. Тебя обнимали небольшие поля и поляны, болота и болотистые места, а за деревней стояли, куда ни глянь, огромны дремучи леса. Я часто выходил в детстве в летнюю пору на окраину деревни в солнечный день иль в предвечернюю ясную погоду и усаживался на бугре. Мой ум направлялся в сторону юга – Москвы. Прошло, быть может, лет пяток, я побывал на юге и в Москве, но в то время я был молод и шаток умом. Доверчив к людям по природе, кто что мне скажет – лживы слова иль правду. Без разбора я верил. Время само собой проходило, и жизнь подсказывала, что нужно делать, как дневной свой хлеб искать.

Не забыты мною далекие годы. Не забыта мною и юность моя. Не забыта мною гражданская война. Не забыты по всей стране, в деревнях, стычки кулацки с бедной крестьянской ратью. Не забыть, как кровь проливалась крестьян-бедняков в бою с богатой ордой, из тех же крестьян-мужиков. Года прошли, года идут. Время сгорбило меня, и поседела моя борода. Своих ровесников я мало вижу: они пластом давно лежат в земле. Время катится, его не видно•.

Глава вторая. КУДА ПРИВЕДЕШЬ, ДОРОГА?

Мальчишкам так и запомнились две школьные зимы: день ходят с сумой, собирают „куски-милостыни", два – сидят за партой. Так и получили свое образование. Потом братья попали в работники по найму. Ваня пас скот в соседней деревушке Ивановская. Здесь и оглушил его ветер пастушеского раздолья. Природа раздвинула свои горизонты. С раннего утра до позднего вечера проводил он время среди деревенских „скотинок", зарабатывая вознаграждение. Изучал нрав и повадки коров, наделяя животных в воображении глубокой, почти человеческой способностью чувствовать. „Только на ноги чуть я поднялся, к крестьянам пошел наниматься по летам скотину пасти. За это мне платили три пуда ржи за лето (скотины было много, 24 коровы). На добавок мне еще давали по ведру картошки с коровы, а в великий праздничный день (в Петров день!) пирог в награду. Получай, сынок, за труды большие свои! Запомни, что это лето – первое крещенье твое в труде".

> Вернулся с поля в деревню, зашел в какой-то чужой большой дом. Вдруг начало смеркаться, я стою у дверей, ко мне подходит хозяйка дома. Немолодая, среднего роста, серобрыса. Подает мне несколько сухарей в пригоршне, я эти сухари из серого хлеба положил в карман. Она мне сказала: „Теперь за эти сухари иди паси мою корову". *Я чувствую себя, как*

пастух скота всей этой деревни, а не только коровы этой хозяйки. Сейчас поем и погоню весь скот, несмотря на то, что стало смеркаться. День среда, 18 февраля 1981 года.

Случайно зашел в большой дом деревянный. В этом помещении чертежная мастерская. В ней работают молодые мужчины. Они сидели на стульчиках лицами к окнам и специальному столу, от края до края. Я проходил мимо чертежников и наблюдал за работой из-за их спин. Интересная работа! Она необходима почти в каждой мастерской, где изготавливают необходимые детали или целые машины для народного хозяйства. Подошел к самому последнему чертежнику, смотрю, а это мой знакомый – в их деревне я жил в пастухах. Тогда он был крестьянином, а сейчас образованный. Время неизменно, а жизнь человеческая меняется ежечасно. Только мало кто из людей это замечает. День среда, 22 апреля 1981 года.

Иду себе по дороге. Куда?. . Передо мной изба-деревня, я зашел в эту деревню. В ней порядочный коридор и около одной двери небольшие оконцы. Я постучал в оконце. *Смотрю – тут какая-то контора, в ней за столом сидят две служащие. Одна говорит мне: „Вы – художник почетного звания. . .*“ Я промолчал. Она отпечатала что-то на листке глянцевитой бумаги. И сказала: „Этот листок подашь моей маме. Будешь пастухом в нашей деревне“. На это я ей ничего не сказал. . . День пятница, 18 сентября 1981 года.

Конца и края в поднебесье нет. Плывут в предпасмурную погоду серы, хмуры облака. Откуда и куда?.. Давит сон на меня. Про других не знаю я. Трава пожелтела на краях полосок и деревцах кустарника в предместье нашем. В долине низкой, пожелтевшей пастух стережет скотины стадо. Жизнь полумертва в наших избах старых вдалеке от крупных деревень. Вечерняя пора над головою в пределах неизмеренных. И потянулось скотины стадо в сторону избешек наших. Без часов скотина знает: время пойти домой. Пастух молчит, мечтает: пусть тянется скотинка к селенью на покой ночной. Так привык пастух старый к своей скотине. С молодых годов. День четверг, 1 октября 1981 года.

Но несмотря на эти заработки, жить на безземелье матери с тремя сыновьями становилось невозможно. Земли, которые и назывались-то не полями, а полянами и поляночками, год от году родили все хуже, и весной приходилось всем туго подпоясывать пояски. Потому-то Иван, которому исполнилось семнадцать, холодным февральским утром и „спокинул" свою родину. Тяжело и прискорбно было его душе в тот час, словно круто менялась вся судьба. Так оно и было. Он прощался с детством. „Кто не испытал душевной тяжести в своей юности, тот не понимает, что такое Родина и сама человеческая жизнь. . ." Начиналась его самостоятельная жизнь, освещенная тремя понятиями, неразрывно связанными друг с другом: нищета, отсутствие работы, бараки.

– С этого дня я бродил и скитался чуть не по всей стране. Питался нищенскими кусками, если бы не Христос и его имя, может, меня бы и не было. Спал, где придется: в холодных сараях, у забора, на кладбище. Богатые ночевать не пускали, это бедный бедного всегда поддержит, а богатый – никогда. Тогда же первым делом направился в Онегу, хотел устроиться на какой-нибудь лесопильный завод, но нигде меня не взяли в силу процветавшей в стране безработицы. Так, пришел к одному начальнику наниматься, а он говорит: „Нам нужны специалисты, а ты специальности не имеешь, нам такие рабочие не нужны". Что я мог ответить начальнику в свои молодые годы? Общественной жизни – из чего она состоит, на какие средства существует – я тогда не понимал, в производительных силах не разбирался. Понял только одно – ненужный я человек.

Направился через широкое поле по бездорожью к большому селению. Оно стояло в низине между полем и мелким лиственным лесом. Вблизи селения и леса виднелась зелень. В глазах моих отражалась красота этой природы. Перехожу поле, мечтаю: надо побродить по селению, пособирать кусочков. *Нищим быть святое дело: кто подаст, кто откажет, а кто со злости, от дикой мысли по шее даст или пнет. Терпи, на это ты и нищий.* День среда, 15 апреля 1981 года.

Находился на краю огромного поля летом. *Мне видно: замечательный ячмень поспевает, время не раннее.* Мечтаю: надо найти приют. Направился в большое селение-деревню, зашел в один дом, мне пожилая белобрыса хозяйка подала два куска хлеба хорошего пшеничного. Положил кусок меньший в большие корки, в которых мякоти не было. Если я зайду в три-четыре дома, богатый буду. Надо выпросить у когонибудь мешок. День суббота, 31 июля 1982 года.

Ходил вчера я нищим в большом селении. Зашел в одну избенку, вижу, за столом две девчонки белобрысые, на вид приятные, с улыбкой на лице они посмотрели на меня. „Не расстраивайтесь вы, девчонки, не бойтесь меня. От роду был я нищим по судьбе своей". Перекрестился я,

промолвил слова: „Подайте мне кусочек хлеба Христа ради“. Без слов они подали, повернулся я, сердце застучало, слезы брызнули у меня из глаз. Селение стояло на берегу высохшей реки Почи. Надвигалась вечерняя поздняя пора.

После девчонок я заходил в несколько изб, мне никто не подал ни одной крошки хлеба. Ответ получал: „Хлеба нет, колосья от засухи на стеблях хлебов были тощи, запасу не имеем“. Вместо хлеба, куска милостыни меня накормили мясным вареным фаршем. В открытых дверях одной избы я успокоил голодный желудок, поблагодарил молодых хозяев за угощение.

Продолжаю уходить. Мой путь уперся в большие кладовые сараи. Я зашел в эти сараи, смотрю, в левой стороне кладовой очень много серого хлеба, по форме деревенские большие ковриги. Так я проходил по трем кладовым сарая, не посмел и не думал умом взять ни одной ковриги. Прихожу домой, смотрю в кухонный стол: в нем у меня лежит такой же хлеб по форме, как в кладовой. Подумал: „Откуда этот хлеб взялся, или тут кто был из добрых людей, кто его положил, не представляю“. День суббота, 24 января 1981 года.

Молодую силу и сноровку северянина отвергли не только лесопильные заводы Онеги – в поселке Сорока и городке Кемь получил он похожие ответы. В Сороке переночевал одну ночь у рабочих в бараке, познакомился с их бытом. Дальше передвигаться стало легче – „зайцем“ по железной дороге, в худшем случае – пешком по шпалам. В Кеми ночевка выпала знатная: трое суток кормили и поили Ивана земляки, хорошо знавшие его родителей, он же видел их впервые.

– Дальше, понимаешь сказать, поехал я на станцию Кереть. Там тоже был лесопильный завод, но далеко от станции. Зима стояла лютая, а одет я был по-простому, в пиджак из домотканого старого сукна и плохие валенки. Шел пешком целый день – чуть не замерз. Я знал: когда человек начинает замерзать, ему смертельно хочется спать, и он не ощущает никакой боли. Только тем и спасся, что боролся со сном. И завод мне был хорошо виден. Но идти к нему нужно было морской губой. Выдавалась она с Белого моря, как клин, где узко, а где широко – километров на двадцать. Чисто место – берега, как на ладони.

Долго снились потом ему эти берега . . .

Находился в устье реки, впадающей в море, но устье уже пересохло, на море в этом месте отмель. Между морем и рекой кто-то сделал канавку в знак границы. Из нее образовалась яма, не особо глубока, грунт в ней черный, под вид обыкновенной древесной смолы. Я почему-то очутился в этой яме, а на берегу ее как бы мой младший брат Андрей. Я ему говорю: „Подай мне руку, чтобы я выкарабкался“. Но он не изволил. Это уже не брат. По родству и крови – брат, а по жизни – сволочь.

Благодаря тому, что яма была мне по грудь, я из нее выкараб-

кался без особых затруднений. Если бы она была вровень с моей головой, то я бы наверняка погиб. Так и стою на берегу у пересохшей реки.

Отвернулся в сторону просторов суши надземной и вижу: на меня глядит отлогий пригорок. . . На пригорке ходят подростки – серой масти жеребята, да! Как они умильны, точно по магниту, идут ко мне по силе притяжения, трудно объяснить, в ком, в чем заключено это тяготение-сила. Подошли ко мне и точно своим взглядом хотели что-то сказать. День вторник, 3 марта 1981 года.

Вижу море с крутого берега: на море лед, припорошенный мелким снегом, но не повсюду, а как бы островками. Я иду от дома к морю, мне повстречался парнишка. Берег стал отложе, виден снег, мы с парнишкой по отлогому заснеженному берегу спустились к самому морю.

Подле обрывистого крутого берега пошли обратно по тропинке, которая шла у самой воды. Как мы очутились в море на льдине, которая покрыта мелким снегом?. . Мы стояли лицом к крутому берегу. У меня мысли в голове ходили ненормально: можем ли мы выкарабкаться на берег? Грозила опасность: вдруг льдина расколется на две части и мы пойдем ко дну? А если море пойдет на убыль? Если вода начнет от берега отходить, то нам на этой льдине будет смерть без гроба и могилы, морские звери нас порвут. . .

Морская вода в этот момент не имела ни отливов, ни прилива. Я с парнишком кое-как выбрался обратно, только одно неладно: снял с себя старые ватные брюки, в которых были все документы и последние копейки. Хватился про это дело не сразу, а отойдя порядочное расстояние от этого места. Мы посмотрели на море, в этот момент вода со льдиной, плавающей в ней, стала от берега отходить. Нам виден сырой и отлогий берег с сизоватой прозеленью-расцветкой. Мы выкарабкались обратно на берег. Вдруг мальчонка исчез из моих глаз, и берег стал совсем не тот, какой был час, два назад. День понедельник, 9 марта 1981 года.

Этот путь Иван Селиванов проделал не напрасно – взяли его чернорабочим. На нехитрое дело взяли – оттаскивать горбыли, а также рейки от бревен, которые распиливались на доски. Дело спорилось, но ему отчего-то уже не сиделось на месте. Дорога звала вдаль. „Иду я, иду, куда я иду? Края не вижу в дороге, куда иду. Равнина края не имеет, время катится со мной, с каждым

шагом и минутой. Равнина свой облик меняет, сердце что-то предвещает. Куда я иду?“ По весне 25-го года уехал в село Ковда, поработал там до осени чернорабочим и трубочистом – и снова в путь.

– Уехал я по своему малоумию, в силу молодости. Что искал? Счастье? Могу подтвердить, что нигде не нашел я его. Все везде одно было по Мурманской дороге. Куда ни пойди – безработица. И если рабочий зарабатывал десять-пятнадцать рублей в месяц, то это было отлично. В Ковде встретил знакомых – соседей по Васильевской. Они были самостоятельными людьми, вот так и работали, так и жили.

Селиванов поехал дальше. Волнами дороги прибило странника к Мурманску – из отдела по набору рабочей силы направили его в село Кола. По чистой случайности попал на железнодорожный переезд. Менял шпалы, расчищал пути от снега, выполнял разные поручения мастера. В этом селе вновь мелькнуло знакомое лицо – земляк, по возрасту годами тремя старше, уже при должности. Иван несколько дней был его гостем.
Теперь он не чувствовал себя одиноким, как осенний листок, в своих странствиях. Ему казалось, что все люди земли – в движении, стоять на месте ни секунды нельзя, это грозит гибелью. Вот и вращаются они в круговерти; одним везет, с каждым кругом их жизнь становится вроде бы легче и осмысленнее, а у других – по их малоумию, наверное, чем дальше в лес, тем больше дров. Все непонятнее, горше, тяжелее.

Он, Иван Селиванов, относил себя, конечно, ко вторым. Вот уж который год ездит, а все как перелетная птица: дыр на одежонке прибавляется, а сума тяжелее не становится. И душа ноет все нестерпимей, все больней. Ну, чего ты маешься, Иван – крестьянский сын?! Что ищешь по городам и весям пока родного Севера? Может быть, просто так тебя носит, уродился перекати-полем, кочевником, вот и не сидится тебе на одном месте? С кем ни поговоришь, кого ни увидишь, все с тебя, как с гуся вода?!

Нет у него ответа на эти вопросы. Одно наверняка знает: ни малейшая мелочь не избывается из его души, все будто застревает в сердце, все задевает, ранит, как острым шипом. Не забыть, с каким ужасом узнал он однажды, что бандиты перерезали всех рабочих в соседнем бараке; было это неподалеку от Колы. „И что ты за создание, человек?! – думал он. – Почему один живет, трудится, с копейки на копейку перебивается, но и помыслить об ином не хочет, а другой становится вором, мазуриком, и идет больше не за тем, чтобы украсть, а чтобы насолить кому-то. Вот так-то оно и есть, человек способен ко всему – любого можно и добру, и злу научить“.

А в какой тоске как неприкаянный „шатался“ Иван по Мезени с приятелем по фамилии Алферов! С наступлением холодов среди других рабочих их сократили с завода. И попали они в число подозрительных личностей, какое-то время были даже сопровождаемы конвоем. „Один из военных меня поймал и куда-то повел: „Документы есть?“ – „Конечно“. – „А ну покажи“. Сунулся в карман, а там ничего. „Да! Дело неважно, мальчуган, надо ехать в Мурманск, заявить о потере“. Вот и поехал от какой-то станции Сороцкой до станции Кемь. Утерял удостоверение личности, выданное Едемским сельским Советом Селиванову Ивану Егоровичу. (Поехал в Мурманск. Дали мне в милиции временное удостоверение.)“

Потом „урядники“ от них отступились, и продолжали они свой путь в одиночку – так было сподручней. „Я совершенно измучился за день, бродя по городу, искал хотя бы какую-нибудь простую работу . . . Не нашел. А у меня в котомке не осталось ни одной крошки сухаря, за исключением пары белья, полотенца, иголки с ниткой, это положила мне мама на дорогу. Мама!

Сегодня ночью спишь ты дома, хотя в ветхой избушке, но дома. А твой сын дрожит на берегу реки Двины под открытым небом в сырую прохладную погоду". Это тогда он сделал для себя вывод: „Человека по наружному виду нельзя ни возвышать, ни хаманить, если видишь его впервые".

В чем находил он всегда спасение? В горячо любимой природе.

Мы любим свет и землю, мы любим свод небес и солнце. Теплоту и солнечную погоду, еще мы любим чистый воздух, дождь. Это наша жизнь, от этого рождено все живое, что окружает нас! Все радости воспринимаем мы от природы, когда наш труд вознаграждается плодами от земли.

Я долго лежал на теплой земле. Воздух в окружении меня был благоприятный, как бы отдавало теплой влагой. Тишина, даже не слышно никакого звука певчей птички, кукареканья петуха или кукования бездомной кукушки. Лежу, смотрю в небо, которое стоит в моих глазах полусинее. День четверг, 23 апреля 1981 года.

Вода является первостепенной важностью не только для человека. Она нужна и важна для всего, что произрастает на земле-планете. Не будь воды, погибнет все – умрет. Останется оголенный шар земной. Синева небес, луна и солнце. День воскресенье, 8 ноября 1981 года.

На воле погода ежеминутно меняется, небо меняет цветовую гамму. Сегодня с утра погода была серовата, солнечные лучи перемежались с сизовато-желтоватыми облаками. На воле стояла тишина. Передо мной раскинулось безлюдное поле, как скатерть. Сухой воздух окутывал его поверхность. Земля имела бледно-серый вид, дышать было неважно. На поверхности не видно ни дорожек, ни тропинок. Люди ходили по бездорожью. Поле имело вид мертвоты. День пятница, 16 июля 1982 года.

На левой руке дороги, на зеленой лощине-поляне ходит замечательная сивая кобылица с дитенком. Таких лошадей мне приходилось мало видеть в своей жизни. *Все дышит. Природа ликует, обнимает меня.* Куда же податься, чтобы успокоилась моя душа?!. День вторник, 24 августа 1982 года.

Он старался не уходить далеко от железной дороги – куда-нибудь обязательно выведет. Для него уже стало привычным попадаться под конвой – путешествовал по-прежнему „зайцем“. Но он знал: поймают и тут же отпустят, куда деваться-то? Поехал дальше. Не доезжая нескольких остановок до Котласа, сошел с поезда. Вскоре набрел на небольшое строительство, где требовался печник . . .

Сказали мне: требуется сложить печку вот в этом углу на левой руке . . . „Вы сможете?“ – „Изделаю“. – „Таня, иди сюда“. Подходит круглолицая девушка небольшого роста. „Будешь помогать печнику . . .“

Сложил бо́льшую половину за один день. Ись хочу, нет терпенья. В запасе у меня редко когда были куски в сумке, всегда на подножном корму, как скотина на лугу. Время вышло. Таня отдала мне ключи и пошла домой. Посмотрела на меня и улыбнулась, ни словечка не сказала. Ну что сделаешь? Пропаду . . . Может, кто подаст? Пошел к путейцам. Молодая вынесла милостыню: полковриги ржаного хлеба и говядины кусок поджаренной. Перекрестился: мир не без добрых людей. Подзакусил, и еще осталось до завтра. Теперь докладу печку.

Таня пришла на рассвете: „Здравствуй, молодой человек!“ – „Здравствуй-здравствуй, Танюша“. – „Ну как ночевал на новом месте?“ – „Ох, Танюша, Танюша, немного с голоду не подох. Вчера с тобой чуть не целый день проработал, во рту ни крохи“. – „Так ты голодный и ночевал?“ Ну что ей скажешь? Если соврать, пользы никому от этого. Закрыл избушку, пошел к путейцам. К обеду сложил печку до потолка. Танюша сказала-усмехнулась: „У вас работа спорится“. – „Ну конечно, разве я плохой?“ Танюша посмотрела на меня. Время на дворе смеркается. Таня ничего не сказала. „Ну, пока, до завтрашнего дня!“

На следующий день пришел начальник: „Получай сорок рублей“. Недаром Таня говорила: не обидит. Я не успел из конторки выйти, она тут как тут! Начальник подозвал ее: „Таня, ты все говорила „взамуж-взамуж“. Смотри, какой паренек, как раз тебе пара. „Пара! Да счастье не мое“. Меня забирает смех, да смеяться при начальнике нельзя. Какой к черту жених из нищего! Никак не могу выкарабкаться из нищеты. А начальник подколдыкивает-подтрунивает: „Выпил бы я за такую парочку!“

Время идет, надо отсюда утекать, а то как бы не получилось чего . . . Таня девка такая, возьмет да что-нибудь удумает. Тогда будешь думать черт знает что. Подумал: унеси, господи, отсюда поскорее! Пока, до следующей встречи!

Вышел на остановку. Смотрю: идет поезд со стороны Котласа на Вятку. Товарный . . . Доехал до Вятки.

А там бродил по городу, глазел по сторонам, пока не оказался перед собором. Зашел и долго молился, как и все люди, его окружавшие. Его не удивило, что никто ничего не просил у бога, все молча молились и кланялись до земли, мечтая о далеком „душевном благосостоянии“.

В собор ходил несколько дней. Наблюдал за прихожанами. И вдруг с пронзительной остротой увидел себя со стороны – двадцатилетнего парня, не имеющего ни куска хлеба, ни дома, ни работы, скитающегося бесцельно и бессмысленно где-то на задворках жизни. „Почему я такой нищий, чем это объяснить? Почему у людей дети как дети, не такие, как я, а ведь я тоже человек?! Что мне делать и как мне быть?. .“ Сам же и ответил на этот вопрос: „Воспитанье матери на меня повлияло так: ница нищего родила, ну и что такого?! Пусть нас нищими зовут все зажиточны-богаты. . . Мы не запачканы ни в чем! Мы не подозреваемы никем! В этом заключается Свобода нашей жизни, а это и является духовной вершиной человека. К нему, такому чистому душой человеку, никто не прикоснется, хотя он носит на себе, как клеймо на чем-нибудь казенном, нищенское слово. Свобода есть святое слово, я так же за нее умру, как моя мать в дороге жизни умерла.

Меня оставила она. Как быть и как мне жить, одному мальчонке на белом свете среди чужих людей?! Как будто заблудился я в лесу, в лесных дебрях! Все-все люди обращаются со мной, как с оборванцем-нищим. Никто со мной ни слова, никто ни полуслова, как немые, проходят мимо. Прискорбно временами на себя смотреть, но улучшить жизнь и из-под ига нищенского уйти никак нельзя. Цепей на нищих и на себе не в силах я порвать.

Хотел бы знать я досконально, откуда нищенство взялось? Книг про нищих не пишут, и кто же будет их прославлять-возвышать?!“

Спасло Ивана ремесло отца и деда. На одной станции за Вяткой вновь попросили сложить печку. Получилась она знатная. Цены не назначал – хозяин сам заплатил прилично, понравилось ему творение селивановских рук. А для Селиванова печь всегда была дарительницей тепла.

> Сегодня вышел я не рано из избы своей поутру. Чуть-чуть стоит туманность в глазах моих от морозца. Подбежала ко мне девчонка нашего соседа. Взяла за праву руку, промолвила-сказала: „Пойдем к нам в избу, папа ждет тебя“. Зашел в избу, гляжу: один сосед сидит за столом. Он встал, сказал мне: „Заходи, садись“. Как обычно, сел я на лавку у дверей. Сижу в раздумье. Тишина в избе.
>
> Без слов сосед приносит хлеб и масло. Откуда – я не доглядел. Девчонка занята своим делом, играет на кухне на полу. Сосед отрезал хлеба два куска от ковриги деревенской. Подумал я: откуда взялся такой хлеб у соседа моего? Наверное, сам постряпал. Куски намазал толстым слоем масла, сказал мне: „Угощайся“.
>
> Хлеб хорош, масло тоже. Подумал я: сосед живет неплохо. И стали мы кушать хлеб, намазанный маслом. Наконец сосед встал из-за стола, убрал хлеб и масло. Унес. Пол чистый. Стол тоже. *Чувствительно в избе тепло. Уют чувствуется. Это само в нашей жизни важно: хлеб, и пища, и тепло.* День понедельник, 16 ноября 1981 года.

На правой стороне дороги, недалеко от моей избушки, стоит большой четырехугольный шкаф железный. Я этот шкаф открыл, осмотрел – на дне сделан решетчатый свод, как в русской печи. У меня начало бродить-складываться мышление: где-то должно быть отверстие в топку, можно на этом кирпичном решетчатом своде кое-что варить и печь. День суббота, 13 июня 1981 года.

Напротив крестьянского дома стоят две четырехугольные печи железные-жестяные. Эти печи кто-то затопил для чего-то и ушел. Я мечтал и кумекал про этот случай, не дотукал. Мало ли кто что делает. Про всякое явление с причудой не уинтересуешься. День среда, 10 июня 1981 года.

Передо мной виднеется ровное поле, на этом поле видны мне старые кирпичные печи. По всей вероятности, на этом поле была когда-то деревня. Об этом говорят печи. Я начал эти печи ломать молотком и киркой. Откуда у меня взялся этот инструмент? День среда, 15 апреля 1981 года.

Кто-то где-то в незнакомом помещении сделал-сложил большой кафельный очаг, но внутри не обработал по какой-то причине. Не знаю, один или двое работали, но факт тот, что работу они бросили. Пришлось обрабатывать внутреннюю часть очага с какими-то молодыми мужчинами мне. День суббота, 17 июля 1982 года.

Был в большом доме-помещении, в котором клал кирпичный лежащий дымоход. Испортил, получился не дымоход, а стена. Почему так могло получиться? Через малое время в этой стене вдруг загорелось ярким пламенем-огнем, как в горящей плите. Когда я проходил по этому большому помещению, везде мне видны были такие дымоходы-стены и плиты. День понедельник, 9 марта 1981 года.

Повстречался сегодня с Бегловым, он сказал: „У меня есть печная работа, желаешь, пойдем, посмотрим“. Мы пошли в один дом, стали хо-

дить по квартирам, смотреть, сколько нужно сложить четырехугольных голландок. Много. Только одна есть в доме, и та не в порядке. Нет топки, вместо топки в углу печи отверстие в полкирпича, предназначенное для очистки главного дымохода, присоединенного к трубе. По этому поводу Беглов мне ничего не сказал. Я подумал: может, к этой печи когда-нибудь жильцы пристроят плиту? Замыслы строителя трудно предугадать.

Мы ходим по новому, неотделанному дому молча. Об остальных работах с Бегловым я не говорю. Они не по моей специальности. Но думаю про себя: надо полы набирать, двери в проемы вставлять, окна обрабатывать. Одним словом, работы хватит . . .

Из этого дома попадаю в другой. Тут квартир нет. Эта часть предназначена, как видно по конструкции, для общежития. Здесь сложена большая плита-очаг. Поодаль от меня ходит женщина, видно, что рабочая, выполняющая какие-то обязанности. Подошла ко мне и говорит: „Вам что нужно?“ – „Так, попал случайно, думал, не встречусь ли со своими коллегами?“ – „Вы какой мастер?“ – „Печник“. – „Посмотрите на этот очаг, как он сделан – хорошо или плохо?“ – „Очаг сделан по всем правилам современной техники. Обрамлен-окован металлическим уголком, оштукатурен ровно и хорошо, что еще нужно?“

Эта женщина, молодая, интересная по фигуре, посмотрела на меня своими серыми магнитными глазами и улыбнулась. Я подумал: что-то таит она в молодой душе. *Душа человека – это нераскрываемый бумажник, ее не раскроешь, как ящик-сундук. Посмотреть в душу другому человеку невозможно.* Я отвернулся от женщины, собираюсь уйти. Вдруг замечаю – лицо у нее изменяется, и на глазах ее серых-магнитных выступают чуточные капельки-слезинки. Вот-вот заплачет-зарыдает . . . День четверг, 7 мая 1981 года.

Находился в поле, далеко от селения. Место, поросшее чуть выступающими деревцами. Для меня кем-то была оставлена здесь порядочная полоска прошлогодней вспашки, еще непокрывшаяся зеленью. Я хотел полосу чем-нибудь отметить, но на глаза не попалось ни одной хворостины. Пока я бродил около полосы, на самой борозде-меже появилась четырехугольная печь под названием „голландка“. *Человеческий голос, я не видел, кому он принадлежал, сказал мне: „Эта печь будет служить для твоей полосы как отметка“.*

Вдруг из-за печи выходит пацан с длинным черенком от лопаты. Он мне предлагает-говорит: „Давай я тебе на другой борозде-меже помогу сделать отметку, а то уйдешь с поля и не найдешь полосу. Все изменится, все травой зарастет. Где будешь сеять тогда?“ – „Это впрок дана мне полоса, когда задумаю, тогда что-нибудь и посею“. Пацан подал мне длинную палку-черенок и говорит: „Приподними меня на плечи, я нажму на эту палку, и сделается дыра на твоей борозде-меже. В этой дыре трава никогда не вырастет“.

Так я и сделал, поднял на плечи пацаненка с черенком в руках, он принажал на черенок-палку, она вошла в землю легко. Получилась глубокая дыра. *Не забывай, где находится печь!* День четверг, 5 марта 1981 года.

Передо мной забор, на этом заборе висит эскиз-чертеж. Начерчено ясно и понятно, что строится за этим забором. Я пошел вдоль забора, наткнулся на открытые ворота. Вижу: строится большая печь для обжига кирпича. Но печь мало сложена, ее бросили рабочие-печники и их подсобные по причине ущемленной оплаты труда. Я посмотрел на работу – чиста, кирпич подгонялся один к одному, как положено, без расщелин, пустот. Ко мне подходит хозяин стройки, средних лет смугловатый мужчина среднего роста. Не спрашивает меня, зачем я пришел к нему на строительство, он видит в моем образе настоящего печника. И его вид сразу переменился, он сделался передо мной жалким нищим, каких вдоволь я насмотрелся в старину, в свою молодость. Его предложение ко мне: „Дам тебе червонец, работай!“ Отвечаю: „Эта работа стоит не один червонец, а сотни тысяч червонцев. . .“ День пятница, 27 марта 1981 года.

Такое откровенное признание в любви к печке-кормилице и гордость за свой труд прозвучат у Селиванова лишь однажды, а тогда, на станции за Вяткой, он задумался совсем о другом:

– Получил деньги, и стал я думать: куда пойти, куда поехать, что найти? Конкретных намерений не было, а далекие размышления только. Придумал двигаться так же, как раньше – в неизвестном направлении: все равно, куда пойти, куда поехать, что найти? Конкретных намерений не было, а далекие размышления только. Придумал двигаться так же, как раньше – в неизвестном направлении: все равно, куда попаду, с кем встречусь, ничего не видно вдалеке. Цели не было. О счастье не мечтал. Но знал, что работа – это и есть жизнь, существо человека. Ни один достойный человек без работы не может, какой бы она ни была. Одним словом, работа и вносит своеобразие в жизнь мужчин и женщин.

Из Свердловска, куда привело Селиванова путешествие в никуда, Иван был призван в армию и по этой причине отправлен в родную деревню Васильевскую. Шел второй год первой

пятилетки. Страна, как пишут энциклопедии, строила фундамент социалистической экономики, создавая тяжелую индустрию и механизированное коллективное сельское хозяйство, укрепляла обороноспособность, а где-то далеко на Севере расцветала эта негромкая жизнь, похожая на миллионы других, никак не укладывавшихся в лозунги и плакаты того времени.

Мы привыкли судить о том периоде в жизни страны по образам энергичных „героев первых пятилеток", говорить же о крестьянстве, вынужденном покидать родные места в поисках лучшей доли, а часто просто ради куска хлеба, было не принято. А их, этих скитальцев и странников, была целая армия, и они тоже шли в новую жизнь на ощупь, вслепую, голодные и полураздетые, согреваемые надеждой на обретение своего места в этом мире.

В армию Селиванова не взяли по семейным обстоятельствам: Иван оказался опекуном матери. Ведь старший брат отделился и жил с семьей в Ленинграде, а младший был несовершеннолетним. „Иди на все четыре стороны", – сказали в военном комиссариате. Пришел он домой и „стал жить у матери, как гость". Временное житье-бытье. Мать перебивалась на своей „полянке", как могла, он по-прежнему был лишним ртом. И пришлось Ивану, собрав котомку, снова двинуться в путь.

По второму кругу Селиванов шел с единственной целью – найти постоянную работу, прокормить себя, не нищенствовать. Путь вновь лежал по Северу. Поднаторев в Свердловске в строительном деле, искал Иван именно эту работу. И попал на строительство красноармейских застав в Ленинграде к прорабу Степанову. Работать пришлось вблизи знакомых мест – Кемь, Кандалакша. Но мучила мысль о непостоянстве работы строителя: завершил объект, и считай, что ты вновь в „рядах безработицы".

– Вот какие были трудные условия в моей молодости! Если бы такое продолжалось и сейчас, кем бы я стал, и не представляю. А может, в силу характера вообще не перенес бы всю эту микстуру, вот как изменился мой характер!

Из Ленинграда по совету прораба Степанова Селиванов поехал в Запорожье на строительство нового завода. В этом историческом городе и закончились одинокие его скитания, началась новая жизнь – с Варюшей.

> И вновь передо мной дорога грунтовая-шоссейная, широкая. Откуда она начало берет, куда идет – я не знаю. Зашел на дорогу с мыслями – куда податься, в правую или левую сторону?. . Подамся в правую. Иду не спеша и вот вижу – вдали от себя люди шевелятся. Что делают они, пока не понимаю. Все ближе, ближе подвигаюсь. Глаза мои яснее стали видеть. Передо мной молодые рабочие-каменщики. Закладывают фундамент для здания огромного кирпичного. Пытался я найти начальника этого огромного строительства. Начальником был простой мужик – не похож на начальника. Хотел изъявить я желание помочь в строительстве. Вижу по образу начальника – не сговорюсь с таким. Он гордый и умен – сам собой. Плюнул я в сторону и подумал: зачем буду связываться с таким мужиком . . .
>
> Вдруг идет машина грузовая, я поднял руку, шофер остановился и сказал мне одно слово: садись. Поехали. *Мчится, мчится по дороге машина, время не засечено, часов при себе я не имею.* Прошла минута –

на горизонте появилось селение. Немного времени прошло – передо мной селенье. Шофер остановился, сказал: „Я дальше не поеду, а ты иди туда, куда тебе нужно . . .“ День воскресенье, 22 ноября 1981 года.

КАК ХОРОША ЖИЗНЬ!

Передо мной открылась дверь большого помещения. В нем никого нет, и становилось уже сумрачно и темновато. Мне была видна только одна длинная скамейка у передней стены и окна. Я чувствовал себя хозяином, несмотря на то, что изба была казенной. Долго ли, мало ли я находился здесь, но вот уже вышел на волю, в просторы природы, и мне не видно того дома, в котором я только что был. На этом месте появилась та избушка на пригорке, в которой я живу тридцать лет, а может, немножко больше, на день или два. Не буду считать прожитое мною время до минут.

Я открыл дверцы со двора и стал спускаться по лесенке на ровную поверхность земли. Вижу, на лесенке-пригорке лежат печеные картошки, причем к употреблению не пригодные. Значит, кто-то эти печенки выбросил? Откуда-то взялся Арсентий Булгаков (сосед. – *Н.К.*) на моем пригорке несколько повыше меня, он смотрит на меня и разбрасывает печенки, размышляет-молчит. Вид у него какой-то не тот, что был вчера. Вчера он был молодым, а сегодня похож на старика.

Как быстро изменяется человек? Так быстро изменяется и образ природы. У меня заволновалось сердце. Размышляю: как жизнь хороша, ликует передо мною природа? Слезы текут из глаз моих ручейком, обнимает меня седая природа. В грудь мою точно как бы кто-то стучит молотком. Кто-то приходит ко мне на пригорок и спрашивает: „Что же ты плачешь здесь, старина?!“ – „Я не плачу, а слезы текут сами невольно из глаз моих серых, не стесняясь идущих мимо меня людей. Такая уж жизнь создалась для меня хорошая. Так я, наверное, построил ее сам для себя“. День пятница, 6 марта 1981 года.

Глава третья. „ВИЖУ ТЕБЯ ТАКОЮ, КАКАЯ ТЫ ЕСТЬ. . .“

Когда муж пришел с известием, что купил за три тысячи сто рублей половину дома на окраине Прокопьевска, Варвара Илларионовна не поверила. Пятнадцать лет прошло с того времени, когда бравый печник-строитель Иван Селиванов обратил внимание на женщину, топившую печи в бараке холостяков. Было это в Запорожье, оба приехали на Украину в поисках заработков в тяжелое предвоенное время. Варя была на шесть лет старше Ивана, выходила замуж, но неудачно: с мужем расстались, дети умерли. А с этим невысоким, малоприметным парнем с пронзительными голубыми глазами северянина, чем-то, несомненно, отличавшимся от других, было ей очень надежно.

Мягкий украинский климат, как ни странно, не нравился обоим, да и жить молодоженам пришлось врозь, по разным общежитиям. И потому, когда Иван познакомился с печником Якуниным из Орловской области и тот стал зазывать их на новостройки в Орел, раздумывать долго не стали. Собрались – и в путь. Правда, не обошлось без ЧП. В день отъезда Ивана сильно залихорадило. Прикорнув где-то в привокзальном саду, он провел долгие часы в беспамятстве, пока Варя с Якуниным не отыскали его.

В Орле устроились на строительные работы в аэропорту, и Иван в совершенстве овладел отцовским ремеслом. Тем более что их знакомый занимал должность инструктора печных работ. Варюше же, как везде, приходилось быть на подхвате – размешивать глину, подносить кирпичи. . .

Судьбы их с Иваном были на редкость схожи: родившиеся в бедных крестьянских семьях в начале века, он – в Архангельской губернии, она – на Смоленщине, не получив образования и не приобретя никаких особых умений, оба пустились в поисках лучшей доли колесить по белу свету. Они и внешне были под стать друг другу: светловолосые, светлоглазые; лишь Варя рядом с легкотелым мужем казалась крупнее и мощнее.

Вскоре она поняла, чем ее Иван отличался от прочих – приметливым взглядом, словно вбирающим все в себя. А руки у него были золотые – всему учился самоуком; посмотрит, посмотрит и сделает. В Орле Селиванов прослыл и печником, и штукатуром.

Аэропорт был военным объектом, обнесенным высокой желтой оградой. На определенном расстоянии от проходной цепочкой метров через двадцать-тридцать стояли солдаты. Дисциплина, как у военных: не войдешь, не выйдешь бесконтрольно. Эти условия давили, но все же Селивановы отработали здесь два с половиной года, а потом, поблагодарив товарища за приют, подались на родину Ивана в Архангельск.

Но по пути попали на медно-никелевый комбинат на территории Карелии. Иван освоил производство литейных печей, и здесь осели на три года. Перед самой войной Селиванова как специалиста по печному делу командировали в Ленинград, и все вроде бы начало у них устраиваться, обещали свою комнатку выделить, но помешала война.

Эвакуировались в Сибирь, в Кузбасс. День отправки вспомнился Селиванову почти сорок лет спустя: „Толпа огромна шевелится с утра до ночи, как в Балтийском море вода от напора ветра-ветерка. Мрачны помыслы в народе, на лицах отпечатки суровости. Каждый думал свое, каждый думал одно – как сберечь жизнь свою, жены своей и детей.

От напасти врага случайность предстала мне и моей жене. „Кто поедет, идите к большим воротам, к перрону! Там специальный состав вагонов для отправки тех, кто не прописан в Ленинграде! Эвакуируют! Какая радость, какой восторг у людей при посадке в вагоны! Когда шевельнулся состав по сигналу гудка к отправлению, руки все подняли в вагонах с возгласом: „Прощай, прощай, наш русский красивейший Ленинград!“ День понедельник, 7 января 1980 года.

Попутешествовали и по Западной Сибири, прежде чем осели в Прокопьевске. На участке Сталинск – Мундыбаш работали до зимы. Здесь на долю Ивана Егоровича выпало серьезное испытание.

> В связи с производственным конфликтом начальник Зернин подал дело на меня в суд: якобы я, Селиванов, делал прогулы и нарушения трудовой дисциплины. Прогулы я, конечно, не делал и трудовую дисциплину не нарушал. Поспорили из-за незначительных неполадок в деле печных работ. Начальник есть главк на своем участке: что скажет, выполняй, подчиненный. Пусть будет данная работа по его указанию запорчена, все равно выполняй. И хотя я же мастер своего дела, мне веры нет. . .
>
> В один день в конце декабря месяца мне принесли повестку: явиться Селиванову Ивану в нарсуд Мундыбашского района. В судебном зале находился только судья. Я подал повестку судье. Ответ получаю: „Садись, молодой человек. За неподчинение указанию начальника Зернина и нарушение трудовой дисциплины перевести вас с печных работ в погрузконтору грузчиком с вычетом 25 процентов. Можешь быть свобод-

ным". Я поклонился судье и сказал: *„Благодарю. Честному и благородному рабочему человеку не пристало переносить всякие прискорбия и обиды, несвойственны к делу производства, от начальника-кикиморы. Лучше уж умереть, чем быть в подчинении у начальника-сволочи".*

Да! Начальники есть всякие. Плохие и хорошие. В то время в мелких производствах начальников хороших мало встречалось в силу недостаточной человечности. Учебные кузницы мало выпускали специалистов, надобных для производственных отраслей народного хозяйства. Приходилось правительству ставить на должности начальников мелких производств малоподготовленных людей, а порою и совсем неподготовленных. Малообразованные люди, а также и начальники, как известно, часто бывают невоздержанны. Из-за маленьких пустяков на производстве невоздержанный начальник облаивает своего подчиненного, как ему хочется. Подобно псу на цепи. Эта струнка отмирает год от году в силу увеличения грамотности народа. Таким псам будет не место на маленьких и больших постах. (Все это было в 1941 году. – *Прим. ред.)*

Стал я работать грузчиком. Круглосуточно в две смены через двенадцать по двенадцать. В редких случаях приходилось делать передышку во время смены. Давали паек – 800 граммов хлеба. С 1945 года меня перевели в печники этой же дороги. Печником я работал в летний период, а зимой слесарил.

Да, и железнодорожником, и грузчиком, и строителем, и печником, и молотобойцем, и слесарем – кем только не работал Иван Селиванов в Кузбассе! Куда ни поставят, все исправно исполнял. И было очевидно, что война, трудности жизни на новом месте не согнули, а, наоборот, вознесли на новый виток духовного развития печника из деревни Васильевской. И тайна, которая всегда жила в нем, открылась Варе: Иван стал художником. Вот уже несколько лет он учился на Курсах заочного обучения живописи – с 1960 года Заочного народного университета искусств, отсылая туда свои рисунки.

Комментарий второго учителя Селиванова Ю. Г. Аксенова: „Все сильнее хотелось ответить ему на вопросы: „Что я есть? И что есть мир вокруг меня?" Тут и подвернулась встреча с картиной в мебельном магазине Прокопьевска. Пошел Иван Егорович табурет покупать, а нашел опору в жизни. Как увидел стога, изображенные на картине, так и замер. Еще и цена ошеломила: 3000 рублей! „Это сколько же печек надо сложить?! Да если бы мне такие бешеные деньги платили – с ума спятить можно было бы. Нет, мне не надобны деньги!"

Но „Стога" из ума не выходили. „Дай, сам попробую! Нарисовать бы зайчишку. Не получается. . ." Старался все лето. Стал думать, что надо учиться. Но где? Да и возраст уже. Сказал кому-то – на смех подняли. Но Селиванова этим не возьмешь. Тут-то и надумал во-

робья нарисовать. „Залетел“ тот воробьишка в 1946-м в Комитет по делам искусств в Москве, а оттуда на курсы через секретариат Академии художеств СССР“.

Рисунок приняли, велели рисовать еще. С тех пор все в его жизни как бы сдвинулось. С глаз словно упали затворы, с рук – цепи, и красота окружающего мира ослепила. То самое „притяженье любви к природе“, которое, оказалось, жило в нем всегда, хлынуло, и на бумаге запечатлелись чудеса. Окружающие предметы, люди, природа. . . „Интересное есть не что иное, как красота человеческой жизни, а красоту жизни люди приобретают годами“.

Не обошлось и без казусов. Новый ученик не желал признавать перспективу: и железную дорогу, и буханку хлеба, и коробок спичек, и дом рисовал такими, какими видел в реальности, без обычных поправок художника. Каких только замечаний ему не делала старейший педагог Юлия Ферапонтовна Лузан! И исправлять пунктиром принималась – все бесполезно. „Ваша грамота отскакивает от меня, как от стенки горох“, – написал Селиванов.

– И тогда мы поняли, – говорит Юрий Григорьевич Аксенов, – что его нельзя трогать. Пусть естественно переживает ту фазу, в которой находится. Художество было для него не самоцелью, а способом развивать себя и откликаться на боли мира. Рассматривать творчество Селиванова через объемно-пространственную систему неверно, у него сугубо народное понимание образа. Посмотрите на его „Девочку“, на автопортреты – объем, пространство он так вкомпоновывает в лист – не сдвинешь.

Иван Егорович, безусловно, потомок северной народной культуры. В последние годы жизни он не особенно ценил это – искал высшие формы, обращался к Рембрандту. А у него другой художнический удел – его глубины в интуитивном восприятии действительности, так что для нас он никакой не „наивный“ и не примитивист. Уж если искать подходящий термин, то скорее это *интуитивный художник*, *народный мастер*, такой же, как мастерицы дымковской или филимоновской игрушки.

У таких, как Селиванов, мы учились и вырабатывали новую систему занятий с самобытниками. Новую, потому что „обучательство“ вообще порочный путь в развитии талантов. Ведь такого понятия, как „безличностность изограмоты“, не существует. То, что выдавалось за „академическую“ систему, являлось вульгаризацией классической системы Академии художеств, схемой, упрощенчеством, а компромиссов нам не удавалось найти. Не удавалось убедить, что исходить надо из природы, из народной художественной культуры, из многообразия дарований, личностей. И из определенной закономерности формирования и проявления личности в художественном творчестве.

Есть разные системы изображения. „Реалистическое“ не значит „стереотипное“. Наоборот. Сила убедительности зависит и от того, насколько система изображения родственна мироощущению художника. Каждый „Америку открывает“ заново для себя. И в себе находит язык, по которому творит образы. У Маркса есть мысль, что каждый и заданное выполняет „только ему присущим образом“.

Селиванов по заданию мог работать только тогда, когда оно становилось его замыслом. Ему требовалось время для предварительных поисков, ему необходимо было пройти этот этап обобщений. Когда же образ выкристаллизовывался и художник находился в апогее самочувствования, тогда рождался шедевр. Именно так работает „солнечный“ талант – когда человек подвигнут и субъективно, и объективно на творчество.

Тем не менее художником он себя не считал и писал нам в ЗНУИ: „Я – мужик, который пишет картины промежду хозяйственных делов“. Подобно Толстому, который на вопрос,

почему у него в „Войне и мире“ главные герои графы и князья, отвечал, что они могут управлять историей, Селиванов считал, что неимущие не оказывают влияния на ход исторических событий. Я пытался с ним спорить: „Вы – творец и не можете не влиять на течение жизни!“ Он твердил одно: „Нет, я нищий!“ И он не лукавил, таково было его убеждение.

Его неприхотливость в быту шла не от обстоятельств, а от внутренней природы. Он говорил: „Мне ничего не надо“, и тем самым выражал неприятие той благополучной жизни, которой живут современные люди. Его любимой пищей, как известно, были бобы, морковь, капуста. Очень здоровая пища. Бобы, как он говорил, „для вечной жизни, они землю кормят (азотное удобрение), ну и меня кормили“, морковь – для здоровья, капуста – для аппетита.

Как было обучать такого ученика? Можно отточить восприятие, а владению линией научить невозможно. Правильный рисунок тот, который идет из души, а управлять душой нельзя, можно только давать советы. Духовное воспитание очень тонкая вещь. Поэтому я разрешил ему двигаться во все стороны – так он приобретал комплекс представлений в вечном образе.

Но хотя и написал Селиванов так неуважительно о грамоте, которая „отскакивает от него, как от стенки горох“, внимал он каждому слову Юлии Ферапонтовны Лузан, требовавшей: „Как видишь предмет, так и рисуй. Иного выхода нет“. И неустанно думал о всевозможных предметах, имеющих свою форму и колорит. Смотрел на чайную чашку, стоявшую перед ним на кухонном столе, и понимал, как же много придется потрудиться, чтобы возникла на листе бумаги именно эта чашка.

Вначале в карандашных линиях нужно запечатлеть ее верхний и нижний овалы, потом поверхность стола, потом подобрать цвета. У каждого предмета свой колорит, и состоит он из нескольких красок. Вот и у дерева разный – беловато-желтоватый у нового, которое находится под воздействием солнечных лучей, темноватый – у старого. И он без устали выполнял эти работы „пробного значения“.

Но что бы ни изображал Селиванов, правдой считал свой „рисунок-образ“, а не то, что было на самом деле. Аксенов, навещая его в поселке Инском, завел как-то разговор: „Вот говоришь, что хочешь все рисовать „как было“, а себя в автопортрете изобразил великаном“. – „Это образ!“

Так появились „образы“ стола, книги, фуражки, ложки. Все эти предметы Селиванов рисовал столь же образно, как и кота, собаку, кур, корову. Через изображаемое художник показывал свою жизнь.

– Человек может нарисовать любой предмет, не называя его имени, но он обязан сделать форму предмета и поймать его колорит. Колорит художник обязан изучать от начала и до конца своей жизни, такова его важность. Он может и меня нарисовать, не называя имени, – ему важен мой образ, и когда он поймет по-настоящему видимость моей фигуры и соединит все в одно целое, он будет называться настоящим художником. Я и Варе всегда говорил: *„Тебя вижу, какая ты есть, так и должен начертить. Важно схватить твою форму , а схвачу правильно форму, тогда и нарисую тебя правильно. Ты никуда не уйдешь от своей правды, хотя можешь и захаманить* (раскритиковать. – *Н. К.*) *мою работу*“.

Работы Ивана Егоровича сразу же подкупают выразительностью и линий, и композиции. Даже лист с двумя параллельными линиями означал для Селиванова „образ дороги“. Дороги вообще, в вечность, а не „перспективу в точке схода“. А душа его рисунков с самого начала была живой. Вот когда вспомнилось, как мальчишкой жил в людях и ухаживал за хозяйской

скотиной. Те коровы, овцы, собака... „Я очень люблю животных. Кого хочешь по памяти могу нарисовать...“ А еще припомнился ветер пастушьего раздолья. *„Природа дарит человеку настроение к красоте. Без этого никакого художества не может быть. Многие тысячи людей тянутся к этим явлениям и приключениям для испытания своего таланта. И кому дается познание природы, тот открывает ее тем, кто не видит и не понимает*“.

Он рисовал животных с грустными, похожими на человеческие, глазами, не подозревая о том, что скорее всего в этом находит выражение тоска о горестной юности, об очень дорогом, но почти забытом. С матерью больше так и не свиделся, из писем старшего брата знал, что умерла она за несколько лет перед войной. Следы братьев потерял, да так и прожил всю жизнь с сознанием, что у него нет родственников.

И вот только спустя полвека Варвара Илларионовна стала хозяйкой в своем доме. Иван Егорович, конечно, преобразил его – подстроил кухню, комнату, сенцы, сам поставил печь. Варя с настоящим вдохновением проделала подсобные и отделочные работы – дом их засиял. И все равно она часто просыпалась в испуге – снилось, что дом не принадлежит им, они просто в нем квартируют.

Завели хозяйство – десяток кур, поросенка, летом и осенью неизменно на их столе были овощи с огорода. Картошка, лук, морковка, огурцы и „разная другая сельскохозяйственная дребедень“.

– По-деревенски жили, по-крестьянски, – рассказывал Селиванов, – голодом спать никогда не ложились. Варюша была человек болезненный, принуждать ее работать я не имел права. Как мог, так и кормил. Не спрашивай лучшего, если я не заработал.

После войны Варя съездила на родину, повидалась с родными, к ним же никто никогда не приезжал, жили они с Иваном одиноко. Новое занятие мужа Варваре Илларионовне никогда не нравилось, ей казалось, что на рисование он просто убивает время, ничего не получая взамен.

– Никакого толку из тебя не получится! – ворчала она. – Ходил бы лучше по воле, печи ремонтировал или работал постоянно на одной должности, побольше бы пенсию заработал!

Селиванов терпеливо выслушивал ее и вновь усаживался за работу. Он-то знал, что в свои сорок лет пережил второе рождение: то, что таилось в нем долгие годы – щемящая боль и радость при виде всего живого и желание выразить увиденное, – наконец нашло выход. И он, несмотря ни на что, не отрекался от любимого дела. Очень хотелось удостовериться, кто же все-таки из него получится – „настоящий художник или настоящий нищий“?

А Варя уже смягчилась – к ним зачастили корреспонденты, фоторепортеры, даже в фильм „Люди земли Кузнецкой“ они со стариком попали!.. В том, 1968-м, кроме съемок в картине ленинградского кинодокументалиста Михаила Литвякова, в жизни Ивана Егоровича произошло еще одно важное событие: он побывал на выездном семинаре ЗНУИ, который проходил под открытым небом в живописном уголке Кемерова.

Селиванов познакомился со своими собратьями по интересам, услышал разговоры и споры о творческом процессе, попал и сам в центр внимания, но, когда попросили его показать, как работает, отрезал: „На юру рисовать не привык“. В его понимании процесс творчества был чем-то очень интимным, и только жена, хоть и не особый ценитель, могла наблюдать его в эти минуты.

С Варей они часто ходили в кино, и когда обсуждали фильмы, Селиванов садился рисовать. По памяти. Так появилась у него коллекция портретов героев, которых увидел на экране, – Спартак, Павка Корчагин, Анна Каренина, красавицы из индийских фильмов. Под каждым

Селиванов неизменно писал: „Смотрел 24 сеанса“. Его рука, водящая по бумаге, обретала уверенность, а сердце училось поверять краскам и линиям самое сокровенное.

Зная все это про себя, разве мог он спорить с Варюшей?! Он спорил с ней делом. Начал писать ее портреты. За всю жизнь, утверждал, написал их более сорока. Рембрандт и Саския – аналогия удивительна. Пытался просить позировать жену, она отрезала: „Эта работа – посидеть – налегает на меня, как стопудовый камень. Не могу сидеть просто так“. И была в вечном движении. А он смирился, наблюдал за ней постоянно и писал по памяти. И на карандашных его набросках уверенно оживали разные Варины настроения – то смеялась она, то сердилась, то печалилась, то улыбалась. Но для Селиванова-художника даже не настроение было главным. Он искал форму – чтоб „была похожа“ и чтобы „никто не сказал – вот страшна-то!“.

– Какая же она была, Варя, Иван Егорович?

– Обыкновенная. Я не дюже-то разбираюсь в красоте женщины, да красота для меня и не главное, само важно – характер, добро отношение друг к другу. Моя Варюша такая была – и поругается, и через несколько минут мирится. Поэтому я и жил с ней до самой ее смерти. Скажу только: „Зачем, Варюша, нам ругаться, что делить?!“ А она и соглашается, что не из-за чего вспылила...

В избушке на бугре они прожили двадцать лет, и именно в это время Селиванов написал свои знаменитые работы, объехавшие столицы мира и завоевавшие множество дорогих наград. Имя Ивана Егоровича давно было вписано золотыми буквами в историю самодеятельного искусства, а внешне их жизнь с Варварой Илларионовной мало в чем изменилась.

Интересно, размышлял ли он в эти годы о счастье? Несколько лет назад, вспоминая юность, Селиванов записал в дневнике: „Я только что из деревни, окунулся в большой губернский город. В поисках счастья. Счастье – где ты есть? Почему ко мне не подходишь, иль ты боишься меня? Все мои мечты и помыслы: подойди же, счастье, ко мне. Хотя бы мне увидеть вас в лицо – ваш образ. Может, я бы с тобой подружился, и обнял бы тебя, и расцеловал бы тебя, а ты все же боишься меня. Ты, счастье, – человек всеобъемлющий, всезнающий“.

Из Вариных портретов особо запоминаются три. На одном Варя злая, как Баба Яга, с проявлением каких-то мужских черт в лице, настоящий черт в юбке.

(Комментарий Ю. Г. Аксенова: „Несомненно, что этот образ был рожден протестом таланта против непонимания признания, против недружественного отношения к самому дорогому для него – рисованию. Баба Яга и в сказках не просто „страшная баба“, а ехидный оппонент героям, добрым людям. Когда смотришь на этот портрет, вспоминается селивановское: „Жена мне другом не была“.)

Знакомясь с другим портретом, понимаешь: не зря так много толковал Иван Егорович о форме и колорите. С чуткостью мудреца и любящего человека запечатлен облик дорогого существа. Взгляните в глаза этой женщины – вот она, Варюша, переделавшая так много черной работы, но жалеемая им за „болезненность“ и неумение приспосабливаться к жизни. Какой открытый, добрый и честный взгляд! Этот портрет напоминает чем-то некрасовских, васнецовских женщин, в нем обобщенно предстает образ русской крестьянки, внучки тех, кому довелось еще знать безумие крепостного права.

Третий портрет написан по памяти – жены уже не было. Образ Варвары Илларионовны приподнят над земным и суетным, в нем – мудрость познавшего смысл жизни и всего сущего на земле. Этот портрет так и просится в пару со знаменитым селивановским „Автопортретом с указующей рукой“.

Среди женских портретов Селиванова – знаменитая „Девочка“, которую специалисты называют „самодеятельной Джокондой“, картина „Соседка кормит кур“, портрет Марии Ноговицыной, несколько женских лиц, остановивших его внимание, и – портрет матери Татьяны Егоровны. „Портрет девочки“ – озарение Селиванова, начинающего художника. Юрий Григорьевич Аксенов до сих пор вспоминает необыкновенное впечатление, которое произвела на него эта работа. Юлия Ферапонтовна Лузан потому и доверила талантливого ученика молодому педагогу.

В этой „Девочке“ в ЗНУИ увидели эпический сказ художника о родном Севере. В золотисто-солнечном колорите этой работы внимательному взору виделся неброский северный пейзаж, оставшийся навсегда самым дорогим воспоминанием в сердце художника. „Видел портрет девочки, Агнии Матвеевны дочери, который в книге отпечатан. Он запылен, и пыль кто-то растер. Образ портрета потерял вид, несмотря на то, что считался он моим самым лучшим. День четверг, 1 июля 1981 года.“

(Комментарий Ю. Г. Аксенова: „Иван Егорович ошибался в своем сне. Искажения „пыль растерта“ есть в репродукции. Оригинал бережно сохранен. Разве только бумага пожелтела. Но сама графическая ткань безупречна“.)

– А кого вы рисовали, Иван Егорович?

– Девочку лет пяти-шести, у ее матери мы с Варей снимали в Прокопьевске комнату. Ребенок ни минуты на месте не сидел, рисовал ее также по памяти, по воображению.

И память юности так счастливо соединила для него образ сибирского ребенка с взрастившей художника природой.

Это языческое отношение к женщине, жизни, идущее от корней, также было подарено ему северными небесами.

– Скажите, а почему нарисовали Марию Ноговицыну?

– Ну как же, соседка наша, погорелица, жила с дочкой у нас с Варей на квартире, как же я ее не нарисую?!

Он рисовал тех, кто затронул его своей болью и незащищенностью. Или показался интересным. Среди последних есть портреты приезжавших к Селиванову, чтобы рассказать о нем миру. Ленинградский кинодокументалист М.С. Литвяков, сотрудник столичного журнала Л.В. Голованов, его педагог Ю.Г. Аксенов, музейный работник из Новокузнецка Г.С. Иванова. Известно, что Иван Егорович собирался нарисовать кемеровскую журналистку и писательницу М.М. Кушникову. Это она была составителем книги „Иван Селиванов, живописец...“.

Как художник отбирал своих героев? Нескольких коротких взглядов было достаточно, чтобы решить, интересен ему человек или нет. Объявлял о том, что хотел бы вас нарисовать, коротко. Посмотрит, бывало, исподлобья и хмуро бросит: „Буду тебя рисовать. По памяти“. – „Как?! Вы же видели меня несколько часов...“ – „Ну так что ж! Я видел твои глаза. Мне достаточно...“

Сегодня получил два письма зараз под вечер. Одно от Сухацкого из Кемерова, этого мне приходилось видать два раза в моей избушке. Молодой, высокий, чернобрысый и стройный. С бесхитростным взглядом глаз на лице своем. Еще из виду упустил – его лицо и нос продолговаты.

Можно бы его нарисовать по памяти свободно, как позировщика с натуры. Так ходили мои мысли в голове моей.

В прошлый год видел его по снегу зимой. Одежда на нем была – черная тужурка с воротничком каким-то и шапка-ушанка под цвет лисы. Пожалуй, собачья. Сей год в октябре 21-го числа видел его в сером костюме без головного убора. Таковы его уборы остались в памяти моей. Такое видение и впечатление бывает не всегда у меня. Думаю, так же и у других.

Он приезжал ко мне не так, как зря. Посмотреть на меня, и на образ мой, и седую бороду, и на маленьку фигуру. Он видел интерес во мне совсем иной. . . Как в работе интересной своей. День среда, 18 ноября 1981 года.

(В. Сухацкий участвовал в подготовке телепередачи о творчестве И. Селиванова на Кемеровском телевидении. – *Н. К.*).

– А портрет матери почему только сейчас, на пороге восьмидесятилетия, нарисовали?

– Недавно быя у меня мой педагог Аксенов, он и предложил: „А почему бы вам не нарисовать свою маму?“ Над этим вопросом я серьезно задумался и стал вспоминать образ своей мамы – какая была на самом деле и какая осталась в моей голове. Все эти мои помыслы собрались в одно целое, и взял я свои художественные материалы, в первую очередь карандаш, резиновую палочку-щепинку и начал на доске рисовать набросок портрета мамы. Я похож на маму и ростом в нее. Образ мамы во мне остался, изменить лицо ее я не мог, потому что в памяти моей оно осталось навсегда. Мама получилась у меня на „отлично“, такие слова слышал я от посетителей выставки.

И вот перед нами лицо истинной северянки из деревни Васильевской. Светлые глаза, светлые пышные волосы, привычно собранные в пучок, открытое русское лицо. Крестьянка, руки которой пряли, ткали, месили тесто, обрабатывали крохотный клочок земли. Высшая простота и мудрость – и в этом лике. Нужно было прожить такую долгую и трудную жизнь, чтобы постичь в ней главное и с одного взгляда отличать истину от подделки, фальшь слов от благородства помыслов, трескучие разговоры о любви от истинно доброго отношения. Селиванов показал – было все это в матери.

Смотрю на портрет Татьяны Егоровны и замечаю: есть что-то общее с Варей в их облике. Хотя и не похожи по чертам эти женщины и ни разу в жизни не виделись. Так что и в выборе спутницы не подвело Селиванова чутье. Он говорил, что, *восприняв данные матерью ориентиры, не отходи от них, выбирая и друга, и жену. Только тогда в твоей семье будет лад, если жена даже внешне похожа на мать. А отходишь – сумей выработать свое отношение к жизни, защищай его и в большом, и в малом, тогда тоже проживешь счастливо, даже если жена – полная противоположность родной матери.*

. . . Более десяти лет прожил Иван Егорович „на бугре“ без своей Вари. За „культурой“ дома смотреть было недосуг – уютное жилище их помрачнело и пришло в запустение. Никто не белил его к большим праздникам, не подбеливал к малым.

– Пережил и я в эти годы непоправимую утрату, – рассказывает Ю. Г. Аксенов, – у меня

умер отец. Стал замечать, что с Иваном Егоровичем повязан духовно самой судьбой. Только соберешься ему написать или напишешь, а на другой день приходит бандероль от него. А история с моими портретами – телепатия какая-то. Ведь первые акварельные наброски он сделал, не видев меня даже на фото, а получив фотографию, удивился: „Как это человек так *не похож на себя*?“ Я был потрясен тем, что по переписке, по каким-то флюидам он составил представление о моем облике более образное, чем его дала фотография.

Повторилось это и в работе над портретом Лузан. Селиванов попросил прислать фото Юлии Ферапонтовны. Нашлась единственная фотография у ее невестки. С предосторожностями послали ее Ивану Егоровичу. Вскоре он фото вернул: *„Не та Юлья Ферапонтовна. Нет светлого сияния на ее лице. Мало фото, чтобы писать портрет“*. Но через некоторое время присылает один за другим два портрета.

Про мой портрет маслом автор сказал: „Я ваш пигмент не угадал!“ В другом же портрете фон писал один известный художник, который гостил у Селиванова. Это вторжение кисти мастера в селивановскую живопись разрушило целостность работы. Никому не дано поправлять даже ткань, фактуру самобытной живописи.

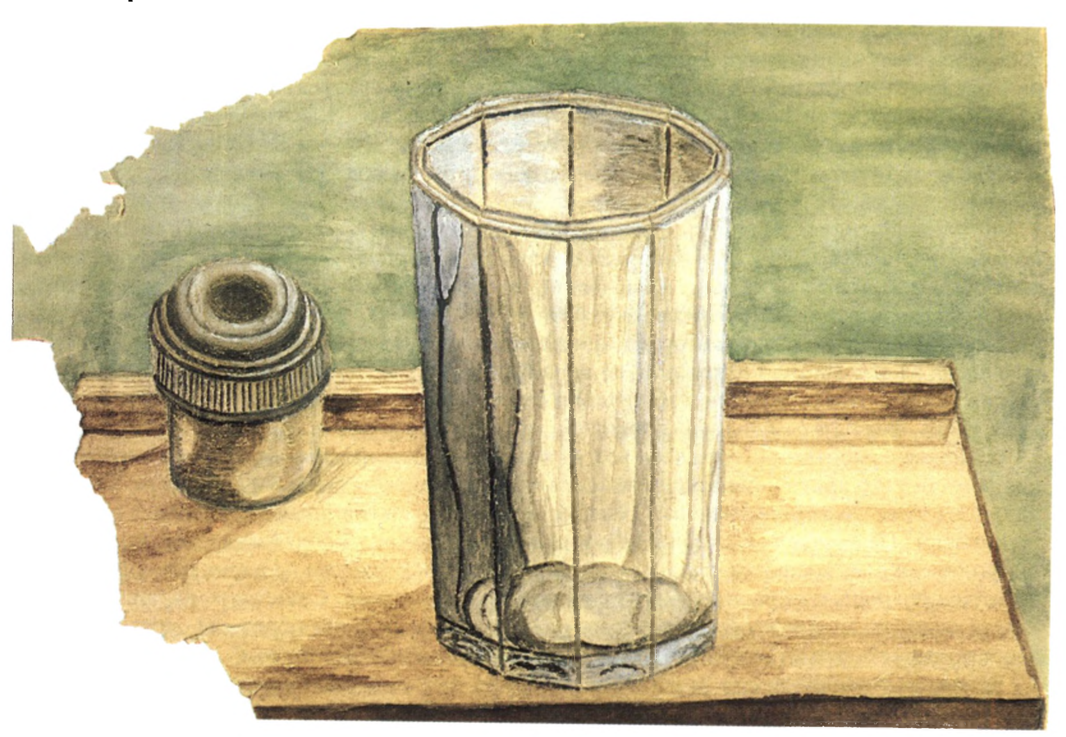
Общение с работами Селиванова всегда мне давало больше, чем даже чтение его дневников, хотя без его притч понимание замыслов и корней образов было бы неполным. Но полно ли оно и с этим „аккомпанементом“? Искусство имеет право на загадку. Живопись в слова не переведешь. Не случайно Николай Заболоцкий воскликнул: „Любите живопись, поэты!“

Но обученный профессиональным ходам и правилам игры уже не верит так в чудо живописи, как подросток не верит в сказку с волшебной концовкой. Селиванов, дитя природы, и мысли не допускал, что изобразить можно „не так, как было“, что образ – не „правда“. Правдивее правды то, что он „изделал“ от всей души, „с полным откровением“. . .

Варя существовала теперь отдельно от него, хотя думать о ней он не переставал. Откуда-то издалека она наблюдала за ним и очень часто вступала в беседы. Селиванов отчетливо слышал ее голос. Происходило это обычно тогда, когда в поле его зрения попадала какая-либо вещь, связанная с женой. То ему приходилось пользоваться ванной, в которой Варюша стирала, то из шкафа извлекал клубок старых ниток – наматывала их еще Варвара Илларионовна, – то видел поросенка и вспоминал, как Варя ухаживала за своей „животинкой“, то натыкался в кухонном столе на тарелочку, в которую когда-то она накладывала ему пельмени. В такой день он записывал: „Видел вещи Варюхи, вспоминал, плакал“.

> Сегодня на воле погода стояла серо-пасмурная, с утра я вышел из избы, пораздумался, огляделся и помечтал кое о чем о прошлом. Решил сходить на линию железной дороги посбирать уголька. Взял ванну, в которой стирала Варюша, и я в ней продолжаю стирку белья, вот осенью 24 сентября будет десять лет, как я один, а ванна дюжит уже тридцать лет и мало чем отличается от новой. Такой прочный попал металл. К этой ручке-дужке я привязал прочную веревку и потянул ванну за веревку через плечо, так, как зимой люди тягают салазки с поклажей или дети возят друг друга по снежной дороге.
>
> Сейчас стоит летняя пора времени. Ванну тянуть много труднее по земле, чем по скользкому белому снегу. Ничего поделать нельзя, надо заготавливать топливо заранее. Подошел к линии железной дороги в та-

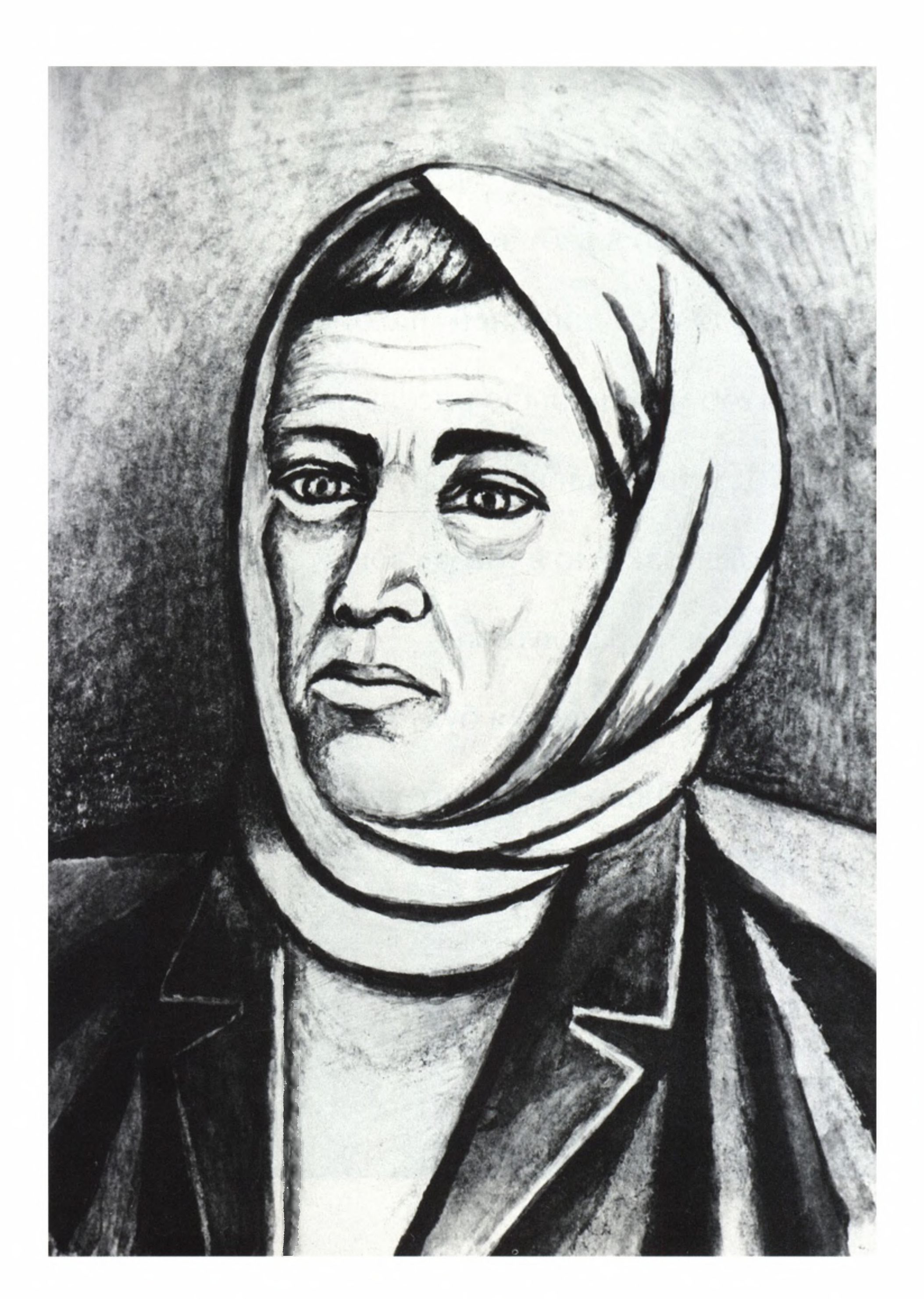
Стакан и чернильница.

„Человек может нарисовать любой предмет, не называя его имени, но он обязан сделать форму предмета и поймать его колорит. Колорит художник обязан изучать от начала и до конца своей жизни, такова его важность. Он может и меня нарисовать, не называя имени, – ему важен мой образ, и когда он поймет по-настоящему видимость моей фигуры и соединит все в одно целое, он будет называться настоящим художником“.

„Давно задуман мной портрет первого
педагога Лузан Юльи Ферапонтовны.
Холодно в избе зимою.
Надо весенних дней мне обождать,
чтоб можно было рисовать.
Мерещится и чудится,
когда закрою я глаза свои,
Юлья Ферапонтовна.
Весь разум свой я буду применять,
чтоб Юлью Ферапонтовну
нарисовать“.

Портрет М. И. Ноговицыной.

„Скажите, а почему вы нарисовали Марью Ноговицыну?“ – „Ну как же, соседка наша, погорелица, жила с дочкой у нас на квартире, как же я ее не нарисую?“

„Девочка, которая на портрете,

была в вечном движении.

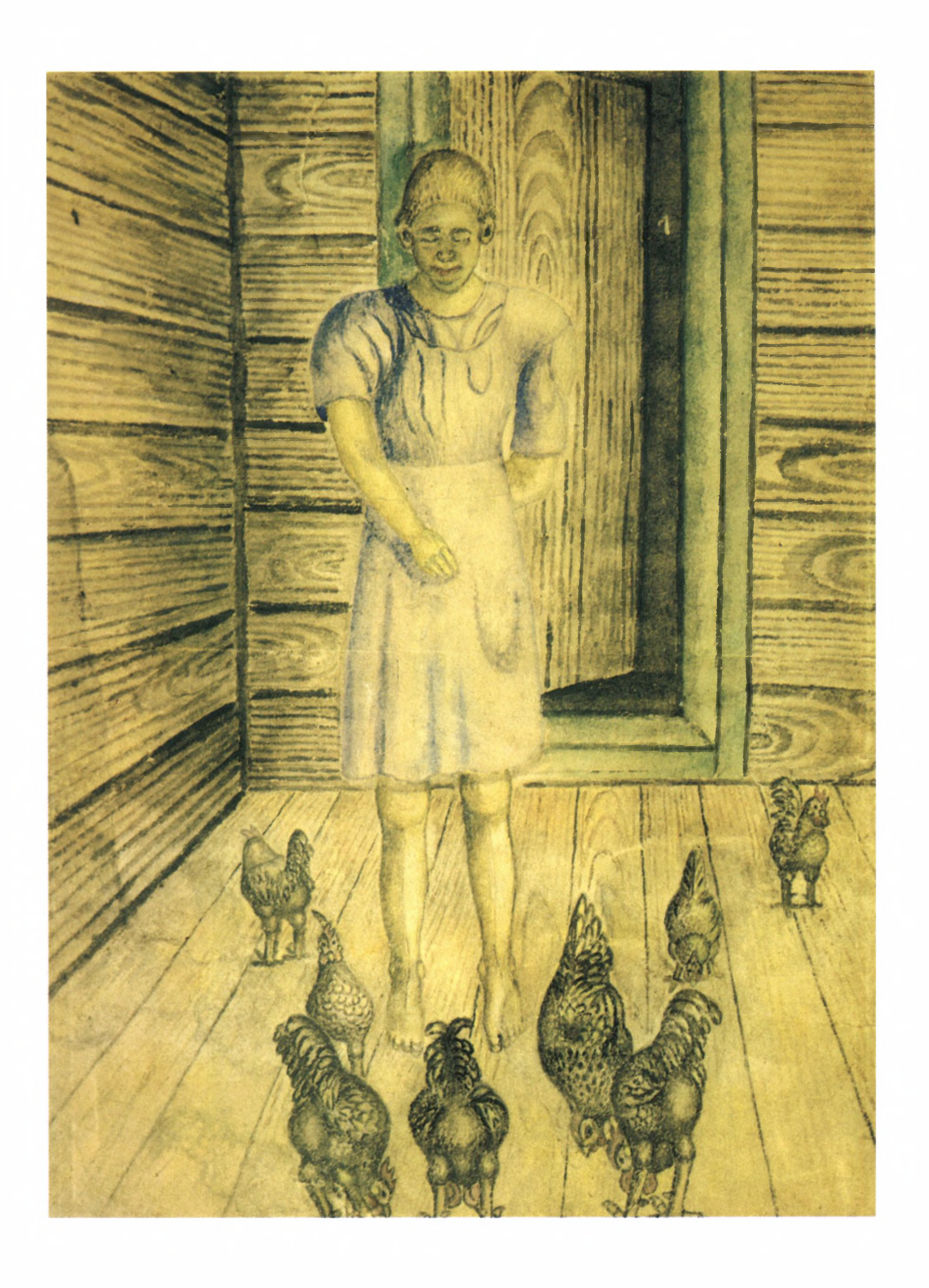
Ребенок, лет пять-шесть,

не заставишь посидеть,

поговорить“.

„День понедельник, 23 июня 1975 года. Предполагаю, что „Спартак“ будет иметь найвысшу оценку“.

Соседка кормит кур.

„Меня привлекли
клюющие куры.
Не то чтобы они
мне понравились,
а я задумался:
смогу ли в разном
положении зарисовать
домашних птиц?
Я с удовольствием бы
и других птиц
нарисовал,
но не было у хозяйки
ни уток, ни гусей“.

Фуражка и чернильница.

Стол и стакан.

ком месте, где с той и другой стороны стоят две стены. Габаритность дороги от рельс до стен, подобных заборам, невелика, но при ходе поезда человека все же не зацепит. В этом месте из вагонов порядочно насыпалось угля. Какое богатство рассоривается из вагонов на железную дорогу! . . Нельзя вообразить, описать на белой бумаге несведущему человеку. Да! Миллионы рублей!

Надо грузить уголь в углярки так, чтобы ни один грамм не падал на землю. Но одна моя мысль говорит другой: „Как вы будете тогда отапливаться, Иван Егорович, и вся братия, равная тебе? Вас много живет около железных дорог. И вы в основном отапливаете свои избушки углем, падающим из вагонов на землю“. Да! Одна мысль противоречит другой: „Ты и твоя братия, равная тебе, замерзнете в своих старых халупах в зимнее время. . .“ И это реальная сторона жизни. Какие бы ни были люди, они дороже всяких богатств в природе.

Я насбирал в ванну столько уголька, сколько позволяет моя силенка дотащить до избушки. Дотянул уголек, ссыпал в стайку. Совсем как при Варюше. . . День понедельник, 1 июня 1981 года.

Я полез в шкаф и вижу маленький клубок черной шерсти, скрученный вдвое, то есть в две нитки. Раскрутил, решил посмотреть, какова эта шерсть-пряжа, оставшаяся после Варюши.

Потянул поначалу легонько скрученную нить с расчетом-думой и помыслом, крепка или слаба она? Не попрела ли за долгое время? Взял шерстяную нить, натянул. Не рвется – крепковата. Еще раз покрепче натянул – не рвется. В третий раз натянул изо всей силы – не рвется. Значит, хороша шерсть, годится для изготовления верхней одежды в домашних условиях, а также для вязания носков, рукавиц, шарфов. День воскресенье, 7 июня 1981 года.

На воле стоял очень хороший новый шлифованный шифоньер со стеклянными полочками из толстого стекла. Полочка от полочки – на расстоянии 25–30 сантиметров. Шифоньер кем-то предназначен для меня. Откуда-то ко мне подошла моя Варюша. Кто-то с нами повстречался и дал порядочну поклажу, которая состояла из разной ткани с байковым одеялом.

Этот человек, мужчина небольшого роста, смуглый-темный, подал

нам поклажу и ушел-исчез. Вместо него подходит другой – интеллигентный, молодой, белобрысый, тоже что-то несет из ткани. *И говорит нам: „Несите свое богатство к шифоньеру, кладите его на полочки и запирайте“. Мы пошли с Варюшей к шифоньеру и стали раскладывать по полочкам все, что было у нас.* День понедельник, 6 июля 1981 года.

Зашел в одно большое помещение, деревянное, напоминающее барак. В этом помещении не имеется ничего из домашней утвари, только люди. Ожидают кино. Какая картина будет показываться? Никто ничего не знает. У самой двери кто-то расставляет железные койки, в том числе одна будет предоставлена мне. . . Барак очень похож на тот, в котором встретились мы с Варюшей. День вторник, 17 февраля 1981 года.

Иду-иду, мечтаю, куда я приду? Куда бы я ни посмотрел, везде равнина передо мной полевая, точно морская водная гладь. Тишина обнимает меня, всюду черноземны поля мне видны. Вижу перед собой я черную равнину и свод голубой. Тоска напала на меня в эту минуту жизни моей. Грызет меня, как вошь и гнида.

Вон там, вдали от меня, строят люди город кирпичный, большой. Кто стены возводит, а кто штукатурит. Я подошел к одному мужику на леса. Слово промолвил: „Давай тебе помогу“. Когда-то я был молодым каменщиком-штукатуром, ходил наниматься в строительные конторы. Любил я стены возводить-класть и штукатурить, моя Варюша мне помогала. Любил любоваться своим трудом. „Вот материал, попробуй, браток, а я посмотрю, мастерок-соколок, все есть на корыте, весь инструмент штукатурный“.

Ремесло я свое не забыл и по молодой привычке стал набрасывать на кирпичные стены материал штукатурный серый. Все, как бывало, пошло своим чередом. Время рабочее кончилось, с работы стали уходить один за другим рабочие. . . День понедельник, 27 апреля 1981 года.

Зашел я в свою избу с кошкой. Смотрю, моя Варюша делает пельмени. Она до моего прихода наделала этих пельменей порядочно. Наложила в тарелочку и велела снести это в бухгалтерию на хлебозавод. Я своей

Варюше ничего не сказал. Принял от нее маленькую тарелочку с пельменями и отправился.

Иду себе один, никто меня не встречает, не обгоняет. Через некоторое время подхожу к большому деревянному дому, пройти осталось немного. В стороне от дороги один печник заканчивал кладку кирпичного борова-дымохода прямо на земле. Дорога закончилась, пришлось мне идти по строительной площадке. Вот и деревянный дом. Стоит он на бугорке. К нему ведет деревянная лестница. Поднялся я на поверхность бугорка и зашел в дом.

Смотрю, по правую руку в доме размещена контора, но в ней еще никого нет; значит, рано. Я повернул налево и уселся в самый угол около кабинета начальника хлебозавода. *Смотрю, идет начальник, подходит к своим дверям. Смотрит на меня по обыкновению, но ничего мне не говорит. Я подумал: как здорово постарел, давно ли был молодой. . . Время мелькает, с каждым днем уходящим все меняется. Неужели меня не узнал он?* Ведь я же не так давно строил у него печи, пекарские кирпичные печи вспомогательного значения, кирпичные пристройки и делал ремонтные работы. Может быть, и не узнал, в его распоряжении работает не один десяток человек, а сотни.

Так посидел я низачем около кабинета начальника. Встал с пола, подумал: „Надо идти“. Вышел из конторы, стал спускаться по лестнице. Вижу – ко мне идут женщины разных возрастов, которые служат в этой конторе. Все они одеты так, как в простонародье одеваются лишь в праздник. *Я узнаю бухгалтершу, с которой вместе работал когда-то. Как она изменилась! В моей памяти она осталась молодой. Я подаю ей маленькую тарелочку с пельменями. Она приняла гостинцы, посланные Варюшей. Пожала плечами, посмотрела на меня, не узнала.* Все остальные смотрели на меня, когда я передавал тарелку с пельменями. День воскресенье, 19 апреля 1981 года.

День стоял на воле летний. Откуда-то я подошел к большому сараю-свинарнику, к нему приделана еще подстайка, как сенцы. В подстайке бегало несколько поросят-свинок-подростков. *Где-то звучал голос молодой хозяйки, она с кем-то разговаривала, но саму хозяйку я не видел.* Я обратил внимание на дверцы-воротца, которые запирались без всякого припора и замка. Думаю: убегут все эти поросятки или свинки ночью. Сказать про это мне было некому, я не слышал уже голоса хозяйки.

Жилого дома около свинарника не было. Я обошел свинарник кругом, у третьей стены пристройки-стайки не было, а просто были двери в поперечной стене. Я открыл их из любопытства: сколько же в свинарнике поросят? Не считал, но подумал, что войдет в него не одна сотня.

Невдалеке от свинарника мне видна насыпь какой-то дороги, около нее ходят большие свиньи или поросята. Чувствую, эта скотина из того самого свинарника.

В моей голове забродили мысли, что я покупал за тридцать пять рублей поросеночка, который пасся-ходил около этой насыпи-дороги. А сейчас его было не видать, несмотря на то, что за этим поросеночком ходила и поглядывала моя Варюша. Куда же он делся? Я наткнулся на длинную яму, которая напоминает могилу. С одного поперечного края я спустился в яму с думой, не упал ли сюда поросеночек. Осмотрел, не нашел, видел только дохлую курицу. Как я выкарабкался из этой глубокой ямы-могилы, не знаю.

Подле насыпи на равнине ходит моя Варюша, в одном черном платье без головного убора-платка, на дали от меня, спиной ко мне. И хотя расстояние между нами порядочно, я ей все сказал: „Тебе не поросенка кормить, а куски милостинки собирать, нищей быть! Не смогла сберечь свою маленькую несчастную скотинку!" День четверг, 26 марта 1981 года.

Находился в очень большой деревенской избе. В ней ничего не было. И один за другим стали заходить деревенские мужики. Каждый заходит и садится подле стены на пол. Пол не грязный, а чистый, точно хозяйка дома ожидала этих непрошеных гостей, в том числе и меня. Нашло с воли-улицы столько мужиков в избу, что девать некуда. Все уселись по порядку, ноги калачиком, самую середину избы оставили, в нее, точно по молчаливому уговору, никто не садился. Все были как немы. Царила неимоверная тишина.

В самом первом ряду был и я и какая-то женщина, похожая на мою Варюшу. Мы сидели среди мужиков. И вдруг женщина как бы стала заигрывать с одним незнакомцем. Мою душу заскребло, и в силу расстройства я со злостью толкнул ее так, что эта женщина (или моя Варюша?) проскочила на волю совсем со стеной. На месте стены у пола образовалась глубокая яма. В эту яму попала женщина и стала захлебываться. Лицо ее изменилось из человеческого на какое-то непонят-

ное. . . Мне и мужчине, с которым она заигрывала, стало жаль ее. Мы вытащили ее из ямы и понесли среди пола, к нам подскочил на помощь третий. Он помог нам, и мы вытащили ее на волю. . . Я подумал, вошел в нормальное состояние мозговой системы: зачем допустил бессознательную ошибку? Так горько и обидно стало мне самому от безумия, а женщине, похожей на мою Варюшу, еще горчее и обиднее. День понедельник, 18 мая 1981 года.

Шел до дороге. Откуда, куда? Нес в правой руке целу горсть рублей серебряных. Откуда они у меня взялись?. . Меня окружили пацаны и одна девчонка, они заметили рубли в моей руке и помыкались отнять, но ничего не вышло у них. Я зашел в одно помещение и встретился со своей Варюшей или похожей на нее женщиной. У нее в руках – посылка, посланная ее сестрой. Я ей говорю: „Богато, значит, сестра живет“. В моих мозгах забродили мысли: „В этой посылке имеется много денег. . .“ Вдруг моментом пацаны исчезли, осталась одна девчонка-подросток. День понедельник, 27 апреля 1981 года.

Время было предвечернее. На воле погода была тихая. Одним словом, окружали нашу местность тишина и спокойствие в этот день. Ко мне неожиданно зашли давние знакомые с юношеских лет. Один из них, чернобрысый, высокий Гришняков, стал со мной рассчитываться за какие-то давние долги, которые из моей головы давно испарились. При нем были интересные деньги, только что из чеканки. При расчете из нас никто ни гугу.

После ухода гостей неожиданно для себя начал-стал продолжать рисовать давно начатый портрет Варюши, своей жены. День вторник, 28 апреля 1981 года.

Не рано, на закате прожитого дня, зашел по случайности в один старый крестьянский дом. *Вижу на стенах замечательные картины, думаю, если бы я мог нарисовать портрет Варюши, то он висел бы среди этих портретов, где-нибудь в углу, на старых запыленных, грязных стенах. Поколения через века вспомнили бы имя мое в честь труда моего.*

Долго я ходил в стенах этого дома среди замечательных работ дале-

ких наших предков-художников. Люди невольно будут вспоминать труд этих людей веками. Пока этот труд сам по себе не изотлеет. День понедельник, 23 марта 1981 года.

Любил я милую задушевную жену свою Варюшу, которой нет давно на свете. А она у меня все стоит в глазах, как живая. Пришел я однажды на кладбище к могиле жены любимой Варюши. Смотрю, на этом месте, на ее могиле, другой крест стоит. Видно, пьяные мужики копали новую могилу на ее месте. Обрисовать словами я не могу, кистью невозможно. Одно воспоминание осталось у меня о моей Варюше. Всех принимает земля сыра без слов и без разбора. Не минует время и меня. Откуда все произрастает, откуда все берется? Зачем же все произрастает и умирает?•

Так трогательно рассказывает Селиванов в своих причудливых новеллах-воспоминаниях о „задушевной Варюше“, что не нужны здесь никакие комментарии. Порой имя Варвары Илларионовны не упоминается, но картина-аллегория, нарисованная художником, передает настроенис счастливых лет, прожитых Селивановым с Варей.

Иду себе, по дороге полевой, мечтаю о чем-то, вдруг передо мной изба большая. Похилившаяся, стоит одна у края поля. Над полем веет теплый ветрок, облака хмуреют в небе. Наверное, дождичек пойдет. Не доходя избы, вижу: шевелится какая-то человеческая фигура. Несколько шагов вперед ступил, яснее стало видно: хозяйка молодая на воле у ворот дрова колет. Печку хочет затопить и похлебочку сварить, а может, что иное сделает – лепешку испечет. Разве мало дел в домашней обстановке! То ребенок плачет в зыбке – надо покормить, а там котенок ходит за пятками, мяукает. Надо и ему чего-нибудь дать покушать. И так дела с утра до вечера и ночи, всю жизнь дела, дела . . .

Здравствуй, добрая хозяйка! Разреши в избу войти, отдохнуть с большой дороги. День четверг, 5 марта 1981 года.

Глава четвертая. „НЕ ТОТ ХУДОЖНИК, КОТОРЫЙ ХВАЛИТ САМ СЕБЯ. . .“

После смерти жены Селиванов долго не мог прийти в себя. Молчал целый год. В ЗНУИ даже встревожились – жив ли? Потом, решив поддержать художника, выдвинули его работы на выставку „Слава труду“ в Манеже. А он вскоре прислал в Москву „Кота“ – с пронзительной тоской взирал тот на педагогов. Это само Одиночество смотрело в глаза зрителям.

Теперь оно уверенно поселилось в его избушке. И если дневной свет еще загонял его куда-то, то, как только смеркалось и дело шло к ночи, одиночество выползало из всех углов и наваливалось на старика всей своей липкой тяжестью. Потому так пронзительно-тревожны записи в дневниках того времени.

„Без 22 минут в 3 часа ночи какой-то зверек верещал два раза под стульями с 30 на 31 декабря 1980 года.

Без 8 мин. в 6 часов кто-то стучал в стекло рамы глухо, какой-то. . . отзвук на дали. . . 2 января 1981 года.

Кто-то дергал за дверь без 15 мин. в 5 часов 15 января.

18 мин. 6-го часа 8 февраля у ведра приподнялась дужка и опустилась на кромку. Образовался стук железный. . .“

Но незаметно приходил серый день, и вновь надо было находить в себе мужество жить.

Ходил по городу Прокопьевску давненько, в голове моей старой шевелились мысли потихоньку. Жизнь моя в волнении была по причинам разным. Так мечтал и думал о прошлом времени я. Что буду делать дальше? Шли годы, мелькало время. От пройденного в дороге мною не видно следа. Чем можно объяснить? Никто не знает в народе про фигуру-образ мой. Потому что был не годный ни к чему. Зачем я прожил долгий век свой? Осталось времени для жизни мне немного. Пусть сегодня любою смертью я умру. Зачем же дальше жить в свободной неволе? Зачем же мучиться – трудиться на других? День пятница, 2 октября 1981 года.

(Комментарий Ю. Г. Аксенова: „На письма с такими настроениями я отвечал ему отзывами на творчество или присылал холст, краски, чтобы пробудить порыв к жизни. Писал, что не „на других“ он работает, а себе радость жизни добывает, ибо нет ничего сладостнее нашей каторги и „красок мешава“.)

Решил сегодня я пойти на вольный воздух погулять. Очистить легкие от всякой пыли, которая имеется во всех избах, есть дело полезно для всех, хотя пыль эту глазами мы простыми нечасто видим, а в пасмурное время дня совсем не замечаем. Открыл я дверь избы своей. Совсем другой вдыхаю воздух. И как бы радуется грудь, смеются легкие. Улыбается весь божий свет.

Спустился я с пригорка. Смотрю на широкие просторы, синеву небес в холмистой местности своей. *Вижу перевалы, вижу город захолустный, но все же свой. Он отличья не имеет от всех захолустных городов. Особенность его такая – этот город шахтовый. Пыльный, грязный воздух. Повсюду видны терриконы, горы каменно угольной породы. Вот это и составляет особенность Прокопьевска. Тут красота своя, приличье, тут стать своя.*

Для тех, кто родился в этом городе, возрос и возмужал, окреп в сознании своем, это родина его. Другой приехал издалека. Привык не сразу к городу. Может, со скорбью и тревогой душевной. Надежда заставляет привыкать.

Встал в раздумье человек: зачем приехал в этот грязный, пыльный город? Что я в нем хотел-хочу найти? Везде познания свои в работе нужны, присноровка к житью-бытью в местности. Везде работать нужно, чем овладел ты смолоду. В основе жизни человека должно быть знание какой-либо науки или владение мастерством. Если не имеешь за

собой ни того, ни другого, сидел бы на родине своей. Ковырял бы землю, чем придется, иль делал бы то, чего требует жена, если сам не допонимаешь. . .

Привык ты к городу шахтовому, считай его за вторую родину. День воскресенье, 29 ноября 1981 года.

Я зашел в свою избу. Подумал, почему в моей избе не так, как у людей? Наверное, руки не доходят. Рисованием увлекаешься, а хозяйственные-домашние работы откладываешь на задний план! Да, рисование-рисование, довело и до полного захламления, и грязи, и опустошения. Ничего поделать не могу. Даже некогда сходить в баню, привести свой облик в человеческий. Что делать, как быть? *Жизнь потеряна на этом рисовании – в надежде на будущее.* Поэтому ты, Иван Егорович, и пришел к ручке.

А некоторые все равно говорят: смотри, какой Иван Егорович, хоть живет неважно, но далеко слышно. . . Значит, есть люди, которые завидуют образу-форме изуродованного человека. Трудом бесплодным исковерканного. Никому не нужного. . .

День понедельник, 28 сентября 1981 года.
Иду по тропинке к своему магазину – кое-чего купить, хотя бы буханочку хлебушка по своим скромным копейкам и еще какой-нибудь рыбешки для приготовления похлебки-ухи рыбной, которую я всегда приготовляю, как особую пищу по своему вкусу. Но рыбешка в нашем магазине бывает не всегда, а если и бывает, то разбирается нарасхват такой братией несостоятельной, как я.

Вот дорога предо мной, она пересекает тропинку, по которой иду. Моя тропинка потянулась между двух оград, за этими оградами – полоски, на которых посажена картошка и кое-что из овощей по мелочи. Рядом с полосками стоят убогие домики типа крестьянских изб. День суббота, 6 июня 1981 года.

Взял старую сумку, с которой более двадцати годов ходил на работу. Пришел в магазин, посмотрел в сумку, и мне стукнуло, что в ней лежат старые веревочки и какая-то щетка. Совсем очумел! Как могло такое получиться?. . Пошел с такой сумкой в магазин, да за продовольствием! Это признак того, что дело идет к глубокой старости. *Плохо доживать*

в одиночестве, надо как-то не сойти с ума. Такое может случиться с людьми, отживающими свой век. Зачем жить, чего ждать старому человеку, не знающему, когда придет твой конец-крайность-предел? Такая жизнь становится совершенно неинтересной, да и люди часто проходят мимо меня, как немые.

В магазине из покупателей никого нет, одна чернобрысая женщина-продавец принимает с автомашины от развозчика хлеб. Не спеша, вразвалочку. Я осмотрел полочки магазина. Потом вспомнил, что нет у меня сегодня денег. Продавцу ничего не сказал. Повернулся и вышел. Какая стоит тишина на воле! Все подернуто солнечным светом... День четверг, 11 июня 1981 года.

У меня на столе была тарелочка с мелко нарезанной капустой. Соленая, только что принесена из погреба, на вкус очень приятная. Я эту капусту употребляю во всех видах: в супе-борще, жаренную на сковороде с картошкой, в винегрете, да и просто так, с хлебом. *Капуста – это продукт, развивающий аппетит человека, что очень важно для поддержания здоровья.* Недаром женщины крестьянки проявляют заботу о посадке капусты в весенне-летнее время. Этим делом занимаются и крестьяне мужчины, одним словом, все, кто любит труд крестьянский. День четверг, 4 июня 1981 года.

Мечтал я с вечера, что завтра буду делать. Возьму ведро, открою погреб. Накладу картошки, промою, а потом подумаю, что я приготовлю. Сварю в мундире я картошку, может, пюре сделаю, а может, суп-похлебку сготовлю – что сумею. Что сварю, тем и питаться буду. Если нет картошки и нет копейки про запас, дело плохо. Иди в магазин, купи хлеба... Отрежь от булочки кусочек, возьми соли. Солью посоли хлебушко, водичкой мутной запивай из-под снега.

Проспал я ночь, настало утро. Открыл погреб. Смотрю: закром с картошкой развалился. Что такое?.. Недоглядел, когда сваи забивал в землю, они оказались гниловаты. Поэтому разрушился закром. Опять забота, опять излишни хлопоты. Стал в раздумье, что мне делать? Хоть убейся, хоть умирай, но работу свою ты сам выполняй, не ходи к соседу за подмогой. Он с тебя слупит, ты в должниках у него останешься, а если сразу он с тебя потребует, у тебя копейки денег нет.

Придется последнюю рубаху снять с плеч ему за долг, за труд отдать. Но твоя рубаха для оплаты труда-долга не пойдет. Она никому не надобна, потому что ветхая. Стою, мечтаю, размышляю, что мне делать, как мне быть? . . *Не спеши, не ерепенься, будь спокоен, держи себя, как подобает. Не страшись любой работы, которая для тебя посильна.* Похлебку варить мне некогда. Пока исправлю закром. Картошку приведу в порядок.

В эту минуту подошел ко мне случайно приятель по работе давний. „Здравствуй!" – „Здравствуй!" – „Давно с тобой не виделся, решил к тебе я мимоходом зайти-понаведать: как живешь и как твое здоровье?" – „Как видишь". – „Ты изменился много. Молодость свою утратил. Когда с тобой работали в столярных мастерских, ты проворней был и не седой". – „Те годы мои были средни, я чувствовал себя как молодой . . . Теперь совсем другое время, зубы выпали и борода другая. Стала белая. Проворность потерялась, куда что делось!" – „Что ты зауныл, аль у тебя несчастье?" – „Загляни, приятель, в погреб мой". – „Полезем с тобой оба, что такое там случилось?"

Залезли в погреб. „Да! Авария, но это не так уж страшно, – промолвил мой приятель. – Не такие беды в нашей жизни бывали. Люди голодной смертью умирали в неурожайные годы, а это все исправимо. Поставим сваи новы. Есть топор?" – „Конечно, есть". – „Неси его сюда". Мой приятель молодой обострил у двух дрючков концы на воле, спустили мы их в погреб. Я поставил один на землю, а мой приятель помоложе нашел кувалду по моему велению и стал забивать ею. Не прошло пятнадцати минут, стоят дрючки-сваи прочно в земле, а доски эти же положили, им ничего не сделалось.

Прибили доски к сваям. „Вот тебе, как видишь, закром. А ты горевал, чуть не плакал. Часу не прошло, как мы скидали картошку в закром". – „Скажи, приятель, что возьмешь ты за работу, чтоб не беспокоилась моя душа?" Мой приятель посмотрел мне в глаза. Ни слова на мои слова он не ответил. Лишь со слезами на глазах он покачал своею головой. Поцеловал меня и крепко прижал к груди: „Ну, пока, до свидания, Иван Егорович, особенно не горюй. По возможности всегда пойду тебе навстречу в твоих жизненных трудностях. По поводу оплаты за мой скромный незначительный труд ты не беспокойся".

Зашел я в избу, на кухню. Сел на свою деревянную постель-доску. На кухне прохладно, полусумрачно. В моей голове забродили мысли, необсказуемые и неописуемые. Как тяжело и мучительно проживать на

белом свете человеку в преклонны, предсмертны годы! *Живущий в одиночестве! Нет в словах границ, как на земле и на планете края.* Истинную правду с людьми говорить нельзя.

(Комментарий Ю. Г. Аксенова: „Вот необъяснимое противоречие! Ивана Егоровича постоянно приглашали на творческие дачи, на семинары, я звал его приехать в Москву, осмотреться. Может, не так одиноко было бы старику? Но даже в 50-е годы он отвергал приглашения. А когда остался один в Прокопьевске, не захотел переезжать на „казенную“ квартиру. В письме мне он так и написал: „В казенную квартиру я не пойду ни при каких обстоятельствах и условиях. Мне нужна тишина, это главное для меня. В казенных домах тишины нет! Я человек-пенсионер, получаю пенсию 48 рублей. Если заплачу 10–12 рублей за квартиру, то буду полуголодный, как подневольный зверь в клетке. Настоящий современный человек в такой квартире жить не будет, в какой я живу. Она стара, приходит в ветхость. Зимой промерзает. Ремонтировать ее нельзя. Надо строить новую рядом с этой в огороде. Строить я не в силах, а мне строить избу никто не будет. 1978 год, 6 апреля“.

Причину таких настроений – „и в сани не сяду, и пешком не пойду“ – я вижу в обостренном чувстве самосохранения Селиванова. Это мы особенно хорошо поняли, когда увидели, как он вслушивался в „вопрос с подвохом“, когда на высоком уровне решали со строительством дома для него, и как думал, приставив палец к виску, и как находчиво излагал мнение своей „мозговой системы“. Мне он как-то сказал: „Спасибо за все. Это вашими заботами я теперь в новом дому очутился. Но из него меня прогонят“. Жил настороже!“)

И вот принес из погреба картошки я ведро. Налил воды я в таз из белой жести. Насыпал картошки. Промыл дочиста и слил воду грязную. *Картошку промытую надо очистить, раскрошить на мелкие части. Достал два огурца из большого цыгуна. Также раскрошил на мелкие части. Перемешал картошку, огурцы, вдобавок подбросил я резаной моркови. Все это перемешал, сварю. Будет похлебка-рассольник.* Беда одна – водички чистой в баке нет. Ну что поделаешь! Залью приправу снеговой, мутною водой. Не один тут я страдаю в нашем поселке из-за водички чистой. День вторник, 1 декабря 1981 года.

Наступил день воскресенья. На воле моросил мелкий дождь. Мечтал сходить на лесосклад посбирать кое-каких дровишек или уголька. Иногда из вагонов-углярок оставшиеся комочки угля при очистке выбрасывают на землю. Таким топливом начальство лесосклада не дорожит. И когда люди приходят сбирать разные обломки и обрезки древесины и выброшенные каменные угольки, то сам начальник не возражает. Собирая этот хлам, люди бесплатно очищают территорию лесосклада. Двойная выгода и тем, и другим. Что делать: если идти за то-

пливом, то вымокнешь с головы до ног. Дни не покупать, будет еще и хорошая погода на воле. А если не будет, схожу по приморозку. Серому волку не перва зима . . .

Куда ни гляну, работа сама собою напрашивается без слов. На моей постели-доске лежат стары валенки, на них такие же ватны брюки. Брюки обязательно нужно закропать, а то прицепишься, разорвутся донельзя. Поводил умом: надо поискать заплат кое-каких, а еще черных ниток. Белыми нитками черны заплаты на черных брюках пришивать нельзя. Такое не подобает. Противоположны контрасты-цвета.

Все принадлежности и материалы для починки старых брюк я в своих запасниках разыскал. Осталось приступить к работе. В избе холодновато. Портняжна работа требует развязности (комфорта. – *Н. К.*), чтобы не корчиться от холода, а работать свободно в нормальном воздухе-теплоте. Пробовал работать при прохладном воздухе, немножко в холодке. Нет, ничего не получается. Надо затапливать печку. Затопил. Приступил к портняжной работе. Замяукала кошка, запросила есть, это – неотложность.

Это – домашнее живое существо-животинка, за ней нужно наблюдать. Иначе от недоедания может подохнуть, как в голодный год неурожайный. Иль при стихийных бедствиях. „*Нет, Муся, хотя живу с тобой неважно на склоне дней своих седых, хотя чувствую себя много хуже молодых, от голода подохнуть тебе не дам.* Не мяучь, моя родная. Иди ко мне, тебя я покормлю . . .“ Посмотрела пестра кошка на меня седого. Прижималась и ласкалась ко мне, к ногам моим. Налил похлебку в чашку ей из своей тарелки. Ешь, моя родная, поправляйся, веселись, а я теперь возьмусь снова за работу, буду брюки починять.

Примерял заплату к дырке. Ножницами отрезал. Нитку черну по примерке от катушки оторвал. Оторвал я нитку черну, вдел в ушко иголки. По обычаю бабуси, по обычаю мамаши, как бы с новой силой божьей стал я брюки починять. Кропал я час, кропал я два, только к вечеру зашил. Осмотрел на кухне все хозяйство. Хлеба нету, завтра понедельник. Торговцы не торгуют. Взял я сумку с вешалки со стенки, пошел по дорожке грязной в магазин. Иду мечтаю: возьму я хлеба, а завтра видно будет. Утро ранне с зарею – что оно сдиктует . . .

Подошел к магазину. Обстановка говорит: хлеба нету. Продавцы торгуют в ограде при магазине белой капустой. Мысль меняется мгновенно – направился к трамвайной остановке. Куда поехать мне за хлебом? Где лучше и быстрее? Без суеты? Вот трамвай идет на остановку,

где ожидаю я его. Трамвай поравнялся с фигурою моею, остановился. Зашел в трамвай, уселся я на первое сиденье. Посмотрел – народу мало. Сегодня праздничный денек, день – воскресенье.

Идет трамвай обычным ходом, через остановку я сошел с него. У встречных спросил: где магазин и есть ли хлеб? В ответ сказали: вон недалече магазин, хлеба вволю. Душа моя нормальна стала, успокоилось сердечко. Подошел я к магазину, дверь открыл, народу нету. Сидит кассир за кассой, она же продавец. Я по разрешенью взял хлеба булочку, еще батон. Подал деньжонки, рассчитался. Она, кассир и продавец, сказала: „С вас сорок копеек получила“. В ответ сказал кассиру я: „Спасибо“. Через час вернулся, подходил к пригорку, к своей избушке.

Выбегала детвора из ограды, из двора. Они заметили меня. Шмыгнули. Не глядя, зашел во двор, смотрю на раму кухни. Цела, невредима, об остальном не беспокоился я. Значит, все в порядке. День воскресенье, 4 октября 1981 года.

Прошло уборочное время, золотые дни сентябрьские. Все эти дни работал я от ранней утрешней зари до заката солнца. Заря вечерняя давно погасла, а я все еще работал. Все силы стары отдавал для того, чтобы спасти оскуднелый урожай в золотое время. Недаром говорится: „Куй, когда железо горячо“. В народе слух бродил: год сей – год неудачный. Местами заливало дождем поля, селенья-города, где солнцем попекло все то, что посеяно было с весны народом на своих полях-полянах. Слух проходил не зря в народе, не зря писали и газеты о бедствиях стихийных. С явлениями природы никто из людей не в состоянии бороться.

Для меня настал сезон нелегкий. Ненастны, мокры дни пошли осенни. Заготовить топливо необходимо на сурову зиму. Сырость-грязь и мелкий дождь с небес идет порою. *Беру истрепанный мешок, иду на отвальные места, замусоренные, и там собираю угольные камешки. Нет камешков, попадают щепа, обрезки древесины. Все это топливом моим зовется вечно. От юных лет до сегодняшнего дня. Веди себя, как это нужно, все невзгоды отбрасывай душевны от себя. Идет время, я иду в дороге, в мозгах моих мерещатся часы. Каждая минута дорога для жизни, для спасения души.*

Так прошла в борьбе и труде вся жизнь моя. Дальше крайность ожидает: *какая смерть предстанет в последние минуты передо мной?* . . День среда, 30 сентября 1981 года.

(Комментарий Ю. Г. Аксенова: „Решил надоумить Ивана Егоровича: коли пришла старость, пришли и образы молодых лет, как сны о светлом прошлом. В городе старики пишут мемуары. Почему бы ему не писать картины-воспоминания? Видимо, пожелание (а не задание) легло на душу, пришлось ко времени. Появились работы „Автопортрет в молодые годы", „Автопортрет в годы учебы", „Мой дом в деревне Васильевское". А позже он так ответит на вопрос, сколько может жить человек: „Человек живет, пока чувствует радость от жизни".)

Через несколько минут после выхода из дома мне встретился невысокого роста чернобрысый молодой человек. Он спрашивает меня: „Когда ты будешь ремонтировать свою избушку?" – „Нет сил, нет материала, а главное, нет на это дело денег. Мне осталось немного жить, может, в этой избушке без ремонта прокурлыкаю до своей смерти? Мои ровесники давно померли и сопрели в земле. Я не особый от своих ровесников, так что бессмертных людей, молодой уважаемый человек, в природе и на земле нет. День суббота, 20 июня 1981 года.
Иногда его неудержимо влекло пофилософствовать.

„НА МЕНЯ РАЗДУМЬЕ НАВАЛИЛОСЬ . . ."

Зашел в какую-то будку, похожую на стайку, в ней стоит маленькая чугунная барабанка-печка, и больше ничего не видно. Будка кем-то давно побелена, наверное, какой-нибудь женщиной, этим делом больше они занимаются. Признаков жизни человека здесь не было. Пока я размышлял, вижу: здесь жили и плодились пауки. Все углы затканы тончайшей ниткой, выходящей из тела-головы пауков.

Очень трудно представить человеку, не изучавшему анатомию паука, откуда берется в его теле такое вещество, которым паук рисует всевозможные узоры, как мороз в зимнее время на окне вашего дома. Примечательно и удивительно, насколько прочна тончайшая нить, выходящая изо рта паука, которая свободно удерживает его тело в воздухе. Что же это за вещество, вырабатываемое в организме паука? Я пытался спрашивать у многих ученых, они пожимали плечами и с недоумением смотрели на мою маленькую старую человеческую фигуру. День понедельник, 9 марта 1981 года.

Когда старика совсем одолевали тоска или болезнь, спасали разговоры с любимой „животинкой" – кошкой Алексевной.

РАЗГОВОРЫ С КОШКОЙ АЛЕКСЕВНОЙ

Сегодня всю ночь на десятое марта мучил страшный кашель, откуда он взялся – никуда не хожу? В избе нахожусь, по-зимнему одевшись. Чувствую – одолевает одышка. Ходят какие-то несуразные мысли: от сильного кашля могут лопнуть стары мои кишки.

Кашель начал затихать, когда я с постели-доски перебрался на плиту, не остывшую за ночь. Приспособился. Слышу: замяукала-заплакала кошка Алексевна в стайке. Рассуждаю: надо ее пустить, может, есть захотела, а может, просто скучно ей стало одной. Слез с теплой плиты, впустил кошку Алексевну из стайки в свою кухню.

Спрашиваю я ее: „Что тебе нужно?“ Она смотрит на меня и как бы хочет выразить мне свои мысли-желания о своей потребности. „Ну, что молчишь? . . Скажи, чего тебе надо от меня? Мы – я и ты – живем в одних условиях, изба у нас одна, только названия разные, твоя половина называется стайкой, а моя – кухней, но температура тепла почти одинакова, что у меня на кухне, то и у тебя в стайке. Может, у тебя похолоднее, но зато посытнее. Ты, Алексевна, там нет-нет, да полакомишься, то есть поймаешь крысу или мышь, а я что . . . У меня нет такой ловкости, как у тебя. Ты намного моложе меня, а я что – всю жизнь прожил, а . . . купить такой говядины не смогу, потому что ее продают люди, называемые охотниками.

Пойми, Алексевна, какой человек что закажет охотнику, то он и принесет, а цены на заказные товары всегда в несколько раз выше обычных. Такой товар в народе называется дефицитным. Так что я уж и не рассчитываю, чтобы отведать этой говядины, а у тебя нет догадки принести своему первому другу что-нибудь и предложить без слов. И мы с тобой хотя бы раз пообедали за одним столом. Тогда бы я закрепил свое человеческое сознание, что живу на белом свете не один, а с верным другом. Но ты ничем мне не помогаешь, ни словом, ни делом не доказываешь своего отношения ко мне. Одним словом, я тебя понял, Алексевна, ты мне не друг и не враг, а просто сошлись под одну крышу два разных жильца-постояльца. Ты, оказывается, во много раз хитрее и умнее меня: тебе все дай, Иван Егорович, а ты ему – шиш!“

После рассуждений и размышлений с Алексевной я забрался вновь на плиту, от которой все еще отдавало теплотой. На мне была старая фуфайка, валенки, шапка зимняя, я взял еще старый суконный пиджак. Прилег на плиту – в головах были черны поношенны валенки, еще не

протерты. Укрылся пиджаком и через несколько минут уснул без повторения кашля. День четверг, 11 марта 1982 года.

Угловатостей в нашей жизни бывает много. Все зависит от разворотливости человека – насколько быстро выполняет работу и с каким качеством. Но многое зависит и от нашего поведения. Человека простецкого всегда обдуривают. К примеру, один позаимствовал у другого несколько копеек-рублей. Тот, кто занимает, старается не отдать эти жалкие несчастны копейки. В этом заключается порочность одного над другим.

Алексевна, как ты чувствовала себя сегодня ночью? Мне ничего не было слышно в твоем помещении. Ни шороха, ни мяуканья. Я только мечтал: что за причина молчания? Темнота, жуткость. Может, прослушал? . . Прислушиваться вечно к чему-то не будешь . . . Расскажи мне новости. Ну, что молчишь? Я думал и передумывал всякое. Может, на тебя напало множество крыс и разорвали тебя на мелки куски, и признаков от тебя не осталось? А спать тебе со мной в кухне, Алексевна, нельзя. Причина такая: в прошлу зиму крысы погрызли у меня 7–8 ведер моркови и несколько – картошки, а в погребе всю морковь съели, там тоже было не меньше.

Так мой урожай и труд погибли.

Сейчас летом погреб законопатил как следует. На днях в конце марта месяца раскрывал, удостоверился, что все в порядке. Только морковь несколько прихватило морозом, но это не беда. Без изъяну никто не проживет.

Если бы мы с тобой, Алексевна, умели прожить без изъяну, то в такой плохой и холодной избушке не жили бы. Теперь мне, Алексевна, придется здесь доживать. Ну что ты мне на эти слова ничего не говоришь, али ты ничего не соображаешь?! Не можешь подобрать слов?! День пятница, 30 июля 1982 года.

(Комментарий Ю. Г. Аксенова: „Притча о кошке Алексевне – шедевр народной словесности. И такой в ней пронзительный звук правды, что понятнее становится причина неверия Ивана Егоровича в разглагольствования „бумажных коммунистов“. Лжи он не терпел. Слово „бюрократ“ не употреблял: „бумажный коммунист“ – это сильнее припечатывает „кикимор-начальников“. У Селиванова много гражданских высказываний. Родиной он гордился, но даже среди его поклонников в минувшие годы были люди, которые полагали, что он пишет „антисоветские письма“.)

Животные для художника всегда были живыми существами, о которых он радел с неподдельной заботой. „Интересуюсь больше всего образом человека и всевозможными фигурами животных, потому что в этом мое природное призвание“. Он любил их, понимал, был наблюдателен до тонкостей, легко мог вообразить себя среди них.

Находился как бы в деревне под названием Большой Двор. С правой руки деревни – садик, который огорожен двумя оградами, одна примерно через метр от другой. Высота оград не более двух метров. Как я мог очутиться в этом садике с лошадью, которая запряжена в телегу? На телеге одна охапка травы. Я привязал лошадь за ограду в садике. Деревья были насажены так часто, что со стороны улицы меня с лошадью никто не видел.

Почему я привязал лошадь к одной ограде изнутри садика? Как бы стеснялся кого из людей. Прежде чем вывести лошадь из садика, подошел к воротцам, около них ходит один петух. Воротца были никем не прикрыты. После меня из садика выбежала небольшая собачонка серой масти. Думаю-мечтаю: если понадобится вывести лошадь в упряжке-телеге, как я буду выводить, воротца малы? Вышел из садика на улицу, смотрю – на одном доме висят часы на стене, стрелки показывают один час дня.

Иду по дороге. Меня обгоняет обоз лошадей, запряженных в сани. На воле снега не было, а также за подводами извозчиков не было, на санях никто не сидел. Лошади шли с грузом сами собой. Такое я видел впервые. Лошади в обозе преобладали карей (каряя лошадь – любимица Селиванова! – *Н. К.*) масти, причем все молодые, хорошие. *Любо смотреть на красоту молодых лошадей!* Лошади прошли мимо меня, и вдруг бежит ко мне навстречу ребенок рыжебрысый. Такого ребенка интересного мне еще не приходилось видеть. Очень красивы его глаза и все свойства детской фигуры.

Известный искусствовед называл селивановского „Кота“ „предтечей портрета Селиванова“. Котов художник, по его признанию, рисовал очень много. Но кот Васька занимал особое место в его сердце. Десять лет прожил он в их избушке, после смерти Вари остался самым близким существом. И вот однажды пропал. Ушел и не вернулся. Так что рисовал его художник по памяти: „Как же я такого человека-кота не нарисую?!“

Котика своего я никуда не отпускаю с рук. Люди мне говорят: „Куда идешь с котом?“ Отвечаю: „Он мой воспитанник, боюсь, чтобы кто-нибудь его не поймал да не украл. Как же такого красавца одного без присмотра оставлять в избе? Нельзя! Это – моя жизнь, это – мое счастье,

хоть котика имею“. Разошлись, иду дальше, завернул на следующую улицу. Говорю своему питомцу Васе: „Иди домой, да не заблудись. Дом наш недалече отсюда, ты его найдешь“.

Мне пришлось идти по одной местности, время было невеселое и прохладное, вдобавок еще темнело. Дорога-путь меня привела к одной старой избе. На стене вижу два окна, в одном нет стекла. Видимо, кто-то выломал.

Это сделал человек недобрый, любящий кому-нибудь сделать что-нибудь назло по своей злонравственности, как мой котик Вася. Не успеешь отвернуться, а он уже успевает стащить что-нибудь повкуснее со стола. Шкодник, обладающий хорошим обонянием.

Никакие разговоры и поучения на него не действуют. Мало понимает уроки по воспитанию. Я часто сижу и думаю, куда мне деть эту животинку, в какую школу отдать, чтобы из маленького плута человека сделали, действительно образованного человека – кота Васю?! Перебрал в нашем районе все учебные заведения, мой котик Вася не подходит ни в одно, а сам я в педагоги для него не гожусь. У меня на это нет никакого образования, чтобы человека-котика Васю довести до степени полного осознания, как положено.

Сегодня 5 ноября, год 1981-й. Котик Вася, мой воспитанник, два дня гуляет на воле. Несмотря на то, что снегу много и холодновато на дворе, в природе. Душа тревожится немножко, и сердце бьется почаще. Где же котик Вася, где гуляет, что не идет домой, иль он забыл меня и свой дом? Нет, этому не верю я! Коты и кошки умны – не хуже собак, коров и лошадей. А обоняньем и памятью даже превосходят их. Пожалуй, из всех домашних животных и диких зверей, не знаю, может, умом тупее только хитрой лисицы. Я не зоолог по изучению зверей и домашних животных и характеров их, так что не знаю, что думает Вася мой. Характер Васиной породы принадлежит к хищным зверям . . . Может, он забрался в стайку-кладовку и стащил съестное для своей души, как вор, мерзавец и мелочный человек. Там его поймали и душу вытащили из тела. Все может быть.

Надежду я потерял на возвращение домой своего воспитанника Васи. Душа болит, и сердце ноет. Хотя он был ненадежный человек в моем доме-избушке: не клади съестное близко. Порода Васи такая по самой природе, нельзя ему науку дать. Он брезгует ее воспринимать, никакой

дрессировщик зверей его не научит: „Вася, мяса не тронь без позволения. . .“

У Васи сердце с душой не терпит, все одно он лакомый кусочек стащит. Вася ненадежный человек для моей жизни, но без Васи жить мне нельзя и скучно. Где же Вася? Что ты ходишь, где ты бродишь, что нейдешь домой? Твой воспитатель горюет! Не находит места. День и ночь он вспоминает, где же Вася? Ты до этих дней предпраздничных к дверям сенцев приходил, со спокойной душой оглядывал все кругом. Ожидал мою фигуру и седую бороду. . .

Плохо, грустно и скучно в морозные дни. Сижу я на кухне, мечтаю: где же котик Вася, где он пропал–исчез? Домой не возвращается. Ночи длинны, холодны, чуть катятся. Окружен темнотой, одинок. Поделать нельзя ничего. Только в моей голове мечты мрачные. Никому я не нужен, старый седой Селиванов. День суббота, 7 ноября 1981 года•.

Домашние животные окружали Селиванова с детства, и, естественно, ему казалось, что они разделяют все его радости и печали, участвуют в его жизни. „Каждое животное надо беречь. Оно – от жизни живой придаток к человеку. Собака, кошка, куры, лошадь – все они для человека. И он тоже – для них“•. Неслучайно во время бесконечных прогулок художника так часто встречаются ему животные. Чаще всего это кошки.

Иду по дороге, куда? Размышляю кое о чем. Меня встречает серо-пестра кошка, не чья-нибудь, а собственная моя. Откуда она взялась? Она посмотрела на меня своими желтовато-сероватыми глазами и прыгнула прямо на мою грудь. Вот это здорово! Как тебе не стыдно, как тебе не совестно, почему ты позволила себе заскочить на грудь старого своего хозяина? Я сбросил кошку со своей груди . . .

Выйдя на волю-улицу, увидел темно-цветастое полотно. Ткань развешана на специальных веревках-шнурах. Полотна навешано очень много, видимо, какой-то женщиной. Это мое место наблюдения. Неподалече вижу: бегут две кошки, похожие на мою пришлую, серо-пеструю. Одна из них подошла ко мне, оглядела меня и прыгнула ко мне на грудь. Я подумал – не моя ли?. . Наверное, выскочила из избы-засады, животинке тоже надо погулять по воле-природе. Тюремщиков – и то выпускают на прогулку, а моя кошка не тюремщица, она не заслужила такого наказания, чтобы вечно сидеть в моей избе. Пусть погуляет по воле, а вот то, что прыгнула она ко мне на грудь, это признак, что кушать захотела. Я подумал – надо кошку покормить. „Пойдем, миленькая, в избушку, покормлю чем-нибудь. . .“

Петух для Селиванова – вечный добыватель пропитания. „Петух и его семья" – это настоящий образец семейного благополучия. Без этой семейки Селиванов тоже не представлял жизни, в его стайке всегда слышалось куриное квохтанье. Но однажды ночью кур украли, и остался один петух. Воры не заметили его, разноцветного, в темноте стайки, похитили только белоперых красавиц. „Соседка кормит кур" – так называется картина, которая родилась потому, что внимание Ивана Егоровича привлекли клюющие куры. Не то, чтобы они ему понравились, а просто он задумался: сможет ли в разном положении нарисовать домашних птиц? Он бы „с удовольствием и других птиц нарисовал", но не было у хозяйки ни уток, ни гусей.

Случайно зашел в маленький сарайчик, в нем была наседка-курица с цыплятами, она этих цыплят тут и вывела. Цыплята были голодны, по масти сереньки. Чем же она питалась и питала своих детенышей? Под дверкой у стайки вижу расщелину. Наверное, она выходила на волю и чем-то питалась, не иначе. Вышел из стайки и слышу, как кто-то мне сказал: „Неподалеку от этой стайки есть другая такая же, и в ней одна курица нанесла сто пятьдесят штук яиц и села выпаривать цыплят". Я знаю, что этот человеческий голос несет гольную чушь, но объяснить это явление никак не могу.

Иду домой в свою избушку. Извозчика встречаю. Сидит он в санях. Тащит его могучая каряя лошадь. Куда он едет, не знаю. Пытаться не стал. Пусть едет на здоровье. . . Спозаранку приготовил пищи своему питомцу петуху. Пришла минута – он изъявил желание покушать. Надо понаведать, как он там у меня живет, в стайке одинок? Взял я пищу – на сковороде нарезанную картошку. Открываю я замок, открываю дверцы.

Здравствуй, Петя, я к тебе. Принес гостинца. Смотрю давно я на тебя, живешь ты в одиночестве. Стар ты стал, красу младую потерял. Друзей твоих поворовали. Добры люди-воры с самой весны в теплы дни майски. Пока живи, не умирай сам собою, красавец мой, тебя храню, как себя, как особую реликвию красоты твоей. Твоя красота на полотне снята мной уже давно. Известна в Лондоне людям. Не погасла слава о тебе. Ты будешь жить на полотне, пока полотно не развалится и краски не померкнут.

Еще я раз держу в задумке твою фигуру срисовать. Задумано давно, времени на это нет. Дел много важных по хозяйству. Болел я летом. Еле ноги волочил. Думал и мечтал: зачем живу, зачем влачусь, зачем на мир свободный я гляжу?. . Представить это я не в силах. На это особый разум надо и обученье какому–нибудь умению с детства. Но наука – дело

прикладное, она жизнь и быт людей не определяет. Хоть все науки ты познай. Дар твой будет мертв при всем желаньи у вас, у меня, у прочих, если он не выявлен. А чтобы определить вовремя свое призвание, особый талант нужен человеку.

Не бойся ты меня, мой Петя! Питайся тем, что тебе я изготовлю. До особых дней жизни. Время скажет нам с тобой, когда будем умирать. День воскресенье, 15 ноября 1981 года.

РАССУЖДЕНИЯ ПРИ ПРИГОТОВЛЕНИИ ПИЩИ ПЕТЕ-ПЕТУХУ

Сегодня, с 20–го на 21–е января 1982 года, изучал свой язык – с небольшими перерывами всю ночь. Лег спать только в четыре утра. Проснулся – в избе-на кухне уже прохладно. Плиту-печку затапливать рановато. Пораздумался. Надо скумекать-сообразить, что приготовить заранее до рассвета поись-поклевать петуху. Всякие домашние животные и птицы, а также всевозможные звери и маленькие зверьки, согреваются и живут за счет пищи. Петух – ведь он же мой воспитанник. Здесь он, в этой стайке, родился около десяти лет назад. Вывела его мать-кура, матери его уже давно нет, также нет его сестер-кур. Извелось все его родство. Он живет в стайке один, как сирота. Петуху, наверно, тоже обидно и тоскливо проживать в неволе, подобно заключенному в одиночестве. Ничего с ним поделать не могу. А резать-губить преждевременно нельзя. . .

Стайка пристроена к избушке. Температура в стайке такая же, как на воле. Одно отличие – не веет, не дует ветер, если бы веял-дул, мой петух давно бы замерз. Сей год, 1981–1982-й, по сравнению с прошлыми, зима еще сносна, не так уж холодна, но как бы дело ни было, зима есть зима. Терпеливый Петя, дай бог ему здоровья! Пусть живет, пусть переносит любые морозы, если они будут. Ничего поделать нельзя выше естественного, что есть над нами. Мы, люди, не можем изменить температуру так, как хотелось бы нам.

Стал приниматься за приготовление пищи-корма петуху. Нарезал-накрошил намелко отбросы. Картошку перемешал с сухарями мочеными. Все это делал на специальной доске, котора была положена мною на кухонный стол. Оглядел кругом кухню: во что же смахнуть пищу-еду петуху? На глаза не попадается ничего. Плюнул в сторону, вспомнил: ведь ты же, старый черт, порожню посуду всегда кладешь под кухонный стол. Это тарелка, из которой всегда кормишь своего Петю. Она пустая,

возьми, смахни в нее приготовленную пищу петуха. Так и сделал и положил тарелку на то же место.

Не стало никакого соображения, исчезает память с каждым днем-часом. Как будешь дальше жить? Как придется, так и буду жить.

Да разве я один живу в одиночестве в нашем поселке?
Считай по пальцам, насчитаешь шесть человек, я седьмой. Все эти люди имеют склонность к размышлению аналогично мне. Думают о преждевременной смерти, которой еще не видно. Разве смерть можно увидеть, это не предмет? Дурак, старый черт! Нет, не дурак, такой рожден моей мамой Татьяной Егоровной, которая проживала где-то когда-то в лесной Архангельской губернии.

При моем детстве лес истреблялся вовсю людьми. Сейчас в настояще время уже таких лесов там нет, остались одни мутовки, мелкий лесок. Лес-красавец истребленный, как жаль при воспоминаньи мне тебя, такое видел шестьдесят пять лет назад! Представляю в воображении грусть навеяну лесную в душе своей. Теперь и зверю там жить негде. *В связи с уничтожением лесов душа тоскует, покою сердцу не дает.* Зачем страдает душа моя и сердце вечно? Зачем народила меня моя мать на страдания Татьянка?. .

Обрисовать картину родины словами всю мне невозможно-трудно. Родина моя не так красива – грустна была мне с детства. Бродил, скитался я по ней, и часто умывался я слезами. Порой голодный спал в избе холодной с родимой мамушкой родной. Грызет тоска душу и сердце. . .

Еще неотложная работа в глаза мои впирается: надо прочистить в топке-плите огарки и выгрести из поддувала золу, эта работа неотделима и неотложна от всех хозяйственных домашних работ. Если эту работу не изделашь, некуда будет класть вновь ни дрова, ни уголь. До такой степени допускать ни в коем случае нельзя, чтобы на ночь не топить печку-плиту. Иначе можно при повышенной морозной температуре в любой избушке замерзнуть, а ты говорил-мечтал: где смерть бродит, ходит. . .

Вот развиднело утро, день в окно стучит ко мне на кухню. Взял тарелку с кормом-пищей петуха. Несу и думаю-мечтаю. . . Живой ли Петя у меня? Он нужен мне для повторенья. Срисую я его такого. . . Пусть позавидует любой национал, независимо от расы, образования его. Земли российской, а может быть, еще какой? Мечты дурацки! Переходят, карабкаясь на высочайши горы. Пусть будет мир людской труд мой видеть

в этом петушке-петухе. *Дурацки мысли нельзя запереть под замок. Пусть говорят промежду себя, что хотят.*

Отпер замок у стайки, где мой воспитанник-красавец Петя. Открыл я дверцы, смотрю: мой Петя дожидается меня и пищи. И как бы хочет он мне сказать про что-то взором-глазами. Чувство сердечности имеет домашняя одинокая птица ко мне. У меня свой язык, у него – другой. Сговориться мы не можем, так устроено не нами. Дальше что? Вышел я из петуховой стайки. Мороз поджимает, корчит старо мое тело. Как переживем петух и я зимние морозы? Зашел я с воли – в кухне прохлада. Осмотрелся кругом, подумал: что делать? Затапливать плиту-печку или обождать?. .

Как же наши государственные деятели хотят построить новое общественное житье-бытье, то есть счастливую жизнь для будущего человечества? Прошло шестьдесят четыре года всенародной нашей власти. Зайди куда-нибудь, где густо-много народа! Гляди и чувствуй! Клади гамонок подальше, а то утащат мелочники-карманники-воры, и хлебушка буханочку не на что будет купить. Общая жизнь хороша: где-то можно кому-то улыбнуться, пошутить, а где-то нарыдаться. Если так будет продолжаться еще раза три по шестьдесят четыре года, то итог будет такой: $64 \times 3 = 192$ года. Эта дорога будет уже порядочна для ожидания счастья и всего прекрасного для новых поколений.

Стою в раздумье, как столбик вкопан в землю. Счастья люди добры не получат долги-долги времена, а может, никогда. . . Ворье растет везде и всюду ежедневно, как в предосенне время грибы растут в лесу в урожайны годы! Люди строят для себя счастье из поколения в поколение веками, но счастливо жили и живут немноги. Почему же счастье убегает от народа, али все люди грешны перед богом всенародным? Простой оборванный мужик всегда стоял, стоит пред богом на коленях. Унижен, осмеян мужик самим же богом. Разве мыслимо добиться счастья народу от своих богов, их приспешников и палачей, когда сами боги творят „чудеса“, какие им угодно? День четверг, 28 января 1982 года[••].

Соседскую собаку по кличке Волчок Селиванов нарисовал в первые годы жизни „на бугре“. Художнику хорошо было видно ее из окна, но пес всегда сидел на цепи, и оттого был грустным. Для того, „чтобы глаза стали другими“, Селиванов попросил отвязать Волчка. Впрочем,

[••]Из письма Селиванова М.М.Кушниковой.

потом рисовал его и сидящим на цепи, но цепь всегда „упускал из виду“. Так он видел Волчка и хотел показать его доброту.

(Комментарий Ю. Г. Аксенова: Здесь уже отмечалось, что у животных особые, селивановские глаза. Вот и собаке Иван Егорович „вставил“ свои глаза. И это не очеловечивание. Нет, здесь все по Вернадскому: не ведая учения о биосфере, Селиванов знал, что человек только тогда человек, когда в нем живет надежда на выживание и напрочь отсутствует сходство со злым, опасным животным. Но рядом с этим знанием уживалось и убеждение, родившееся из опыта: без человека природа красивее. Потому и „у собаки на цепи глаза другие“.)

> Иду по своему поселку, по праву руку от меня избушка. У избушки привязана пестра – черно по белому – собака, большая, легавая. Она имеет, на мой глаз, неприятный вид, оттого что запылена землей. Собака упорно рвется с цепи с лаем и визгом на мою старческу фигуру, несмотря на то, что до меня приличное расстояние.

А вот „Корова“ пришла к Селиванову из далеких пастушеских дней. Животное изображено в непривычном ракурсе, с остро выпирающими из-под кожи костями головы и ребрами. „Это как бы не настоящая корова, а как бы ее скелет. Так работали мои мозги“. Но зритель все равно видит живую корову, и в печальных ее глазах читает многое из селивановской жизни.

Но кто бы знал, что художник обожает диких животных! Обезьян, медведей, львов, слонов. „Наверное, такой инстинкт в моей голове“. И больше всего из зверей любил Иван Егорович „благородного оленя“. „Чрезвычайно красив. Незабываемо! И по природе своей имеет традиционную красоту. Хотя видел я только своего северного, а тех оленей, которые живут на Кавказе или в Крыму, никогда не видел. . .“

(Комментарий Ю. Г. Аксенова: „В образах животных Селиванов запечатлел грани своего характера. Я обратил на это внимание по датам создания работ, начиная с выставки 1956 года в ЦДРИ. Так, появление льва, слона, лани совпало с началом признания, обезьяна возникла после судебного разбирательства по поводу продажи начальством бревен на сторону на лесоскладе, где Иван Егорович работал сторожем, а „Кот“, как мы знаем, появился в ЗНУИ через год молчания после смерти Вари. И на выставке в Новокузнецке, объясняя именно так суть этих работ в присутствии автора, я заметил огонек озарения в его глазах. „Как ты догадался?“ – воскликнул художник. „А правильно я говорю?“ – „Да, правильно“, – поддержал он меня во время осмотра выставки“.)

Так незаметно художество стало смыслом жизни Селиванова.

– Художник – слово большое, творческое, – говорил он. – Живописец обязан знать все предметы в большой и малой форме, и если потребуется, слепить лошадь, человека, корову, медведя и прочих животных. Только все это нужно делать при упорном труде творческого мышления. А первый помощник в этом деле наш родной русский язык, который желательно

бы знать всем нам, русским людям, на „отлично“. Потому что русский язык – толкач всех наук. Всякая наука состоит из своих правил, законов и формул. Наук очень много, и человек должен разбираться в тех, в которых заинтересован.

Меня в учении Юльи Ферапонтовны (первый педагог Селиванова. – *Н.К.*) заинтересовало то, что каждый начинающий художник должен рисовать по памяти-представлению-воображению. Так я и работал всегда. Особенно трудно рисовать птиц, зверей, домашних животных. Мне помогала повседневная практика, я же большую половину жизни возрастал и находился в окружающей природе – на Севере, Урале, Украине, в Сибири. Так что и до развития в себе живописных способностей наблюдал за движением человека и животного мира. Наверное, я такой родился. Считаю, *сама сущность жизни – в любви человека к живому существу.*

– Юрий Григорьевич, сказалось ли как-то на фазах, которые переживал Селиванов, то, что художество так долго вызревало в нем? Какие периоды в его творчестве вы различаете?

– С самого начала, с 1946 года, художник заявил о себе как о создателе вечного образа. Его коровы, лошади, куры смотрели на вас не с конкретного кусочка земли – из вечности. В работах явно просматривались глубинные традиции, уходящие в даль веков, в художественный опыт прахудожников. Светотень и анатомию он не использует – лепит фигуры, как высекает из камня или вырезает из дерева.

Корова с отставленным ушком, как бы спрашивающая: „Когда накормишь, Иван Егорович?“; свинья – „вид спереди“, „вид сзаду“, „вид сбоку“; клюющие куры, образовавшие удивительно ритмичный ряд. Я ценю эти работы выше, чем то, что сделано маслом, потому что считаю, что в живописи Селиванов не реализовал себя полностью.

Для меня в общении с этим учеником вообще открылась истинность гипотезы о том, что развитие творческой интуиции проходит по спирали. С 60-х годов я стал писать об этом, показывая работы и Селиванова, и других художников, хотя понимал, что тогда этого „быть не могло, потому что не могло быть никогда“. Но переход от одной системы изображения к другой шел у Ивана Егоровича естественно и неудержимо.

Было и такое, когда по рекомендации коллег в 1957–1960 годах я посоветовал Ивану Егоровичу вернуться к тому, что найдено в „Девочке“. Художник даже не отозвался на это в письмах. И запрет Юлии Ферапонтовны Лузан писать красками отверг. Сделал „Цветы“. „А „Цветы“ целы?“ – спросил он меня, когда мы встретились на выставке в Новокузнецке в 1986-м. Так дорога была ему эта работа 50-х годов: первое откровение в цвете – на глазах расцветающие цветы.

Этот декоративный „Букет“ и „Собака“, написанная маслом, ознаменовали вторую фазу, в которую вступил Селиванов. Ему никак не давалась светотень. Не случайно в портретах он затушевывал пол-лица какой-то краской. Посмотрите, как бедна и робка его „Девочка“ на работах „пробного значения“ – настоящая „серая мышка“. Художник и сам это чувствовал. И вот, как мечту, радуясь краскам, он пишет „Цветы“. Но света нет и в них.

Обращается к пейзажам и обнаруживает: все зависит от состояния света, а он, как нигде, сияет на сибирских просторах. Присылает этюды – овраг, изгородь: в них попытка передать свет в пространстве. Замечательно, что Селиванов не пошел по этому пути – его ждала бы жалкая участь эпигона импрессионизма. Он начинает искать, как охарактеризовать светом свой вечный образ. И свет становится для него средством образного мышления. Посмотрите на его „Дом в Прокопьевске“ – он весь залит сиянием.

Примечательно такое его обращение ко мне в письме: „Пришли ящик свинцовых белил“. – „Зачем?“ – „Я художник неумелый. Писал портреты торговых работниц – надо их халаты чи-

стыми написать. Пришлось в тень вывешивать". Такая же белая сорочка у Голованова на „Автопортрете с Головановым", такие же белые стены у прокопьевской избушки, которую он только что побелил. Отношение к белому цвету у Ивана Егоровича – как к явлению: цветовые примеси отсутствуют.

Третьим периодом называю время, когда „ему стала сниться скульптура", то есть возник интерес к объему. Появляется „Автопортрет с указующей рукой". Селиванов изобразил себя в вечной неизменной позе – этим приемом пользовались византийские и русские иконописцы. И тем не менее, несмотря на позу, зритель ощущает внутреннее движение. Именно этого требовала от Селиванова Юлия Ферапонтовна, но требовала преждевременно. Оттого и возник конфликт – „как от стенки горох!". А в 1965-м он перечитывает письма Лузан и делает пометки: „Очень важно".

Как мы знаем, в 60–70-х художник написал несколько автопортретов, в них ярче всего раскрылась суть его творчества. „Красота природы. В какую сторону ни глянь, везде своя красота природы и человека. Ликует солнце широко над землей, и отражаются лучи над водами повсеместно. Мама, мама, я люблю природу!" Всего известно около десяти автопортретов Селиванова, хотя поначалу художник „не хотел прославлять свою физиономию перед народом" и рисовать свой автопортрет начал только по просьбе Аксенова. На автопортретах этих, как и на портретах жены, прослеживается вся жизнь Ивана Егоровича.

Вот полный сил молодой человек в фуражке железнодорожного рабочего. Путевой обходчик. Таким он появился в Сибири в военные годы. Но во взгляде уже настороженность, во всем облике готовность отражать удары судьбы. А более чем через тридцать лет перед нами уже старик в плохоньком картузишке и видавшем виды сторожевом тулупе. Он уже остался один, без Варюхи, и в который раз жизнь окрасилась в трагические тона. Он знает цену жизни и цену людям, он знает цену себе. На него надвигается десятилетие беспросветного одиночества. Что поддерживает его? Простая, мудрая и глубоко выстраданная мысль: „Мы, люди, по-разному живем и по-разному понимаем жизнь свою. Кто как может ее построить. Это моя мысль, это моя фантазия мысли, без фантазии жизнь деятеля невозможна".

Есть у художника два автопортрета, в самих названиях которых звучит воспоминание – „Каким я был молодым" и „Каким я был в средние годы". Есть и „Портрет мальчика", который Аксенов также предлагает считать автопортретом. Главное ощущение, которое оставляют эти работы: сломить Селиванова было невозможно.

Среди галереи селивановских автопортретов есть три, написанных примерно в одно время, в середине семидесятых. Все они как бы повторяют друг друга, воспроизводя облик могучего великана, – Селиванов изображал себя в одном и том же ракурсе. Но есть и отличия. На „Автопортрете с указующей рукой" (1972 год) – „сусанинском", который вошел во „Всемирную энциклопедию „наивного искусства", великан изображен с рукой, вскинутой в указующем жесте: „Он как бы показывает мне, как писать картину".

Этот портрет хранится в Музее самодеятельного художественного творчества народов РСФСР в Суздале и не так широко известен зрителю. А тем не менее именно эту работу, притягивавшую к себе тысячи зрителей на выставке „Слава труду" в 1974 году в Манеже, хотели было продать за границу. Помыслил об этом и сам автор: „Предлагали, предлагали мне, чтоб я в зарубежный музей работу продал. Когда выставка за рубежом была. Только я не отдал работу, а по совести – так сперва колебнулся. Потом долго думал: как это я лик свой запят-

нал – даже мысль такую в душу пустил. Это же как бы я мысленно Отечество хотел предать. Моя работа – для моей Родины“.

На автопортрете, датированном 1978 годом, мне кажется, звучит мотив обыденности: великан словно собирается с силами, он – в смятении, краски его образа как бы стушеваны. И самым знаменитым стал „Автопортрет с голубыми глазами“ (1976 год), который специалисты называют „портретом Человека“. Именно эта работа и составила наиглавнейшее достоинство фильма „Серафим Полубес и другие жители Земли“. В кинокартине ее несколько раз показывают крупным планом. На портрете изображен человек, наконец осознавший свои возможности.

Этот великан несет в себе внутреннюю характеристику персонажа: сила духа, достоинство, безграничная вера в человека. Один молодой график, помню, восхищался тем, как написаны волосы и складки одежды, – словно работал резчик по дереву. Меня же не отпускает этот неотступный взгляд, который проникает в душу и как бы приказывает: не лги!

Удивительна магнитная сила этого взгляда, рассказывают в ЗНУИ. В каком бы укромном месте выставочного зала портрет ни повесили, посетители, осмотревшись, все равно устремляются к нему. „А это кто такой?“ – и начинаются расспросы. Правы искусствоведы: портрет не потеряется и в самой знаменитой из галерей мира, как, думается, не потерялись бы рисунки селивановских животных среди фотокопий изображений Альтамирской пещеры. Правда, на юбилейной выставке Селиванова в 1977 году одна из посетительниц воскликнула: „Это же пещерная живопись, это неандертальцы!“ Так что звучала и такая ассоциация с „детством человечества“.

А это рассуждение самого художника: „У каждого человека свой образ-портрет. Он – в красоте, настроении, окраске лица, наконец. У каждого человека свой пигмент, но больше всего привлекают смотрящего глаза. Смотри в них и поймешь самое главное. Вот и английский природописец Констебль говаривал так: „Если художник может нарисовать портрет любой женщины и любого мужчины, это значит – он будет настоящим художником во всех формах и знаниях“.

В „Автопортрете с Головановым“ видим непривычного Селиванова – задорного, по-молодому веселого, немного даже задиристо смотрящего на вас. Работа эта, выполненная в последние годы жизни, конечно, передает атмосферу встречи, происшедшей когда-то давно, но подарившей радость взаимопонимания и оттого – незабываемой.

Последний автопортрет, написанный в 1986 году, отличается тем, что знакомый нам взгляд старика, такой ясный и твердый прежде, подернут горькой печалью. Каждый смотрящий может вступить со стариком в беседу и поведать ему о самом горьком.

Утешением ему будет рассказ о жизни, в которой с настоящей самоотверженностью превозмогались голод и холод, нужда и тщета исканий, болезни, одиночество, старость, в которой с подлинным героизмом человек отстаивал право оставаться самим собой и во второй половине жизни сумел рассказать обо всем этом в своих картинах.

(Комментарий Ю. Г. Аксенова: „Емельян Пугачев“ – так сказал о Селиванове кинорежиссер Эльдар Рязанов, побывавший на его персональной выставке в Москве, состоявшейся в конце января 1987 года. Мне кажется, что это все же внешнее сходство, а по существу последний автопортрет – действительно картина жизни прожитой и „горя-бед“, увиденных в доме престарелых. Как написал художник однажды в своем дневнике: „Сегодня я в голову всю жизнь в одно собрал. Какое нужно сердце, чтобы перетерпеть все мои невзгоды! Пережил я все свои суровые военные годы и годы своей нищеты. День понедельник, 30 апреля 1979 года“.

Заметьте: со всех холстов на нас смотрят люди, кошки, собака, слон. И только этот автопортрет как бы устремлен сквозь нашу сиюминутность".)

„Смотри в глаза и поймешь самое главное". Смотрите в глаза селивановских портретов, и вам станет ясно, что рождает восторг зрителей. „Истина, правда, справедливость – существуют они?" – непременно зададите вопрос. И услышите: „Они – в вас самих".

– Иван Егорович, а вы знали, что станете художником? – спросила я Селиванова в свой последний приезд к нему.

– А как же! У каждого человека имеются свои чувства по всем видам образности окружающего мира. Чувства, это вам, понимаешь сказать, не детская игра в бабки, а как бы предвидение своей жизни наперед. Настоящий художник должен разбираться в чувствах человека, которого рисует. Без изучения этого мира не может быть творца искусства. Если художник не интересуется людьми, подобными ему, это не художник, а какое-то отродье, не понимающее общественной жизни. И своей личной тоже. Не каждый может выразить смех, горесть и радость на лице человека, а это и является главным содержанием всей живописи. По этому умению и определяют степень, которой художник заслуживает в обществе.

В молодые годы чувства предсказывали мне: надо быть настоящим человеком. Тогда я отвечал сам себе: надо за что-то взяться, попробовать и испытать, что из меня может получиться. Одни чувства говорили мне: вы должны быть большим литератором, только нужно изучать писателей, независимо от фамилий и образов, ими созданных. Другие говорили: попробуй быть художником. Вот по этим последним чувствам я и начал заниматься художеством. Это все предчувствие не случайность. Эти чувства рождаются по инстинкту (то есть из внутреннего ощущения себя. – *Н. К.*).

Писатель рисует портрет человека словом, и образ героя как бы растворен перед вами в тумане в дневное время, вы не видите его. Живопись, в отличие от литературы, отдает всю красоту действительности образу человека. Поэтому я считаю, что портретист находится на особой высоте по сравнению с другими жанрами художественного творчества. Если художник будет кидаться во все стороны, как заяц, то он к мастерству никогда не придет.

Странно устроена жизнь. Человек, который всегда страдал от пренебрежения и недоверия людей по причине „невидности своей фигуры", пишет картины, излучающие доверчивость. „Когда услышу от проходящих людей доброе слово, дух у меня поднимается и сил как бы прибавляется. Несмотря на то, что гол, как пес борзый у недоброго хозяина".

– Иван Егорович, а есть картина, которая всегда вас вдохновляет, которая, если можно так сказать, учит вас? – тоже из последнего разговора.

– Да! Вот картины – когда-то видел я в одной купеческой избе: лес сосновый, луг зеленый. Извозчик едет зимою в кошевнях. Точно это все живое. В глазах, в памяти у меня стоит до сих пор. Отрадой веет в душе моей. Забыть творенья эти я не могу.

– И, как считаете, предощущенья ваших юных лет сбылись?

– От рисования, несмотря ни на что, я никогда не отрекался, но видел в этом деле такую цель – посмотреть, что из меня получится: настоящий художник или настоящий нищий. А сейчас себе и своему труду оценку давать не имею права. *Не тот художник, который хвалит сам себя, а тот, который достоин своего дела, и ценит его труды весь род.*

– Иван Егорович, а приходилось ли вам оценивать свои картины?

– Продать работу не могу, так как это – продать свою голову. Какие бы капиталы ни были, в землю не закопаешь.

И здесь, думаю, самое время поведать читателю новеллу о двадцати семи тысячах. История

эта, как и все, что происходило в жизни Ивана Селиванова, яркий штрих к характеру художника. Капиталы не капиталы, а деньги у печника водились. Постоянно давал взаймы соседям – и немалые суммы. Но, дав в долг, скрупулезно записывал, кому и сколько дано. Правда, срок возврата никогда не обозначался. Заглянем в дневники: „23 января 1970 года. Зойка Славки Попова принесла 50 рублей долга, за ним осталось 109 рублей 70 коп.“; „Был Тувалов, отдал сто рублей долга. За им осталось еще 110 руб. 14 августа 1981 года“; „Дал Алевтине Гильмияровой 250 руб.+15+40=305 руб. 30 марта 1981 года утром“.

Но доброта отшельника была людям не по нраву. Сколько горестей доставляли они старику, разоряя его огород, воруя „животинок“ из стайки, „забывая“ вернуть долг, обыскивая избушку в поиске „капиталов“. Прокопьевский художник Георгий Стаценко, случалось, навещавший собрата в начале 70-х, вспоминает, что аксеновские письма вместе с грамотами и дипломами хранились у того в . . . поленнице дров. В этом же свертке были журналы с репродукциями картин и рисунков, то есть самые ценные вещи. Оказалось все просто: „люди-воры“ не догадывались порыться среди дров.

К обитателям Верхней Голубевки (поселок Марс), среди которых обретал второе рождение Иван Селиванов, уже обратилась в своем фильме „Синий кот на белом снегу“ режиссер Валерия Ловкова. Она взяла интервью у соседки Ивана Егоровича, рассказавшей, как соседи обижали старика, как однажды, увидев разбитое окно, он „плакал, как женщина“.

Что сказать „марсианам“? Не ведали, что творили? Улыбнуться со вздохом: легко отделывался Иван Егорович? Вспомнить монолог горьковского Сатина „О, люди, люди! . .“? Или задуматься о несовершенстве мира? Стоит ли? Лучше послушать еще одну землячку Селиванова – Мэри Моисеевну Кушникову: „Селиванов был „человек реальный“. Признание здесь, на месте, сулило улучшение его жизни. В последние 5–6 лет в его доме попросту опасно было жить: потолок провис и грозил обрушиться ежеминутно. И он это понимал.

Самая тяжелая его пора не год 1985-й, когда он попал в „казенный дом“, а год 1984-й, когда он „сломался“ и дал согласие на переселение, поняв, что дальше ему так не прожить. Он был далеко не тщеславен, но публикации о себе, а особенно телепередачи ценил утилитарно: авось власти чухнутся и отремонтируют его избенку. А „власти“, по преимуществу изумительно невежественные, но бодро судящие об искусстве, так далеко зашли в отрицании „этого грязного и ненормального мазилы“, этого „побирушки и спекулянта“ и т. д., что признать себя неправыми им честь мундира не позволяла“.

Селиванов сам поясняет свои странности: „В моей избушке всегда тихо. Только иногда слышу шорох котика Васи или завывания непогоды. От напора сильного ветра скрипят доски на крыше избушки. Тогда в моей душе и сердце чувствуется какое-то неблагодушие. Организм по воле моего мозга работает ненормально. Что-то мешает, что-то тревожит . . . Пойти, что ли, к врачу спросить, почему так влияют на мой организм ветер на воле, шорох котика Васи в избушке? Что за глупости? Пойдешь к специалисту с таким вопросом – не примет. Не будет с тобой разговаривать. Их, таких врачей, и нет в нашем городе. Лучше не ходи, не морочь себе голову, не тревожь других. Для этого нужен врач-невропатолог, который занимается лечением человеческого мозга“. Есть у Селиванова такая запись: „Родился я мертвяком. Меня бабки-повитухи отходили. Знать, на долгую и трудную жизнь“.

„Марсиане“, говорят, в поисках клада перекопали весь селивановский огород после отъезда художника в дом престарелых. А „власти“ очень долго „отрывали головы“ журналистам, поднимавшим селивановскую тему. Так что история с двадцатью семью тысячами, на мой взгляд, прочное звено в единой цепи.

НОВЕЛЛА О ДВАДЦАТИ СЕМИ ТЫСЯЧАХ

Двадцать семь тысяч, а может, и больше скопил печник за долгую трудовую жизнь. Помогло и везение – выпал денежный выигрыш. Сберкасс не признавал. И лежали деньги, плотно упакованные в бумагу и надежно перевязанные бечевкой, скажем, на чердаке за печной трубой. Для чего хранил их старик – и сам не знал. Давно привык жить, ни копейки на себя не тратя. Обходился самой малостью. Но тайник тот был настоящим, и никто о нем не знал. Пока не доверил Иван Егорович тайну молодой женщине, которая лаской да обходительностью, а также разговорами о творчестве скрашивала его одиночество.

„Как Н. разнюхала, что у меня имеются такие деньги – не знаю. В одно время подошла с просьбой: „Помоги мне. У меня мать умерла. Будь за отца. Учусь в педагогическом институте на географа“. Поразмышлял: пусть приобретает образование. Образованному человеку легче живется на белом свете. Долг обещала отдать сразу же после учебы. Сказала: продам свой дом за эту сумму – 17 тысяч рублей – одному человеку, он дал мне на эту сумму расписку. Н. принесла мне такую же расписку, какую дал ей и я. Подумал: все правильно.

Прошли все сроки. Н. живет где-то в нашей стране. Забыла про долг, не думает являться и попадаться мне на глаза“.

Нетрудно догадаться, как рассуждала предприимчивая авантюристка. „Восьмой десяток старику, и коли до сих пор не потребовались ему деньги, то вряд ли понадобятся завтра и послезавтра. Так и пропадут без дела . . . А в погоню вряд ли дед пустится! Годы-то, только о душе и думать, какие уж там деньги! . .“

Немногие друзья заставили все же Селиванова обратиться в милицию и потребовать разыскать обманщицу. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Впрочем, пусть и эту неприглядную историю расскажет сам Иван Егорович.

Был с распиской на 17 тысяч рублей у прокурора города Прокопьевска Шинкаря. Он написал распоряжение к начальнику милиции. Пришел – его не оказалось на месте. Стою в коридоре, читаю это распоряжение. Идет секретарь, спрашивает: „Кого ждете?“ – „Начальника милиции“. Взяла у меня бумажку и позвала с собой. Я стал рассказывать о своем положении, вынул расписку из корочек, показал. Она спросила: „Вы писать умеете?“ – „Нет (сказал так потому, что был в расстроенном состоянии). Напишите вы“.

Она стала писать на большом листе бумаги заявление о розыске Н. по задолженности в семнадцать тысяч рублей. „Подпишись“. Я расписался с расстройства кое-как. „Ваше дело будет поручено Соболеву. О результатах сообщим“. День понедельник, 16 февраля 1981 года.

В казенном помещении видел милицейских работников, но форма на них гражданская. Я с ними не разговаривал, они со мной также. Не было дел – не было разговора. В это время к нам зашла Н. Она почему-то стала

ниже ростом, и вид не студентки молодой, а обыкновенной женщины.

Она стала передавать нам свои мысли в разговорной речи: „Была я в одном промтоварном магазине, видела много хорошего дорогого материала“. После ее разговора милицейские мужчины в гражданском одеянии ушли, и помещение превратилось в магазин. Н. заделалась продавцом. Мне понадобились спички. На прилавке лежало пять коробков, я взял три. Полез в карман за мелочью, и в этот момент Н. скрылась от меня, и я слышал только ее голос: „Скорей!“ Кому она это сказала? . . День понедельник, 16 февраля 1981 года.

Виделась Н. С кем-то она разговаривала о своем долге. Она все отрицает: „Я никому ничего не должна!“ Вид ее нехорош: задрыпана, замызгана, и рост ее немного уменьшился. День пятница, 20 февраля 1981 года.

Вот с какого заявления Селиванова и началось дело о семнадцати тысячах.

„Главному прокурору Кемеровской области от Селиванова Ивана Егоровича,
проживающего в городе Прокопьевске
по улице 2-я Урицкого, 35

Заявление

Я, Селиванов Иван Егорович, давал взаймы семнадцать тысяч рублей сроком на пять месяцев от 26. 06. 1980 года гражданке Н., проживающей в этом же городе Прокопьевске. По истечении срока гражданка Н. ко мне не является и скрывается с места своего жительства от уплаты долга.

Тогда я решил хлопотать с 16 февраля 1981 года. Взял расписку, написанную ее рукой 26. 06. 80 г. и подписанную двумя свидетелями – уличным председателем Марюшиной и соседом Арсентием Булгаковым. С этой распиской направился к прокурору города Шинкарю. И вот 10 марта ко мне приходил наш участковый Соболев и сказал, что появится через две недели, если будут результаты. Но 24 марта он так и не пришел.

Получается, всем ворам и обманщикам можно жить спокойно в любом городе и деревне, а работникам милиции до этого нет дела. Считаю, что работники уголовного розыска в современных условиях могут найти любого преступника, если будут искать как следует и привлекут к делу всех родственников и знакомых преступившего закон.

Что касается моего дела, работа идет с прохладцей или совсем заброшена. Прошу разыскать Н. 1950 года рождения и привлечь к ответственности за укрывательство от выплаты долга в семнадцать тысяч рублей, приобретенных-заработанных мною за всю жизнь, и взыскать с нее все расходы, связанные с ведением этого дела. Считаю, что для работников юстиции-милиции и судебных властей эта работа не затруднительна. Думаю, я не должен с этим вопросом обращаться к прокурору республики. Мое последнее слово-просьба – начать активные действия и помочь мне. Селиванов И. Е. 6-е апреля 1981 г.

Первого мая получил извещение, что должен явиться к следователю 4 мая 1981 г.

Сегодня вечером Софья Кузьминична, соседка, сказала мне: „Получишь деньги с Н. без суда, но не скоро“. Ей об этом стало известно через виннового короля. День четверг, 11 июня 1981 года.

ПИСЬМО СЕЛИВАНОВА – Н.

Здравствуй, Н.! Официально говорю сегодня с тобой. Как ты хочешь рассчитываться с Селивановым Иваном Егоровичем?! Это моя ошибка, что я доверился тебе, дал такую большую сумму денег. Вернуть теперь их я уже не в силах. Я рассчитывал на твою честность, но ты ее предо мной потеряла. Изыскивай любые средства для расплаты со мной без суда, пока идет следствие. Закончится – тогда будет поздно.

Чтобы не было суда, вот что нужно тебе сделать: если ты работаешь, напиши заявление-обязательство взамен исполнительного листа, чтобы из твоей зарплаты вычитали 60–70 процентов в пользу Селиванова Ивана Егоровича в качестве погашения твоего долга в семнадцать тысяч рублей. Заверь этот документ судебно-следственными властями и отдай в свою бухгалтерию. Это мое снисхождение, а твоя – дальновидность. За счет чужого добра ты никогда красива не будешь.

Если ты этого не сделаешь, придет судебный день, и я передам в суд обе ваши расписки – на двадцать семь тысяч рублей. Нашим разговорам – ни твоим, ни моим – судьи не верят. Они верят только распискам. В крайнем случае передам расписки в Верховный суд с переведением этих своих денег в счет государства на оборону страны, и вас будут судить, как расхитителя государственной собственности. Дадут тебе положенный срок и заставят выплачивать после срока все 27 тысяч рублей. До этого не допускай! О своем решении прошу известить меня срочно. Жду следователя. Он приедет и к тебе. День суббота, 27 июня 1981 года.

Софья Кузьминична сказала, что, по картам, ко мне будут двое мужчин в гражданском и я получу письмо или деньги. День воскресенье, 28 июня 1981 года.

Не очень рано вечером какой-то незнакомец приглашал меня на совещание как нужного человека. После этого как бы мимоходом привиделась Н. – в нормальном виде, в веселом настроении. День воскресенье, 13 сентября 1981 года.

Примечание Селиванова И. Е. к заявлению прокурору Кемеровской области: „В случае моей смерти на основании расписки, данной мне Н., взыскать с нее указанную сумму и перевести на счет обороны страны. Селиванов И. Е. День пятница, 6 марта 1981 года“.

Был уполномоченный по розыску Н. Сообщил: нашли. День вторник, 8 июня 1982 года.

Ходил со следователем Колосовым к помощнику прокурора для наложения визы на документах по обвинению Н. Помощник прокурора наложила визу, арестовала Н. День четверг, 10 июня 1982 года.

(К о м м е н т а р и й   Ю. Г. А к с е н о в а: „Иван Егорович говорил мне, что дал Н. деньги на учебу. Эту бескорыстную отзывчивость по отношению к тому, кто хотел учиться, как и он сам в юности, да не мог „из-за нищеты“, что ему тоже хорошо известно, легко понять. Но почему, спросит каждый, Селиванов лишал себя подспорья для искусства, творчества?! Мне

думается, что и в этой истории сказалась мужицкая привычка „иметь про запас", но этим „кладом" не дорожить. От широты натуры, а не от скудости душевной он так поступал, руководствовался житейской мудростью, что „не в деньгах счастье". Да послушайте, что он говорил: „Потребность всей моей натуре я отвергал. Она что проститутка. Потребность мешает мне заниматься рисованием, творчеством".)

Селиванов по поводу истории со своими деньгами сделал такой вывод: „Во всем сам виноват. В обвинение к себе никого не ставлю. От всякой помощи мне государственных хозяев отказываюсь. Раз я сам во всем виноват, значит . . . лопоухий, не понимающий своей жизни, а также жизни других людей человек. Значит, нужно жить скрягой, значит, нужно любить только самого себя. Страшно удивляюсь! В глазах моих и уме моем все мутнеет, как в тумане – днем ничего не видно вблизи себя. Так жить невозможно, так жить скучно и страшно. Пожалуй, невозможно обрисовать словами, как сложна и кошмарна наша человеческая жизнь! . ."

. . . А тогда из темноты кинозала в Прокопьевске Иван Егорович молча наблюдал за жизнью Серафима Полубеса, который страдал, плакал, мучился над его, селивановскими, картинами. И, тихонько вздыхая, думал: „Ах, Варюша, Варюша, не права ты была, милая! . . Наверное, стоят чего-то и картинки мои, и все наши с тобой печали и радости . . . Был во всем этом какой-то смысл. Вон чего люди придумали . . . Фильм сняли, а все вокруг наших с тобой картинок и вертится! Не зря жили, Варюша, не зря . . ." И слеза, не замеченная никем, катилась по морщинистому его лицу.

МЫСЛИ О ТВОРЧЕСТВЕ

Рисование есть главная тактика моей жизни. Рисовать бросить мне никак нельзя. У меня весь ум направлен на написание картины, когда я ее пишу, и даже до этого, когда только про нее думаю. И чем дольше пишу, тем больше нахожу всякие ошибки. Сомнения меня мучают, душу тревожат. И я не отступаюсь от сомнений, пока все не сделаю так, чтобы мне самому по душе было •.

Видел валяющу свернуту вчетверо журнальну обложку, я ее поднял, смотрю: на этой обложке цветной мой портрет, никому не нужный. День воскресенье, 23 марта 1975 года.

24 марта в понедельник Елькин дал мне „Шахтерску правду" за 22 марта 1975 года с изображением моего портрета, со статьей чествования.

День понедельник, 23 июня 1975 года. Предполагаю, что Спартак будет иметь найвысшу оценку.

Видел работу Клода Монэ и сравнивал с ним портретные работы (мои).

Разговор с пареньком: „Зря вы так думаете, некоторые кончают вузы, а по-настоящему с людьми малограмотными – крестьянами разговаривать не умеют“. День воскресенье, 28 декабря 1980 года.

О Боге: „Идиёт, кто в него не верит. Бог – опыт народный“.

Пишу, когда во мне ликует природа.

Сижу в своей избушке, о чем-то я вечно мечтаю, чего-то вечно ожидаю. Всегда в своей работе. Давно задуман мной портрет первого педагога Лузан Юльи Ферапонтовны. Холодно в избе зимою. Надо весенних дней мне обождать, чтоб можно было рисовать. Мерещится и чудится, когда закрою я глаза свои, Юлья Ферапонтовна. Весь разум свой я буду применять, чтоб Юлью Ферапонтовну нарисовать. Гарантии нельзя давать, ни для себя, ни для других. Жизнь ежедневно в глубь времени уходит. Вчера я был моложе и покрепче. Сегодня я постарше и послабже. Так жизнь, считай, моя ушла, но все равно прожита жизнь моя. День понедельник, 14 декабря 1981 года.

Начал рисовать Юлью Ферапонтовну, первую свою учительшу. День пятница, 9 апреля 1982 года.

Природа несколько изменилась. Мне стали видны вдали полусогнувшиеся заборы, деревенские бани, которые топятся по-черному, часовня среди поля – очень хороша. По моему мнению, она недавно построена старым богомолом, верующим в русскую православную церковь. Не замечая времени, подошел к своей избе, в которой живу почти половину века. Отпер замок, осмотрелся, прилег отдохнуть. Подремав, начал рисовать карандашом на бумаге портреты мужчин. День суббота, 30 мая 1981 года.

Вернулся в свою избушку, вижу: стоят на кухне какие-то пришлые мужчины, трое. Куча сена положена в угол и присыпана съедобными подсолнечными семечками, а на краю стола лежат два куриных яйца. Начинают мужчины со мной разговаривать по поводу культурных дел творчества. Один говорит: „Нам необходимо научиться рисовать буквы“. Я им отвечаю: „Учитесь сами собой, как и я. Если будут неполадки, подправлю и подскажу, как сделать лучше. Научиться писать буквы по-настоящему – это значит строить и открывать дороги-пути в будущее, для новых поколений. Учитесь овладевать этой техникой“. День четверг, 4 июня 1981 года.

Зашел в какое-то помещение, в котором никого не было. Мне были видны книги постарелы, кем-то наложены, и больше я ничего в этом помещении не видел. Отойдя в сторону от книг, вижу небольшую картину-пейзаж. Картина неплохая, висит она на стене, по правую руку в помещении. Я уселся на что-то и начал рисовать . . . День понедельник, 16 февраля 1981 года.

Сегодня я рисую свой старый дом по представлению. Работу я выполняю на хорошей ватмановской бумаге карандашом. Как я понимаю, выходит все у меня не хуже, чем у любого деятеля-рисовальщика.

Из своей кухни смотрел на волю, над самым верхним листом рамы с левой руки мне был виден мой старый котелок, который был наполнен сырой картошкой. Этот котелок был как бы пригнут кем-то около рамы в воздухе, но я никого не видел. Из кухни я зашел в комнату. Вижу на стене надо мной портрет, каким-то художником нарисован, не женский, не мужской, понять не мог. День вторник, 31 марта 1981 года.

Я подошел, смотрю: около связанных толстой проволокой горбылей лежит моя выдерга. Откуда она взялась здесь, как с неба упала?

Я взял выдергу и начал сбивать толстую проволоку, которая была примотана на конце одного горбыля. Раздумался, зачем мне нужна эта работа, эта толстая проволока? Отвернулся, плюнул, смотрю: около

горбылей и куста-ивняка лежат три хороших художественных работы. На изображение я не обратил никакого внимания . . .

Покинув это место, направился к деревне. Долго ли, мало ли по дороге шел, но все же пришел в деревню, зашел в магазин, взял буханочку хлеба и направился домой. День вторник, 10 марта 1981 года.

Шел по улице в каком-то большом городе. При мне была картина моего личного труда. Нес я ее лицевой стороной к земле. Подошел к одному большому дому и стал заходить на второй этаж. Откуда-то взялись вокруг меня ребятишки! Да очень много. Все они идут за мной и стараются посмотреть на мою работу. Значит, работа хорошая. Какое же изобретение на этой работе-картине, я еще сам хорошо не рассмотрел.

Зашел на второй этаж. Старался найти для работы такое место, чтобы было безопасно. Посредине помещения – прямоугольная стена, напоминающая букву Г. У стены порядочна стопа чьих-то картин. Все они одного размера. По предсказанию моего ума, эти картины составляют фонд для выставок. Они уложены одна на одну по порядку, лицевой стороной к земле, чтобы не попадала пыль, но ничем не прикрыты. Почему? Мне кажется, это по халатности хозяйственника-хранителя, а может, нечем прикрыть . . .

Пока я был в размышлении, определяя свою важную работу, ребятня вся разбежалась-убежала. Я положил свою работу поверх стопы картин и осмотрел помещение. Подумал, почему здесь нет никого? Может, сторож или еще кто стоит и смотрит на территорию из засекреченного места? Проверяет совесть клиентов? Мало ли дум и помыслов у каждого хозяйственника. Я оставил-таки работу здесь. Надеюсь: будет сохранена. Вышел, посмотрел по сторонам, свернул направо. День среда, 13 мая 1981 года.

Сегодня ходил в поле, день был особо благоприятный для меня. Это способствовало развитию моей мозговой системы в будущем, что касается рисования пейзажных работ, этюдов-картин. Например, что составляет особый интерес сегодня? Вижу одну дорогу перед собой. Куда, откуда она идет? . . По обочинам местами видно жнивье после уборки хлебных злаков. На небе облака начинают изменяться, как бы предвещают дождь. День среда, 23 сентября 1981 года.

Сошли с трубы, зашли в какой-то дом на этой же территории. В доме живым не пахло, виден был один маленький чемоданчик, в котором хранятся мои первоначальные рисунки, и еще скамейка, на которую уселся спутник мой Кузнецов Алексей Андреевич. А я уселся на свой старый чемоданчик, который стоял напротив скамейки.

У меня забродили мысли: как же мы забирались на такую высокую и широкую трубу, для этого у нас не было приспособлений? И как же мы спускались по ней? Как чемоданчик с моими первыми рисунками попал сюда? Кто его принес? . . День суббота, 21 февраля 1981 года.

Вышел из огромного круглого кирпичного помещения на волю, продолжаю путь к избушке. Мне навстречу идет молодой человек, он приглашает меня на работу в качестве помощника инженера по измерению земельных площадей – в картографию. Я впал в глубокое раздумье. *„На что мне ваши измерения и картография, когда занимаюсь всю жизнь любимым делом, которым наградила меня сама природа?!*“

Молодой человек молча отвернулся с обиженной миной на лице. Он медленно пошел в сторону огромного ровного поля, за которым *стоит сосновый лес, как стена. Все это напоминает, как прелестна природа, ее красота ложится в мою душу, как отпечаток реальности.* В пути неожиданно настигает меня мужик-крестьянин, который едет на телеге, в которую впряжена каряя молодая лошадь. Эта лошадь неимоверной красоты – как особым магнитом притягивает она меня. Чего только нет на белом свете? Всего не пересмотришь, не изучишь. День пятница, 5 июня 1981 года.

Ходил по воле в зимнее благоприятное время. Странное в голову влезло: стал на снегу палочкой набрасывать образ Карла Маркса. Ко мне подошла какая-то девчонка-подросток, осмотрела меня с ног до головы: „У тебя хорошо вышло. Жаль, что на снегу, это же замечательный твой труд, да еще образ мирового старика Карла Маркса!“

Всю жизнь брожу и всю жизнь черчу я этой палочкой. Как попало, где придется, все, что вижу, то черчу, по воле мысли неразумной. Я часто на снегу черчу, хотя выходит некрасиво, но благодаря труду руки моей душа моя порой смеется. Мгновенно труд мой пропадает. Над тобою, надо мною порошит снежок. Пусть поднимется буран, но след

труда руки моей, по воле мысли неприятной, не исчезнет без следа. День среда, 25 февраля 1981 года.

Вот передо мной железная дорога. Иду вдоль состава, дохожу до последнего вагона, там стоит паровоз. Забираюсь на него, закарабкался по лесенке на место, где мне видно два окна, два сиденья, котел паровой, всевозможные приборы. При помощи этих приборов и пара заводится паровоз машинистом и сразу двигается. Вижу все регуляторы на паровом котле – главной части паровоза.

Я уселся у дверок и окна. Передо мной появились художественные материалы, и я сразу же принялся за работу. Поезд почему-то пошел без сигнала. Такого в практике железной дороги не бывает. Поезд пошел сам собою без машиниста.

А может, я просто не заметил, я не смотрел по сторонам, кто чем занимается, я рисовал во время движения поезда то, что мог схватить. Получалось неплохо, но сделал мало.

С железной дороги за мной наблюдал один молодой человек, чернобрысый, невысокого роста. В это время поезд проходил по окраине города. Какого? Где-то за городом поезд остановился, я слез с паровоза, осмотрел все вокруг себя. Поразмыслил, направился по дороге, обыкновенной грунтовой, которая шла возле линии железной дороги в ту сторону, откуда шел состав, на котором я приехал. И когда отошел от состава в глубь окраины города, мне встретился тот самый чернобрысый человек.

Он около меня остановился, вернее, остановил меня ради своих каких-то интересов.

У каждого свое, кто чем живет, кому что нравится. Он затевает со мной разговор на тему, как я работал и что я сделал. „У вас получилась хорошая баня в нашем поселке, в нее я хожу с детства. А еще я видел, у тебя получился твой портрет-набросок, покажи, пожалуйста“.

„Отказать в просьбе молодому человеку неудобно, – подумал я, – надо показать“. Развернул листы.

Он начал рассматривать мои наброски-изображения, улыбнулся, осмотрел меня с ног до головы, но ни одного слова отрицательного не промолвил про мои работы. Его мысли в точности совпали с тем, что я хотел выразить в набросках. День четверг, 28 февраля 1981 года.

Где-то с кем-то был в одном помещении, оно имеет много сходства с моей избой. На окне с задней стены увидел два портрета. На одном – незнакомая мне личность, по образу-лицу я что-то не мог понять, мужчина это или женщина. Другой портрет – с левой стороны – был несколько в тени и в головном уборе. Я говорю своему незнакомцу-сверстнику: „Посмотри на портрет старика, это ты, да?“ – „Какой хороший, – говорит он мне, кто его работал-рисовал?“ Не отвечаю на его слова, не знаю. Портрет действительно замечательный, даже в красках. День воскресенье, 1 марта 1981 года.

ОДИН ИЗ МНОЖЕСТВА ТЫСЯЧ

Находился в одном городе на улице. Ко мне подошел молодой белобрысый мужчина среднего роста. У него в руках две порядочные картины. Одну он поставил к стене большого кирпичного дома, другую пока держит в левой руке изображением к себе . . . Он посмотрел в оба конца улицы и осмотрел меня. Я подумал: осторожный, опытный. Он показывает мне лицевую сторону картины: „Это твоя работа?“ – „Нет“.

Картина хороша – изображает город, в котором мы находимся. Он поставил картину к стене дома и взял в руки другую. С левой стороны, вижу, она измазана мазутом. Молодой человек развернул картину и повернул изображением к себе, не стал со мной разговаривать. Потом и ее поставил к первой, так что лицевую сторону я не успел рассмотреть и понять. Жаль, что не моя работа.

Мужчина повернулся от картин ко мне. Смотрит смущенным взором, как на подозрительного, чем-то провинившегося перед ним. Он говорит мне: „Вон там, на третьем доме, висит еще работа, по красоте она превосходит ту, что я показывал тебе“. Он взял работы и пошел своей дорогой, я его проводил глазами. Подумал: что за человек? Почему он мной интересовался? Неужели моя борода магнитна для его глаз? Может быть, так моя борода отличается от других, что если поставить несколько тысяч стариков куда-нибудь на обширну площадь, то этот молодой человек найдет меня? Ты из его глаз и ума не скроешься, так ты остался в его памяти?!

Глупое твое суждение и размышление, Иван Егорович, о себе? Может, и так. *Иду себе один своей дорогой, мне встречаются и обгоняют меня разные люди. Идут они, и я иду, у каждого свои помыслы*

и мысли. Куда идем, зачем идем, что найдем? Цель у всех одна: найти красоту для себя и справедливость для других. Правдивость вся в твоей душе, красота на фигуре твоей. Кто правду по жизни своей искал, тот преждевременно смерть от других получал. У сильных и слабых правда своя. Между ними вечная борьба. Жизнь человеческая батраков-бедняков под пятой у сильных властителей издавна. Не карабкайся, не шевелись, не гуляйте, голос свой не повышайте гонором. Не кричите против властителей слово „ура!“.

Дальше и дальше иду я, куда? Жизнь ни за что истрепалась у меня. Иду и мечтаю: куда я приду? Мысли играют, поют. Вон там, вдалеке от меня, от тебя – обширная площадь, не годна под пашню. Это кладбище всенародное, и там неминуемо когда-нибудь кто-нибудь закопает тебя. День пятница, 10 апреля 1981 года.

КНИГА ИЗ ФАНЕРЫ

Стою в стенах я старых у грязного стола. На столе – часы, имя носят „Молния“, стрелка точно на шести. Утро или вечер – я не знаю. *Вдруг кто-то положил книгу под руку мне. Она – из фанеры. Открыл я книгу – на первой дощечке-фанерке кем-то нарисован мой образ-портрет. Как получилось такое явление, кто рисовал меня и когда? Перевернул я дощечку-фанерку, на другой стороне напечатано таким мелким шрифтом, что читать невозможно. Может, потому что притупились мои старые глаза?. .*

Какая-то женщина ходит в стороне от меня, делает хозяйские работы. Подойди ко мне, интересная, сходи в сарай, посмотри под самой крышей – в углу одном ты увидишь кисти-пучок мой. Достань и принеси мне их! Я сотру пыль с дощечки-фанерки, а потом, может, что и прочту-разберусь, про что тут написано, кем и когда. Может, это писание пригодится для тебя и меня?. . День суббота, 18 апреля 1981 года.

БОГАТСТВО ХУДОЖНИКА

Один из военных раскупорил картину. Фигура молодого мужчины на фоне природы. Он приколотил картину к задней стене моей избы и сказал: „Посмотрите, это работа одного неизвестного художника. Картина

добра, но добра и ее стоимость". Я подумал: „*Каких только мастеров-художников нет, но добрых незначительное количество, единицы. Все богатства принадлежат народу, то есть верхушке народа, а сам создатель богатств ходит и живет среди простых людей, ничем от них не отличается*". День понедельник, 28 сентября 1981 года.

ПРИТЧА О ПОСЛАННИКЕ

Вышел на волю, направился к воротцам двора-ограды. Подошел, вытащил стежок из железных скоб, открыл – передо мной стоит высокий сухопароватый мужчина молодой. Он спрашивает меня по имени-отчеству, я – его: откуда вы, кто вас послал ко мне, зачем? Он ответил: не знаю. Я ему говорю: ко мне ничего не знающих не посылают.

Зашли мы на кухню, я ему: заходи вот в эту квартиру-избу, в которой я живу. Он сел на стул старый, который стоял около круглого стола и большого старого ящика, снял шапку-ушанку. Я сел на низку табуретку, с которой рисую. У меня забродили мысли, что это талантливый молодой журналист Владимир Сухацкий, о котором мне писала Мэри Моисеевна.

Он сидит, смотрит на мою незаконченную работу – образ Варюши. „Давно работаешь над этим портретом?" – „С августа. Еще хватит месяца на два. Все зависит от успехов. Пойдем на волю, в моей избушке серовата видимость".

Погода неважна, но я взял недоделанный портрет Варюши, вышли во двор. Я поставил портрет в тень с расчетом, чтобы не попадали смутные – не особо ясны лучи солнца. На солнце вид произведения-картины теряется, солнечны лучи как бы поглощают краску. Любая картина лучше смотрится в тени. Посмотрели друг на друга. Мысли бродят в моей старой голове: надо показать этому молодому писателю картину-пейзаж „Мой дом, моя родина".

Вернулись в избу. Я поставил портрет Варюши к стене, у которой стоит стул специально для просмотра художественных работ, и пошел в другую половину избы, котора заменяет стайку. Там хранится разна дребедень ненужна, там и моя лучшая работа „Мой дом, моя родина". Она положена-засунута в специальный мешок, сшитый из пленки-целлофана. Шила мешок по моей просьбе соседка. Звать ее Анна Николаевна Захарова. Я внес работу в избу, где живу и рисую.

Обращаюсь к молодому писателю: „Помогай вытаскивать полотно-картину, держи мешок за края“. Так и вытащили вдвоем это произведение: „Плохо видно, пойдем на простор во двор“. Поставил работу так же в тень, как Варюшин портрет. „Как смотрится, как видится? Что стоит этот труд, если продать?“ Он отвечает: „Не знаю“. – „Я тоже не знаю, хотя я его создал. На это есть специалисты по стоимости картин-товара. Сказать откровенно, делается это так: кто кого опутает. Человеческий мир стоит на обманстве и мазурничестве, это мое мышление“.

Пошли в избу. Начинает смеркаться. Подаю гостю тетрадь-блокнот: „Почитай, а я дам корм курям, а то стемнеет. Ночь долга, я должен иметь сознание и относиться к своим питомцам, как положено, не дать умереть им с голоду. Если же я умру вперед, им верная голодная смерть. Боюсь, что так и будет“.

. . . Пришел я из стайки. Сел на прежнее место. Повернулся к фигуре посланца молодого. Он дочитывает тетрадь-блокнот. Быстро читает, значит, человек образованный. Я от многих слыхал: мой почерк плох, и сложение мыслей во фразы неграмотно, а бывает, накорябано так, что грамотному читаке нельзя ничего понять в моей писанине. Люди говорят по-всячески, и правду, и кривду, – кто как понимает, кто как соврет. Да! Это естественно. Пусть говорят, что хотят. На это язык и дан.

Молодой писатель Сухацкий дочитал блокнот-тетрадь. Свернул и положил на стол. После чтения начал вынимать из большой желтой сумки гостинцы, посланны мне Кушниковыми Мэри Моисеевной и ее мужем Юрием Алексеевичем. Да! Далекого, совершенно чужого и малознакомого старичка держат в своей душе и сердце, в уме, как своего родного отца или дедушку. В своей жизни у меня такое явление первый и последний раз.

Каких только людей на белом свете нет! Да! Большое богатство – эти гостинцы, никогда не забудутся мной, пока живу на белом свете. Мечтаю: если бы были в настоящее время все люди такие, как Кушникова Мэри Моисеевна и ее неотделимый муж Юрий Алексеевич, то не надо бы было вешать замки на амбары и кладовые, как на государственные, так и на частные. Не надо было бы государству содержать ни народных судей, ни милиции. Одним словом, ликвидировалась бы вся внутренняя охрана. Ликвидировались бы враги народа всех мастей. От мелких до крупных. Как хорошо было бы смотреть на человеческий мир – красив и приличный**.

По окончании работы я очутился в большом театральном помещении, в правой руке моей откуда-то появилась новая книга, как бы предназначенная кем-то для меня. В помещении полно народу-интеллигенции в знак какого-то торжества. Одна молодая белобрыса сказала: „Это в честь твоего имени", а сосед этой женщины подтвердил. Подумал: неужели имею такие достоинства? День суббота, 29 мая 1982 года.

Это кажется удивительным, но Селиванов почти в точности описал торжества по случаю его восьмидесятилетия пять лет спустя . . .

Глава пятая. „МОЛОДЫМ ПОКОЛЕНИЯМ. . .“*

Сегодня невозможно найти точки пересечения между юношей из двадцатых годов Иваном Селивановым и современными выпускниками школы.

Когда я был молодым, заканчивалась гражданская война, вольная торговля была допущена и вольный труд. В руках этих людей находились средства производства, поэтому люди в нашей стране были чрезвычайно бедные. Сегодня, куда бы молодой человек ни кинулся для добычи куска хлеба, он везде его найдет, если будет трудиться. В наше время безработицы нет. Не сможете устроиться по специальности, работу все равно найдете, если захотите.

Молодые люди, в основном, и не думают о завтрашнем дне. Поэтому они и не способны оценить суть жизни общества, так как не испытали ни горя, ни нужды. Мое главное пожелание молодым – учиться тому делу,

* В основном, в главе собраны мысли художника, записанные во время последней встречи с ним. – *Н.К.*

к которому человек способен. Только труд может облагородить молодого человека. Труд не превратит в разгильдяя, вора, преступника. Не нужно смотреть на свою будущую жизнь сквозь пальцы. Можно не заметить, как она протечет.

Самая главная черта русского человека заключается в его трудолюбии. Наши предки добросовестно относились к своему простому труду, который дает действительную основу жизни. Те же личности, которые неспособны работать из-за лени, разгильдяйства или других каких качеств, целиком и полностью относятся к бедному состоянию воров и мазуриков.

Счастье к человеку само собой не приходит, а ищут его все без исключения. Понимают, конечно, по-разному. Одни люди считают за самое большое счастье – прилично жить, но мало или совсем не работать. А я считаю, что счастье всех добросовестных людей, живущих на земле, заключается в справедливом труде. Главное – красота вашего дела. Чем бы человек ни занимался, он должен выпускать свою продукцию красивой, приличной, пригодной для всех людей.

ЗАВЕТНЫЕ МЫСЛИ ХУДОЖНИКА

Человек нарождается на свет нежданно-негаданно, как и всякое живое существо. Ради чего он живет? Ради того, чтобы поесть, одеться, обуться? Или ради какого-то душевного взаимопонимания, отчего и появляется любовь?

Природа есть красота. За красоту с давних пор люди голову клали, в казематы шли . . .•

Кто землю родную не любит, того можно поставить в ряд с калеками и межеумками. Такой человек подобен дикому зверю•.

Ученые не знают, из каких океан-морских водных глубин выбрасываются ураганы . . . Ученый тайны не докажет: откуда, как берется огромная сила океана? Он тайны дна океанов и морей не познал, а также водные секреты не изучил. А откуда сила океан-моря в душе у человека берется?•

К примеру, мое размышление на ваше понимание. Вы идете по дороге, которая несколько прикасается к золотому пригорку. Этот золотой пригорок составляют все ценности труда всего народа, которые скапливаются веками и поколениями людей. Этот пригорок льстит ваше зрение, он манит вас . . . Вы подойдете, оглядитесь вокруг себя. Нет никого. Значит, можно взять столько золота, сколько потребуется. Забыли про все, что вы превращаетесь в самого настоящего вора. Это ваша грань жизни, ваше счастье или смерть. Ваше счастье заключается в том, что вы не нагнулись не за вашим золотым зернышком•.

Любой, хотя какой ни есть человек, если оторвется от общества людей, обязательно пропадет. Потому что все в обществе взаимно работают друг для друга. Шахтер, металлург, врач, пищевик приготавливают свою продукцию для других людей. Все мы, люди, работаем на каждого человека, и каждый работает на всех людей•.

Если человек живет для себя, только для личной жизни, такого человека можно отнести к козявкам, независимо от образования его и должности•.

Иди, плачь, ищи правое дело, когда оно замазано. Сейчас ни одного работника настоящего нет.

Изучением крупных фамилий занимался, поэтому знаю некоторых крупных государственных деятелей. Куйбышева, Ворошилова, Буденного.

Коммунизм ерунда, когда слова расходятся с делами.

Человек похож на собаку. Есть начальники, как псы.

Богом обиженные ребята. Это понятно, это все понятно. Плохо, что молодые бросают своих родителей. Свободы нет. (Про интернат в Инском.)

С порядка в семье начинается порядок в обществе. Пока с семьей не разберемся, коммунизм не построим. О семье надо так же заботиться, как курица-наседка заботится о цыплятках.

Любите простой крестьянский труд! Будьте добрыми семьянинами, дорожите близкими и друзьями.

Любовь – необъяснимое дело, и об ней слишком много разговоров, я не хочу в них вдаваться. Считаю, любовь зарождается от душевного взаимопонимания. Встречаются ежедневно молодой парень с девушкой или мужчина с женщиной, в общении узнают друг друга, вот и появляется чувство. Хорошие отношения, когда каждый знает, что другой не покинет его. Это и есть любовь.

Если есть у вас тяготение к творчеству – пробуйте! Вот я в сорок лет начал, и у меня ничего не получалось, пока не появилось в душе желание. Никогда не поздно заняться творческим трудом. Это зависит от вашего трудолюбия. Если у человека нет инстинкта к труду любезному, то творческий труд не пойдет у него никогда.

К творческой работе относится не только художественное творчество, а все, что человек делает. Например, столяр сделал простой табурет, или стол, или еще что-либо, и сделал с таким чувством мастерства – на „отлично“, – то есть покрасил свое изделие, покрыл лаком, вот оно и привлекает человеческую душу. Это и есть творческий труд. Но главное в любом творчестве – это настроение. Если у меня нет настроения, я никогда не рисую.

Родители могут подсказать ребенку только полезное в выборе дела жизни, но они сами должны что-то уметь делать хорошо.

Много вижу вокруг себя людей, как молодых, так и старых, которые имеют застой мозговой системы, подобно тому, как в реке, большой или

малой, образуется омут. Это значит, люди с таким мышлением не могут двигаться вперед ни к одной науке и культуре.

Стремление человека к своему призванию остановить невозможно. В наше время открыты двери во все учебные заведения. Счастлив тот молодой человек, паренек или девочка, которые попадают в государственное учебное заведение. В настоящее время тяготение к познаниям у молодежи большое, но двери открываются в первую очередь тем, кто учился в школе не ниже, как на оценку „хорошо“. Пожелаю молодежи осваивать все науки, которые приобрело человечество за века. Наука требует упорного труда. Малоспособны в орбиту науки не годятся.

Все мы, простые люди, должны знать себя, разбираться в общественной жизни и быть юридически грамотными. Для этого надо работать с особым упорством. Ко всему нужна честность. Не бери чужого, не отдавай своего зря и кому попало. Главное в нашей людской жизни то, что мы должны помогать всем необходимым нуждающимся.

В ресторане за всю свою жизнь мы с Варюшей были один раз. Это когда ленинградский режиссер Литвяков снимал нас для фильма „Люди земли Кузнецкой“. Ресторан назывался „Славянская уха“. Было это в Прокопьевске. Сидели за столом, разговаривали, пили, ели, смотрели на общественность, кто как себя ведет, слушали, кто о чем говорит. Этот день был праздник шахтеров.

Врагов у меня было много, а друзей не было с самого детства. Почему? Наверное, я такой красивый, потому что кто бы ни посмотрел пристально в мои глаза, не хотел становиться моим другом. Такими же „друзьями“, которые за бутылкой водки в разговорной речи любят помечтать о легком труде, я всегда пренебрегал, как прохвостами всех мастей и любителями нечистой жизни.

У каждого человека своя доброта и рассудительность, свои помыслы. И мама может быть и скандальной, и доброй, и недоброй. Но какой бы

мама ни была, она же мама. И хаманить ее (осуждать, критиковать. – *Н.К.*) ни один дитенок не имеет права в силу своего родства. Мама для других людей может быть и злой, и коварной, но для своих детей всякая мама – добрая. Ты возьми пример: птица ворона на вид и по жизни для человека противная – что-нибудь утащит-украдет. Но все одно – ворона любит и обожает своих детей. Также каждый кровожадный зверь, в каких бы условиях ни находился, в жаркой стране или холодной, любит своих детей, как и ворона. Выходит, так: все живое на земле любит своих детей – никто не похает, не покорит своего ребенка.

Очень плохо, если человек не знает своего языка. Изучайте русский язык – двигатель всех наук! Его воле и мышлению подчинится беспрекословно любая наука. Без русского языка – никуда. Если человек не может мыслить, он ничего не сделает. Словарей, я знаю, существует семнадцать томов, а слов-то сколько всего! Мы, русские люди, по-настоящему своего языка не знаем. Для того, чтобы понять русский язык, нужно много времени учиться, и все равно не каждый студент его поймет. Все мы люди русские, говорим не литературным языком, а как сможем. Из нашего брата, простых людей, единицы тех, которые знали бы русский язык, все семнадцать томов.

Детская школа есть (о детской художественной школе в Прокопьевске. – *Н.К.*), но преклонять голову не пойду. Разговаривать не умеют, служат для жалованья, а не для общего дела.

Чтобы понять жизнь вообще, больше размышляйте над своей жизнью, говорите себе правду, а не фантазируйте.

Стою на воле, молодежь столпилась на окраине улицы-деревни. Зачем они столпились, про что говорят они?. . Иду я мимо молодых по дороге. Обойти мне молодых нельзя. Поравнялся с молодежью. Снял шапку в честь приветствия общего.

В том, что мы, люди, в большинстве живем плохо и неважно свой век, попрекать некого и пальцем показывать тоже не на кого. Вся наша

жизнь и благополучие зависят от нас самих. Сумей смотреть в глаза другим с такой силою, с какой магнит притягивает металл. Кто владеет этим среди простых и лопоухих, тот живет, как в райской . . . (как в раю. – *Н.К.*) *господин.*

Наше время – век двадцатый, в котором пребывает сейчас человечество. Оно ежедневно меняется и развивается во внутреннем состоянии – душевно. Особо смотрящие на жизнь люди ничего не могут поделать с недостатками. Так прочно уцепились корни прошлого, что вырвать их со всеми отростками пока невозможно. Очень многие еще думают о том, как бы вольготнее прожить свой век. Пройдут века, тысячелетия. Забудут всех извергов и хамов. Останутся немноги имена . . . День вторник, 29 сентября 1981 года.

ГОРДЕЦЫ

Я направился к большой шоссейной дороге. Впереди идут мои знакомые молодые люди. Цель у них одна – добраться до остановки. Но они проворны, спешат к большой жизни. Мне нужно было разузнать у них один адрес.

Кричал во все горло я им: „Скажите своих знакомых адрес мне!“ Они молоды, гордо-красивы сами собою. Не сочли за нужно дело сообщить мне адрес. Вот на остановке они. Машина легковая тут как тут. Дверцы распахнулись, они уже в машине. Сигнал подал к отправке шофер. Машина помчалась. Я остался ни при чем. Скорбь темна легла в душу. День понедельник, 16 ноября 1981 года.

ДОБРАЯ ДУША

Как попал в чужу избу иль кто позвал меня сюда?. . Снял тужурку стару я с плеч, положил на койку железну, тряпками накрыту. Хотел немножко я вздремнуть. Пришла молодая черноброва дивчина солидная. Я хотел укрыться своей неважной тужуркой. Посмотрела на меня дивчина чернобровая. Поняла, что я незнакомец старый-бедный. Отвернулась от меня и мигом скрылась.

Заволновалось сердце, чаще стало биться. Уснуть теперь я не усну. Встал я с койки, направился к дверям. Уходить собрался. Повстречался с ней я у дверей. Вижу: держит полну сумку хлеба, на добавку положен большой батон. Подает она мне эту сумку с хлебом и батоном. Промолвила: „Иди домой. Согрей кипяточку, закусывай и припивай". День вторник, 1 декабря 1981 года.

ПРОСЛАВИТ ТРУД

Раскупорив письмо Сухацкого, я вынул из конверта оригинал-бумажку с почерком. Прочитал: сей год весной в конце мая месяца 26-го числа шла картина на экране телевизора „Кузбасский Пиросманишвили". Это показывали мой образ-фигуру с моими работами последними, а также прошлыми. Он добавляет в письме несколько слов об этой картине. Пишет, что пойдет повторно, тогда он сообщит. Где он слышал про это дело? С кем вел разговор на эту тему? Не сообщено. . .

В мою стару голову-мозги вошли такие мысли: *неужели имею такое высокое достоинство перед народом своей нации?! Русской, а также перед всеми национальностями страны?* Затрепетали моя душа и сердце. Про такое событие я впервые слышу от этого человека. Значит, он мне не зря это письмо прислал. Кто-то где-то заботится об моей личности и труде. *Самую главную роль для прославления человека играет труд*. День среда, 18 ноября 1981 года.

ГЕРОЙ ТРУДА

Возле дороги одна женщина прокладывала к заводскому корпусу по земле дымовой борив. Разъясню, что это труба четырехугольной формы. Работа спорилась у нее, как в сказке, неимоверно быстро и отлично. Я подумал, что ни одной бригаде каменщиков за труженицей не угнаться, так ловко укладывает она кирпич.

Эта женщина-работница настоящий герой труда. Еще один пешеход остановился около меня, тоже смотрит на ловкую работу молодой женщины. Какая проворная работница, по обряду крестьянка! Ну и что, *кто видит-понимает труд крестьянский, тот знает, что все есть благодаря ему. Он строит дороги, города и заводы, где нужно, разрушает и горы. Труд создает все, что есть у народа*. День вторник, 10 марта 1981 года.

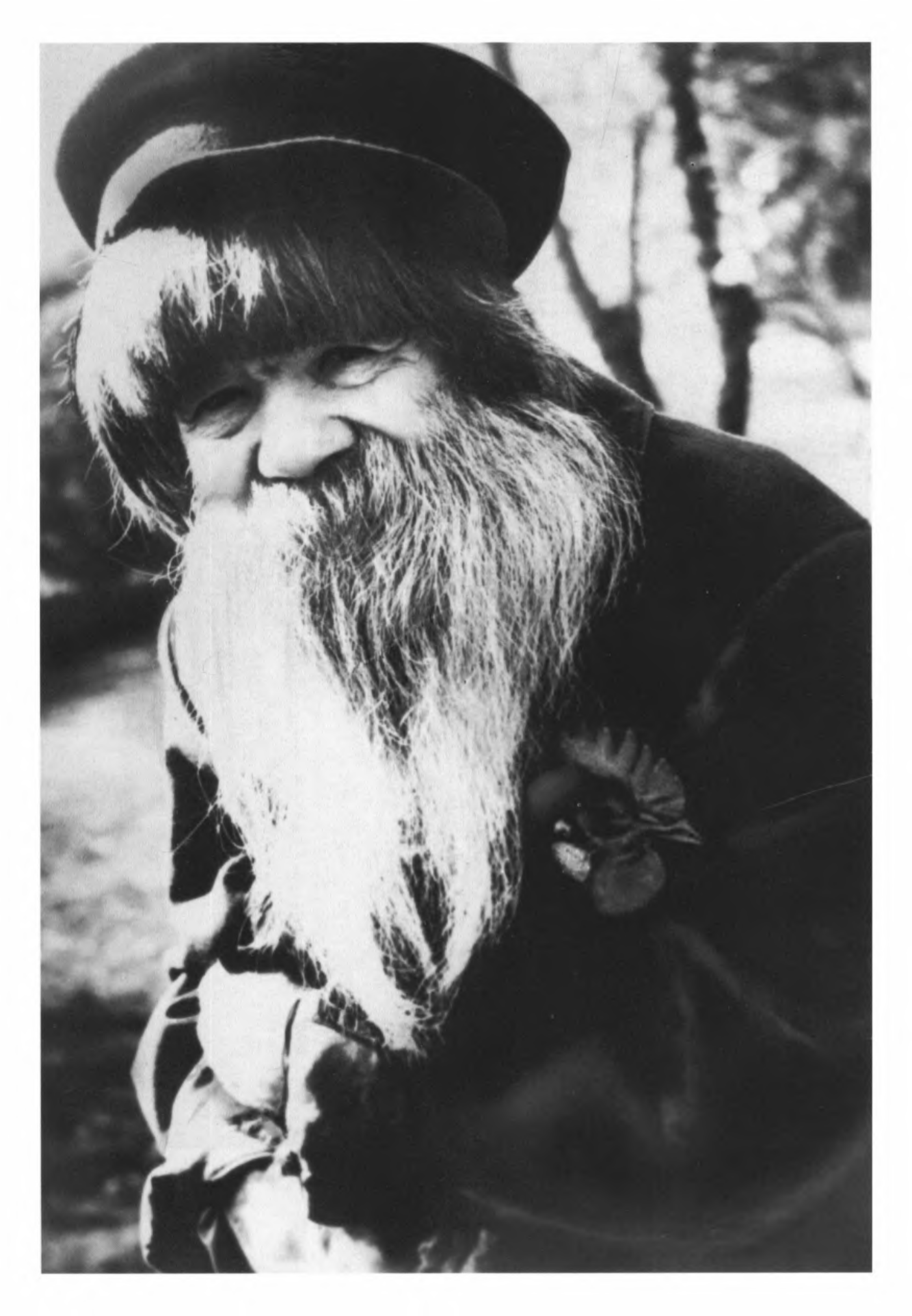
СОЗИДАЙТЕ!

Иду себе один, размышляю кое о чем. Вижу на дали от себя какое-то строительство. Шаг за шагом иду туда, вот и видны люди. Подошел к плотнику: „Здравствуйте, молодые строители, что вы строите?“ – „Современный благоустроенный дом из красного кирпича. В скором времени здесь будут жить активисты-молодожены производства газовой промышленности“.

Хорошее дело. Пусть люди живут и радуются, а главное – занимаются созиданием. Пусть любят и уважают труд наших строителей. Да! Всему надо учиться, всякой грамоте, труду. В любви к труду и уважении человека труда – наше всенародное счастье. Сознательный молодой человек – это гордость тех, у кого он познал все хорошее для расцвета личной жизни. День среда, 23 сентября 1981 года.

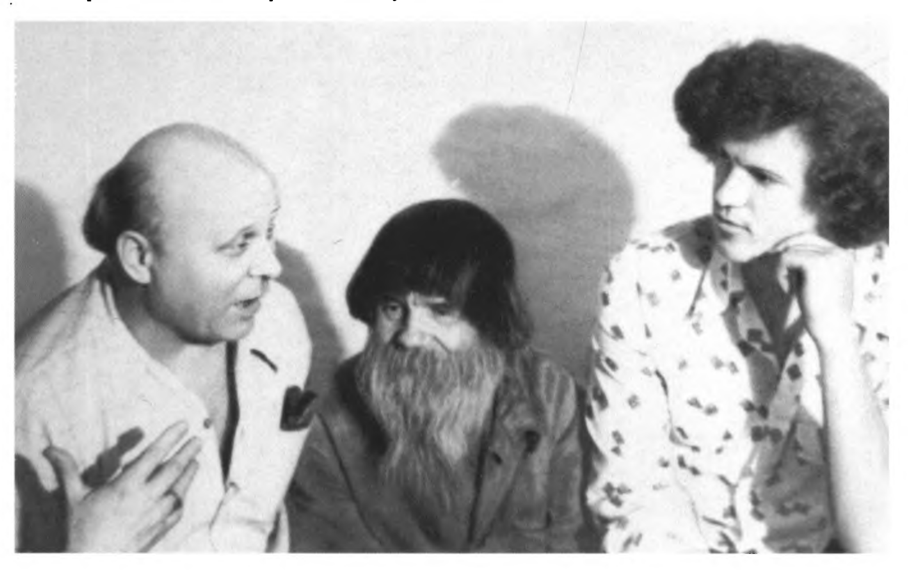

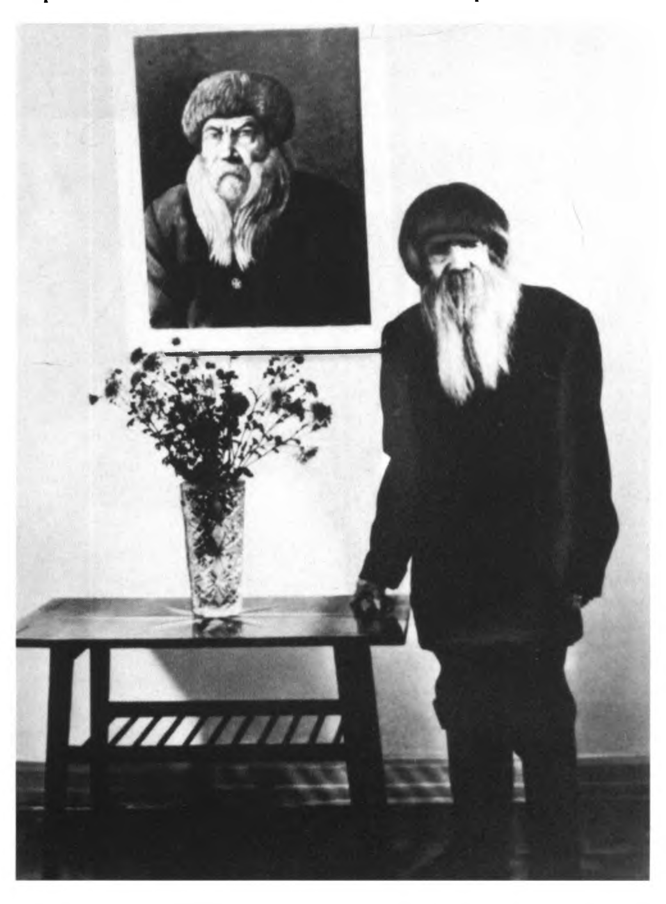

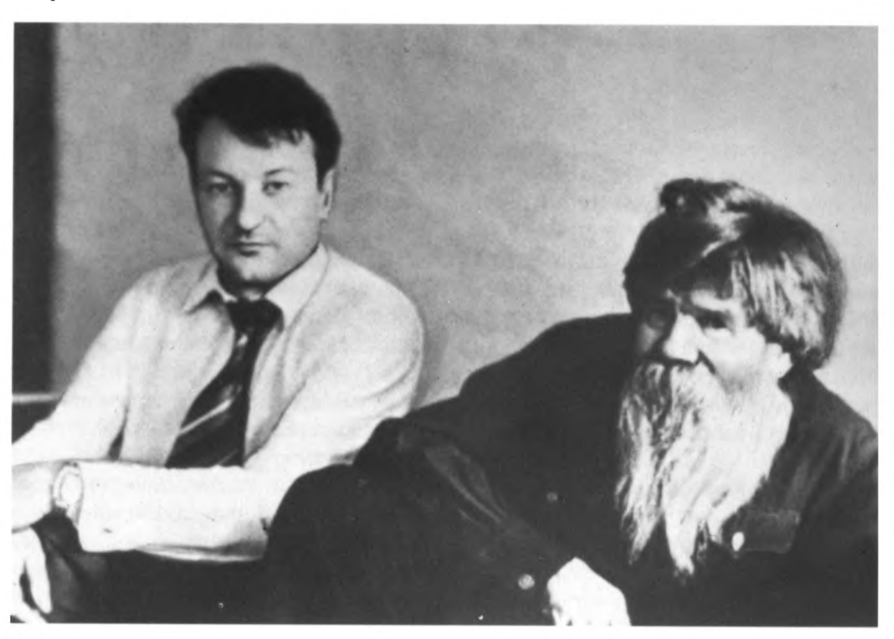
Гости приехали. Иван Егорович с Ю. Кушниковым и А. Еськиным.

Персональная выставка в честь 80-летия. Кемерово.

Встреча с Л. В. Головановым.

„Автопортрет с Головановым“, созданный годы спустя.

Глава шестая. ПРАВО НА САМОБЫТНОСТЬ

Наверное, где-то он существует – этот свод законов, в котором важнейшим определено право на самобытность. Право быть таким, какой ты есть – не правда ли, это счастье? Но почему разговор об этом отдает такой горечью сегодня? Право быть талантливым, умным, красивым. Мыслить обо всем существующем в мире. Иметь свое по всем поводам мнение. Видеть цветные сны и летать в них, даже выйдя из „мягких юношеских лет".

Эти вопросы можно было бы назвать наивными, если бы не было за нашими плечами десятилетий безумных парадов, на которых наша культура представала неизменно прекрасной, но каждому, внимательно всматривавшемуся в это „лицо для праздников", видны были умело загримированные морщинки – следы неутомимой борьбы с тем, что самобытно. В самобытном художественном творчестве эта борьба была особенно ощутима.

Но наши Селивановы, Леоновы, Степановы, Волковы, Никифоровы не из тех, кого можно сломить. Это об них ломают зубы стальные катки для асфальтирования разных областей жизни. Именно поэтому эти люди так часто оказываются костью в горле для властей предержащих и, сами того не ведая, становятся бастионами, которые безуспешно пытаются свергнуть чиновники.

Известно, что Селиванов приводил в состояние неуравновешенности многих руководителей от культуры уже одним фактом своего существования. Жил себе и жил „на бугре", несмотря ни на что. И бороду не сбривал, да еще воспроизвел ее на холстах раз десяток. И так почти до восьмидесяти „докурлыкал"в своей избушке.

А каких-то два-три десятка лет назад он был еще молод, силен и, что любопытно, уже известен. Публикации о нем появлялись с 1959 года. Еще художником Робертом Фальком было пророчески сказано педагогам ЗНУИ на выставке в Центральном Доме работников искусств: „Берегите!“ Но это в Москве. А что же в кузбасском „ведомстве“?. .

Из воспоминаний прокопьевского художника Георгия Стаценко: „В начале 60-х я впервые увидел Селиванова во Дворце культуры имени Артема, где собирались многие художники на занятия по рисунку. И вот однажды появился человек в черной железнодорожной шинели и в таком же черном картузе с молотками на околыше. Он поразил всех своим видом: шинель сидела на нем, как ряса, а густая борода и усы, которых тогда еще никто не носил, усиливали сходство со священником или старообрядцем. Все заметили его и, оглядываясь, зашептали: „Кто это? Кто это?“ И так же шепотом передавали друг другу: „Это художник Селиванов! Знаменит, учится в ЗНУИ, там ему прочат большое будущее!“

Селиванов молча походил между мольбертами, поглядел на рисунки, попрощался с нами и ушел. Шум, поднятый его посещением, улегся, и постепенно все забылось, так как Иван Егорович больше нигде не показывался. Но слухи о нем, его искусстве и славе ходили и дальше между художниками, хотя никто из нас не знал его близко.

Лет десять спустя, когда я работал в управлении главного архитектора Прокопьевска, мой приятель как-то вновь завел разговор о Селиванове: „Ему пишут из Москвы, приезжают из разных сторон, наведываются и наши актеры – в надежде разжиться картиной“.

По шпалам линии узкоколейной дороги, которая еще существовала тогда в поселке Марс на окраине Прокопьевска, мы дошли почти до самого дома Селиванова. Вошли беспрепятственно, так как собаки у Ивана Егоровича не было. Войдя в дом через небольшие сенцы, встретили на кухне самого хозяина. В домашней обстановке он утратил величие и стал походить на старого домового или лешего. Сходство с деревянными скульптурами Коненкова было разительным. . .

Тут же на лавке, возле стола, жмурил глаза большой кот, по полу ходили куры, за стеной хрюкал поросенок. Встретил нас хозяин настороженно, неласково и неприветливо, говорил мало и отрывисто, короткими фразами. Я просил его показать работы. Но Селиванов отказал в этом, сославшись на то, что все отправляет в Москву.

Иван Егорович заинтересовал меня, и как-то я уже один посетил его дом. Встретил он меня приветливее, дал почитать письма, показал журналы с репродукциями картин и рисунков. После этого посещения я написал о нем в „Шахтерской правде“. Статья произвела шум в городе. Все искали серьезную причину моего писания, усматривали какие-то скрытые мотивы. И, не найдя их, недоумевали: „Зачем он это сделал?“

Главный архитектор Прокопьевска Иван Антонович Ксенофонтов, разговаривая со мной, как-то выразился: „Зачем тебе этот старик? Зачем ты с ним возишься? Брось его, по-моему, это какой-то сектант“. Но зимой заведующая отделом культуры горисполкома Изабелла Владимировна Крейнес, очень милая дама, попросила меня познакомить ее с Селивановым. Вскоре мы собрались; с нами отправился еще Юрий Васильевич Дьяконов, в то время заведующий отделом культуры газеты „Шахтерская правда“.

Поехали на „Москвиче“. Попетляв по узким улицам поселка, мы наконец выехали к домику Селиванова. Был легкий морозец. Иней покрывал частокол забора, и росшая рядом с домом березка вся серебрилась в инее на фоне синего неба. У Дьяконова возникла мысль: „Вот бы снять Селиванова у калитки дома рядом с березкой: прикрывая глаза ладошкой, всматривается вдаль, наблюдая жизнь природы!“ Но идея осталась неосуществленной, так как иней пропал, пока мы гостили у Ивана Егоровича.

Селиванов приветливо встретил нас вместе с женой . . . Вначале мы посмотрели работы Ивана Егоровича, их на этот раз оказалось много: он сделал серию рисунков, навеянных кинофильмом „Спартак". Один был закончен, другие – близки к завершению, третьи – только начаты. Планы у Селиванова были обширны, но, к сожалению, не все завершились.

Работы мы с Дьяконовым развесили на ковре над кроватью, усадили Селиванова на их фоне, установили софиты и начали съемку. Особенно Дьяконову удался один снимок Селиванова: он изображен с карандашом в руке, как бы всматривается в натуру перед мольбертом. Взгляд зорок, лицо вдохновенно. Настоящий фотопортрет мастера.

Закончив съемку, мы немного посидели за столом. . . Тут же Крейнес предложила Ивану Егоровичу переехать в казенную благоустроенную квартиру в новом районе города. Предложение было сделано от имени горисполкома, но Селиванов наотрез отказался. Жена его поддержала. Люди они были простые, привыкли к своему быту и не хотели ничего лучшего. Они и не просили ни у кого ничего. А если бы им и предложили что-нибудь, как в данном случае квартиру, они наверняка отказались бы. Крейнес чувствовала себя неловко в этой мужицкой деревенской обстановке, и мы вскоре уехали.

Через несколько дней появилась моя статья в „Кузбассе". Я пребывал в довольстве и безмятежности все это время. Но в один прекрасный день, как говорится, в комнате, где я работал, появилась Крейнес: „Ну, вы Георгий Васильевич, подложили свинью мне с этим Селивановым! Он, оказывается, иконы пишет. Паяльников Алексей Николаевич (председатель горисполкома), к которому я пошла поговорить о Селиванове, запретил мне с ним иметь дело. А вы, зная Селиванова, молчали об этом!"

Напрасно я доказывал, что это неправда, что Селиванов неспособен сделать настоящую икону – все было напрасно. Не поверив моим оправданиям, Крейнес удалилась, а тут еще Ксенофонтов напустился на меня: „Я же советовал не связываться со стариком, на черта он тебе нужен!" Работая в исполкоме, я вынужден был считаться с мнением руководства. Встречи наши прекратились.

Вновь начали мы встречаться, когда я перешел на работу в краеведческий музей. Селиванов работал там сторожем. Встречаясь с ним почти ежедневно, я наблюдал его, рисовал с натуры и использовал его облик для своих композиций.

Ивану Егоровичу всегда не везло. Приобрел его для музея – именно так! – директор Елькин с чисто практическими целями. Он надеялся с помощью художника бесплатно оформить музей и, может быть, приобрести его картины в дар.

Разумеется, он не представлял себе ни границ художественного дарования Селиванова, ни характера его творчества, никогда не видел его работ и пользовался только слухами. А Иван Егорович старательно выполнял свои обязанности. Ни о каком рисовании он, вероятно, и не помышлял. Время между тем шло, и, следовательно, отношение Елькина к Ивану Егоровичу стало меняться.

Селиванов стал попросту тяготить его. Так, когда сотрудники собирали подписи под адресом, который собирались поднести Елькину в день шестидесятилетия, то заместитель директора сказала, что имениннику будет неприятно видеть подпись сторожа. И подписать адрес Ивану Егоровичу не дали.

Директор возмущался, что Селиванов во время ночного дежурства моется в музейной душевой, что на мытье расходует казенное мыло, что носит нательный крест. Елькин терпеть не мог креста, который действовал на него, как красная тряпка на быка. Он рассказывал, как, будучи в Риге, не посетил Домский собор только потому, что у него потребовали при входе снять

головной убор. „Коммунисты никогда не снимут шапку, входя в церковь!“ – с гордостью заявлял Елькин. А в шапке его в собор не пустили.

Когда специальный корреспондент „Советской культуры“ Евграф Кончин привез Селиванову в подарок этюдник с красками, то встреча была только в музее. Идти домой к Ивану Егоровичу отговорил Елькин, хотя Селиванов, гостеприимный, как все русские, приглашал журналиста. Директор сказал: „Там избушка, там грязь, смотреть нечего, в этом районе живет всякий сброд“ и т. д. Я был свидетелем их последней встречи. Стояли Елькин, Кончин, Селиванов и я. Селиванов уложил этюдник в мешок, взвалил на плечи и, согнувшись, понес его, как мешок с картошкою. Долго мы смотрели ему вслед, следили за тем, как удалялась его маленькая фигура . . .

Дальше дела пошли хуже. Распространились слухи, что Селиванов недобросовестно относится к обязанностям, что спит на дежурстве, что музей могут обокрасть и тому подобные нелепости. Елькин ждал случая, чтобы избавиться от сторожа. Вскоре музей поставили на охранную сигнализацию. Так окончилась карьера Ивана Егоровича в музее. И в последние годы, увы, для руководителей любых рангов сенсацией Селиванов не стал. А для дирекции дома престарелых был лишней заботой“.

О Селиванове рассказывает художник-оформитель из Прокопьевска, председатель городского клуба самодеятельных художников Виктор Самошкин: „С Иваном Егоровичем я познакомился в 1967 году, когда ехал домой в отпуск из армии. В Москве задержался на день, побывал на выставке самодеятельных художников и мастеров прикладного искусства, открывшейся в честь 50-летия Советской власти. Мое внимание привлек портрет старика. Когда прочитал подпись, был удивлен и обрадован: автор автопортрета – мой земляк.

Когда познакомились, он работал на Центральном рынке сторожем. Первые встречи ничем не запомнились – Иван Егорович с молодежью был очень осторожен. Встречал я его редко, но с каждым разговором, даже мимолетным, чувствовал, как художник обостряет мою потребность в познании глубин внутреннего мира человека. Уже тогда я задумал написать Селиванова. Должен сказать, что и сегодня чувствую себя в долгу перед Иваном Егоровичем из-за того, что не умели мы ценить – да и сейчас редко кто ценит в нашем крае – его творчество. Наверное, так мы воспитаны: по-настоящему хорошо лишь искусство профессионалов!

Я ведь тогда, двадцать лет назад, познакомившись с его работами по репродукциям, думал, что этот человек свое дело уже сделал, а сколько еще прекрасных работ им было создано! Увидел я их лишь на персональной выставке Селиванова в Новокузнецке в 1986 году.

Года за четыре перед этим сошлись мы с Иваном Егоровичем ближе. Встретив как-то его в городе, я напросился в гости. Он не отказал, но велел принести свои работы. Я принес акварельки. Ему они очень понравились, и он сказал, что мне нужно поступить учиться в ЗНУИ. Я пообещал, но до сих пор не сделал этого.

В ту встречу Иван Егорович много рассказывал о себе, об учебе в ЗНУИ, дал почитать письма педагогов и других своих корреспондентов. Я пробыл у него весь день, а вечером он провожал меня до калитки. Таким я его и запомнил на всю жизнь. Никаких просьб у него не было, а я тогда недопонимал, что ему многого не хватало для работы; глядя на мои скромные рисунки, он наверняка думал, что я нахожусь примерно в таком положении, как и он.

При следующей встрече разговорились о его родине. Я сказал, что недавно купил книгу о Михайле Ломоносове. Вы бы видели глаза Селиванова и лицо! Я все понял. Назавтра привез ему эту книгу, Иван Егорович был очень доволен подарком, с гордостью говорил, что родина Ломоносова – его родина. Во время этих встреч я, наконец, понял, как его написать.

И вот моя мечта стала осуществляться, я сделал несколько зарисовок карандашом и акварелькой. Примерно с год возился с эскизами. В 1985-м работу почти завершил, а вскоре меня пригласили на открытие персональной выставки Селиванова в Новокузнецке. Посоветовавшись с друзьями, решил подарить работу художнику, что и сделал на торжественном вечере.

Иван Егорович признал свою хатку-„крепость“ и „животинку“-петуха. Его тут же уговорили подарить работу музею. Картина экспонировалась в 1987 году в Москве, на ВДНХ.

В последние годы его жизни мы с ребятами несколько раз навещали Ивана Егоровича, в октябре 1987-го он заболел, да еще из-за ремонта дома перевели его в общий корпус.

Как-то у Ивана Егоровича побывала Тамара Анатольевна Лучшева из новокузнецкого музея и сказала, что Селиванов совсем плох. Я поехал навестить его, но к нему не пустили из-за карантина. Спустя какое-то время мы получили известие о его смерти. Для меня это была большая утрата – я потерял своего духовного отца.

После встречи в Новокузнецке задумал еще одну работу и к августу 1987-го окончил ее. Она называется „Письмо из ЗНУИ. Иван Егорович Селиванов“. Я нарисовал старика в хатке – у печки за столом, напротив окна. Оторвавшись от любимого дела, он читает письмо, которое только что получил, любимой „животинке“.

Некоторые наши „великие“ художники говорят, что работа не состоялась, что очень темна кухонька и т. д., но это говорят те, кто привык заниматься украшательством, а истину показать боятся, да, может, по своему духовному состоянию и не в силах понять душу самодеятельного творчества. Эти самодовольные люди пишут красивые портреты жен начальников, а таких, как Селиванов, считают чудаками. У „чудаков“ в самом деле может не хватать опыта и школы в живописи, но они вкладывают душу в работу, стараясь показать, как надо любить людей и природу и в каких условиях творят, любят и мечтают самые талантливые из них.

Эту работу я показал на своей персональной выставке в Прокопьевске, а потом – в Новокузнецке. Было много хороших отзывов от горняков и других тружеников.

После похорон Ивана Егоровича был в Инском несколько раз. У меня есть идея памятника, ведь я занимаюсь резьбой по гипсу, бетону, дереву . . .

Уже несколько лет в Прокопьевске работает городской клуб самодеятельных художников, в котором 35 человек, но активистов не более десяти. Имеем мастерскую в 120 квадратных метров в мансарде, и в ней – селивановский уголок: книги, журналы, фотографии, репродукции его работ, картины наших художников. Уголок будет музейным: ведь Иван Егорович – член нашего клуба“.

А это свидетельство Мэри Кушниковой, которая более десяти лет вместе со своим мужем, друзьями поддерживала художника. Они делали все, что могли, реально показывая „обстоятельства жизни таланта“. Руководителям области оставалось только услышать и попытаться понять, какого рода помощь наиболее приемлема именно для Селиванова. По-моему, тем, кто руководит культурой, „индивидуальный подход“ предписывает даже инструкция. Но в ледяной пустыне безразличия, оправдывающегося тем, что талант-де порочен, как бы чего не вышло, их голоса услышаны не были. И все же . . .

Благодаря стараниям Мэри Моисеевны Селивановым заинтересовался собственный корреспондент газеты „Советская Россия“ по Кузбассу Владимир Долматов. И это его статья наконец подвигла кемеровских руководителей решить проблему с жильем для художника. Слыхано ли – на территории интерната для престарелых построили дом! Горячее участие приняли, конечно, в этом Юрий Григорьевич Аксенов и Феликс Алексеевич Монахов.

Из письма М. М. Кушниковой: „Замалчивание Селиванова и его тяжкой судьбы в Кузбассе

зашло так далеко, что замалчивающим казалось куда проще вообще наглухо забыть о художнике, чем повиниться и наконец признать его, а соответственно и улучшить его человеческую жизнь. Ватная стена, казалось, безнадежно объяла его, наталкивая на многие размышления. Все чаще мы сравнивали Селиванова с Пиросмани. Не в плане сходности творчества – по сходности судеб, более того – по фатальной неустроенности этих самых творческих судеб.

Закономерность четкая: чем талантливее, тем нестандартнее, чем „непохожее“, тем для окружающих неудобнее, чем неудобнее, тем откровеннее звучит „ату“ его, пусть даже непроизнесенное вслух – только подсказанное мимикой, жестом где-нибудь „там“, на вершине начальственно-иерархической лестницы. Поэтому сравнение Селиванова с Пиросмани нам казалось естественным. Не вникая в смысл, иные искусствоведы сильно его порицали.

Но перечитывая „Праздник одиночества“ Вадима Коростылева о художнике Пиросмани, я примеряла на Селиванова такие, например, строки:

Меня пнет
человеческая нога –
я узнаю,
что такое взлететь,
я узнаю,
что такое упасть . . .
Но и человек узнает немного больше:
он будет прыгать на одной ноге,
поджав под себя ушибленную . . .
Он станет умнее
еще на одну боль . . .

И эти строки ложились в самый раз“.

А вот эта оценка землякам Селиванова дана М. Кушниковой сравнительно недавно: „Упорство мнений „на месте“ никак не сломили дифирамбические отзывы о селивановских выставках, равно как и о персональной, прошедшей в Москве в начале 1987 года. У Москвы-де свои взгляды, на месте же – свой устав. Сложилось как бы двухплановое отношение к Селиванову. Первый план – парадный: выставка, новый дом, радушное празднование дня рождения за селивановским столом в кругу высокого начальства, наконец, выход сборника о Селиванове в Кемеровском книжном издательстве. Второй план – свой, домашний: недоброжелательное внимание к каждой лишней строке о нем в газете, к каждому слову в радиопередаче.

Очевидно, куда как нелегко переживалось поражение во многих местных инстанциях, вынужденных сдаться под напором „людей из центра“ – не зря, не зря потрудились представители ЗНУИ и Министерства культуры РСФСР. Пришлось-таки выставку организовать, дом построить, к званию представить. Кому ж приятно? Спешно создавалось мнение: ничего-де о Селиванове в области не было известно, спасибо, Москва глаза открыла. Публикации, теле- и радиопередачи, пробиваемые нами с таким трудом, похоже, в природе отсутствовали . . .“

Да, нет пророка в своем Отечестве! „Ну, нарисовал кошку с собакой и курицу с петухом, да так каждый сумеет, что в нем особенного?!“ – услышала это и я в поселке Инском, когда приезжала к Ивану Егоровичу за дневниками.

А что касается этих дневников, то тут не просто пожимали плечами – возмущались: „Там такое найдете, просто бред сумасшедшего! А про историю с семнадцатью тысячами слышали?“ Последнее приводилось как аргумент неопровержимо-убийственный.

Кстати, тогда Иван Егорович был очень обеспокоен пропажей тетради под номером 5. По его словам, тетрадь взяли почитать в Беловский горком партии, а потом попала она к начальнику Кемеровского управления культуры товарищу Бедину, и там ее след затерялся. Селиванов при мне отправил письмо Бедину с требованием вернуть тетрадь, но тщетно. Думается, нелицеприятные „думы-размышления“ встретились там „властям“, потому что именно в этой тетрадке Селиванов излагал свой взгляд на местных руководителей. А это имеет особую важность сегодня.

Селиванова не стало, и все злободневнее становится вопрос о том, где же экспонировать и хранить коллекцию его работ. Мне пришлось быть свидетелем горячего спора в Министерстве культуры РСФСР, где одними предлагалось лучшие работы разместить в Третьяковской галерее и Русском музее, другие видели селивановский музей только в Кузбассе, а представители ЗНУИ, прежде всего Аксенов, страстно отстаивали целостность коллекции и принадлежность ее будущему Музею самодеятельного искусства в Москве.

Не лучшие чувства вызывали эти разговоры, и хотелось бы, чтобы „завещание на честность“, оставленное художником своему педагогу, все же было выполнено: „Все мои работы, которые находятся в ваших руках, хранить так, как хранишь свое добро-имущество. Не продавать ни одной работы никаким друзьям ни за какие деньги. Мой труд и ваш труд – это общий труд. Этим трудом когда-нибудь погордится кто-нибудь из честных людей русских. Селиванов Иван Егорович. День среда, 21 мая 1986 года“.

Как видим, и в Москве нет единого мнения по отношению к творчеству Селиванова. И здесь художник оказался тем „оселком“, на котором люди проверялись на склад души. Общаясь с ним, по-прежнему каждый держал нравственный урок. Поклонникам и ценителям все так же хотелось сравнивать его с великими из великих творцов, но прав Ю.Г. Аксенов: не нужно этого делать. Селиванов тем и ценен, что он Селиванов, и значения его творчества не умаляют замечания типа: „Есть у нас самобытники и подаровитее, но их имена не „открывают“, а с этим носятся. В конце концов говорить о красоте его живописи не приходится“.

А вот что пишет специалист по народному творчеству Н.С. Шкаровская: „Творчество Селиванова не обособленное явление нашей народной культуры, а одно из возможных в ней направлений. Называя этого талантливого самодеятельного художника „наивным“, интуитивным, самобытным, народным, не погрешим против истины. Все определения будут справедливы и в той или иной мере отразят сущность творчества не только Селиванова, но и других известных нам природных талантов, где-то учившихся или самоучек, не „гениев“ и не „выразителей“ и даже подчас не наивных в своем отношении к искусству. И не число посетителей выставок, а только качество самих произведений может быть мерилом их самобытности, доброты и красоты“.

И все же не согласимся с этим мнением. Ведь в нем явно проглядывает желание поставить творчество Селиванова через запятую в длинный ряд имен. Заметим также, что никому не заказано открывать новые имена „природных талантов“, но чтобы открывать их по-настоящему, думается, с художником нужно именно „носиться“, а не просто определять „качество его произведений“.

Думаю, время все расставит на свои места, думаю, и с понятием „гений“ разберется, но рассказывать о современнике все же будем устами тех, кто любит и ценит его, а не тех, кто ищет в его откровениях всего лишь „красоту живописи“, а говоря о тематике творчества, способен развить теорию об экологических устремлениях автора, навесить, например, на его изображения животных ярлык „борца за чистоту окружающей среды“.

Расскажу, как комиссия отбирала селивановские работы на персональную выставку в честь его восьмидесятилетия в Москве. Ретивую даму и ее помощников интересовали исключительно „экологические картинки“ Селиванова. Ведь экспозиция должна была быть развернута в выставочном зале Всероссийского общества охраны природы, что на Калининском проспекте. Рассуждали примерно так: „Животных берем оптом, а из остального пойдет лишь то, где имеется луг и трава“.

Ни один из селивановских автопортретов, которые могли бы составить отдельную экспозицию с названием „И была жизнь . . .“, комиссию не интересовал. Этот образчик вульгаризированного мещанского мышления ясно дает понять, почему в таком секрете хранятся у нас имена многих „наивных“ художников. Спасибо еще раз Юрию Григорьевичу Аксенову и другим педагогам ЗНУИ за то, что сумели доказать: Селиванов от „земли“ во всем.

Какое же место у Селиванова в реестре открытых имен? В середине шестидесятых группа педагогов ЗНУИ устроила настоящую революцию в обучении студентов факультета изобразительного искусства. В человеке от природы заложен художник, у каждого – своя эстетическая оценка действительности, утверждали они, и свою задачу видели в том, чтобы помочь ученику реализовать эту оценку. У всех она различна – от примитива до привычного реалистического видения. Педагоги старались сохранить индивидуальные ощущения ученика, а не подгонять его под Репина или Салахова. Поэтому занятия строили так, чтобы каждый привыкал отражать на холсте все свои переживания и потрясения.

Это было время, когда среди художественной интеллигенции разгорались споры об истинном и ложном академизме, когда „Литературная газета“ развернула дискуссию о социалистическом реализме, забив тревогу по поводу того, что художественность объявлена прислугой идейности, когда „обучатели“ изобразительному искусству обостренно почувствовали ответственность за спасение эстетической категории „прекрасное есть жизнь“. „И истинный академизм есть жизнь!“ – говорили они и упорно противостояли официальным методикам.

Первым еще в конце пятидесятых повел эту линию в консультациях ЗНУИ Алексей Васильевич Каменский. Рафаил Матвеевич Закин, Майя Михайловна Левидова, Федор Андреевич Гоцук, Федор Морицович Кригер, Екатерина Михайловна Зоннештраль, Елизавета Сергеевна Потехина, Григорий Ефимович Тарасевич, Михаил Александрович Рогинский, Александра Давыдовна Лукашевкер, Алексей Семенович Айзенман, Алексей Васильевич Гаврин, Борис Сергеевич Отаров, Юрий Григорьевич Аксенов, Николай Михайлович Ротанов, Евгений Михайлович Золотарев – каждый из них вносил свое в систему обучения самобытников.

„Вы никого не учите!“ – обвиняли их всевозможные комиссии. „Мы никого не дрессируем! – отвечал Ю. Г. Аксенов. – Смысл нашего обучения в развитии того, что заложено в человеке, ибо верно сказано у Галилея: „Вы не в состоянии научить кого-либо чему-либо. Вы можете лишь помочь ему обнаружить это внутри себя“.

Так в ЗНУИ подошли к открытию закона формирования способностей человека: опираться следует на высшие показатели, а не на среднестатистические.

„Культивируете примитивизм!!“ – вновь бросали упреки энтузиастам. Приходилось защищаться.

„Что касается примитивистов, – говорил один из инициаторов перестройки Б. С. Отаров, – это люди, на редкость органично воспринимающие мир, – открыто, радостно, непосредственно. На первый взгляд работы их кажутся грубоватыми, на самом деле, они хранят черты первородного, глубоко национального восприятия мира. Каждый примитивист – глубоко своеобразная личность. Самые талантливые из них, кого нам удалось выявить и выпестовать, –

Иван Селиванов, Павел Леонов, Сергей Степанов, Эльфрида Мильтс, Елена Волкова – подлинные выразители народных чаяний, смелые, честные художники с богатым воображением".

Как видите, все-таки „выразители"! Отаров считает само появление Селиванова результатом правильного подхода к обучению самородков. И с сожалением замечает, что ранние и поздние работы художника весьма разнятся. В поздних, по его мнению, все же чувствуется вмешательство „обучателей", и потому исчезает необыкновенная песенность, которая так свободно выплеснулась в „Портрете девочки".

Аксенов спорит: „Выставками и опытом общения с Селивановым доказано, что „Девочка" и „Автопортрет с голубыми глазами" или „Собака" и „Обезьяна" – это не „лучше-хуже", а вехи на разных спиралях развития селивановского таланта, такого, каким он был до последних дней жизни. Солнце заходит, а не угасает, настоящий талант тоже не угасает, а перевоплощается, оставаясь самим собой в любом удачном полотне, даже в мечте о недостижимом".

Остается сказать, что педагоги ЗНУИ не были бы педагогами ЗНУИ, если бы не спорили по поводу каждой удачной линии в творениях своих питомцев. Истину, думаю, устанавливать нам, зрителям, настоящим и будущим. Член-корреспондент Академии художеств СССР Станислав Михайлович Никиреев написал Селиванову: „Для меня вы – художник огромного редкостного дарования, которых земля русская рождает нечасто. Желаю быть здоровым и уверенным в том, что вы самородок необыкновенного веса и блеска". Известный художник не раз присылал в Прокопьевск посылки с кистями и красками. Подарил Ивану Егоровичу несколько своих графических работ.

Вот строки из другого письма Никиреева: „Все, что выходит на холст, бумагу и т. д. из Вашего талантливейшего сердца и души, – все это нужно всей российской культуре (и не только!), русскому искусству, всем, всем, кто Вас любит! Помните! Каждый штрих Ваш и мазок – все имеет значимость".

Мысль эта перекликается с тем, что пишет Селиванову кандидат философских наук Леонид Витальевич Голованов, приезжавший к художнику в качестве сотрудника журнала „Коммунист": „Вы хорошо говорите в своем письме об упорстве в достижении цели – без этого нет мастера вообще ни в одной области. В жизни своей вы овладели главной наукой – наукой целеустремленного труда. Вы это, должно быть, и сами поняли, еще не взяв кисти в руки".

Подводя итог сказанному, повторим: Селиванов – явление уникальное. Словно нарочно кем-то была придумала эта жизнь и текла себе, размеренная и не известная никому, чтобы рано или поздно стать явной и обжечь всех нас своей правдой. Великий смысл этой жизни оказался в том, что она – *была.*

В последние годы мне довелось несколько раз навестить художника на кузбасской земле. Помнится, как-то добиралась к нему в трескучий февральский мороз. В жарко натопленной кухне невозможно было дышать, но хозяин, в одной рубашке, сидел у печи и как будто не замечал этого. Серый день с трудом пробивался в окно, и приметы печального быта были едва различимы. Поблагодарив за продукты, молча унес их в холодную соседнюю комнату, служившую кладовкой.

Рассказал, что по весне должны переселить его в соседний город, в дом престарелых, потому как домишко его пойдет под снос. Перейти в городскую квартиру вновь отказался – пугал непривычный уклад, да и „пенсия маловата". Но и в том доме, в который собирался с большой опаской, очень хотелось ему иметь погреб и печку: „работать привык в тепле" и – „продукты

из холодильника не признаю“. „Ты похлопочи там, наладь мою жизнь на плюс“. Но просьбы эти в Прокопьевском горкоме и горисполкоме тогда были восприняты как чудачество.

Через год Ивана Егоровича действительно перевезли в дом-интернат для ветеранов и инвалидов в Белове. Была у нас встреча и в комнатушке, где развернуться-то было трудно, не то чтобы холст разместить. А через год, как известно, появился селивановский дом.

В преддверии первой зимы Селиванов встречал меня в новом просторном жилище. Из вместительной кухни двери вели в мастерскую и спальню, имелись и хозяйственные постройки. Еще неуютно было в доме, не обжито, как-то холодно. Неуют этот, вероятно, возник оттого, что по-казенному, наспех была сделана обстановка. А когда хозяин, плотно прикрыв кухонные двери, основательно протопил печь, вскипятил чайник, испек на плите вкусные печенки из картошки в мундирах, прием вообще показался мне царским. Мы сходили с Иваном Егоровичем в дальние сенцы – посмотреть, как чувствуют себя кошка Маша и петух с курицей, ближайшие друзья-товарищи, и сели в кухне пить чай и продолжать нашу нескончаемую беседу.

Тут бы самое время воскликнуть: „И закончилось все, как в сказке! Старый чудак обрел признание и новый дом. . .“ Но не успокоилась его душа и в этом доме, не обрел он желанной гармонии. И дело не только в том, что Иван Егорович, профессиональный строитель, с обидой объяснил мне, что стены-то в спешке не проконопатили, и в деталях рассказывал, как это делалось у них, в северной деревне, если домам предстояло переносить лютые стужи. И не в двусмысленности положения хозяина дома, не имеющего возможности шага сделать без надзора. „Ты им так скажи (руководству дома-интерната. – *Н.К.*), гневно сверкнув глазами, произнес Селиванов. – Будут следить – убегу!“

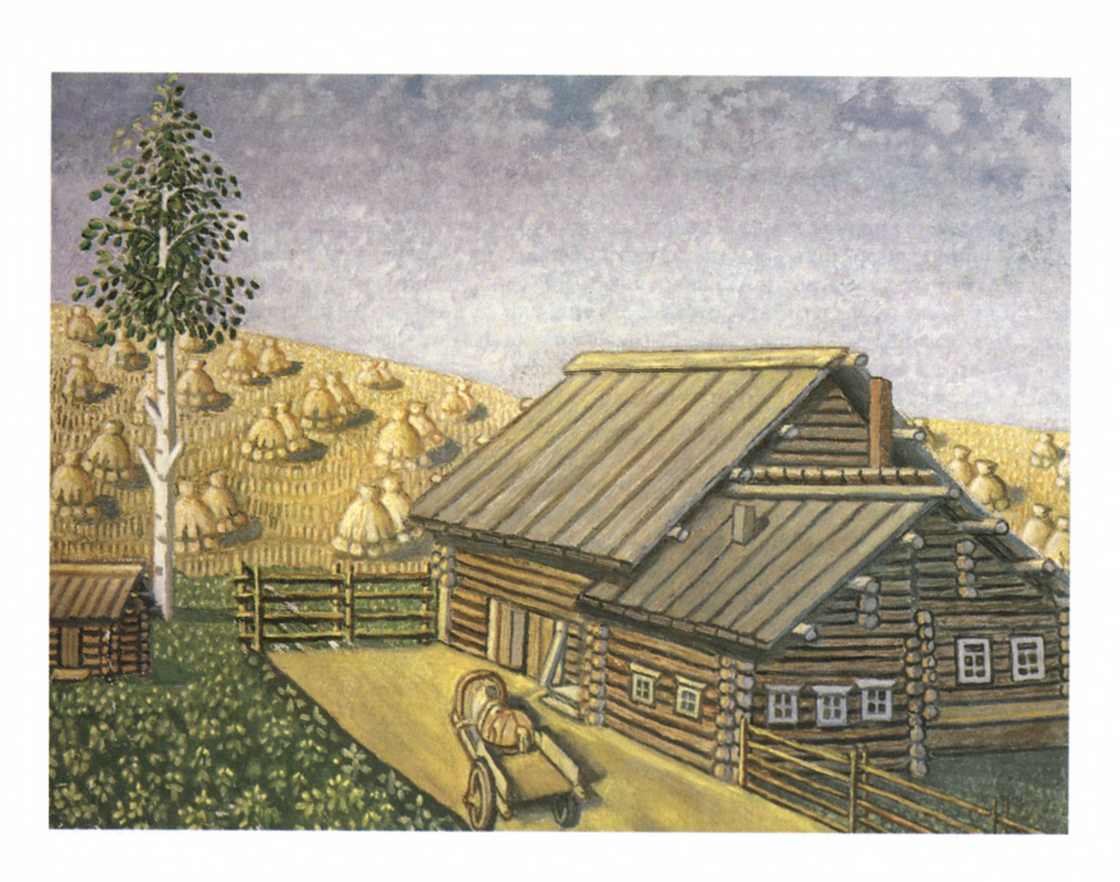
Дело в том, что неприкаянность стала его судьбой. Слишком очевидным было то, что невозможно втиснуть селивановскую „фигуру-образ“ в рамки того казенного существования, в котором он вынужден был провести последние годы жизни.

Две неполных зимы прожил Селиванов в новом доме. В первый день весны 1988 года его не стало. Произошло это в беловской больнице, в которой он находился с января. Болел недолго. Почти потерял зрение. И, увы, горькая закономерность: недомогавшим стариком никто не желал заниматься всерьез. Наспех поставили диагноз (конечно, самый пугающий и, конечно, неправильный), безразлично отнеслись к предписанию Минздрава СССР – при необходимости вызвать консультанта из Москвы. Не позаботились, словом, а необходимость была . . .

Вот последняя записка Селиванова, написанная уже неверной рукой в больнице, когда глаза его почти ничего не видели. Адресована Феликсу Алексеевичу Монахову: „Очень благодарен за Ваше отношение ко мне, Селиванову. Монахову. 20 января 1988 года“.

. . . „За мной смерть ходит с моего рождения. Смерть выбирает момент для моей кончины. Какая смерть предстанет в последние минуты предо мной?“ Об этом он нам уже не расскажет. Похоронили Ивана Егоровича на сельском кладбище в поселке Инском. Проводить художника в последний путь вышли все, даже те, кого не очень волновало его существование. Так бывает всегда, когда умирает особенный человек.

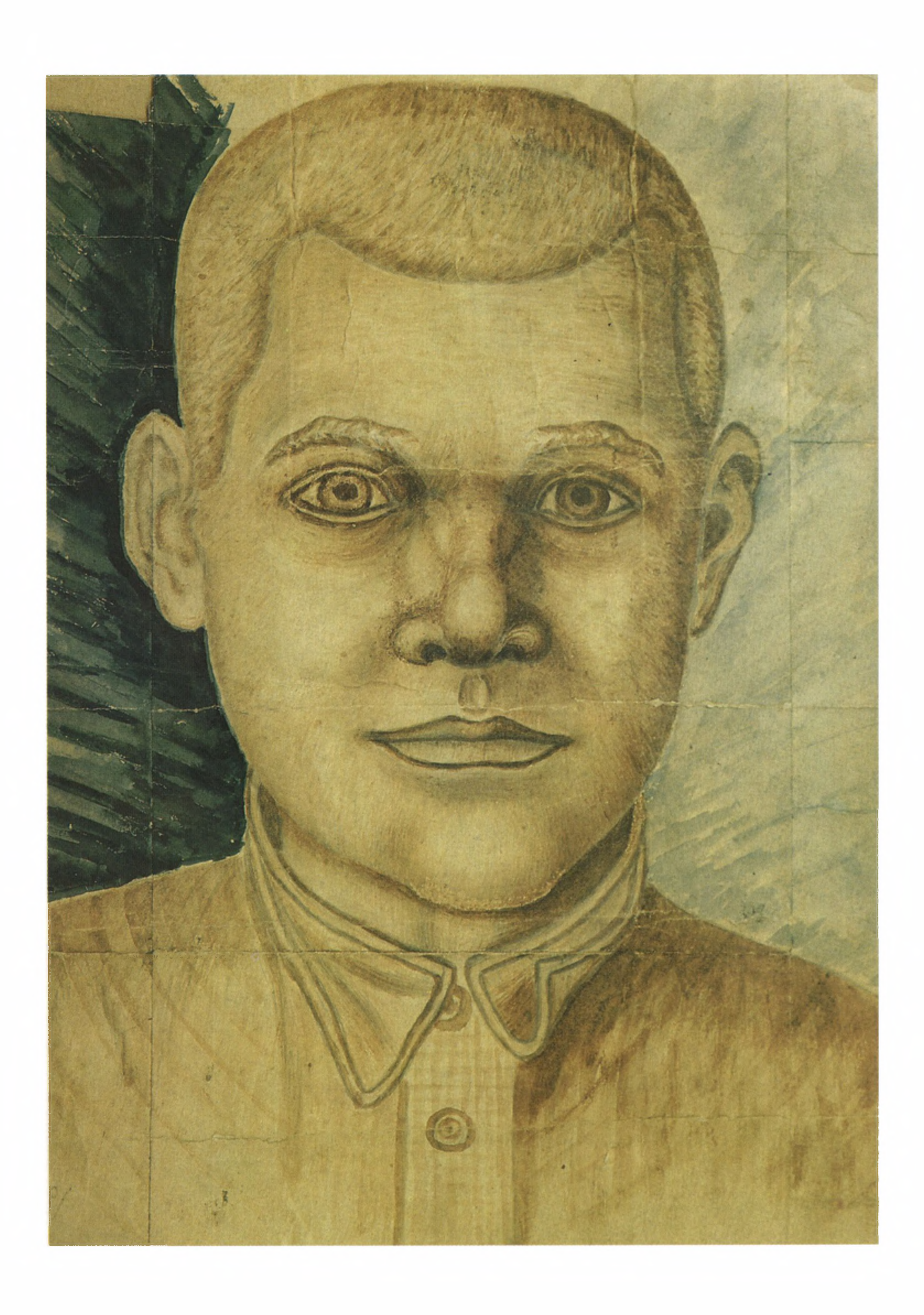
Беловская газета „Знамя коммунизма“ в слове прощания напомнила, что сказал художник на своем восьмидесятилетии: „Главное – обогреть людей, и чтобы хоть черного хлеба на всех хватило“. Я воспринимаю эти слова Селиванова как завет всем – и идеологам, и хлебопашцам. Настоящая доброта неподдельна. Она всегда живет рядом с великим сердцем.

„В страдно время день год кормит“ – так говорили нам когда-то стары деревенски мужики. И женщины-старухи. Святое дело – труд крестьянский, когда кипит работа на полях-лугах. В счастливо время, в ясную погоду. Не зевай, не зевай, убирай-убирай урожай“.

„Только на ноги чуть я поднялся, и к крестьянам пошел наниматься по летам скотину пасти. За это мне платили три пуда ржи за лето (скотины было много, 24 коровы). На добавок мне еще давали по ведру картошки с коровы, а в великий праздничный день (в Петров день!) пирог в награду. Получай сынок, за труды большие свои! Запомни, что это лето – первое крещенье твое в труде“.

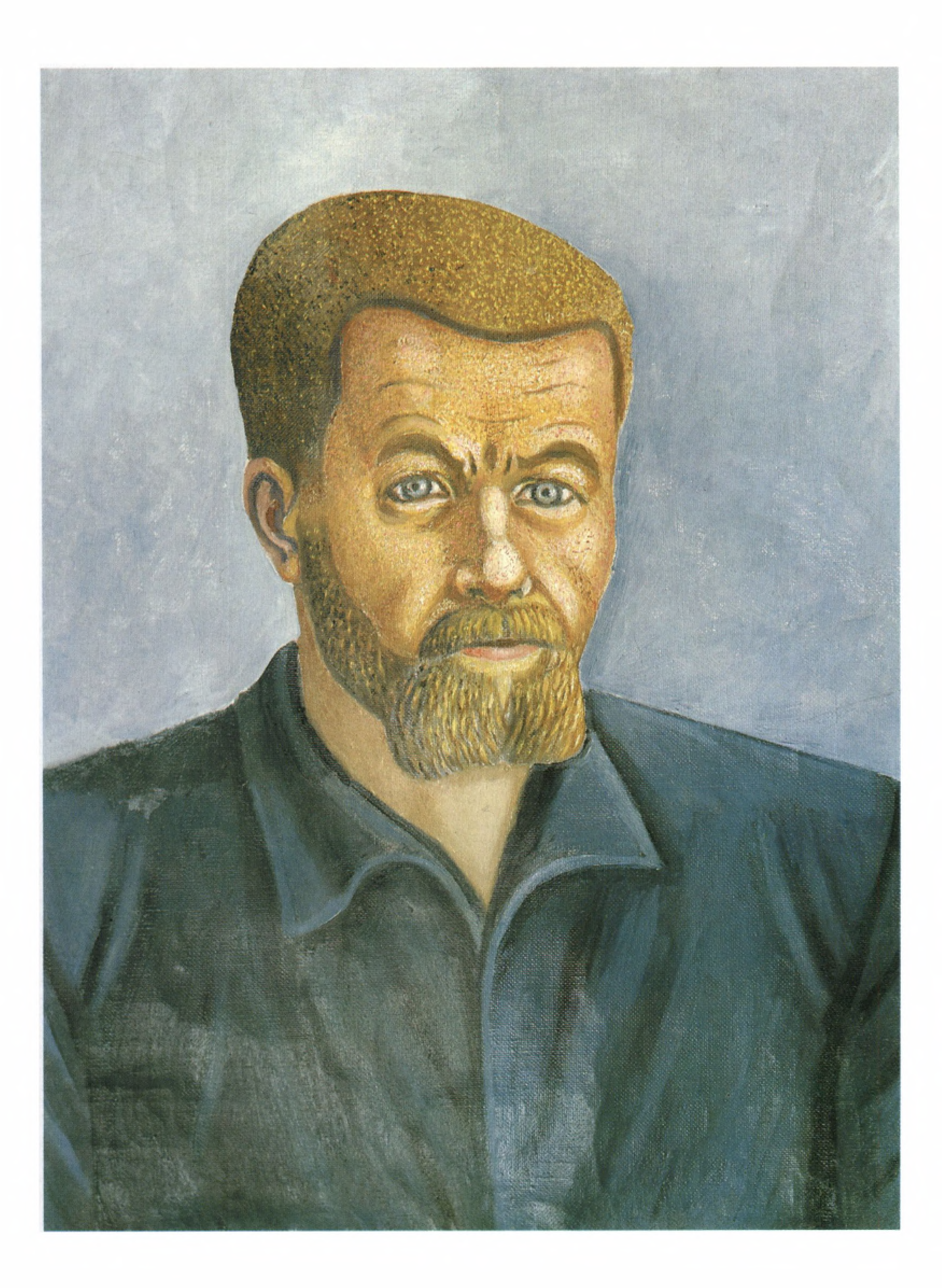

Портрет мальчика.

„Кто не испытал
душевной тяжести
в своей юности,
тот не понимает,
что такое Родина
и сама человеческая
жизнь . . .“

„Кузнец – первый человек на селе“. Мечтал и Иван кузнецом стать, да росточком не вышел . . .

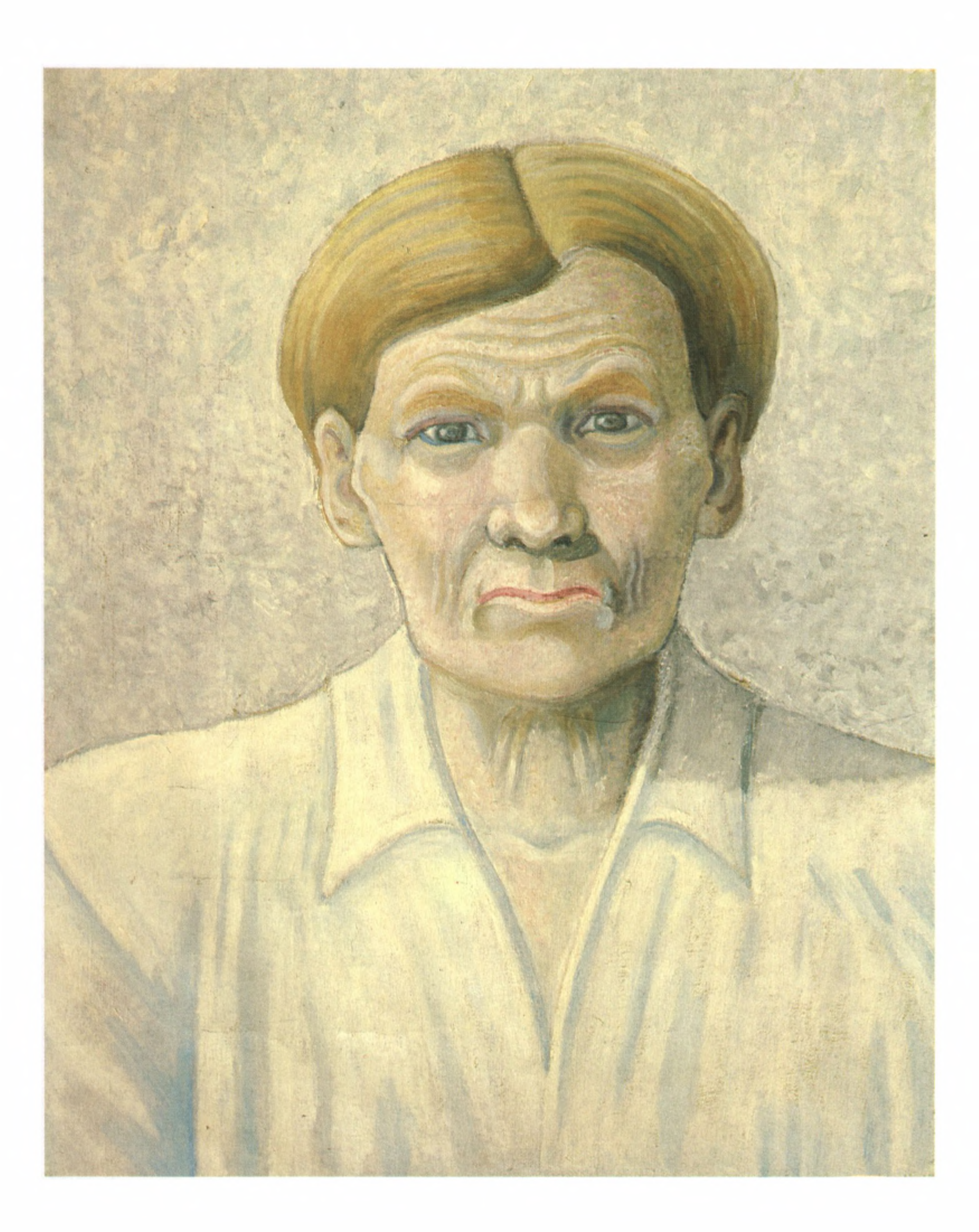

„В молодые годы чувства предсказывали мне: вы должны быть настоящим человеком. Тогда я отвечал сам себе: надо за что-то взяться, попробовать и испытать, что из меня может получиться. Одни чувства говорили мне: вы должны быть большим литератором, только нужно изучать писателей, назависимо от фамилий и образов, ими созданных. Другие говорили: попробуй быть художником. Вот по этим последним чувствам я и начал заниматься художеством“.

Семья петуха.

„Главным в человеке
считаю умение создать
такой дом, чтобы были
в нем тепло, уют и
всегда была пища
на столе“.

Портрет жены.

„Варюху болезную

я не оставлю“.

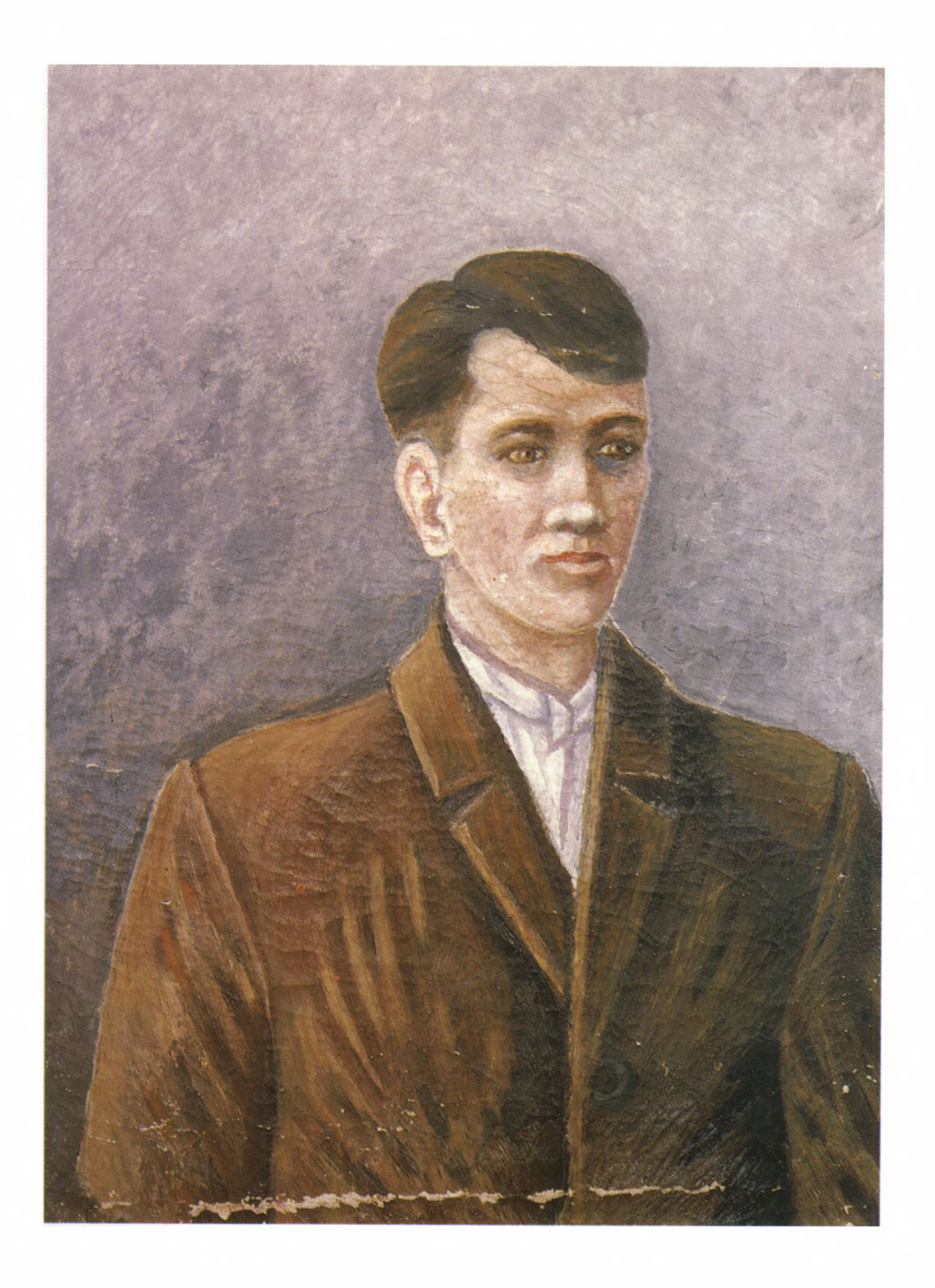
Мой дом в Прокопьевске.

„По-деревенски жили,
по-крестьянски,
голодом спать никогда
не ложились. Варюша
была человек
болезненный,
принуждать ее работой
я не имел права.
Как мог, так и кормил.
Не спрашивай лучшего,
если я не заработал“.

Портрет рабочего.

„В трудовом народе
есть люди развиты и
грамотны умом-
разумом. Им
не страшна ни одна
работа-служебна
обязанность. Трудовой
народ встал на ноги
на одной точке земли.
Провозглашал,
провозглашал эти
слова, рядом сказаны, –
свободу труда и свободу
слова. Ура-а-а, ура-а-а,
ура-а-а“.

Портрет рабочего.

„Честному и

благородному

рабочему человеку

не пристало переносить

всякие прискорбия и

обиды, не свойственны

к делу производства,

от начальника-кикиморы.

Лучше уж умереть, чем

быть в подчинении

у начальника-сволочи“.

Дневники

Предлагаю каждому читателю

читать писанину мою со вниманием,

ибо прозорливых людей

в человечестве единицы.

Если вы хотите почитать коряву

мою писанину и мои русские слова,

попробуйте, может, найдете что

для себя поучительно-интересное.

объятьях природы. На широких
просторах нашей земли. Мы
стоим на берегу ~~с тобой~~ крутом с тобой у широкой
реки. Души наши радуются и сер=
дца улыбаются, а река все течет
– течет в бесконечность точно как [illegible] –
обнимает нас тишина. Ты слышишь, за
крутым поворотом широкой
реки, что-то шуршит? Не
спеши, подойдем посмотрим.
Мы время тянули нам не спе
шна, а вокруг природа все
изменяется. Шуршание воды –
звук в наших ушах прибав
ляется. На крутом повороте
реки, вода ниже стекает.
Это порог, посмотри. Я
вижу, мой друг, что
река изменяется. Что ты

Касается всех.

Читай, если увлекаешся жизнью и ее наслаждением
19-е декабря 1978 г.
Селиванов Иван Егорович

22-е ноября 1977 г.

Общая

Борис К. Голованову

тетрадь

и Леониду Витальевичу

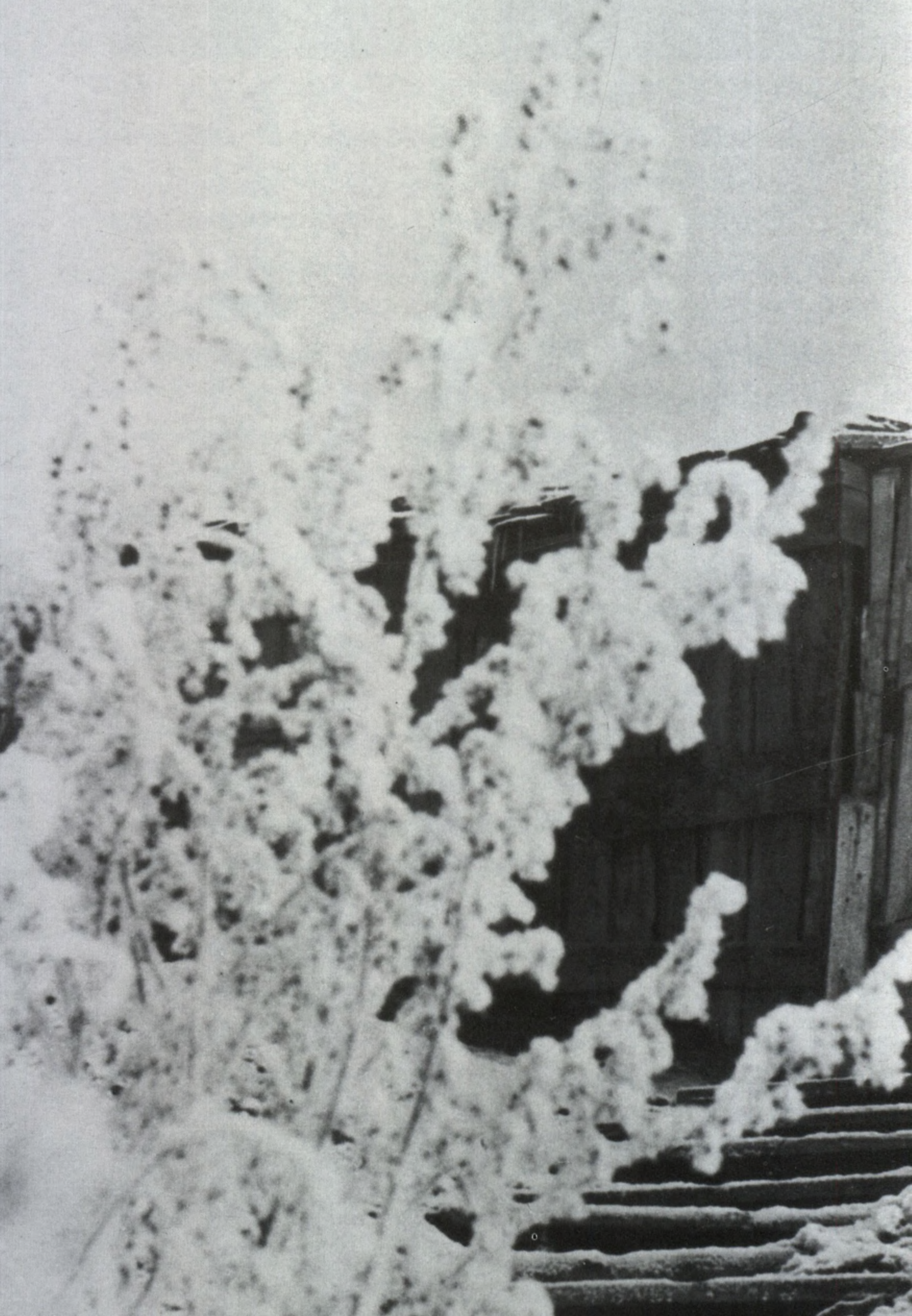
кандидату филологических

наук читала...

Написано чернилом касаеться тех, кто касается развратной жизни, но люди склонны к этой [redacted] жизни все. Ночь 19-е декабря 1978 г.
Селиванов Иван Егорович

на правой руке магазина, э
леву руку. Значит соедине
точке пола образовали бук
ла прилавка правой руки на м
гой продавец, за другим при
~~[illegible]~~ тот-же. Мне понуда фарф
~~[illegible]~~ из этого отделени
другое ~~же от~~ оделение
Здесь торгуют молодые зн
улицы овощами. Мне знакома
Продавица ~~[illegible]~~ подруками мор
ла за морковью вспомога
щий принес крупную морков
зану, крест на крест. Брак
понравилось и такой товар
На воле погода ежеминутно
товую ~~[illegible]~~ галлу - констрактно
~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ теплой земле
был благоприятный ~~[illegible]~~, как-
тишина! Даже не слышно
ка певчей птички, кукареко
шки. Лежу смотрю в н
глазах полусите. Точно вр
вечеру. Над самой моей го
на лежит темный самол

от же прилавок повернул на
не двух прилавков в одной
у(Г). Теперь я свернул с уг-
ву. Иду: вижу, стоит дру
лавка, формат посуды вида
рева не прямая. Я ~~в этом~~
перешел ~~в~~ через дверь в
в этом же магазине.
камы женщины с нашей
обилась одна морковь.
ови не оказалось, она посла
льного рабочего. Этот рабо-
~~[illegible]~~ продолговатой формы, и надре-
такая морков мне не
я не взял. :
меняет цвет. Небо меняет цве
. Я долго лежал на ~~[illegible]~~
. Воздух в окружении меня
отдавало теплоту влагой.
в дали от меня ни какого зву-
ся петуха или бездомной куку-
бо, которо стояло в моих
тя подвигалось к позднему
вот в минуту времени медле-
. Я сразу же встал ~~и~~ на ~~[illegible]~~

Летите, летите, мысли мои!
По всем уголкам нашей земли!
Мысли мои – это слова мои.
Вся нищета – моя братия,
и я с вами сейчас
по экрану говорю. . .

Иван Селиванов

Иван Егорович делал свои записи в блокнотах, самодельных общих тетрадях, сшитых из многих тоненьких ученических. Писал ежедневно, в подробностях вспоминая свою жизнь. По форме это небольшие новеллы или длинные описания впечатлений прошедшего дня. Между отдельными записями на первый взгляд никакой связи. Он свободно ориентируется в днях, годах, десятилетиях, вспоминая себя то мальчишкой, то юношей, то зрелым человеком, и все люди, которых возвращает ему память, описаны так реально, словно он расстался с ними вчера.

Очень часто художник пишет о том, что видел. Сразу даже трудно понять, где – во сне ли, в путешествиях ли далекой юности, в видениях, которые постоянно чудились ему во время прогулок. Или все это он просто нафантазировал? Между реальными событиями, действиями, поступками и причудами невозможно провести границу – они сплавлены воедино.

Вы будете читать дневники, и у вас, я уверена, возникнут ассоциации с творчеством Иеронима Босха, как, не сговариваясь, схоже подумали мы с М.М.Кушниковой, которая работала с некоторыми селивановскими дневниками перед тем, как они попали ко мне. Слово „Босх“ в ее карандашных пометках на полях обрадовало меня.

Вы будете читать дневники, и у вас, я уверена, возникнет мотив феллиниевской „дороги“, ведущей в прекрасную даль бродячих музыкантов, актеров и маленькую Кабирию. И право, в их разноцветное кружение впишется и тщедушная фигурка старика, внутренне ощущающего себя исполином.

Дорога – вот образ, объединяющий все селивановские новеллы. Автор необыкновенно искренен. Он делится не только высокими мыслями о добре, красоте, справедливости, но и посвящает нас в „минуты помыслов дурных“. Он ничуть не приукрашивает свою натуру. А это качество честного человека.

Вот Иван Егорович с простодушием рассказывает, как тяжка для него ночь, которую проводит в размышлениях или беседах с близкой „животинкой“ – кошкой, забываясь под утро коротким стариковским сном. Утро всегда таит сюрприз для него – впереди прогулка по „воле“. И вот наступает миг, когда художник покидает „пределы“ душной избы. Теперь он безраздельно принадлежит „природе“, которая „обнимает“ его.

Он бесстрашно идет по дороге, начало которой там, в детстве, на околице деревушки Васильевской. И любопытный знак – художника постоянно сопровождает его „богатство“ – немудрящий домашний скарб, укладывающийся в два-три узла. Поклажа появляется то на дороге, то в кузове машины, то на железнодорожной платформе, а то и в помещении, в котором находится путник на данный момент. Это – дополнительная краска к образу вечного движения, в котором прошла вся жизнь Селиванова.

Дорога постоянно сталкивает его с людьми. Очень разными. Селивановский глаз все примечает, и всему неизменно дается меткая характеристика. „Скажет – как припечатает“ – это о нем сказано. Но вот реальная картина мира как бы тускнеет под напором фантазии Ивана Егоровича, и начинаются причуды, сказки, дьявольщина. Впечатление такое, что он спешит рассказать об этих видениях, потому что они мучают его.

В дневниковых записях много сказочных оборотов – „сыра земля“, „избушка без дверей“, „шел долго ли, мало ли“. А бесконечные избы, дворцы, помещения, которые путник „по своей воле“ населяет людьми из разных временных пластов, – что это, как не сказочные действа? Встречаются у Селиванова и настоящие сказочные зачины: „Потянул поначалу легонько скрученную нить . . . Не рвется – крепковата. Еще раз покрепче натянул – не рвется. В третий раз натянул изо всей силы – не рвется . . .“

Селивановские сны можно назвать вещими, в них он видит то, что уже происходило с ним, предугадывает события наперед, мечтает о несбыточном. Новеллы поражают глубиной мысли, яркостью и самобытностью языка. Стиль повествования часто меняется, становясь порой то настолько трудным для восприятия, что мысль приходится выцарапывать из многословных словесных оборотов, пестрящих повторами, то на редкость афористичным, где „словам тесно, а мыслям просторно“, то на вас обрушивается поток сознания и вы едва успеваете схватить канву событий, которые происходят с автором.

В самых напряженных моментах повествования в новеллах появляется многоголосие. Диалогичность вообще характерна для автора, он „досконально“ выписывает все свои разговоры с людьми. А вы обратили внимание, как часто является Селиванову голос невидимого человека, который что-то ему вещает? Стоит ли удивляться этому – старик долгие годы вел внутренний диалог с собой: „мои мысли заговорили“, „мое сознание говорило мне“, „одна моя мысль говорила другой“, „одна мысль бьется о другую, как водяные волны в бушующую ненастную погоду о скалистые берега“.

Художник то пылко, то сдержанно спорит со своим „альтер эго“: „Как сделать, чтобы лицо-образ Варюши отличалось от работ других мастеров прошлого и настоящего?“ – „Далеко загибаешь и глупо мечтаешь, чтобы ты заимел превосходство такое. Еще никто в мире не превзошел Рембрандта, Веласкеса, Тициана, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Гойю. Это имена корифеев в мире живописи. Ты что, Иван Егорович, хочешь, чтобы твое имя присоединили к таким именам? Не мечтай . . .“

Или: „Брось собирать словесну грязь! Брось в сторону все грязны мысли! Встань на колени, богу помолись!“ – „Где?“ – „Ты что, глупец иль безумный? Молись в душе своей, сколько тебе угодно. Коль веришь ты в свои причуды. Пусть не знают люди твоей тайны, что ты пророк души своей“.

Порой черту в этих спорах подводит третий рассудительный голос – голос автора дневников. Вы увидите это в новелле „Гимн людям труда“: „Куда вы идете с утра, солдаты, солдатки труда?!“ – „Мы идем на заводы и фабрики, на морские суда, на поля, на заготовку лесов, на добычу угля . . .“ Солдаты-солдатки сообщают, что за „отличну работу“ они получают гроши, и Селиванов-автор делает вывод, что все „короли труда“ – „единомышленники в том, как опутывать трудовой народ. Рабочие люди, особенно чернорабочие, ничего не могут сказать в свою защиту королевским прислужникам“.

Характерная примета новелл – селивановские аллегории, с удивительной прозорливостью рисующие обстоятельства политической и культурной жизни страны. Именно так воспринимаются его рассказы об „огромных массах людей-народа“, закованных в кандалы, и о „мировом певце Шаляпине“, над которым пытались „взять превосходство“ писатели и поэты, литераторы – „лирики особые“, но у них ничего не вышло. Разве не даны нам здесь образы 37-го года, а также гонений на Шаляпина, начавшихся в конце 20-х?

Не раз художник берется рассуждать о несправедливом мировом устройстве, скорбя о тяжелой доле трудового народа во всех уголках земного шара. Не находят у него пощады „короли труда“ – как „капиталисты-империалисты“, так и „бумажны коммунисты“, то есть не настоящие коммунисты, а бюрократы, озабоченные только своей выгодой.

Образ „дороги к лучшей жизни“, пожалуй, больше других волнует Селиванова. Он не раз с благодарностью вспоминает „богатырей“, которые клали головы свои на плахи в борьбе за достижение всеобщего счастья, рассуждает о неизвестных ему „истинно справедливых“ людях, которые ведут эту борьбу и сегодня, озабочен, кто же продолжит эстафету в будущем.

И вслушиваясь в страстные сигналы SOS, которые рассылал по всему миру старик из сибирской лачуги, вновь думаешь об уникальном устройстве человеческого духа, вмещающего в себя миры и пространства.

Не уверена, читал ли Иван Егорович произведения Тургенева и Чехова, но осмысленное, исполненное высочайшей ответственности отношение к русскому языку, восприятие слова как бесценного дара, которым владеем, ставит его в ряд истинных хранителей языка.

Селивановское слово делает предметы зримыми и осязаемыми. И если выделить в его текстах опорные слова, то линию жизни художника легко протянуть между ними. *Соль, картошка, яйца – деньги, магазин – печь, дрова, уголь – окно, скамейка, изба, часы – железная дорога, барак, стройка, дом – море, лес, бревна – книги, картины . . .* Вот так без премудростей совершает архангельский крестьянин восхождение от грубых материальных примет к духовным вершинам.

Одна из основных мыслей: „За главное почитаю тепло в доме, пищу на столе, уют". Ощутима его мужественная позиция: „Судьба склоняет, горбит. Смерть глядит на нас с тобой (с кошкой Мусей. – *Н.К.*) с улыбкой. Думает про нас, но мы еще крепки. Давай вздохнем мы полной грудью, плюнем смерти на улыбку".

Книги и картины – вот полюса его духовной жизни. Из глаголов чаще всего встретите – „идти", „видеть", „мечтать", причем глагол „мечтать" употребляется в значении „думать". Селиванов любит определять понятия синонимами: „изба-деревня", „образ-фигура", „люди-хлеборобы", „вина-прогреха", „конец-крайность-предел", „борозда-межа", „пораздумать-поразмыслить", „картина-пейзаж". И в этом заключена невыразимая прелесть повествования.

Очень часто встречаются в тексте поговорки и пословицы: „Куй железо, пока горячо", „Сытый голодного не разумеет", „Дни не покупать", „Серому волку не перва зима", „В страдно время день год кормит", „Хозяин – барин". А емкость и образность определений („глинистая подошва двора"), афористичность высказываний („Потребность всей моей натуре я отвергал. Она что проститутка. Потребность мешает мне заниматься рисованием, творчеством"), непредсказуемость ассоциаций (красивая лошадь – красивый ребенок, живая корова – образ-скелет) убеждают в том, что самобытному художнику был отпущен судьбой и дар литератора.

Удивительные свойства селивановской прозы – песенность и ритмичность, порой ее хочется читать нараспев, как былину, или в самом деле – распевать.

Выбегала детвора
Из ограды, из двора.

Или:
Примерял заплатку к дырке,
Ножницами отрезал.
Нитку черну по примерке
От катушки оторвал.
Оторвал я черну нитку,
Вдел в ушко иголки
По обычаю бабуси,
По обычаю мамаши.
Как бы с новой силой божьей
Стал я брюки починять.

Или:
Только на ноги чуть я поднялся,
И к крестьянам пошел наниматься
По летам скотину пасти.

Некоторые новеллы могут существовать самостоятельно, как законченное литературное произведение – „Разговоры с кошкой Алексевной", „На меня раздумье навалилось . . ." и т.д. Вот „Изба без хозяйки", например: „Шел зимою с ведром большим, деревянным . . . Зачем ведро я нес с собою, что мечтал в него налить иль положить? Попадались мне навстречу лютые мужики. Одеяние на них рабоче. Белобрысые они. „Здравствуй, дед! Куда с бадьею?" – „Что придется, то найду, то в ведро я положу". По дороге, по пути зашел в деревне в крайнюю большую избу. Встал у дверей, раздел я ноги, сбросил лапти, что по нраву мне. Вижу стол, народу много, в застолье мужики – чистые, холеные, бородатые они.

Стол большой и оголенный. Пустотой пахнет в избе. В избе хозяйки нет. Куда девалась она? Без хозяйки непригоже. „Садись за стол, в компанию нашу, захожий старина!" Перед мужиками стоят бутылки с водкой. Ждут хозяйку мужики. „За почесть-приглашенье спасибо, добры молодцы". Одел я лапти на ноги, поклонился собравшимся: „До свиданья, молодцы!"

Описывая чью-либо внешность, художник дает точный словесный портрет, словно собирается нарисовать человека. „Передо мной стоит высокий сухопароватый мужчина молодой. В желтых ботах на ногах, в легких летних штанах, в „москвичке", в шапке-ушанке меховой. Лицо молодого человека продолговато, также продолговат нос около ноздрей. Глаза несколько сужены, черны. На щеках, где скулы, имеются небольшие впадины".

По цвету волос Иван Егорович подразделяет людей на „белобрысых", „чернобрысых", „рыжебрысых", „серобрысых" и „седобрысых".

В описаниях природы он настоящий поэт: „Я долго лежал на теплой земле. Воздух в окружении меня был благоприятный, как бы отдавало теплой влагой. Тишина, даже не слышно никакого звука певчей птички, кукареканья петуха или кукованья бездомной кукушки. Лежу, смотрю в небо, которое стоит в моих глазах полусинее. Все дышит. Природа ликует, обнимает меня. Куда же податься, чтобы успокоилась моя душа?!"

Природа у Селиванова, как говорится – живее не бывает: „Отвернулся в сторону просторов суши надземной и вижу: на меня глядит отлогий пригорок, или мои глаза – на него". Этот глядящий пригорок (так и чудится картина мастера сюрреализма) долго будет еще вспоминаться вам. Как и такое описание – ключ ко всем его диалогам с животными, к портретным и нравственным характеристикам, которые он выдает и кошке Алексевне, и кошке Мусе, и котику Васе, и Пете-петуху: „Иду по земле, мне навстречу молодой человек, белобрысый, невысокого роста. От нас дорога уходит за холм. За ним, нам слышно, тарахтит трактор. Изредка поет петух. Это значит, там стоит избушка – признак жизни людей, домашних животных. Какая радость, когда все это ощущаешь в своей душе, видишь вокруг себя и подалече". Поистине понятие человеческой жизни для художника неразрывно с существованием домашних животных.

Но голова всему в селивановской жизни – хлеб. Сколько трогательных новелл посвящено людям, которые выращивают его на полях, выпекают в пекарнях, продают в хлебных магазинах. Неподражаема детализация в описаниях форм хлебобулочных изделий – будь то деревенский каравай, булка белого, черного, „серого" хлеба, сухарь, ржаная корка или мягкая фигурная булочка. Поход в магазин за хлебом для него – целое событие, а кусок, брошенный на до-

роге, вызывает потрясение. „Иду по дороге, обычной грунтовой. На глаза попадается разной формы хлеб – разбросан каким-то человеком. На мой взгляд, такие люди не понимают сути жизни и имеют только подобие-форму человека . . . Что можно сказать о них хорошего? Абсолютно ничего, кроме осмысления вслух того, как отвратительно участвуют они в общественной жизни“. Селиванов поклоняется хлебу, обожествляет его: „Святое дело – труд крестьянский!“

Рисуя в дневниках горы муки, дома из батонов, а как мечту воздвигая русскую печь, которая служит хозяину и хлебным магазином, Селиванов все время возвращается к тревожному мотиву, передающему ощущения человека, которому не на что купить хлеба. Он приходит в магазин, молча „провожает взглядом“ ряды булочек и, ничего не сказав продавцу, уходит. Эта щемящая, ненаигранная нота может родиться только у человека, знавшего вкус хлеба из нищенского мешка. „Ходил сегодня нищим по деревне . . .“ Спасибо Ивану Егоровичу за это свидетельство, за эту горькую крупинку правды о жизни человеческой!

И, что интересно, если ему отказывали в подаянии, хлеб всегда волшебным образом оказывался у него дома в кухонном столе. Очень верил Селиванов в добрую волю людей: „Одна молодая женщина, серобрыса, пришла меня сегодня навестить. С большим деревенским караваем своей выпечки. Сказала: „Отрежь столько, сколько тебе желательно“. Я ее приказанье безукоризненно выполнил, отрезал четвертую часть каравая. Сказал: „Спасибо“. Остальной хлеб подал ей обратно. Она посмотрела на мою старую фигуру. Повернулась к дверям избы, промолвила „до свиданья“ и „пошла“. И сколько деликатности, смирения и почтения перед истинным Господином – хлебом: „ее приказанье безукоризненно выполнил“, в другой раз – „я по разрешенью взял хлеба булочку“ и т.д.

Не имея постоянных контактов с „молодыми поколениями“ в личной жизни (у Ивана Егоровича не было детей и внуков), художник тем не менее чутко ощущал биение их сердец. Главным в его отношении к молодым была уважительность: молодежь сама знает, про что толкует, знает, чего хочет и куда идет. Именно такое впечатление выносили из встреч с Селивановым его гости – „чьи-то ко мне посланники“.

От себя скажу: старик общался с каждым на равных, задавал много острых вопросов. Трудно было понять, кто же был в тот момент интервьюируемым. Информацию выслушивал с уважением, молча обдумывал, и чувствовалось, какая работа происходила в эти моменты в его сознании. Художник погружался в неведомый ему мир на правах собрата и „деятеля“.

А разве забудешь прощания с Селивановым? Вот он вышел проводить вас за калитку. Солнце садится за горизонт, и селивановская „крепость“ отбрасывает длинные тени. Трава на „бугре“ в росе. Он пристально смотрит на вас, потом строго грозит пальцем: „Смотри, пиши талантливо!“ И ты летишь с этого „бугра“ окрыленной, и все тебе нипочем.

О том, как верил старый художник в добрую волю молодых, лучше всего скажут его записи.

„Молодые девки, парни стоят на краю деревни, маленькой или большой, о чем-то рассуждают. На дали не слышно прохожим людям. Время летит быстро, теплая пора. Начинался день, утренняя заря угасла. Парни, девки стоят на том же месте.

Пусть молодежь толкует, говорит про то, что им нужно. Прохожим людям разговор парней и девчат не нужен. Жизнь идет самотеком, произвольно в это утро, в наступающий день – ясный, солнечный. Тишина обнимает людей. Не колышется зеленая травка. От плодовых деревьев – яблони, рябины, черемухи – веет свой аромат. Прохожий люд им наслаждается.

Парни и девки стоят, продолжают свой разговор. Про что они говорят? . . Жизнь идет своим чередом на окраине этой маленькой деревеньки".

Рассматривая дневники Селиванова как явление современной культуры, попытаемся взглянуть на них не с точки зрения устоявшихся мнений. Именно в этом случае можно просмотреть главное, подгоняя необычный материал под стереотип. Необходимо взглянуть изнутри, глазами самого художника. Психолога, лингвиста, стилиста тексты, вероятно, привлекут чисто с профессиональной стороны, нам же интересен мир образов художника, пронизанный живым нравственным чувством.

Кусочек первозданной природы, не искаженный городской культурой, сегодня редкость. Приобщение к своеобразному художественному миру Селиванова облагораживает человека, заставляет задуматься об изначальном, порождает стремление оценить, насколько живо и непосредственно наше собственное восприятие мира.

Поэтому мы даем минимум комментариев к текстам. У читателей есть возможность прикоснуться к той желанной простоте, которая для многих недосягаема. Нам всем известны примеры, когда высокообразованный, имеющий положение в обществе человек без сожаления оставлял все и бежал куда глаза глядят, в поиске непосредственных впечатлений. Так когда-то уехал на Таити французский живописец Поль Гоген . . .

Но именно эта попытка бегства от сложности к простоте накладывала отпечаток на творческое мышление этих людей. У Селиванова „пути к простоте" не было – в простоте он прожил всю жизнь, и его восприятие действительности изливалось естественно. Мир представал перед ним таким, каким видится ребенку. Но художник уловил законы этой простоты и попытался рассказать о них нам. Будем благодарны ему и за это.

В какой последовательности расположены селивановские записи? Подразделение на главы, конечно, весьма условно. Вначале предполагалось объединить в отдельные главы мысли художника о хлебе, труде, творчестве, природе, встречах с людьми и т.д., но в этом случае не удалось бы избежать механистического соединения отрывков в целое.

В самом деле, можно ли расчленить чьи-либо мысли? Селивановская мысль охватывает все явления окружающей жизни сразу – сегодня, завтра, послезавтра, всегда. Казалось бы, „думает-мыслит", „мечтает-говорит" художник об одном и том же, но, погружаясь в тексты, ощущаешь, что автору удалось отобрать у потока повседневной жизни ее дыхание. А не в этом ли вечное предназначение творца – „отнимать название у цветка"?. .

Думается, правильнее всего воспринимать иные записи Селиванова как ненаписанные картины, в которых ясно сказано, как велик и одновременно смешон человек, как неожидан и непостигаем, как ничтожен и бесконечно щедр. Не спешите из любопытства прочитать дневники. Не спешите из любви к знаниям. Начинайте с одним условием: если настроились на волну доверия к миру, который жесток и груб, очень часто несправедлив и все же непобедимо прекрасен. И тогда вам откроется нежное сердце Художника, прожившего долгую жизнь в единоборстве со злом.

(Комментарий Ю.Г.Аксенова: „В том, что Селиванов стал активно писать дневники лишь в последнее десятилетие жизни, есть и моя вина. Получая от него письма, я обратил внимание на то, что слово его образно и правдиво, и сказал об этом Ивану Егоровичу. А также заметил, что ему полезно было бы написать автобиографию для самопознания и истории. Он засел за работу. И к дневникам стал относиться всерьез. А „писание" очень разви-

вало „мозговую систему“. Было видно, как от года к году все глобальнее и глубже становились записи. Потом пришло время, когда их можно было окрашивать в три цвета: в черный – прозу жизни, в голубой – мечту-фантазию, в красный – гражданские заявления, народную философию.

И все же в моем предложении Селиванову начать писать был сокрыт риск, ибо „умствования“ и „писания“ априорно считаются вредными для живописца. Но мало ли великих художников писали о „далеком-близком“? Талант все выдюжит, верилось мне. Рискнул. И с удивлением обнаружил певучесть и „неисправимость“ северной речи. А потом в „Пряслиных“ Федора Абрамова нашел созвучие селивановской достоверности. „Писаниной“ Селиванова в ЗНУИ зачитывались. А вот издатели, которым мы подали авторскую заявку, кривились. И из журнала „Художник“ № 9 за 1986 год текст с селивановскими афоризмами убрали.

Если бы „босх“, то за милую душу напечатали бы! А мужика в „калашный ряд“ не пускали. Подправили цитаты из селивановского дневника и в каталоге, изданном в Кемерове. А дневники, как и рисунки его, править невозможно. Много еще у нас Иванов, родства не помнящих! Вот почему унижают, а не поднимают фигуру Селиванова „ассоциации“ с Пиросмани, Босхом, с кем угодно.

Помните его портрет Маркса? Матиссовская линия охватом, между прочим, дается только тем, кто талантлив и умеет проявлять свое дарование. Я всегда знал, что как человек Селиванов сильнее Селиванова-литератора и Селиванова-художника. В нем всегда жил потенциал крупной личности, и нельзя было расщеплять ее на философа и литератора, крестьянина и рабочего, художника или старовера – и такие подозрения сыпались на его голову! Ему не нужны маски. Селиванов тем и интересен, что родился, жил, творил и умер Селивановым. Его уделу не позавидует „кикимора“, его мужеством, мудростью и терпением будет гордиться порядочный человек. Потому что он один вобрал в себя общее“.)

Глава первая

«Воля ты моя, воля!»

Иду не спеша. . .

Из кажущейся хаотичности повествования, разбросанности суждений, нагромождения фактов возникает образ реального странника с „котомкой-грузом“, которая „тяжела“. Он идет по проулочкам своего поселка, по окрестностям, по тротуарам Прокопьевска, а на самом деле по городам и весям, по земле и „неба синеве“ одновременно, легко перешагивает через десятилетия. И полвека для него – не время, потому-то рабочие завода, на котором когда-то трудился он и которых встретил Иван Егорович во время одной из таких „прогулок“, совсем не изменились.

В первой главе селивановское перо как бы под увеличительным стеклом представляет мир материальный, хорошо знакомый ему во всех своих грубых реалиях, но остается неизменной сказово-притчеобразная манера подачи материала. Избы с бесхитростным убранством, в которых появляется наш странник, многочисленные железнодорожные платформы, поезда и вагоны, в основном товарняки и в основном с углем (Кузбасс – родина угля. – *Н. К.*), бескрайние поля, на которых растет картошка, стройки, кузницы, цеха заводов бесчисленное число раз будут появляться на страницах. На их фоне будут возникать несвязные мизансцены, вырванные из контекста какой-то пьесы, в которой по мере чтения, кем бы вы ни были, все более будете ощущать себя действующим лицом.

Десятки людей, порой с конкретными именами, будут действовать в этих эпизодах, вести диалоги, запечатленные памятливым стариком, наделенным зорким сердцем. Сам автор активно общается с ними и лишь изредка занимает пост наблюдателя.

И здесь „со вниманием“ смотрите, как копаются лунки для посадки картошки, как чернеет сажа на старой стене сквозь штукатурку и известку, как крупными стежками подшиваются дратвой валенки, как кладется кирпичная стена и темнеют мокрые парусиновые фартуки. Совершенно очевидно, что когда-то художник все это видел, держал в руках или производил ту или иную операцию. И в строках сквозит нескрываемая гордость рабочего человека, умевшего так много делать. Не так ли и в кладовой нашей памяти хранятся какие-то слова, лица, предметы, дома, дни, и только леность наша и невнимание даже к собственной жизни виной тому, что не творим подобной „книги жизни“? Если не для печати, то хотя бы для детей своих и будущих внуков.

Уже сказано об отношении Селиванова к хлебу, да и все, что касается еды в его записях, имеет особое значение для тех, кто молод. Наличие и отсутствие еды в селивановском понимании хорошо оттеняют понятия „изобилия“ и „голода“, сопровождавшие нашу жизнь в недавние десятилетия.

Заметим, что старика часто подвозят во время его „прогулок“ всевозможные попутки – от грузовиков до легковых машин. И порой мы встречаем явную на первый взгляд бессмыслицу в записях: ехал на машине в одну сторону, вдруг ни с того ни с сего пересел на другую и поехал обратно. Бессмыслица? Но так ли уж мало ее в нашей жизни – от пустого времяпрепровождения на улицах, безрезультатного сидения на рабочих местах до абсурдных проектов века, осужденных всем народом.

Так что прислушаемся к художнику, тем более что рельеф местности на обратном пути следования Селиванова вдруг „сделался другим“. Два раза не войдешь в одну реку? А многие ли из нас смогут дать свой образ этого мудрого изречения?

Каждый, кто видел фильм „Земляничная поляна“ Ингмара Бергмана, наверняка помнит сцену, в которой престарелый герой, стоя у этой самой поляны, „видит“ сцену, происходившую во времена его юности. Фильм поражал именно потому, что выдающийся кинорежиссер легко и свободно, словно реальность, показал на экране жизнь человеческого подсознания, в

котором переплетены явь снов и сны яви. В дневниках Селиванова – пишу это без малейшей иронии – таких эпизодов множество. Пример яркого совмещения времен – старик готовится собирать урожай, но мешки с картошкой везти не на чем. И он грустит о пропавшем коне, а пропал-то конь, подаренный еще матери Татьяне Егоровне едва ли не в дореволюционные времена. В другой раз он ищет этого северного коня в местности, где залегали „каменно-угольны пласты". В Кузбассе!. .

Тональность селивановских записей меняется по контрасту: вот он рассказывает, как доставил (в своем воображении, конечно) радость женщинам, одарив их отрезами прекрасных тканей (не так ли художник одарил нас своими картинами?. . – *Н.К.*). А вот его строки наполняются пафосом обличения „хамов и извергов", и он с горечью констатирует, что не так много „истинно справедливых" людей в мире, и что неимущему, как и в прежние времена, не дождаться помощи от тех, кто состоятелен.

Думается, что внимательное чтение селивановских дневников – хорошая школа для развития воображения. И не только для будущих художников – для всех, кто хотел бы прожить жизнь, обозревая „пропасть земли" и „синеву небес" одновременно. Нашла я в записях и лейтмотив первой главы.

Что ты ходишь, что ты бродишь,
что ты ищешь, мой дружок?
Мир велик, разнообразен,
всяк по-своему живет,
кто танцует, кто играет,
а кто заунывну песенку поет.
Кто плачет горькими слезами
и им притока не найдет.
Таких немало в мире нашем,
как приблудные живут.
Мир большой, разнообразный,
всяк по-своему живет:
кто торгует, кто смеется,
барыши в карман кладет.
Порою сердце у меня сжимается.
На мир я пошлый смотреть не могу.
Искал я правды в широком мире,
правды нигде найти не могу.
Она где-то стоит под укрытием,
в расщелине,
и смотрит на мир.
Решает важнейшие вопросы:
хочет ликвидировать всю нищету.
День воскресенье, 22 февраля 1981 года.

Прошло то время, когда я работал на государственных-казенных работах, а сегодня в моей голове возобновляется прежнее. Собираюсь-спешу на работу, что-то ищу, вспомнить не могу. Да! Надо взять кусочек хлеба. Хлеб

есть, но он не мой, спрашиваю старого знакомого по общежитию, он мне – ни слова. Этим задерживает меня. Спрашиваю у домохозяйки-уборщицы, сколько времени, она ответила, что точно 12 часов. В этот час мне нужно быть уже на работе, а еще идти порядком. Кто-то из знакомых подал два кусочка ржаного хлеба, я взял, поблагодарил и быстро-быстро отправился.

Не замечая времени в пути, прихожу на работу. Рабочие еще ждут распоряжения старшего. Моя душа и сердце успокоились. Присел отдохнуть на скамеечку вблизи членов нашей бригады. А вот приходит сам старший, рабочий-распорядитель. День среда, 29 апреля 1981 года.

Шел с котомкой на плечах, что было в котомке?. . Груз был тяжел. Зашел в большой сарай, вижу – подле стены лежит много лука. Вернулся из сарая, зашел за угол, сбросил котомку со спины своей, пошел.

Иду по дороге один, вижу молодого паренька в военной форме. Он рассматривал небольшие фартуки, мокрые, парусиновые, под цвет зеленой травы. День воскресенье, 15 февраля 1981 года.

Шел по полю, по лощине. Впереди меня – какой-то мерщик. Этот мужик садил в непаханую землю дряблую картошку. У него осталась на конце полоски земля. Откуда-то передо мной появилась картошка штук десять. Я рассадил ее на оставшейся земле. Хотел было свои лунки перегородить, чтобы осенью при копке не перепутать. Не пришлось – нечем было. День среда, 18 февраля 1981 года.

Сарай передо мной. В нем вода вместо пола и земли. Куда идти? Присел я на чурак, с усталости начал дремать. Мерещится в моих мозгах: „Зашел в одну чужую избу – стоит большой стол, на столе хлеба много. Весь он серый и хорош. На полу в избе толкутся мужики. Каждый зарится на хлеб, пару булочек берет. Мне досталось немного, я давай его таскать, в особый ящик прибирать. День четверг, 19 февраля 1981 года.

Зашел в большую кузницу, посреди стоит большой чугунный круг, заменяющий наковальню. Кузнецом работает молодая женщина невысокого роста, бе-

лобрыса, в чистом одеянии. Она накалила небольшую тарелку со штырем-штыриком, эту тарелку ей нужно выправить, но одна она не сможет. Говорит мне: „Возьми кувалду, будь за молотобойца, я буду переворачивать раскаленную тарелку, а ты ударяй". Но сколько бы мы ни выправляли эту железную тарелку, она все же берет форму свою. Наш труд бесполезен.

Подошел к одному дому – дом хорош. Открыл дверь, смотрю – никого нет. Через несколько минут появляется хозяйка дома-избы. Принесла тарелку жаренных всмятку яиц. Поставила на стол. Наверное, по ее усмотрению и предвидению так удобнее кушать тому, кто голоден. Приходит какой-то высокий чинный мужчина, чернобрысый, в жилете. Не говоря ни слова ни мне, ни хозяйке, набрасывается, как собака голодная, на сковороду. Я почувствовал себя лишним, вышел на волю, иду по дороге. . .

Подошел к краю поля, к одной полоске, стал копать картошку, вытащил один куст, смотрю – картошка мелкая. Я отвернулся, вижу: подошла к моим ногам собака, а на мне очутились старые валенки. В общем, и так нехорошо, и эдак нехорошо, куда ни поверни, везде плохо. Время смеркалось, предо мной очутилась могучая женщина, пожилая, седобрысая. Она вытащила бутылку какого-то напитка из сумки, стала раскупоривать, вдруг остановилась и проговорила: „Пойдем к Марье Трофимовне, понаведуем". День суббота, 21 февраля 1981 года.

Зашел вечером в чужую избу. Сидят несколько мужиков за столом, хозяйка, молодая, интересная женщина, налила им в большую сковородку ухи, каждый кушал и прихваливал. Мужчины ели рыбу вприкуску с серым хлебом на соревнование. Значит, хозяйка настоящий повар-кулинар. Умеет сварить и состряпать что угодно, молодец! *В хорошей еде и есть настоящее удовольствие каждого человека. Интересно, сколько бы ни кушали мужики из тарелки-сковородки, уха не убывала. Вот секрет. Так сколько людей может накормить эта хозяйка молодая? Да! Она – настоящее золото в человеческом образе.* Я не стал мешать людям кушать, повернулся и вышел из избы.

Смотрю на скотский двор этой избы, никакой скотины нет, видна только одна глинистая подошва двора, неровная, напоминающая котлован наподобие блюда. Зашел в соседний дом, как нищий. Вижу – сидит молодой хозяин на низкой табуретке. Чинит старые валенки. Шов, кото-

рый он делает, чрезвычайно велик: строчка от строчки не меньше 4-х сантиметров. Я мечтал спросить, воздержался, подумал, что хозяин лучше знает, зачем все это нужно. Недалече от меня стоит корзина, в которой вижу несколько крупных яиц. Думаю, еще и хозяйством занимается! . . День суббота, 7 марта 1981 года.

Вот дом крестьянский предо мною. От времени он похилился. Приглядность потерялась снаружи у него. Дай взойду в избу. Посмотрю, кто живет, нельзя ли там напиться чистенькой водички и передохнуть немножко. Подошел к дому, открыл дверь, смотрю: изба большая, стол низенький. На столе лежит хлеб белый, разрезан на три части. В хлебе изюм запечен. Подумал: хлеб не для таких, как я. Рядом с хлебом лежат булочки румяны. Тоже для меня неподходящи, не по моим деньгам. За столом стоит пожилая торговка-продавец. Смотрит на меня молча. Я спросил: „Хлеб есть у вас?“ – „Ожидаем“.

Стоят у барака мужики в праздничном наряде. Врезается в глаза их мебель. Добра мебель. Подумал, наверно, к отправке предназначена, а может, запродана. Предлагают мне мужики с ними посидеть в компании. Мечтаю-думаю: день обычный, в честь чего они хотят отметить этот день? Пусть отмечают, дело их. Зачем я буду смотреть на собравшихся? Сидеть за столом, ждать чего-то? Шапку снял: „Спасибо, угощайтесь без меня. До свиданья, молодцы“. День понедельник, 14 декабря 1981 года.

В одном доме зашел на чердак. Время вечернее, начинает смеркаться. Чувствовал себя, как у себя дома. Нашел на чердаке порядочно ржаных сухарей, положил в подол, спустился и пошел по дороге. Мимоходом зашел в одну избу, по форме-конструкции похожую на больничную каюту. На койке прямо на деревянном настиле-досках лежит старший сын соседки Лукьянченко Веры. Спросил его: „Есть хочешь?“ Он из подола-фартука моего вытащил горсть ржаных сухарей и стал с жадностью кушать. В избе полутемно, может, оттого, что всего одно окно и оно грязно. Через некоторое время пришла мать, уселась в ногах сына у спинки койки. Я ее спросил: „Побелить хочешь?“ Она промолчала. Вижу – тут мне делать нечего, повернулся к дверям, вышел на волю. День суббота, 4 апреля 1981 года.

Зашел случайно в маленькую конторку, за столом – две молодые служивицы-конторщицы. Обе белобрысы. Справа смотрит на меня женщина с улыбкой. Другая, кассирша, не улыбается. Вдруг подходит к кассирше моя знакомая. Кассирша выдает ей больше десятка пачек новых трояков. Она подает мне сумку и говорит: „Складывай“. Я сложил ее деньги, и она ушла, ушли и обе конторщицы, я остался один в недоумении: что такое?

Хотел было уходить, появляются двое пожилых служащих, тоже белобрысые. Эти мужчины солидны, в деловом настроении, тот, который помоложе, снял шапку и зимнее пальто, повесил на стену около дверей. Подходят они к столу, тот, который снял верхнюю одежду, сел на место кассирши, а другой – на табурет. Второй – постарше, на груди у него медаль. Кассир мне говорит: „Вы, наверное, расписываетесь старым пером по форме“. И подает лист: „Распишись“. Я расписался, не спрашивая, за что. Он вынимает из ящика стола три с половиной пачки трояков, я положил деньги в карман спецовки, не считая.

Вышел из конторы, зашел в другое помещение в этом же доме. Смотрю, на столе вареное мясо в больших чашках. Его с жадностью едят голодные пацаны. А мясо принадлежит мне. Но я подумал: раз пацаны голодны, пусть едят, сколько хотят. Хотел было при них деньги посчитать, но воздержался. День пятница, 1 мая 1981 года.

Зашел в старый деревянный дом, на задней стене в нем устроены полки. На них лежат сухари из серого хлеба, уложенные один к одному по порядку. По работе укладчика-работника видно, что человек заботится о культуре своего труда. Это важная сторона нашей жизни. Я осмотрел помещение. Признаков человеческого присутствия не вижу. У меня не было помысла взять хотя бы один сухарик, хотя я нуждался в этой скромной пище. Есть хотел, как голодный волк.

Выйдя на волю, направился в большой город с мечтой и помыслом найти хлебный магазин. Мне попадается пацаненок с хлебом. Я его стал расспрашивать про магазин, в котором он купил булочку серого хлеба. Он рассказал. Я направился по дороге-улице. Время смеркалось. Иду себе, не думая ни о чем. На меня напала рассеянность-забвение, минуты помыслов дурных. Все глубже в мозги лезет дурость, покою не дает. Говорит-диктует: „Иди, вреди, воруй и грабь, но к черту в когти-лапы не попадай!“ Так я про магазин хлебный и забыл. День пятница, 8 мая 1981 года.

В одной избе кем-то были приготовлены праздничные блюда. Обработка художественная, значит, пища и на вкус приятна. По всей вероятности, хозяйка – настоящая кулинарка. Такого человека всюду люди ценят. Только эта кулинарша почему-то сложила блюда с холодной пищей на пол. Наверное, ожидала каких-то чинных людей к праздничному времени. В этой избе я постоял около самых дверей, пока никого не было. Не отходя от дверей, осмотрел и осмыслил обстановку, подумал: „Люди в этой избе живут неплохо. Тут мне делать нечего, надо идти куда-нибудь“.

По какой-то случайности зашел на лесопильный завод, на котором я когда-то работал в молодости. Этот завод стал намного чище. Разговаривал со старыми рабочими, один из них сказал: „Наш хозяин намеревается навести полный порядок, хочет всю территорию заасфальтировать“. *Рабочие многие до сих пор на заводе работают, несмотря на то, что прошло полвека. С кем бы я ни повстречался, никто не изменился, никто не постарел. Так часто бывает в моей жизни.* Все рабочие приодеты в новые спецробы, по расцветке – темно-синие. Я подумал: не то, что прежде, наверное, хозяева стали богаче.

Я стал проходить по объектам завода. Смотрю, рабочий по фамилии Дубина был пильщиком бревен, а теперь сортирует эти бревна, подбирает одно к одному. Несмотря на то, что прошло много десятков лет, он стал в два-три раза здоровее, это разве не удивительно?! Он берет любое по толщине бревно и несет туда, куда ему заблагорассудится. Подхожу к месту разгрузки, здесь работает мой сосед Арсенька Булгаков, также сортирует лес, с той лишь разницей, что другой лес, мелкий – чураки.

Из-за корпуса завода по железной дороге движется состав платформ с лесом-кругляком. Арсенька проговорил: „Опять работа“. Платформа с бревнами увязана алюминиевой проволокой через каждую перекладину. Я спрашиваю у Арсеньки: „Для чего такая увязка бревен?“ Он мне отвечает: „Для крепости, чтобы во время движения бревна не развалились. Таково постановление железнодорожников“.

Иду я дальше. И вижу перед собой ограды у каждой лачуги. Еще вижу где-то вдалеке синеву небес. Дорога привела меня к старому сараю. Сарай открыт, слесарь в нем работает. Промолвил я слова свои: „Сделай трость, мужик, ты мне“. Он ответил: „Сделаю из медной трубки трость тебе“. В раздумье впал глубокое я: такая трость негодна мне. День понедельник, 23 февраля 1981 года.

Зашел в избу продолговату. Изба хотя стара и в ней нет ничего, но чем-то она привлекает и радует человека. В избе передо мной расчесывался молодой человек, мужчина рыжебрысый. Волосы он носит так же, как и я. Я тоже расчесывался перед ним, но у меня волосы были влажны, как после бани, хотя в бане я не был.

Захожу в помещение, очень большое, в нем находится жена моего старого приятеля Сергея Абраменко. Она что-то делает с электропроводкой, я подошел, смотрю, вникаю в ее работу, может, в моей жизни это дело пригодится. Для чего она обматывает медную оголенную проволоку? Подумал, что это заменитель изоляции. Перехожу в другое помещение. И мне понадобилось как раз такую электропроводку в подполье провести. Кумекал об устройстве, затруднение встретилось с выключателем. Нашел заменитель выключателя. Работа мною провернута очень хорошо.

Вдруг я очутился в новом помещении, а в нем занимаются электропроводкой подростки-пацаны из профессионального училища-школы. Они работают под руководством старшего бригадира или педагога. Как видно по их работе, здесь будут установлены станки, которые должны работать при помощи электроэнергии. Электропроводка делается по плану-чертежу. Как только привезут станки и установят, сразу же присоединят электропроводку. Все делается заблаговременно, по расчету. День вторник, 24 февраля 1981 года.

Хожу на воле, по просторам, подошел к одной пропасти, стою, мечтаю-мыслю, что за яма, конца и края нет у ней, дна совсем не видно, и если край обвалится, тут моя могила. Отвернулся, плюнул и пошел не знаю куда. Иду, мечтаю, не знаю про что. Вот каменный уголь передо мной. Таскают люди этот уголь. Хотя бы совесть поимели, оставили бы мне немножко! Пока мечтал и размышлял, смотрю – угля не стало.

Вот поле вижу перед собой – ограды и заборы. Таскают люди с поля мешками урожай домой, а я стою в раздумье: что буду делать, конь пропал недавно! Таскать в мешке пешком я не в силах. Стар стал. Покумекал, помечтал, пошел к соседу за мешком. Сосед ответил: „Нету“.

Иду тропинкой и дорожкой, вокруг холмы и впадины. Природа скучна, кругом безмолвие, туман еще с утра стоит. Признака живого нет. В этой точке надземной ощущаю воздух не тот. Подошел к дому большому, смотрю – двери открыты, внутренний замок неисправен. Хо-

тел исправить – нечем. Кто поломал – не знаю. Рядом с домом сарай, двери тоже поломаны. Зашел в сарай – в глаза упираются ломаны ящики и всякая рухлядь домашняя. Один я ящик открыл, посмотрел, стал рыться – деньги лежат на дне-днище, целая пачка, прикрыта сеном. День воскресенье, 1 марта 1981 года.

Вижу стол, за ним начальник макаданного (асфальтового. – *Н.К.*) завода Василий Данилович Асмус. Среднего роста, черноват, с темно-серыми глазами, нос у него продолговат, с горбинкой. Когда-то я у него работал сторожем. Он, кроме своей должности, занимает должность инженера. По выражению лица можно понять: он чем-то озабочен. Ни он мне, ни я ему – ни слова. Я повернулся и ушел.

Попал на волю-дорогу, которая ведет на станцию Усяты (под Прокопьевском. – *Н.К.*). Мимо идет груженая бортовая машина-шеститонка. Я заскочил в кузов, точно акробат. В кузове пусто. Не знаю, видел ли меня шофер. По шоссейной дороге навстречу нам идут военные, по форме видно, что офицеры. Кители на них светло-зеленоватого цвета, эполет на плечах не заметил. Офицеры свернули влево от шоссейной дороги, их было человек десять, точно не скажу. *Автомашина, на которой ехал, остановилась перед встречной, я на нее и пересел. Зачем, не знаю.* Значит, поеду по этой же дороге обратно.

На машине несколько человек. От какой организации и куда едут, не знаю. При посадке передо мной возник намокший старый пиджак – его давал когда-то мне в молодости Славка Татарников, как бы в уплату за квартиру. Откуда-то появилось все мое богатство около машины, я слез на землю и стал просить прохожих, чтобы они помогли погрузить все в кузов. Просьбу мою выполнили. Кто-то постучал шоферу, что можно отправляться. Автомашина набирала скорость. *Странно, но при обратном движении по той же местности я наблюдал совсем другой рельеф.* В одном месте машине нужно было пройти между двух новых кирпичных домов. Вдруг все исчезло. День понедельник, 2 марта 1981 года.

Смотрю, стоят два больших кирпичных дома, между ними – деревянный одноэтажный. Некрасиво смотрится он, тем более до конца не достроен, надо установить крышу и произвести внутренние поделки: рамы поставить,

пол настлать, двери вставить, печь сложить и кое-что по мелочи сделать. Хозяйка дома – Феня, фамилии этих людей не знаю, несмотря на то, что они давно мои соседи. День вторник, 3 марта 1981 года.

В одном помещении казенной конструкции молодая, солидная женщина мыла пол. Лица ее я не видел, происходило это в противоположном конце помещения. Я также стал мыть пол. Думаю, вряд ли вдвоем мы справимся с этой работой, несмотря на то, что пол окрашен. Незаметно из глубины помещения подошли ко мне молодые женщины. Смотрят, как я мою пол. Подумал, зачем же они подошли ко мне, зачем проверяют, что им нужно? Моя старческая фигура, как и моя работа, им неинтересны. В чем дело, загадка-секрет, понять не могу.

Смотрю, у стены появилась груда разной богатой ткани. Откуда? Стал я эту ткань, богатую и красивую, по цене не покупну, откидывать женщинам. Переменили они свой облик, стали веселы, с улыбкой на лицах, с искрящимися глазами. Принимали от меня ткань без слов, так же и я не говорил им ничего. Уходя, женщины, нагрузившиеся тканью, также не промолвили ни слова. Подумал, какие же неблагодарные!

Через какое-то время я вышел на волю. Вижу – кузовом ко мне стоит бортовая автомашина. Около нее – интеллигентные мужчины. *Про что они размышляли, мне было неизвестно: это видеть человеку не дано.* Около бортовой машины было много мусора. Я, не объясняясь ни с кем, стал кидать мусор в кузов. В одну минуту мужчины ушли-исчезли из поля моих глаз. На смену им пришли молодые девки-девчонки, эти стали мне помогать. Все разодеты в праздничные одеяния, для меня непонятные. Нагрузили машину быстро. Шофер дал сигнал к отправке. Через минуту машина скрылась. Девки пошли в одну сторону, я – в другую.

Зашел в какую-то незнакомую избу – около стола на широкой доске порядочно новых книг по военной грамоте. Кто-то мне сказал: эти книги очень полезны, по ним построил самолет твой сосед из деревни – Нестер Ерофеевич. Я стал размышлять, что для этого нужна высшая грамотность, знание высшей математики-алгебры. Значит, Нестерко все это знает и понимает, несмотря на то, что делу самолетостроения не учился. Трудно представить, но человек способен на все: и на хорошее, и на плохое. День среда, 4 марта 1981 года.

Выхожу из двора-ограды на более обширны просторы. Иду по дороге, мне никто не встречается и никто не обгоняет, спешить некуда. Передо мной по правую руку – большой дом, обмазанный белым известковым материалом. Подумал: „Штукатуров настоящих не было, его обмазывали работницы по наказу начальника строительства. Сойдет, но не так красиво. . .“ Слева от меня – сарай с углем, что-то мне крыша не понравилась, я изъявил желание выправить ее обрезками от досок.

Незаметно кто-то подошел ко мне, прислонился к моему уху и шепчет: „Этот сарай принадлежит тебе“. Этот человек скрылся, а я стал осматривать сарай. В нем полно набито угля. *Вдруг подбегает пацаненок и глядит в мои старые глаза. Этим он хочет выразить свои мысли без слов. Я подумал: „Какой пронзительный взгляд у мальчика, без слов можно понять его помыслы!“* Мальчик отвернулся и сразу исчез.

Я вновь посмотрел на сарай. Вижу небольшие дверцы. Набежало к ним множество пацаненков. Открыли дверцы и стали залезать в сарай на поверхность угля. Подумал: „Растащат уголь“. Иду возле сарая, крыша чуть выше моего роста. Вижу на дороге несколько автомашин, из моего сарая мужчины грузят мой уголь.

Сколько ж обид от людей перенес я на своем веку! Сколько нахалов, сколько воров! Ужасное дело, терпеть не могу. А деваться некуда, и нет сил уничтожить эту нечисть. День вторник, 17 марта 1981 года.

Сегодня ремонтировал рассохшуюся кадку из-под воды, подбивал обручи и подправлял дощечки. Если бы недоглядел, кадка могла рассыпаться. На воле погода стояла тихая, не колыхался ветерок. День пятница, 20 марта 1981 года.

Опушка рощи покрыта какой-то мелкой растительностью. Местами видны цветы с белыми макушками. В общем вид этой местности приятный, значит, хорош. День суббота, 21 марта 1981 года.

Был в кладовой, на полке видел несколько матрацев, совсем не новых, и один, бордово-темно-красный, похож был на ватное одеяло. Кто-то сказал мне: „Это принадлежит тебе“. Я встал в недоумении: такой богатой принад-

лежности у меня за всю жизнь не было! День воскресенье, 22 марта 1981 года.

Иду – стоит кирпичный дом на ровной местности. Зашел – в прихожей вижу лестницу на другой этаж, поднялся, смотрю – молодые пацаны ставят перегородки. Слышу их разговор: жалуются на заработки.

Обходя и рассматривая в этом доме помещения, подумал: много труда и денег надо положить на отделочные работы, чтобы довести дом до конца.

Через какие-то двери вышел из дома на волю. Передо мной – станция железной дороги на широкой равнине. На линиях расхаживают машинисты. Все они в праздничном убранстве. Каждый поставил свой состав-поезд на место. Ко мне подошел один из машинистов, затеял разговор насчет рисунков коров. . . День суббота, 28 марта 1981 года.

Подошел к железной дороге: стоит товарный поезд, на крайних вагонах висит связка новых гвоздей. Вдруг вижу – к этим вагонам идет состав для присоединения. Я очутился на стыке, уцепившись за что-то. При столкновении остался невредим.

И вот опять я стою у вагонов в поле. Не видно рельсов железнодорожных. Как же вагоны очутились здесь? Какой локомотив их ставил? В вагоны воткнуто по два красных топора без черенков-топорищ. Значит, стояли здесь два ряда вагонов, признак на этом месте – следы от рельсов и шпал. И много рассыпано угля. Я мечтал подсобирать немножко уголька, да не во что. День понедельник, 30 марта 1981 года.

Вышел на шоссейную дорогу, ни с того, ни с другого края никто не идет и не едет. Свернул в сторону и заметил в низкорослой зеленой траве два горбыля на расстоянии полутора метров – связаны толстой железной проволокой. Кто-то запрятал их в кустарнике.

На белом свете много проживает плохих и хороших людей. *Почему люди воруют всякую ерунду друг у друга? Если бы человеку не нужны были эти горбыли, он не стащил бы их у другого и не прятал бы в зеленых кустах и траве! Из-за такой малости человек идет на всякую пакость!* День вторник, 10 марта 1981 года.

Из-за угла дома подбегает ко мне мальчишка Дима Аннушки Павликовой. Посмотрел серьезно на меня и сразу же убежал. Я тоже вышел из-за забора – и следом за Димкой-мальчиком. Куда он мгновенно из моих глаз скрылся?

Я медленно пошел подле забора, вижу большую кучу крупных опилок. Подошел и стал закарабкиваться наверх. Зачем? Детства и дурости до черта еще в старой голове!

Через какое-то время я слез с кучи опилок на подошву земли. День среда, 15 апреля 1981 года.

В сумрачное время я повстречался около линии железной дороги с двумя молодыми рабочими. Они одеты в специальные костюмы, чтобы грязь и мазут не прилипали к их белью, да и к телу. Они работают в качестве составителей и кондукторов по передвижению составов-поездов. И чувствуют себя хозяевами железной дороги. Я плетусь за ними, направленный в состав какой-то бригады.

Вдруг эти рабочие исчезли. У меня заволновалось сердце, где я буду искать бригадира, к которому должен прибыть для устройства на работу.

Я не знаю приемов работы на железной дороге, это же множество специальностей! Не справлюсь с работой! Чувства моего сознания подсказывают: никто тебя не примет, надо проходить курс обучения, а ты по возрасту не подходишь даже в ученики.

На меня напала озабоченность, перешел я железную дорогу, сел на лавочку, которая была устроена каким-то путейцем метрах в двух от линии. Задумался, что делать, куда идти?

Смотрю, подошел товарняк. Я покинул лавочку и пошел к поезду. Подцепился к заднему вагону, и поезд пошел. Не особо большое расстояние проехали – остановились. Сунул руку в карман, чувствую – лежит бумажка. Подумал, что это направление в бригаду. Пошел и стал спрашивать машиниста насчет работы. Он слез с паровоза, и мы пошли под крышу какого-то сарая. К нему присоединились еще два практиканта. Все они стали разбирать мое направление. Старший машинист посмотрел, ничего не понял, передал практикантам, один из них взял бумажку, подержал в руках, читать не стал. Я отобрал ее у них и положил в карман. Подумал: мне тут делать нечего. День понедельник, 20 апреля 1981 года.

Подхожу к большому магазину. Молодой мужчина среднего роста, белобрысый, объясняет, что магазин принадлежит часовщикам. Открываю дверь и вижу на прилавках фарфоровую посуду: кружки, чашки, тарелки, блюда и детские чайные принадлежности. Нет и признаков часов. Значит, молодой человек брехун-врун высшей марки.

Фарфоровая посуда вся в хорошей упаковке, без коробок только то, что показывают покупателям. Прилавок кончился, соединившись буквой Г с другим. Мне фарфоровая посуда не нужна. Я из магазина ушел. День четверг, 23 апреля 1981 года.

Сегодня разгуливал по воле весь день. Под вечер начало быстро темнеть. Поблизости от меня не оказалось никакого жилья. Случайно наткнулся на огромный дом. С робостью стал открывать дверь. Открыл одну – в прихожую или коридор, ничего не понял, открыл другую, вижу – огонек мерцает над столом. Это – керосиновая лампа со стеклом. Таких лампочек-ламп давным-давно нет. Молодые поколения их не знают. При моей жизни они были, когда я дитенком-юношей жил в маленькой таежной деревне.

Около стола – трое молодых мужчин, видно, не из простых. Нагнулись и разбирают какие-то бумаги. Меня они не видели, так как свет лампочки не доставал.

Я стоял в стороне от мужчин в робком состоянии, как бы крадучись. Поразмыслил, повернулся и ушел. На воле темнота рассеялась и виден уже синий свет. Мечтаю-думаю – иду. Пойду в свою избу! День пятница, 24 апреля 1981 года.

Раскалывал большие комки угля кувалдой, как бывало в молодые годы. Рабочие, которые находились около меня, смотрели на меня, как на чем-то отличающегося от других. Мелкий уголь я сбрасывал в сарай. Набросал до отказа под самую крышу. Бросал уголь не через двери, а через расщелину, которая была оставлена около крыши. Угля около стайки лежало много, но сбрасывать его уже некуда, тут он и остался. Поразмышлял, поразмышлял и пошел себе, как всегда.

Сегодня что-то начинает тревожиться сердце. Наверное, предвещает нехорошее-дурное, этот признак не только у меня, а у многих людей. *От беды и горя никуда не убежишь.* День пятница, 15 мая 1981 года.

Начал строить из серого кирпича на одном участке дом. Помощников не было. Под руками цемент и одно ведро. Одним словом, работа без помощников не спорилась. Надо было этот цемент соединить с песком и с водой. Не было ни того, ни другого. Пораздумался: надо бросать это строительство. Ушел. Иду себе, мечтаю: надо найти такое строительство, чтобы была подсобная сила для каменщика-мастера. День вторник, 19 мая 1981 года.

Нехорошо, когда одна мысль бьется о другую, как водяные волны в бушующую ненастную погоду о скалистые берега. Время идет, а душа ноет от всего пережитого. За жизнь свою где только не побываешь, с какими людьми не повстречаешься, чего не повидаешь! Хорошее мне видеть-то мало приходилось, а не то, чтобы иметь. Хорошее добывается деловыми людьми-мастерами, учеными. Наша братва-простонародье, которая не имеет ни мастерства, ни образованности, бродит, живет на земле, как неприкаянная. Добрые люди в нас, можно сказать, не нуждаются, а если нуждаются, то как в существах для эксплуатации. Плохо, что мастера и ученые обижают простолюдинов. День понедельник, 8 июня 1981 года.

Погода на воле стала меняться, потянуло прохладой, и солнечные лучи в воздушном пространстве скрылись за толстым слоем воздушной синевы. Ветер потянул с северной стороны резко холодный. Вот лето называется. Нельзя прогуливаться по нашей деревне в легком одеянии. По телу пробегает дрожь. Ко мне подбегает мальчуган, на нем зимний пиджачок и зимняя шапка. Он передает из уст своих: „Дедушка, мне папа сказал, что сегодня пойдет сильный снегопад. Твоя избушка низка, окна чуть не на земле, остерегайся, может занести снегом“. Вдруг мальчик скрылся в снежных хлопьях, и мгновенно пошел сильный снегопад.

Снегу нанесло целые сугробы. От стихии спастись невозможно! День суббота, 13 июня 1981 года.

Зашел случайно в дом казенной конструкции. Пред моими глазами – стена серого цвета, около нее – столы в один ряд. За столами на скамейках сидят пожилые женщины, видно, не из простого сословия. Они расселись так: каждая заняла свой стол, так предназначено хозяином помещения. Над каждой висит ее портрет, то есть запечатленный художником образ.

Смотрю, в проулке избушки стоит ящик с намешанной глиной. Никого не видно. Хозяин или хозяйка, думаю, намереваются произвести небольшой ремонт, подмазать кое-где щели в стенах и печку. Рядом с этой избушкой стоит похожая. Я заметил, что из трубы на крыше этой второй избы выскакивает дым со смесью огня. Через минуту-две стало видно через расщелины крыши на чердаке огненное пламя. В моем теле сделалось как-то неловко, я побежал в избушку, около которой стоял ящик с глиной. „Ваши соседи горят! Смотрите на крышу их избы!“

Собрался народ со всей деревни. Горящую избушку разломали, и огонь потушили. День среда, 17 июня 1981 года.

У молодого человека, который идет мне навстречу, три листа стекла. Он осмотрел меня с ног до головы, как и всю окружающую местность. Взгляд у него не ехидный, от него не веет отвращением или злобностью. Я вижу в его глазах благодушие, отсвет истины, любви к человеку. Он подает мне стекло, сопровождая словами: „Возьми, дедушка, может, оно тебе пригодится, мало ли что в нашей жизни бывает! Когда поломается у тебя в раме стекло, тогда ты, старина, невольно вспомнишь меня“.

Разошлись. В голове у меня заходили мысли: каких только земля не рождает людей! *Истинно справедливых, которые всю жизнь, с молодости до самой смерти, отдают за дело освобождения бедноты и нищеты, нарождается мало. Да! Эта нищета вечна, как в океане неразложимая на части вода. Уничтожить ее – такое провернуть человечеству трудно. Справедливых людей, борцов за светлое будущее, за идеалы прекрасного, за освобождение от угнетения всех бедных и нищих, вечно подозревают враги. Кто же они? Те, кто живет за счет угнетенных на нашей планете.* День четверг, 18 июня 1981 года.

В коридоре большого помещения увидел только одну стену, сложенную из старого кирпича. И хотя она поштукатурена и побелена, я определил, что она действительно из старого кирпича. Сквозь штукатурку просвечивает сажа, ее невозможно за один-два раза забелить.

Потом я вошел в квартиру, которая требует полной отделки. В ней стоит плита, в которую какой-то человек наложил дров. Похоже, дрова только наложены и зажжены, огонь еще не взял нужную силу. Значит, в доме есть человек . . . День суббота, 20 июня 1981 года.

Повстречался в одной избе с молодежью. Надо было поговорить с хозяином про огородничество, как лучше выращивать плодоовощи. Этот вопрос важен не только для меня, а для всех, кто имеет отношение к сельскохозяйственным домашним работам. Этот труд имеет великий смысл для крестьян и тех, кто живет в пригородах. К тому же работа в огороде – главное подспорье для тех, кто мало зарабатывает, а таких большинство . . .

Второй интерес от этой работы в том, чтобы походить по воле, подышать свежим воздухом, посмотреть на природу, которая обнимает людей. Крестьянский труд полезен так же, как футбольная или баскетбольная тренировка и многие другие игры на стадионах. Хозяин этой избы понимает толк в сельскохозяйственных работах, слышал я от кого-то в молодости . . .

Вот я на краю города. На крыльце нового дома стоят несколько человек. Они подзывают меня и сообщают о незавидном состоянии дел в нашей стране. День вторник, 30 июня 1981 года.

Мечтал о выгодном урожае на своем огороде. Надо накосить хорошей травы, которая будет кормом домашней скотине. В одной деревне видел, как какая-то беспутная мать бросила своего ребенка у стены дома. День вторник, 15 сентября 1981 года.

Около избы моего знакомого рабочие-землекопы роют глубокие ямы в глинистом грунте под крупное помещение. И я участвовал в работе, чтобы помочь коллективу. Продолжая путь дальше, встретился со вторым коллективом-бригадой. Эти мечтают построить большой курятник. Меня попросили написать на серой бумаге черновик трудового соглашения. Подумал: хорошее дело, выгодное производство продовольствия для народа будет.

Яйцо – пища замечательная для человека во всех видах. День четверг, 17 сентября 1981 года.

Сегодня чувствую себя неважно. С каждым днем состояние моего здоровья идет к минусу, но работать нужно. *Главное в нашей жизни – труд, чем бы ты ни занимался и с кем бы ни общался. Человек такое существо, что может*

жить только среди людей. Каждый по-своему смотрит на окружающее, разными средствами и на кусок хлеба себе зарабатывает. Да! Жизнь человеческая от рождения есть колгота и суета. Причем каждый мыслит сделать другому или полезное, или плохое, но перевес чаще берет второе. Понаблюдайте за теми, с кем вы живете, в кругу кого вращаетесь. День суббота, 19 сентября 1981 года.

Солнце светит, но мало греет – октябрь начался во дворе. Мне предстоит с утра прогулка к лесной стороне. Утром вышел из избы не рано, погода ясная – прохладная стоит. Направился по дороге грунтовой из деревушки маленькой своей. Торчит травы щетина на земле – косовица маленька, жестка, как иголки у ежа.

Потерялась дорога грунтовая, как мне пройти к лесной стороне? *Леса магнит свой имеют и необычайную красоту. Опорки на ногах моих порвались. По косовице босиком идти нельзя, и так мечта моя посмотреть прекрасны хвойные леса на осуществилась. Но замысел свой исполню, если вскорости не сгину я.* День пятница, 9 октября 1981 года.

Встал спозаранку – раздвигается небо. Синева. Туман белесый смешался с небом и землей, ничего не вижу вокруг своей избы. Пошел понаведать линию железной дороги. Смотрю: стоит пустая платформа, забрался на нее, а там ничего не видно. Не успел я оглянуться, как толкнул платформу паровоз. Тронулась она сама собой. Пошла под уклон. Встревожилось мое сердце, что такое? Машинист из паровоза наблюдает за фигурой сгорбленной моей. И вот платформа остановилась у стрелки искалеченной. Я соскочил, как молодой. В недоумении, как чумовой. Иду, с собою размышляя: зачем ходил на линию дороги?

Вернулся в избушку. Извозчика повстречал. Сидит он на санях. Тащит его могучая каряя лошадь. Куда он едет? Пытаться я не стал. Пусть едет на здоровье по своим делам . . . День воскресенье, 15 ноября 1981 года.

Иду тихонько по дороге. Передо мной холмы-уклоны. В голове – сумрад, лезет что попало. Соборы-церкви похилились от времени далекого. Да пощипаны

они в военные годы гранатами, снарядами. А раньше красоту своей местности куполами и архитектурой украшали.

Миновал эту местность. Путь продолжая, цыган встретил. Они едут на повозках, их тащат-везут кони. Время предвечернее, погода сера. Душа ноет, что-то предвещает.

Подошел к большому логу. В глазах моих – обширная низина и река. Вода в ней рябит. Пароход плывет по ней. Природа вид переменила, ландшафт другой передо мною. И душа повеселела, сел на кочку на земле. Вспомнил далеки годы иные. Где ходил и что видел по стране своей. Вспоминал картину-эпизод: одна барышня встречалась где-то со мной, затевала разговор про любовь. Зачем это было ей? Наверно, паренек я был неплохой. Надолго завязалась у меня дружба с ней. День воскресенье, 15 ноября 1981 года.

Вижу – нет селенья, нет леса, одна земля, и та влажна. Местность скучна, погода серая. Остановился, смотрю вокруг себя. Дорога грунтовая-шоссейная-широкая, откуда начало она берет? Иду, мечтаю о прошлой жизни молодой, вспоминаю, как скитался по стране, с кем встречался, что хорошего слыхал. Поучительного – ничего ни от кого, одни насмешки, ирония-фантазия, одно вранье. Добрых людей приходилось встречать. Помню женщину в Архангельске. Это время – была юношесть моя. Все же не испарилось из памяти моей все хорошее! *Сколько бы я себя и прочих людей ни изучал, глубины жизни не измерил. Бродил среди чужих людей, как беспутный. Чего искал, что нашел? Ничего . . . Смутны годы были! Знать, судьба моя такая: быть холодным, быть голодным, спать, где попало, как придется.* День воскресенье, 22 ноября 1981 года.

Предо мной зал большой. Уютный, чистый, теплый. Стоят столы, стоят станки. Сидят за ними мастера-часовщики. Это мастерская-часовая. Я обхожу вокруг столов. Осматриваю каждого из мастеров и любуюсь трудом часовщика. Пришел на край я мастерской, старший мастер мне предложил: „Садись на скамеечку, передохни". Он держит механизм больших часов настенных. Сказал: „Механизм идет-работает только на „отлично". Это дело моих рук. Нашли часы в утильсырье".

Подхожу к столярной мастерской, *на меня глядит лошадь каряя мо-*

лодая. Ростом небольшая, у нее глаза пронзительны, что-то хотят мне сказать . . . Красотой своей она льстит моим глазам. Люблю я карих лошадей с юных лет. Они как бы отмечены особой магией своей. Люблю я карих лошадей.

Зашел в мастерскую столярну. Начальник орет во все горло на подчиненных. Что он кричит! Что он хочет с рабочих своих сорвать и взыскать? Плюнул, повернулся и с думой глубокой пошел. *Неужели все подчиненные повинны гаду производственных сил? . . Не терпит душа, колется и рвется рабочее сердце. Когда же наступит время свободного труда? Невыносимо-невыносимо, невозможно терпеть слова идиотски. Хуже проклятой нагайки.* День суббота, 5 декабря 1981 года.

Довелось сегодня в одну избу зайти со своим печным инструментом и веревкой, на конце которой привязан камешек с тряпкой для очистки труб. Окромя этого инструмента, у меня имелась специальная рабочая одежда. Ко мне подходит солидный, средних лет мужчина, чуть повыше среднего роста. Он спрашивает у меня, чем занимаюсь, хотя знает меня давно. Я понял: он пытает меня, что я буду говорить . . . Он говорит: „Мне нужно отремонтировать обогреватель у плиты".

Думаю, что эта работа стоит не менее 70 рублей. В избе уж была приготовлена глина для ремонта обогревателя. Но, видимо, цена не устроила хозяина. Он хотел сказать: этот ремонт стоит один рубль. Денежку жмет. Хочет отыграться на моей бедности. Пусть жмет, все равно задарма ему никто работать не будет. *Жадности по горло у солидного седого хозяина избы! Мучительно и тошно смотреть на эту дрянь-фигуру, подобие людское. Уродлива душа его, безлика. Он любит сам себя высоко. Других людей он ставит ни во что.*

О боже, боже, сколько их таких на свете – хамов! Они хотят перед собой поставить на колени весь мир людской. Чтоб им молились в честь копейки, как богу земли. Несчастная копейка, кровью обливаясь, она калечит и уродует людей. Рождаются невзгоды безобразны. Насилуют и мучают людей. День среда, 9 декабря 1981 года.

Вот поляны и ограды, на подводе-дрогах я сижу! Лошадь рыжа тянет дроги помаленьку. Песню грустную я пою . . . Где-то корова бурой масти на

привязи стоит, перед ней охапка сена брошена хозяйкой. Кричит теленок около буренушки голосом протяжным. Воды, наверно, просит. Мать-корова и теленок пить, наверно, хотят. Нерачительна хозяйка скотины. Хошь закричись скотинка, хошь умри, ей, хозяйке, хоть бы хны. Она, наверно, другим делом увлечена – творческой работой. А про скотину – буренку-корову с телком – давно забыла. День пятница, 11 декабря 1981 года.

Сарай стоит передо мною. Зашел в него, смотрю: столярка. Работают в ней пацаны-подростки, это значит, будущие комсомольцы. Они усердно и прилежно выполняют задания свои. Как хорошо смотреть на тех, кто работает усердно! В стороне стоит подгоняло, кричит голосом лихим: „Давай, давай! План выполняйте! Не смотрите по сторонам! Не думайте вы о девчонках, забудьте вы о них в рабочее время, чтоб „выполнить и перевыполнить план по выпуску продукции товарной!“.

Подгоняло производственный думает об одном: как бы по выполненьи годового плана награды всякие получить . . . Премию в деньгах, государственну, высоку, еще мечтает стать Героем Труда.

Перехожу стену высоку через дверь в этом же сарае. Смотрю – другая панорама-картина предо мной. Стоят несколько рядов столов или прилавков. Лежит товар разнообразный. Крайни ряды я обхожу, со мной другие ходят. Смотрим на товары мы. Особенностей особых нет. Вот кончился один прилавок. На конце его кура черна молодая в ящичке сидит, пурхается. Кто ее здесь приспособил – напоказ или на продажу? За тройную цену, может, ладит тот ее продать? Где он ходит, где он бродит, что он думает о своей черной куре? Вдруг электросвет над курой вспыхнул, зажглась лампочка. Кура черная во много раз стала красивей-привлекательней. Может, кинется какой дурак за тройную цену черну куру купить? . .

К другому прилавку я подошел. Ко мне подходит дама белобрыса, выше среднего она ростом. Подает в бумаге белой что-то. Бумага белая чернилами исписана. Еще она мне подает коробку с разной помадой. Все это словом названо: „Возьми от меня гостинец“. За все за это я ей поклонился и сказал: „Спасибо“.

Иду я дальше к концу прилавка. Из-за стены хлебные изделия молодые женщины воруют, через расщелину и двери вытаскивают. В размышленье впал глубокое. *Везде мазурики-ворье, как честным трудо-*

вым людям от воров спастись? . . А что такое за стеной? Откуда хлебные изделия берутся? Там, видимо, пекарня.

Был в большом старом помещении, слева от дверей висит большой мужской портрет, я вижу малу часть его. На портрет смотрят несколько человек и что-то говорят этому портрету.

Перешел в другое помещение – с большими окнами, новое, уютное: в нем лежит матрас из старой мешковины-мешков, который ремонтирует Никола Цыган, знакомый мне. День среда, 4 августа 1982 года.

На родине переходил грязный огородец, по-видимому, осенью, после уборки урожая, упал и еле встал. Кое-как перешел и зашел в баню. По определению воздуха – баня кем-то топлена, и в ней видны несколько собак разных мастей. Больших и маленьких по росту. Я взял деревянную палку-дрань наподобие лучины и стал выгонять собак из бани. Они даже не чухаются – не тревожатся. Значит, прижились. Но ни одна собака не набросилась на меня, чтобы укусить. Все были в спокойном состоянии . . .

Где-то собирал малину, кушал. День четверг, 8 июля 1982 года.

На родине упал в свой колодец, меня легко вытащила моя Варюша. День четверг, 16 июля 1982 года.

Рано утром выехал продавать картошку на Ясну Поляну – это конечна остановка. Стою на перекрестке между трамвайной линией и шоссейной дорогой. Продал одно ведро картох молодой женщине за 1 рубль 80 копеек. После этого прошло порядочно времени. Вдруг ко мне подходят два высоких мужика, один в гражданском одеянии, другой – в милицейской форме. Который в гражданском, сказал: „Здравствуй, Иван Егорович. Вы узнаете меня – нет? Я – заместитель начальника охраны Невершин. Дело было давно, изменился-постарел, вспоминаете?“ Другой, поможе, молчал и слушал наш разговор. Начальник охраны продолжал: „Вы, Иван Егорович, нам нужны, мы были у Вас два раза, Вас дома не было. Вопрос по важным делам“. Я ему: „На плюс или на минус?“ Он мне: „На плюс. Когда можно подъехать?“ – „В пять вечера“.

Приезжают они ко мне: „Нас послал к вам председатель горисполкома. Чем вам нужно помочь? Дать новую квартиру или отремонтировать старую?“– „Если можно, то пусть ломают и строят новую, а стару ремонтировать нельзя . . .“ От остальных мелочей я отказался. Он мне сказал: „О результатах приеду и сообщу“. День пятница, 22 мая 1981 года.

МЕДНЫЙ КОВШ С ВОДОЮ

Со мной повстречался молодой приятель. Идем в сторону селения-деревни, разговариваем о прошлом. Показалась из-за холма небольшая деревенька. Приятель предлагает: „Зайдем в какую-нибудь избушку. Душа горит – пить хочу!“ – „Не мешает. Зайдем-зайдем обязательно“.

Зашли в старую избушку. Ни человеческой души. Мы посмотрели, подумали – тут нам делать нечего. Одни старые деревянные стены. Повернулись, вышли из нежилой избы. На воле меняется погода, тянет прохладой. Жажда мучает душу моего приятеля. „Пойдем скорее, а то умру!“ – „Терпи“.

Подошли к другой избе. На крыльце стоит девчонка-дитенок. Мой приятель спрашивает ее: „Девочка, мы пить хотим!“ – „Заходите в избу“. Мы пошли за девчонкой. В избе две женщины средних лет. „Проходите. Садитесь, где место найдете“.

У передней стены стоит деревянная скамейка. Мы уселись. Мой приятель попросил попить. Одна женщина взяла медный старинный ковш. Почерпнула его полон, подала моему приятелю. Сказала: „Пей на здоровье“. Он напился, поблагодарил. Ковш с остальной водой передал мне. Я допил и сказал хозяйке: „Подай на добавок еще стаканчик“. Она выполнила мою просьбу без слов и посмотрела прямо в мои серые глаза. День пятница, 15 мая 1981 года.

РАЗГОВОР СО СТАРОЙ ЖЕНЩИНОЙ

Вечер надвигается. Решил по воле прогуляться. Свежим воздухом подышать, скуку разогнать. Иду по улице деревни, не обращаю внимания ни на что. Поравнялся с одной избой. Выходит белобрыса, невысока, подсадистая, молодая. „Здравствуй, дед, как твое здоровье?“ – „Как видишь, еще

брожу". – „Сегодня день у меня особый – праздничный. Пойдем со мною в избу. Посидишь у нас. Гостем будешь".

Впал в раздумье. Отказался от приглашения. От ее праздничного дня. Она посмотрела на меня серьезно. Сказала: „Обожди". Повернулась от меня мгновенно, через минуту – тут как тут. Вижу в руках ее что-то завернутое в газету. Еще вынимает пирожок-ватрушку поджаристую из-под полы. Подает мне весь гостинец. Сказала: „Иди домой и угощайся!"

Железная дорога передо мной, линия покрылась снегом. Рядом с дорогой бараки деревянны. Погода стоит морозна. В душе моей зачерствело, все как бы чем-то сжато. Легки дышат ненормально, тянет на одышку.

Задумал я зайти в барак казенный. Подошел к дверям, открываю, со мной встречается парняга здоровенный. „Разрешите мне погреться, дрожь пробила тело у меня . . ." Парняга посмотрел на меня сожалеючи, завел в квартиру, сказал старушке-матери иль бабушке: „Пусть этот дедушка у нас согреется". – „Пусть, пусть согревается, я не возражаю".

Стара женщина приветливо разговор затеяла. „Садись, садись и согревайся, вот тебе скамейка. Откуда и куда плетешься в такой морозный день?! Аль неволя заставляет, али нечего поесть? С кем проживаешь? У кого?"

Соврать мне старухе или истину-правду обсказать? . . По глазам вижу: стара опытная, не из простых, бывалая. Собирает она на стол: скатерть раскрывает, наливает похлебки в чашку, отрезает от ковриги кусок хлеба ржаного. Подумал: хозяйка из деревенских, этот хлеб мой, я питался им с детства. „Кушай-кушай, согревайся, не стесняйся!" Отвела стара от голода мой желудок. Налила в чашку чая, подала лепешку. „Вот, если хочешь, бери песок сахарный, положи по вкусу, это называется „внакладку".

Попил чайку с лепешкой, сказал: „Спасибо, за все за это благодарен". Богу в угол поклонился, хотя иконы не видал . . . Поднялся на ноги с мечтой пойти на волю с согретой душой. Старая хозяйка промолвила: „Куда спешишь? . ." Пожал плечами: что сказать . . . „Хорош ваш дом и твой привет ко мне отличный. Выше выразить нельзя. Честь и совесть – сознанье ваше". – „Не спеши, собеседник. Ты и я в могиле скоро будем. Сыра земля нас поджидает. У нас с тобой предсмертные годы, может, в этот день с тобой и умрем.

Я не царица-мать небесна, а ты не пророк святой земли. Надземны боги народу обещали золотые горы, кисельны берега, молочны реки. Царски-райски двери открывали, но никого из простонародия не допускали. Зато наемны попы народу разны песни священны пели и молитвы провозглашали . . . Но никто из народа не жил в блаженстве, окромя приспешников царей. Зачем морочить, застилать глаза-душу? Зачем опутывать народ до невозможности?

Говорить свободно мы не можем, потому что продались царям, богам надземным, их приспешникам за несчастную копейку. Чуть за большую монету покупаем обещания царя и бога земли. Народ по алчности своей готов продать все то, что есть народно, не щадя ни брата, ни сестры, ни жены и дитенка своего. Отсюда порождение всяких войн и уничтожение нации".

Разговор закончила со мною хозяйка стара. Встал, подумал: чем отблагодарить за тепло, похлебку с хлебом, за чай, лепешку, а главно, за душевные разговоры? „Копейки за душою нет в кармане, не осуди, хозяюшка, за все спасибо". Проводила меня хозяйка из квартиры, направленье дала-показала. „Куда желаешь, туда иди". День пятница, 4 декабря 1981 года.

10-12-57год

Африканский лев.

„Интересуюсь больше всего образом человека и всевозможными фигурами животных, потому что в этом мое природное призвание“.

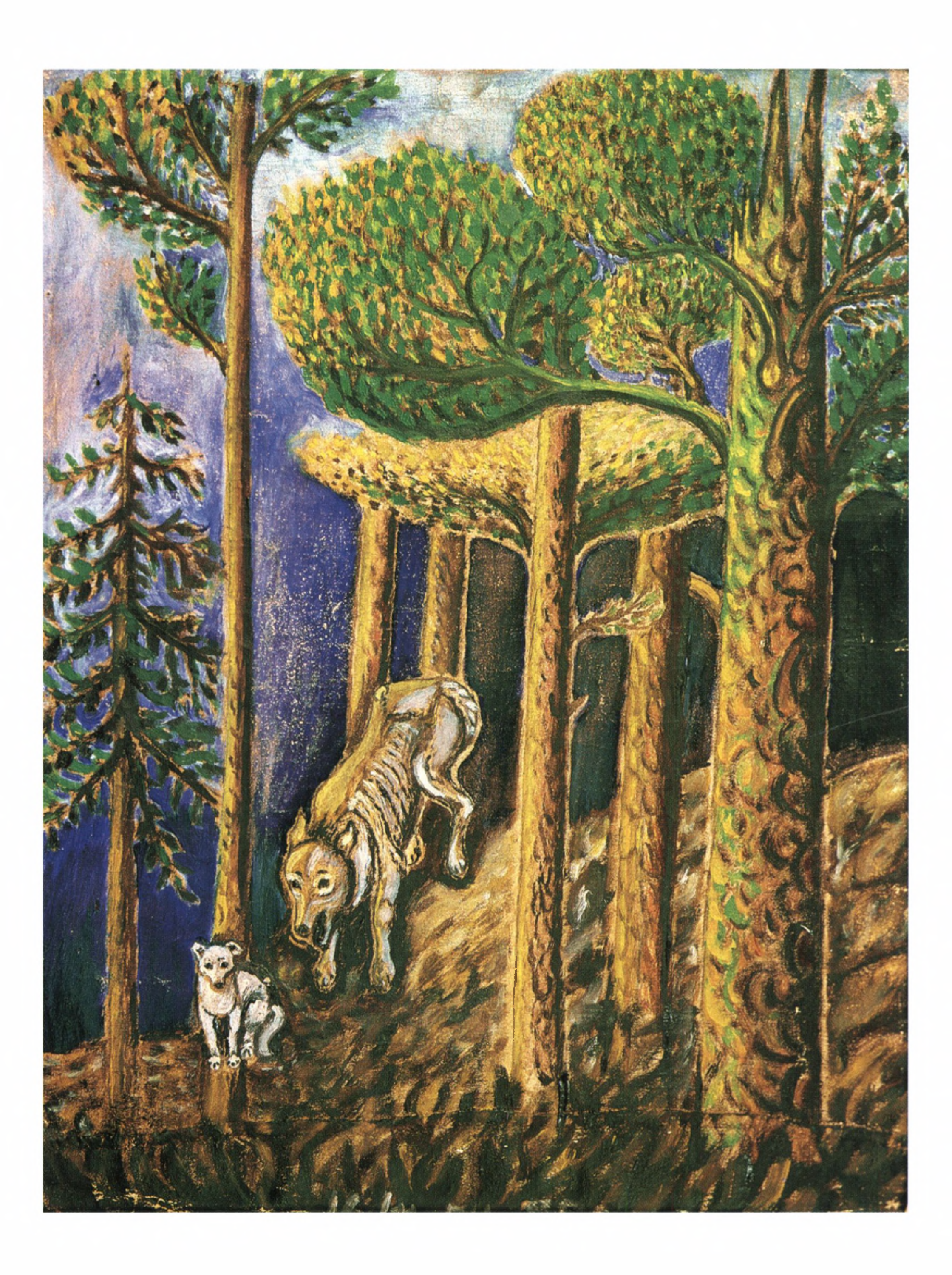
Слон.

„Живописец обязан знать все предметы в большой и малой форме и, если потребуется, слепить лошадь, человека, корову, медведя и прочих животных“.

Лань.

„Обожаю диких животных.
Наверное, такой инстинкт
в моей голове“.

В лесу.

„Особенно трудно рисовать птиц, зверей, домашних животных. Мне помогала повседневная практика, я же бóльшую половину жизни возрастал и находился в окружающей природе – на Севере, Урале, Украине, в Сибири“.

„Думы смутны бродят часто . . .“

Вот передо мной лужайка небольшая.
Вижу место обгоревше:
детвора баловством занималась,
жгла всякий мусор. Около огнища
крупны серы коты сидят.
Все они смотрят на меня звериным
взглядом особенным.
На душе моей мгновенно тревога
вспыхнула. Откуда появились-взялись
такие серы, крупны коты?
Может, это не коты и кошки,
а лесные рыси?
Как они сюда, в селенье, зашли?
Нельзя разгадать самому себе
без помощи других.
Может, это есть причуда?
Дьявольска сила в мозгах моих? . .

Именно записи этой главы, мне кажется, лучше всего воспринимать как ненаписанные фантастические картины, взяв за точку отсчета зеленый пригорок, глядящий на Селиванова. Пригорок с огромным глазом – я так и вижу его. Но огромным внутренним видением обладал прежде всего сам художник. Будь иначе, разве пригрезились бы ему эти дома из батонов, обитые снаружи шоколадными конфетами, комнаты со стенами из ноздреватого свежего хлеба, куриные яйца величиной с ведро? На сей раз „продовольственная“ тема отображает изобилие – горы ячменя, тазы с простоквашей, возы с мукой, узкие ящики с творогом.

В фантастической селивановской стране встретите избушки без дверей, висящие высоко над землей между столбами настилы-доски, по которым, как по тропинкам, ходят люди, клубки из проволоки, пальто, утыканные иголками, а потом и парней с волосами, перевязанными проволокой (не напоминание ли о разукрашивающих себя подростках? – *Н. К.*).

Но фантазия художника не просто рисует необычных людей, животных, предметы – с ними происходят вполне сказочные действа: лошадь разговаривает человеческим голосом, а входя в избу, превращается в собаку, лепешка на глазах становится караваем размером с квартиру, свинья – вырастает до гигантских размеров, у курицы в боку образуется дыра, оттуда норовит вывалиться яйцо, а в избу приползает змея. Мгновенно тает снег, здоровенные парни катят игрушечные вагончики с мокрым песком, сапоги, спрятанные в ящике-ларе, оказываются под скамейкой, в углу избы образуются два огромных цыгуна, в одном из которых „полно ржаных булочек“, а сам Селиванов, в какую бы избу ни вошел, приобретает облик нищего.

В предложенных фантастических обстоятельствах выпадает ему много испытаний: он садит картошку прямо на полу и на подоконнике, бредет по снегу с тяжелыми сырыми половиками, идет по половникам, разбросанным в коридоре, сваливается в колодец, на его глазах сходят с рельсов два поезда; вот он в огромном возбуждении собирается на похороны соседа и зачем-то кладет в карман три луковицы, а потом уже сам с закрытыми глазами лежит на спине, и соседка ему на грудь кладет печенье и пачку открыток. И в каждом из этих реальных или полумистических действий есть сообщение о реальной боли.

Поступки автора неоднозначны: он вдруг сталкивает кошку из самолета, мчащегося с открытой дверью, а то подсказывает цыгану, как сделать передвижную кладовку для скарба. Так же по-разному относятся к нему люди – воруют у него кур или картошку в поле, шарят в избушке, переходя из комнаты в кухню и кладовку с переносным светом, или, наоборот, помогают не только выкопать картошку, но и перевозят и складывают в погреб, а какие-то девушки вручают волшебную рубашку.

Каждую из записей можно расшифровать: какое же здесь раздолье для сочинителей сказок и режиссеров-мультипликаторов. Думаю, самым внимательным читателям Селиванов приоткроет отчасти тайну настоящих художников, отражающих на холсте суть жизненных явлений и человеческих характеров. В этой главе практически невозможно определить, что „было – не было“ с Селивановым на самом деле. Да в этом и нет необходимости. Вот он отправляется в лес тупым топором дрова рубить. Что это – реальное воспоминание из дней архангельского бытия или метафора, применимая ко всей его жизни, а также к действиям „чинных людей“ в Кузбассе, от которых, к сожалению, зависело слишком многое и которые успешно размахивали этим самым тупым топором.

Или сюжет – в заводском цеху кто-то просит Селиванова достать лампочку из мешка, висящего под потолком на перекрытии. Лампочка нужна срочно – взамен перегоревшей, а мешок повешен так хитро, что лестницу к нему не приставишь. Что это, бред? На мой взгляд, многос-

лойный образ. Нелепица, наслаивающаяся на нелепицу, бесхозяйственность, глупость, неразумность руководящих указаний – кому из нас не приходилось встречаться со всем этим на службе?

Все, кто видел Селиванова, отмечали несоответствие его облика изображениям на автопортретах: гном-великан. В этой главе старик все объясняет сам. Невероятной физической силой наделяет он себя в мечтах-фантазиях: с ловкостью убегает от мужиков-воров, способен приподнять чуть ли не самосвал, играючи вращает вокруг себя раскаленную проволоку, а в другой раз точно так крутит, взяв за руку, здоровенного мужика. Человеком-великаном чувствовал себя Иван Селиванов.

Эта глава – путешествие в мир людей, с которыми встречаемся каждый день, и в мир самых обыденных предметов. Умеем ли мы видеть и слышать хотя бы этих людей, не говоря о вещах? Селивановские „смутны думы" – неоценимое подспорье каждому, кто хочет подлечить свое внутреннее зрение. В самом деле, как разгадать, что это такое, когда вблизи вдруг оказываются „крупны, серы коты" и смотрят на вас „звериным взглядом особенным"? Какой смысл в этой причуде? Ответьте, читатель.

В незнакомой избе лежало зимнее пальто, не новое, но хорошее. Я вытаскивал из него маленькие иголки. Кто мог их напихать? Подумал: „Наверное, это для того, чтобы не утащили воришки. Будут брать – иголочки незаметно наколют руки, они и отступятся". Наступила вечерняя пора. Окромя пальто, в избе ничего нет. Пахло полусыростью, и почему-то не было окон. Какая-то невероятность! Помрачение в моей голове. Такое с людьми редко бывает, значит, мозговая система так работает, и ее нельзя заставить работать иначе. Поэтому часто бывает у людей потеря сознательности и самостоятельности. Человек становится блудным, выходящим из общего строя общественной жизни. День четверг, 19 февраля 1981 года.

Иду по улице деревеньки, мечтаю: зайти бы в избу. В какую ни зайду, сразу же превращаюсь в нищего. Почему – не знаю. Открыл в одной избе двери по деревенскому обычаю, то есть не стуча, как в городе. Вижу длинный стол – сразу же у двери, он представляет из себя магазинный прилавок. Женщина невысокого роста подходит ко мне с двумя неновыми и нетолстыми книгами, подает их мне. Я стал перелистывать первую книгу и отрезать ножницами листы. Одумался: что я делаю! Испортил книжку, она важна и ценна для людей, но исправить свою вину-прогреху нельзя.

Вдруг в избе переменилась декорация – не стало женщины, которой я попортил книгу, не стало и большого стола, за которым я стоял и отрезал из книги листы. Впереди оказалась пара белобрысых влюбленных.

Но между ними есть что-то противоречивое. Я понял: молодой мужчина недолюбливает свою подругу, он ухлестывает за другой, чем наносит обиду и огорчение этой красавице. Мыслю: нет преданных людей, все изменчивы и непостоянны, сегодня – с одной, завтра – с другой.

Прошли минуты, и с глаз моих ушли влюбленные. За стенкой избы появилась маленькая комнатушка – наподобие стайки. В нее вела дверь из избы, в которой я находился. Почему я этих дверей не видел в момент своего прихода? Может, видел, да не обратил внимания? Подумал, что это сплошная стена?

Захожу в маленькую избушку, вижу в углу стол, а на полу – решето с маленькими цыплятами. Они начинают выскакивать, не видно их матки, куда она девалась? Как будут проживать цыплятки-сиротки без матери? Надо закрыть избушку-стайку, чтобы цыплята не разбежались и кошки их не погрызли. Наверно, кто-то из людей им хозяин? Уходя из этого помещения, я прикрыл все двери так, как в своем доме.

Арсенька Булгаков, сосед, крепко стучал в мою калитку, а дверцы не были приперты на стежок. В это время я был на воле. Говорил ему: „Открывай, дверцы не приперты". Неужели он не услышал мой голос через воротца?

Я повстречался около автобуса, только что пришедшего на площадь, с парой молодых. Они кем-то побиты, особенно заметно это по их лицам. Они выше среднего роста, солидны, оба – русские. За что и кто их побил?! Женщина назвала меня по имени и отчеству – Иван Егорович, как будто хорошо знала и хотела со мной поговорить, но постеснялась своего мужа или кавалера. Через некоторое время ко мне подходит пассажир автобуса и говорит: их побили за деньги, женщина работала кассиром, а кто такой мужчина – точно сказать не могу.

Вдруг все исчезло, и я оказался в каком-то длинном бараке среди пьяных молодых мужчин. Кто-то придирался ко мне, но я из старого превратился в молодого, набрал силы воли, духовного обладания и от пьяных свободно отталкивался. Остался цел, не обижен и сразу же ушел.

Иду себе один по обширной площади в каком-то селении-пригороде. Время смеркалось, я забрел в какой-то сарай на окраине. Начал идти дождь. Думаю: надо проводить в этом сарае ночь. День пятница, 20 февраля 1981 года.

На широких водных просторах вижу лодку с молодым мужчиной, мне незнакомым. Он сидит на скамеечке и гребет веслами воду. Лодка быстро идет против течения. Значит, этот водный бассейн – широка, необозрима река, подобная морю. . . Как я мог очутиться у незнакомца в лодке пассажиром? С водных просторов он направляется плыть по проулкам какого-то селения или деревни, затопленным водой. Проулки видны, а домов за оградами не видно. Неужели все селение снесло водой? Но тут вода исчезла, исчез и мой незнакомец, хозяин лодки. Я очутился в совершенно незнакомой избе, в которой абсолютно ничего нет. Кумекал, как бы скрыть кладку из толстой древесины-паклевки. День среда, 25 февраля 1981 года.

Труд создает все, что есть у народа. На скамейке под высокими оголенными тополями раскинут товар-ткань на полотенца. Много ткани забрал молодой человек. Я ему ничего не сказал. Товар не мой, подумал, пусть кто хочет, тот и забирает. Товар-ткань в другой стороне показался мне старым, непривлекательным, неинтересным. Чей-то брак. . .

И вдруг надвигается на меня порожняя платформа с угляркой. Откуда-то взялись травянистые метелки, похожие на полынь. Я стал кидать их на порожнюю платформу и укладывать в переплет так, чтобы во время движения они не свалились. Кто-то беспрерывно кидал мне метелки с земли, я еле успевал укладывать их. Странно, почему я не мог видеть человека, который мне помогал. Наверное, на мои глаза в это время была накинута кем-то пелена. День среда, 8 апреля 1981 года.

Сижу в избе, не знаю, в чьей, смотрю в окно. Со стороны шахтовых высоких терриконников необычайной красоты и трамвайной линии по насыпи в мою сторону во время зимней поры шли сами собой платформы железнодорожные. С минуту на минуту снег на насыпи стал пропадать, стала видна каменная галька. Но время от времени в связи с переменой погоды подпорашивал на насыпь снежок. Платформы железнодорожные так и ушли сами собой – неведомо куда. День среда, 25 февраля 1981 года.

Кто-то крышу моей избушки околотил горбылями. Видел с высокого бугра, как зимой идут подводы по замерзшему озеру. На подводах-санях что-то наложено, но возчиков не видно. День вторник, 9 июня 1981 года.

В каком-то сарае заматывал в большой клубок проволоку, она – мягкая, в несколько проволочин, похожа на металлический трос, но значительно тоньше. В этом же сарае перешел на другое место, и ко мне подошел высокий белобрысый мужчина. Откуда-то у меня в руках взялась длинная нитка, потом ее взял мужчина, или я сам отдал ему, не знаю. Факт тот, что нитка оказалась у этого большого, здоровенного мужика, и он обмотал ее вокруг себя. В это время около нас очутилась большая светлая собака, не белая, а как-то вроде этого. Собака прилипла ко мне, я не нашел нужным ее ласкать, взял и отогнал. Подумал, зачем я буду с ней возиться, проводил глазами от себя.

Вижу стол или доску, на этом настиле лежит много просмоленных постегольниц. Раньше не видел этого настила, может, потому, что мужчина загораживал его своим телом. Наверное, так. Отсюда перешел в другое помещение. Вижу много подростков-пацанов, они занимаются слесарным делом, изготавливают жестяную посуду. Один из них выделяется пигментом лица – чернобрысый, он занят своим делом. Проголодался, уселся в угол мастерской сзади меня, что-то кушает. Значит, в обеденный перерыв ему было некогда поесть. День четверг, 26 февраля 1981 года.

Вышел на волю из избы своей, смотрю: у моей костерицы нет другой половины. На оставшихся дровах лежит толстый слой снега, в одном месте кто-то скинул снег. На дворе стало светло. Откуда-то у меня в руках взялись масляничные краски, наверное, мечтал нарисовать что-то на воле. Взял их с собой, да забыл, зачем: память стала плохая от времени прожитой жизни. Краски я положил в другое место, чтобы они мне не мешали. И вдруг картина-декорация в моем дворе изменилась в одну минуту. *Значит, я счастлив, коли так мне люди помогают проживать на белом свете! Таких счастливых немного в мире. То плачу, то смеюсь, то в какой-то торжественной обстановке нахожусь среди множества людей, так повелевает надо мной высшая духовная сила.*

А еще через минуту у меня во дворе не осталось ничего: ни дров костерицы, ни высокого старого забора. На этом месте появился большой сарай с неважной крышей. Забрела в старую голову дурная мысль: надо сарай подлатать, отремонтировать немножко, крыша кое-где прохудилась. Чем же ремонтировать, у меня во дворе абсолютно ничего нет?!

Вдруг, как в сказке, в конце сарая образовались два больших цыгуна. Ими я прикрыл щель, поставя цыгуны на крышу кверху дном.

После этого ремонта у меня забродили более плодотворные мысли в голове: когда-нибудь у меня уродится на огороде хороший урожай картошки, рассыплю ее на крыше сарая, а то во дворе просушивать негде. Зачем-то вышел за воротца сарая, вижу – на мотоцикле едет сосед Сережа. У него же мотоцикла не было. Он всю жизнь бродит по землебелу свету пешком, а тут мотоцикл приобрел, машинистом заделался! Молодой, способный, да еще везет ему в жизни. Я хотел ему несколько слов сказать, не успел, он проскочил мимо меня, да и дорога была поодаль. А мысль была такая: поехать с ним до большого селения, подзаработать на печном деле на расходы. День суббота, 28 февраля 1981 года.

Нахожусь на строительстве большого кирпичного дома, строит дом молодая девка. Кладка поначалу шла кирпичная, а потом – из хороших батонов. Это какое-то несуразное явление – строить дом из батонов вместо кирпичей! Кто дал такое распоряжение? Конечно, начальник строительства. Разве мало таких начальников с особым человеческим разумом, смех! Как бы молодая строительница ни старалась улучшить кладку из батонов, все равно стены не получаются, как из кирпичей. Везде неровности, и невозможно сложить углы под отвес. Хлеба много, девать его некуда, пусть батоны заменят кирпичи. Обонянием-нюхом расчухают крысы, разрушат зубами хорошие дома из батонов. Приятно смотреть на труд, на хорошую работу, а где же начальник-хозяин строительства этого? Куда же он скрылся? День четверг, 5 марта 1981 года.

Знакомая рука, что-то пишущая на моей книжке очень быстро, причем на полях текста, значит, у человека не было на чем писать. Кто-то ко мне подошел и шепнул на ушко: „Это пишет рука Елькина*, а никто его не видит. Вот как хитро человек от людей маскироваться может! А нельзя было подумать, что он такой мудрец и мастер. Он что-то пишет именно про тебя“. Это происходило вечером в большом коридоре казенного дома. Рука Елькина исчезла.

Надо мной висит ящик, напоминающий шкаф с дверцами и стеклом. Я поинтересовался, что же находится в нем: мне не видно, потому что

---

*Елькин – директор Прокопьевского краеведческого музея, в котором Селиванов работал сторожем.

высоко, глаза не достают. Около шкафа стоит табуретка, я немножко покумекал-пораздумался, взял табуретку, поднес к шкафу-ящику, смотрю: под стеклом лежит несколько булочек хорошего хлеба. Огляделся по сторонам, думая, не подозревает ли меня кто. Может, люди думают, что я хочу хлеб украсть? Еще раз поглядел на шкаф, смотрю, прибавилось две булочки белого хлеба. Слез с табуретки и отправился в конец коридора. День пятница, 6 марта 1981 года.

Был в большом доме-помещении, в котором клал кирпичный дымоход. Испортил. Получился не дымоход, а стена. После этого в стене загорелось ярким огнем, как в горящей плите. Понять трудно, почему? Я проходил по помещению, везде видны были такие дымоходы-стены и плиты. Вдруг вижу – сидит курица на гнезде. Подошел, посмотрел: сидит как бы нормально. Подумал, надо пощупать, часто бывает, что курица сидит в гнезде без яйца, зазря, просто так.

Я взял курицу на руки, смотрю, у нее в боку образовалась дыра, и вот-вот яйцо выпадет. Я подхватил его, засунул обратно. Откуда-то взялась хомутная иголка с толстой дратвой. Мечтаю: надо зашить. Проткнул тело курицы иголкой свободно, а дратва пошла трудно. Начинает застревать, больно курице, но она переносит боль от моей операции. Значит, курица решила перетерпеть все неприятности. Иголку я отложил в сторону после того, как продернул через тело курицы один раз. Передо мной появилась маленькая иголочка с черной ниткой, кто же ее мне подсунул? Попробую зашить. Некрасиво будет – нитка черная, надо бы, чтоб подходила под цвет пера. Выхожу на волю, смотрю – подле самого дома железная дорога.

Иду себе один, в какую сторону? Вот бережок, под ним узкоколейка. Промелькнул маленький паровоз с вагончиками, в них – мокрый песок. Не прошло и десяти минут, как молодые здоровые парни притолкали эти вагончики обратно, а паровозик остался вне моего поля зрения. Каждый парень-мужчина выталкивал свой вагончик, так было распределено между ними. День понедельник, 9 марта 1981 года.

Был как бы в пекарне, видел такие огромные хлеба поджаристы – невозможно обрисовать словом. В этой же пекарне, только в другом отделении, видел такой же хлеб, но разрезанный во всю стену от потолка до пола. Не-

ужели есть такой нож у пекарей? По разрезу видно, что хлеб ноздреватый.

Выходя из пекарни в сени, увидел скотский двор, расположенный много ниже. Пол сенок пристроен на столбах, наверное, так сделали строители по заказу хозяина, а может, просто позволяло место. Во дворе много крупных светло-серых овец. Шерсть на них большая, пора стричь.

На воле – белый снег, глубокий и пушистый. Чуть прохладою тянуло. Затянуло небо синевой, а вдали на широком поле остались суслоны. Почему-то не убраны в свое время, проспали, что ли, продремали крестьянские мужики? Я зашел в свою избу, смотрю – на столе большие конверты из желтой бумаги, до отказа набитые, толстые, некоторые нужно подклеить получше. Только подумал так, ко мне подходит незнакомец на помощь. Быстрее вместе сделаем – быстрее отправим. День среда, 11 марта 1981 года.

Стою дома на кухне у рукомойника, мечтаю умыться. Неожиданно подошел ко мне незнакомец. Как он мог залезть в мой двор, ведь у меня все заперто? Одет по-обыкновенному-простому и говорит мне: „К тебе должна приползти в избу огромная змея, опасайся". Мои мысли говорят мне: *не расстраивайся, не волнуйся, будь мужиком, как солдат в военное время на поле боя. Змея – не угроза и не гроза, нет ничего страшнее человека-хищника, врасплох-неожиданно нападающего на слабого человека. Перехвачу гадюке горло плоскогубцами. Только волноваться ни в коем случае нельзя.*

Незнакомец, сообщив, вышел из избы моей. Я умылся, прибрал коечто после ночи. Направился на волю, смотрю – передо мной железная дорога. Около стрелочной будки – множество народа в праздничном убранстве. Как только я стал подходить поближе, на мне костюм переменился, и стал я не хуже других по убранству.

Присоединился к людям и стал прислушиваться, про что толкуют-говорят. Оказалось, ожидают кассира с деньгами, потом собираются поехать в поле за картошкой. Из разговора стало понятно, что недостает автомашин, и в первую очередь будут перевозить картошку тем, кто поближе к начальству. Такое ведется издавна. Мне тут делать нечего, и пошел я по своей дороге . . . День пятница, 13 марта 1981 года.

Каким путем я мог зайти в самолет? Вижу в полу дыру, как в подполье. Заглянул – там в каких-то специальных баллонах-сосудах горючее. Никаких сидений в самолете не видно – пассажиры должны стоять. Окромя меня, в самолете моя соседка Клавка Демьянова, она хозяйка самолета. Еще мне видна кошка у самых дверей. Двери при полете были открыты, и я эту кошку столкнул для чего-то. Наверное, по своему самолюбию. Самолет летел над землей не на высоком расстоянии. Время года – лето, природа – чудесна.

Очутился я у двух молодых мужчин-цыган, которые собираются переезжать на другое место жительства. Стал я им говорить: „Вам надо сделать ящик для своего имущества, который бы заменял кладовку. Поставьте его на повозку-сани, тогда все будет в надежной сохранности при перевозке". Они послушали мои слова: „Спасибо за совет, старина, так нам и надо сделать". Я ушел от них.

Мысли заходили какие-то несуразные в голове: надо поселиться на шоссейной дороге, построить хорошую баню, чтобы люди могли помыться. Каждому человеку нужно для жизни все необходимое. День суббота, 14 марта 1981 года.

Молодые рабочие копают яму, я захотел помочь им. Откуда ни возьмись – передо мной лопата-штыковка, которой я стал копать землю-грунт глинистый. Успех в работе, как у молодых, я не чувствовал старости. Окончив работу, перешел железную дорогу, вышел на заросшую зеленью равнину, но лопату-штыковку почему-то унес у землекопов. Остановился на равнине. Мечтаю: мне нужно накопать с ведро глины.

Откуда-то прибежала желто-серая собака молодая, поглядела мне в глаза, что-то хотела сказать. Я тоже посмотрел ей в глаза, заметил, что один глаз у нее искусственный. Так мы ни о чем и не поговорили. Потом прибежал ко мне мальчик, также посмотрел в глаза и ничего не сказал. Я попросил его: „Сходи к отцу и принеси мое старое ведро, я накопаю глины". Мальчик повернулся и побежал, а я попробовал копать поросшую зеленью землю. Снял несколько лопат зеленого слоя, вижу мокрую глину. Откуда ни возьмись, передо мной женщина, похожая на мою соседку татарку Катю. Она сказала: „Пойду тоже копать глину".

После этого я вышел на дорогу, которая идет в глубь равнины. Мне пригрезился молодой человек. По бокам щек – густая, длинная, темно-

рыжая борода, почти каре-коричневая и такие же длинные волосы. Борода закрыла все его лицо, вижу лишь светящиеся глаза. . . День среда, 25 марта 1981 года.

Недалеко от селения большого в поле стоял длинный стол, за ним обедали военные. Я подошел и сел за стол с торцевой стороны. Вижу – после военных осталось множество хлебных крох и новых железных ложек. Кроме меня, молодой человек сидит в раздумье и ожидании еды. На край стола к нам заскочил небольшой зверек, похожий на собаку, по масти – темно-карий. Он с жадностью начал кушать хлебные крохи. Посредине стола я увидел несколько батонов, оставленных военными. Размышляю: тут мне делать нечего, пусть зверек собирает со стола крохи. Встал и пошел.

Подошел к другому столу, на нем лежат новые хромовые сапоги. Через минуту подходит молодой мужик с ножницами и начинает вырезать из голенища подкладку. Вырезал под самую строчку шва с задней стороны сапога, не нарушив сапога. Он мастерил, а я наблюдал за его искусной работой.

Зашел в одну крестьянскую избу – неважно, грязно, никакого уюта. Сел на скамейку, сижу свободно. Появляется высокий, пожилой, белобрысый мужчина, за ним заходит его сын, щупленький, среднего роста, несколько черноват. Он с восторгом стал рассказывать отцу о своих учебных делах. Значит, молодой человек где-то учится на „отлично“. Отец его – тоже непростой, хотя и живут они в неуютной, старой избе. *Чувства души и сердца – для меня всегда главное.* День пятница, 27 марта 1981 года.

Где-то починял валенки. Прошла молодая женщина среднего роста. На ней новое осеннее пальто защитного цвета. Она несла из нашего магазина большую сетку-сумку серого поджаристого хлеба.

На широкой дороге вижу огромный настил – подобно нарам. На нем – множество людей, разных наций, среди них пара русских, муж и жена, жена – беременна. Ко мне подошел муж этой женщины, я взял его за руку, приподнял правой рукой над землей, покрытой снегом, и стал вертеть вокруг себя, да так быстро, как вращаются ремни от шкива какой-либо машины или колесо станка, приведенное в действие электроэнергией.

Вот какую я имел в это время физическую силу! Просто на удивле-

ние. Когда я остановился, мужчина от вращения в воздухе уже не мог стоять, у него закружилась голова. Он сел на несколько минут на снег и вошел в полное сознание. Посмотрел на меня, покачал головой, промолвил: *„Таких дедов я за всю свою жизнь ни разу не видел“*. День среда, 1 апреля 1981 года.

В одной ограде молодая женщина по хозяйским делам что-то убирает. Обращается ко мне: „Возьми лопату, собери мусор в кучу“. Эта женщина, подумал я, обладает неимоверной проницательностью и может любого человека заставить делать то, что ей нужно. Просьбу ее я удовлетворил. Все сделал по ее воле. И стал помогать ремонтировать стайку ее мужу. На меня напало раздумье: надо бы купить хлеба.

Вышел из чужой ограды, иду в сторону хлебного магазина. Открыл дверь магазина – народу подле прилавков много, я встал последним. Продавец работает быстро, не прошло и получаса, как подошла моя очередь. Подаю два пятака необычно больших, несколько двухкопеечных монет и говорю: „Дайте мне две булочки серого хлеба“. Она молчит. Вдруг откуда-то взялся мой маленький чугунок, в котором я варю картошку. Продавец молча наложила полон чугунок серых ржаных булочек, а сверху – два яйца на добавок. День четверг, 2 апреля 1981 года.

Мимо меня проходят молодые парни без головных уборов. У каждого волосы на макушке перевязаны тонкой металлической проволокой, толщиной с конский волос, в несколько проволочек. Я снимал с голов прохожих все это. Зачем они это сделали?! Представьте себе: вы взяли пучок проволочек и перевязали им голову. Для чего? Никто из них не возражал, что я снимаю проволоку и складываю в одну кучу. Интересно, для чего я это делал?

Так я наснимал тонкой проволоки порядочно. Когда парни прошли мимо меня, вдали за дорогой стал виден зеленый лиственный лес. В промежутках между стволами деревьев – заросли такой же породы. Я подумал, что в этом лесу можно накосить сена, если не лень. День воскресенье, 8 марта 1981 года.

Я стал забираться по неважным ступенькам на свой пригорок к дверцам забора-ограды, смотрю, у соседа загорелась баня. Отчего? Начали сбегаться люди, мне слышны непонятные слова, видна толкотня вокруг горящей бани. День среда, 8 апреля 1981 года.

Находился днем в своем дворе. Дверцы-калитка со стороны соседа были открыты. Откуда-то появилась молодая рыжей масти лошадь. Как я мог забраться на нее без подставки? Удивительно и то, почему я не видел у нее головы, вожжи кто-то мне подал. Лошадь сделалась чрезвычайно длинною, я таких лошадей не видал за всю свою жизнь. Шевельнул вожжами, она побежала на удивление быстро с моего двора. Думал: упаду, расшибусь, покалечусь. Но все обошлось благополучно. Я заехал во двор к соседям, слез с высокой лошади и зашел с ней в избу. Вдруг моя лошадь сделалась большой собакой такой же масти. Что это?! Наверное, нечиста сила в моих мозгах бродит. Повелевает моим умом-разумом.

В избе было полно народу. Все люди про что-то разговаривали парами, и весь разговор сливался в общий непонятный гам. Мне в этой избе делать нечего, подумал, повернулся и пошел. За мной следом моя собака выскочила. Собака с чужими людьми не останется, она понимает разговор хозяина и его отношение к ней. Да, умное животное, недаром люди говорят: „Собака – друг человека". День понедельник, 27 апреля 1981 года.

На окраине большого города зашел в избушку, которая приходила в ветхое состояние. Стояло несколько коек, из людей – ни души. Пахло сыростью. Я решил прилечь на первую койку, так устал. Потянуло на дремоту. Дремал, а может, и спал сколько-то времени. Чувствую, в избушку стали заходить знакомые люди, да много. Появился посредине стол. В числе пришедших молодая женщина Аннушка, жена Васи Бахорова. Она стояла у стола и рылась в каких-то бумагах, принесенных только что почтальоном. Я лежу на койке, на оголенных досках. Аннушка подходит ко мне, кладет на мою грудь несколько штук печенья и подает пачку открыток. Показывает одну открытку с изображением пейзажа – низкорослый лес в летнюю пору, очень хорош. День пятница, 10 апреля 1981 года.

В одном развалившемся помещении встретил мальчишек. Они смотрели на меня с вниманием и намерены были что-то сказать. Но они молчали, молчал и я. Разошлись. Иду себе, куда? Природа изменяется. *Вон там, далеко от меня, под уклон спускается поезд, а у меня тревожится сердце. Вот поезд товарный ушел от меня за горизонт. Все глухо, тут жизни*

не видно, я вижу один отлогий косогор. Куда мне пойти? С кем повстречаться? Где? Горе и тоска загрызают, не видел бы я никого. Серая погода на воле обнимает. Временами солнце как бы стыдится и прячется. От кого – не пойму. Все кругом тихо. День воскресенье, 5 апреля 1981 года.

Вчера ходил, сегодня хожу и так всю жизнь хожу. С постели встану – к рукомойнику по обычаю, принятому со старины; умоюсь и иду к полотенцу своему. И так с утра хожу всю жизнь свою. Зашел в одну избу. Посреди нее стоит старик с сырыми половиками на груди. Вижу – тяжело ему, и стал помогать. Он мне ни слова, и я ему – тоже. Почему мы немые, понять не могу?!

Вышли из избы, зима стоит, снегу нанесло до половины колена. На воле не видно ничего, только одни ограды. Куда девался старый в одну минуту? Свое богатство бросил на произвол судьбы, оставил мне. Что делать мне с таким богатством? Силы у меня маловато, а бросить жаль. Еле бреду по снегу, куда не знаю сам. Кто-то подсказывает со стороны: „Иди на почту, дай телеграмму". Куда? Кому? В раздумье большом стою на глубоком снегу . . . Как мне добраться до почты? День понедельник, 13 апреля 1981 года.

Находился в одном помещении, в котором сидит Елькин, он с кем-то разговаривает про меня. Про мое состояние – бедность. Елькин говорит собеседнику: „Селиванову надо помочь зерновыми отходами, он работал у меня целых десять лет". Его собеседник протестовал, и так как верх был на его стороне, помощь мне не была оказана. Елькин и его собеседник куда-то ушли, а около меня вдруг образовался ящик с литературой, книгами, журналами . . . День вторник, 14 апреля 1981 года.

Зашел в большой сарай, в нем – муж с женой, оба молодые и чернобрысы, подумал: цыгане. Я без разрешения выкопал на подоконнике лунку и посадил картошку. Подошла ко мне хозяйка, убрала старое ведро с подоконника и сказала: „Здесь можно выкопать еще одну лунку и посадить еще картошку". Я так и сделал, подчинился воле чернобровой хозяйки. После этого слез с подоконника и стал копать пол вместо земли. Лопата шла

с большим трудом, но все же я выкопал несколько лунок и посадил картошку.

Подошел к двум старым домам. Один мой, другой – соседский. Между ними стоит молодая чернобрысая женщина около бака из белого железа. В этом баке что-то красное, не пойму. Женщина стала наливать жидкость в бутыль. Подошел ее муж. Она подала сосуд ему. Он посмотрел на меня и на свою красавицу жену. Принял бутыль, молча повернулся и пошел, через несколько минут приносит ее обратно и ставит рядом с баком. Поворачивается и уходит.

Чернобрысая смотрит на меня с доброжелательством, как на близкого родственника. Стала наливать красную жидкость вторично. Дает знать своими пронзительными глазами: это, мол, для меня. Я не принял ее подарок, чтобы не было ей от мужа никаких попреков. Повернулся и ушел в свою избушку. Сел на рабочее место. Выдавил из тюбика несколько белил, кумекал что-то рисовать. Получалось, но не склеписто. Не так, как надо. Вечно не нравится. День четверг, 16 апреля 1981 года.

В окрестности холмистой своей местности ходил. Поросшее травой поле шло чуть-чуть под уклон. В самой низине видна река, за рекой – хвойный лес. В моих глазах отражалась красота. Вышел на дорогу, усыпанную дробленым средним камнем. Подумал, дорожники будут делать асфальтную-шоссейну дорогу. По этому камню я шел недолго, вдруг он исчез, появился крупный камень, дробленный на той же дробилке, только рассортированный вторым сортом.

Вдруг нагоняют меня со стороны красивого хвойного леса и реки какие-то военные. Долгое время скрывались они в лесу от военной службы. Руководитель отряда уже стар. Я присоединился к ним и шел за ними по каменистой дороге. Долго ли, мало ли мы шли, вот перед нами деревянный старый дом.

Военные сменили у входа в дом форму на гражданскую. Не сменил только главный. Он вынимает из правого кармана новую газету и письмо в желтом конверте. Адрес написан мелким шрифтом, понять трудно, куда, кому. Да я особого интереса и не проявлял. Руководитель на минутку задержался как бы ради меня. Разворачивает новую газету передо мной и говорит: „Смотри“. В газете – образ этого командира. День пятница, 17 апреля 1981 года.

Погода с утра серовата. Солнечные лучи перемежались сизовато-желтоватыми облаками. Тишина. Безлюдное поле раскинулось, как скатерть. Сухой воздух окутывал поверхность, земля имела бледно-серый вид, дышать было нечем. На поле ни тропинок, ни дорожек. Несколько человек докапывали картошку. Не доходя до них, я повстречался в кустах с пожилым мужчиной, который накопал несколько узляков картошки и собирался увезти один узляк на мотоцикле или велосипеде. Он нажал на педаль, машина сразу же набрала скорость. От земли поднялось облако пыли.

Недалеко была моя полоска. Смотрю, на самом краю ее лежит старый велосипед и два узляка картошки. Вот это приключение! Какой-то мужик, товарищ того, который только что уехал, хотел выкопать мою картошку и увезти ее домой. Увидев меня, воришка бросил старый негодный велосипед, накопанные узляки и убежал.

Я выкопал свою полоску, а мешков нет. Прибрал в кучу картошку, закрыл ботвой. В раздумье-заботе сижу. Неожиданно останавливается автомашина. Из кузова вылезают трое молодых парняг, из кабины – шофер. „Здравствуй, старина, седая борода, не горюй". Парняги взяли ведра из кузова и дали одно мне. Не прошло и полчаса, как погружена моя картошка в кузов, как в сказке. Вытряхнули парняги картошку из мешков вора в кузов, накрыли ими его велосипед, уселись в кузов, шофер – за руль, и машина помчалась.

Подвезли молодцы картошку к моей избе и помогли даже в погреб спустить. От радости у меня слезы брызнули. День вторник, 21 апреля 1981 года.

Бродил по шахтовым подсобным мастерским, в которых установлены всевозможные механизмы. Время было нерабочее. Выйдя из этой секции в другое помещение, повстречался с пожилой женщиной. Она говорит: „Видишь под потолком на матке забит гвоздь и на нем мешок с электролампочками?"Я говорю: „Вижу". – „Залезь, мне нужна лампочка, мешок оставь там же". Да! Задача . . . Помещение высокое, не на чем лезть. Я искал какую-нибудь подставку, не нашел. Тогда женщина сама пошла искать. Несет лестницу.

Ничего не выходит: мешок подвешен далеко от стены. Хитро и умно сделано кем-то: лестницу упереть не во что. Разошлись. День суббота, 25 апреля 1981 года.

Сидел за столом в избе. Мне кто-то подает лепешку из ячменной муки, у меня на глазах она стала расти и превратилась в каравай с целую квартиру. Я вышел из-за стола на волю. Спустился с пригорка на низменное место. Занял такую точку, из которой мне видно два моих окна, одно – кухонное, со стороны стайки. Электросвет попеременно в этих маленьких помещениях менялся. Значит, кто-то шарился, искал мое богатство. Но я не волновался и не расстраивался. Иду дальше. Без мыслей. Пришел на равнину.

Стоят столбы деревянные, на которых настил из досок. По нему передвигаются пешеходы, как по тропинкам. Лестницы не было, мне была видна одна дощатая стена, очень высокая. Я забрался по стене на настил, как забирается безрассудный лунатик, вижу ларь-ящик удлиненной формы. Снял с себя сапоги новые кирзовые и поставил в ларь – тут будут в полной сохранности. Слез с настила обратно на поверхность земли. Смотрю, кругом стены, а может, заборы, заменяющие стены домов. Около одной стены – длинная скамейка, доска прибита на столбики. На ней – женщины разных возрастов, все в чистом одеянии.

Я обратил внимание на ту, которая сидела крайней справа. Смотрю – около скамейки лежат сапоги, которые я оставил в ларе-ящике. Как они попали сюда, удивительно?! Вижу, что крайняя женщина не заметила сапог. Я их взял, и женщина, несомненно, поняла по выражению моих глаз, что сапоги мои, а не чьи-нибудь. Значит, эта женщина умеет определять честных людей и воров, мазуриков и пошляков всех мастей.

Я отвернулся от сидящих на скамье, смотрю: поодаль от меня – такая же скамейка. Я уселся на нее. Через несколько минут прибежала детвора, мальчики в основном. Они уселись рядом со мной по обе стороны. Молчим. Через несколько минут все ушли. Появляется пожилой толстяк, холеный интеллигент. Он что-то хотел мне сказать, а может, подозревал в чем. Мало ли бывает приключений у людей! Хорошее не найдешь, а плохое всегда ходит рядом возле вас.

Уходя из помещения, увидел на окраине большую молодую свинью. Только ее не хватало! Можете посмотреть на ее красоту, если любите домашних животных. День воскресенье, 26 апреля 1981 года.

Дорога идет под уклон. Мне навстречу попадаются молодые люди, мужчины. Они идут и на ходу что-то кушают. Я подумал, наверное, дома некогда было покушать. Дороги бывают разные: широкие – шоссейные, обычные –

деревенские, а узкие – полевые-луговые. Ширина дорог зависит от того, движется ли по ним транспорт. В одном месте я свернул налево. Передо мной образовалось широкое поле, еще не проросшее зеленью.

Нагоняю двух пожилых мужчин, они несут по мешку какой-то поклажи. Идут свободно, значит, поклажа посильна. У меня при себе почти ничего нет, кроме сумочки-тормозка. Одеяние легкое и не обут. Чем объяснить такое халатное отношение к себе, не представляю. Начал мужчин обгонять. На дороге грязно. Мужчины пошли медленнее. Но как бы они ни старались преградить мне путь, я все равно ушел от них.

Думаю, эти мужчины не добры. Они хотели от меня что-то поиметь, хотя на мне абсолютно ничего хорошего не было. Но я работаю сторожем, а на объекте немало казенных богатств. Может, этим я им интересен? Люди есть всякие, кто чем живет. Практика жизни говорит, что добрых людей больше, но все время нужно глядеть в оба. Как промахнулся и сделал оплошку, так и попал вору, мазурику или хаму на крючок. Простофиля, человек с доброй душой и сердцем почему-то всегда жертва мошенников.

Шел по дороге – долго ли, мало ли, быстро ли, никто не знает. У подножия железнодорожной насыпи рабочие-путейцы копают кювет-канаву для стока воды. Эта канава защитит насыпь от воды весной, когда солнце растопит глубокие снежные заносы. Поднимаюсь на насыпь и вижу – она из мелкого каменного угля! Что же это такое? Уголь дорогой и употребляется как топливо, а тут превращен людьми в негодность. Вот так наш народный труд некоторые разгильдяи превращают в ничто – в мусор!! Поэтому подобные мне люди-рабочие так часто ходят в отрепках и босиком, как нищие.

Не поспел подняться на линию железной дороги, тут как тут – товарняк. Как раз последний вагон прошел мимо меня, и поезд остановился. Я смотрю в ту сторону, откуда пришел паровоз: все шпалы лежат не так, как подобает, а перековерканы, точно после аварии. Как же прошел поезд? День понедельник, 27 апреля 1981 года.

Иду по окраине селения и вижу около дороги избушку без дверей. Виден один проем-дыра. Окон я тоже не заметил. Сидят в избушке две женщины. Одна знакома мне по работе на железной дороге на станции Усяты, во время Оте-

чественной войны. Одета она легко, несмотря на зимнее время, да еще избушка без дверей! Другая мне незнакома, на лицо потемнее, по годам помоложе, но посолиднее.

Сидят они друг против друга. Моя знакомая плачет горькими слезами. Спросить о причине ее горя я не решился. Только сказал: „*Что можно сделать, коли в человеческой жизни получаются всякого рода невзгоды, неприятности и бедствия! Все нужно переживать душой и сердцем. Успокойся и не волнуйся. Твои слезы ни к чему хорошему не приведут*“.

Отвернулся от избы и вижу – женщины очищают дорогу после бурана-снегопада. Мечтал помочь, но, не доходя до них, свернул налево от дороги. Смотрю – укрытие-крыша около деревянной старой стены. Стоит скамейка, на которой много писем. Кто-то невидимый сказал мне: „Эти письма принадлежат тебе. Пересортируй их, с ошибками – в одну сторону, без ошибок – в другую“. Я стал выполнять работу. Да! *Какой таинственной силой наделен человеческий голос!* День суббота, 2 мая 1981 года.

Я лежал-отдыхал на подмостках около деревенского дома-избы. Погода на воле стояла благоприятная-серовата, но теплая. Смотрю, сосед Арсенька Булгаков вытряхивает из мешка двух свинок, на моих глазах они превращаются в порядочных свиней. Он собирается везти их на базар. Тут же пристала чья-то большая свинья. Откуда же она, такая красивая и большая, пришла сюда? Наверное, сбежала. Плохо стайку закрыли хозяева, хватились, а свиньи-то нет! Будут волноваться и думать, что пропала. А она, красавица, ходит здесь и ни о чем не тревожится.

Я встал с подмостков, обдумывая, зачем же я попал сюда, незваный гость. Хожу где попало, ищу сам не знаю что. Куда мне направиться в эту минуту? Вижу перед собой широкие поля, а вдали – дремучие леса. Тишина над полями и лесами такая же, как и надо мной. Сердце-душа подымаются как бы в гору, в забвенье все ушло, исчезли мрачные мысли – пойду в свою избу.

Пришел, открыл двери, гляжу – открыты кружки на плите, а в топке что-то горит-пылает. Кто-то был и что-то делал. Ничего не пойму. День понедельник, 4 мая 1981 года.

Я вышел из Арсенькиной ограды, иду по дороге. Подошел к углу одного дома, вдруг попадаю в такую обстановку-обстоятельства: идет на меня задом автомашина, деваться некуда. Решил лечь на землю, и автомашина уперлась кузовом в угол дома. Благодаря этому, быть может, я спасся от несчастного случая или смерти.

Лежу на земле под кузовом автомашины. Вижу – между днищем и землей совсем незначительное расстояние-высота. На меня напала робость, потерял я нормальное осознание себя в этой обстановке. Начал кричать во все горло какие-то бессознательные слова. Никто на мой голос не пришел. Каким путем я выкарабкался, не представляю . . .

Подошел к одному месту, где насыпано много каменного угля. Там стоит бадья со смолой, неподалече от нее – рабочий угольщик-шахтер. Я ему говорю: „Возьми бадью и вылей смолу на уголь, лучше будет гореть".

Минуя эту свалку, прихожу к какой-то стайке, вижу гнездо курицы, в нем – три чистых яйца. Мечтаю: курица и та где попало не садится, а соображает о безопасности и удобстве. А человек . . . День вторник, 5 мая 1981 года.

Сегодня просили посторожить склады на одной территории. Я дал согласие и сказал: „Схожу до дому, возьму тормозок, тогда приду". Прихожу домой. Вижу, у меня абсолютно все хозяйство поворовали. Остался один сундучок-ящичек, в котором находились старые дорожки-половики и кое-какие тряпки. Лежат наверху ящичка. Старое барахло, никому не нужное, и осталось.

Ко мне подошел молодой мужчина и стал нахально приставать: „Дай мне водки!" Я отвечаю: „Откуда? У меня такого завода нет! . ." Со злостью и ненавистью мужчина отвернулся.

Откуда-то около меня взялась длинная, не особо толстая цепь. Я обмотал ею свой ящичек с богатством. Рядом стоит такой же по размеру, наполненный соленым салом. С чем же я пойду сторожить? Нечего взять с собой! Обещание не выполнено.

Иду по дороге в рассеянном состоянии. Смотрю: рядом с дорогой в баке с горячей водой привязан цепью молодой мужчина. Он еще чуть шевелится. Я подумал: сварится. За какое преступление он так наказан? Кем? За что? Отвязать мужчину и вытащить из бака я не решился.

Нельзя лезть в чужие дела и выявлять из себя героя, когда сам еле бродишь по земле.

С такими помыслами подошел к дому-бане. Зашел в предбанник. Вижу знакомых людей, вижу веники-листоватики на полу. Взял один веник, посмотрел: париться можно. Положил обратно в кучу. Спросил у знакомых: „Как, парок в парной есть?“ Мне никто не ответил. Молчание это означает: пару нет. А без парку баня для меня не баня. День суббота, 9 мая 1981 года.

В стайке или бане вижу около дверей порядочно соломы. Она бывает ячменная, пшеничная, ржаная, овсяная, у каждого злака – своя. В темноте я не понял, какая же солома здесь. Когда выходил, мне под ноги попало несколько мышей. Запищали.

Я в деревянном старом доме. Целая куча пирожков разного размера передо мной. Подходит Аннушка Павлика Захарова – соседа. Говорит: „Торгуй этими пирожками“. Я встал в недоумении, боюсь. Это чужой товар. *Не смей браться за распродажу чужой продукции – таково мое правило. И законом это преследуется.*

. . . В стороне от дороги стоит ведро. В ведре лежит крупное куриное яйцо. Я подумал: „Почему человек поставил сюда ведро? Наверное, с ним что-то случилось. Поспешил и забыл-ушел. Мало ли всякого рода приключений у людей, как ни шаг, так изменение в жизни! Пусть ведро стоит до прихода хозяина.

Отошел от ведра, и передо мной образовалась низменность, поросшая зеленой травой и пересеченная узкой речушкой. Вдали мелкий сосновый бор-лес. Стою на левом берегу и размышляю, зачем я подошел сюда?

Наступает предвечерняя пора. И вот плывет лодка, в ней – муж с женой. Предлагают поехать с ними. Сел в середку. После этого хозяин лодку оттолкнул от берега речушки, и лодка пошла сама собой в глубь мелкой лесной заросли. День вторник, 2 июня 1981 года.

Ехал на санях-креслах среди пожилых женщин. В упряжке никого не видел. Сани шли сами собой. На мне было легкое одеяние, а на воле – зима, и женщины одеты по-зимнему. По мне пробегала дрожь. Одна была одета в темно-синюю железнодорожную шинель, такие во время войны да-

вали нам на станции Усяты Томской железной дороги. Эта женщина намеревалась прикрыть меня шинелью, но постеснялась товарок.

Сани дошли до большого деревянного дома. Мы с пожилой женщиной зашли в этот дом. Перед нами коридор с квартирами жильцов. Около стен, как попало, лежат половники. Весь коридор был завален ими. Мы с трудом прошли по половникам и зашли к молодой белобрысой женщине. Она отнеслась к нам, как к гостям . . .

Сегодня под вечер был в большом помещении казенной конструкции, где находилась детвора-пионерия в праздничном убранстве. Руководит всем Елькин, бывший директор музея в Прокопьевске. Как он изменился за четыре года! Он похож на старика крестьянина. Оброс бородой и отяжелел. Среди детворы он ведет роль не как директор музея, а как артист.

В конце помещения расставлены столы. Я подошел и вижу: лежат крупные очистки и ложки с ножами. Ко мне подбежал мальчонка-пионер и сказал: „Садись, дедушка, за наш стол. Угощайся“. Я посмотрел на этого мальчика и подумал: доброжелательная душа у дитенка, но угощаться было нечем. Я не успел передать ему свои мысли, как пионер-мальчонка скрылся.

Зашел случайно в крестьянскую низкую избенку, в которой находится женщина, по образу молодая, белобрысая, среднего роста и несколько ее дитенков-пионеров. Все они в праздничном убранстве. Девчонка подошла ко мне и спросила: „Дедушка, у тебя нет подсвечника?“ Уверенно я ей не пообещал, но сказал, что где-то видел в своем хозяйстве . . . День среда, 3 июня 1981 года.

В мою избушку прибежало несколько молодых человек, одетых по-летнему. Они впопыхах, они спешат. Сообщают нам: „Пойдемте скорей провожать соседа в последний путь“. Я растерялся от неожиданного сообщения, с горестью вспомнил доброго человека, прожившего всю жизнь в нашем поселке-деревне. Невольно на сердце и в душу мою ложатся черные печали. Надел на себя старый грязный плащ и по забывчивости положил в правый карман три луковицы.

На голову забыл надеть старую фуражку рабочую. Побежал из избы, спешу, молюсь. Остальные побежали за мной. Бежим, спешим, видим: идет множество народа за гробом нашего соседа. Почему-то впереди гроба несут красные знамена . . .

Иду по дороге, погода зимняя. Прилег в сторонке под бугорком снега, испуганный бегущими мне навстречу бешеными собаками. Собак было порядочно, они различной масти-шерсти. Я думал, меня разорвут. Нет, пробежали мимо, наверное, не заметили. Или было им не до меня. Еще не очухался от такого явления, вижу: вдали от меня проезжает подвода, в кресло-сани запряжена молодая карая лошадь, в этих креслах сидят три женщины, лиц мне не видно. Они миновали меня по дороге, пересекающей мою.

И вот я у дома на хуторе. Намеревался зайти, передохнуть. Вышла старуха, я ее спросил: „Бабушка, ровесница, можно к вам зайти?" Ответ получил отрицательный – нельзя! „Сноха моет пол – иди в соседний дом". День воскресенье, 21 июня 1981 года.

Вот передо мной глубокий колодец. Я поскользнулся и упал, но почему-то не провалился. Колодезную часть делали не мастера, поэтому колодец был как яма, но внутри до уровня земли он был обработан лесоматериалом. Воды в колодце-яме я не видел. День пятница, 18 сентября 1981 года.

Мне довелось сегодня встретиться с молодым человеком – мужчиной. Он невысокого роста, серобрысый. Видно, что из рабочих. Расстояние между нами было невелико, когда в руках у него появились часы-будильник. Я не стремился поговорить с ним насчет этих часов, и он пошел от меня в противоположную сторону. А я – в сторону хвойного леса.

Увидел знакомого слесаря с товарищем по работе. Они грузили соль и углярку. Эта повозка-ящик поставлена на сани, и в эти сани впряжена молодая карая лошадь. Вдруг в одно мгновенье переменилась погода, и тронули мужики подводу с тяжелой солью. Приглашали и меня поехать с ними. День суббота, 19 сентября 1981 года.

Шел стремительно и быстро в городе чужом. Зачем спешил, я сам не знаю. Зачем я шел без интереса? Такое в редкости бывает у меня. Не что иное это, как безумье. Вот по безумью и шагал стремительно и быстро. Чего искал? На что глядел? Зашел в большой казенный дом, по конструкции простой – невысокий, деревянный, стоит на окраине городской. Ходил по

коридору, смотрел на дверные надписи. Одну дверь открыл без размышления: зал большой, полно студенток. Ни одного мужчины. Они смотрели с улыбкой на меня, и все молчали. День пятница, 2 октября 1981 года.

Сегодня залез на чердак своей избы. Хотел найти старые валенки на заплаты. Надо подготовиться к зиме, подзакропать заранее свои и жены поношены валенки. Начал шарить, заметил около дымоходной трубы бугорок, немножко раскопал. Ощутил руками непромокаемую резину. Открыл – вижу, свертки бумаг.

Вдруг в мозгах заходили тревожные мысли. Кто же мог положить на мой чердак эти свертки? И с чем они? Я сходил за большой корзиной в стайку. Сложил в нее свертки. Спустился с ними с чердака. Взяло меня раздумье: куда пойти с этими свертками? С этим богатством, чтобы никто не заметил?

Зашел в ту же стайку. Уселся на мешок с тряпьем. Начал развязывать первый сверток, который упакован и завязан по-настоящему. Вижу деньги – николаевки, екатерининки, керенки. Развернул второй сверток: первых годов советские червонцы. Развернул третий: коробка обернута желтой бумагой, а в ней лежат послевоенные облигации по восстановлению народного хозяйства от 1947 до 1956 года. Все это когда-то служило народу денежной ценностью, а сейчас – ничто . . . За исключением облигаций. Окромя этого, были еще ценные бумаги, они пожелтели и попортились от сырости. Невозможно разобрать. День воскресенье, 4 октябра в 1981 года.

Брожу по улице большого города, не здрав и не больной. В голове мысли бродят: вот море, темно оно, я – у берега, вдруг акула схватит.

Из моря вышел, на расстоянье среднем нахожусь. В глазах моих – стройные сосны. Между ними сделаны проходы военными. Вижу троих молодых мужчин. Может, это наблюдатели? Иду дальше, в дом чужой зашел. Никого нет. У стены в углу вижу большую кучу яиц. Подумал: надо подравнять, а то развалятся, побьются. При работе заметил, что три яйца разломаны, но содержимое твердое, мне кажется, сухое.

Перешел в другую избу – сидит молодой серобрысый мужик. Он просит у меня тридцать рублей. Денег у меня нет, что я дам? Пошарил по

карманам. Нашел девять рублей по рублю. Подал ему. Он мне – ни слова доброго. День суббота, 14 ноября 1981 года.

Иду по дороге грунтовой, как обычно, как всегда. Поравнялась со мной автомашина – необычная, голубая. За рулем солидная мадам, серобрысая, в платье голубом – под цвет машины. Посмотрела на меня. Взглядом знать подала – садись. Открыл я среднюю кабину машины необычной. Сел на сиденье не спеша, чувствую – живое что-то рядом с собой. Рассмотреть не могу, кто это, а дыханье слышу . . . Сердце чаще застучалось. Душа приняла тревожность. Что такое? Оглянулася, солидная мадам в платье голубом без головного убора. Знак молча подала, автомашина помчалась плавно. Куда пошла машина голубая? В какой путь? Это дело рулевого – дамы серобрысой. Она – во власти своей машины, а я – подвластен ей. День воскресенье, 18 октября 1981 года.

К вечеру не рано вышел я на волю. Дай, проверю-посмотрю, все ли в порядке около моей избушки. Открыл дверцы забора, смотрю: письмо лежит раскрыто. Мысль мелькнула: почему почтальонша бросила его на землю, когда на заборе висит почтовый ящик? Нерадиво относится к своей работе! Поднял письмо – конверт раскрытый. Вытащил листок, исписан он крупным шрифтом. Почерк незнакомый мне, кто писал, не знаю. Про что написано? „Иван Егорович, почему свою полоску не убираешь, она плачет, как осиротелое дитя“. Пожал плечами, встал в недоуменье. Продолжаю читать листок: „Ваш Кузбасс покроется глинистою почвой влажной“. К чему пророчество такое, я не пойму, не разберу. А главное – чья рука писала?!

Разве мало в мире чудаков: поэтов и писателей, бестолковых сочинителей. Принимай писанину всякую – не расстраивайся! День вторник, 17 ноября 1981 года.

С утра в поселке нашем была неясная погода. Днем проветрилось. У меня полным вздохом грудь вздохнула. Сижу-мечтаю на своей постели деревянной – на доске. Вот подошел к уклону, из-под горы навстречу идут две девки молодые. Городские или деревенские крестьянки, понять по одежде я не

в силах. Они повстречались со мной. Вдруг дорога покрылась половниками старыми, что такое?! Девки мне говорят: „Немного пройдешь, увидишь рубаху, надевай! А то в воду канешь и можешь утонуть. Эта рубаха непростая, она спасет тебя от воды".

Девки разговор со мной закрыли, посмотрели, улыбнулись. „Когда-нибудь с тобой еще повстречаемся!" – „Это безразлично мне". – „Расскажем про дни минувшей жизни – как жили, кого любили, с кем встречались. Наша жизнь младая, дороги для нас никто не закрывал. Дороги жизни сами для себя мы строим". Я посмотрел вслед уходящим девкам белобрысым. Подумал: не простые, учеными назвать нельзя, но молоды, толковы. Видно по лицам и по рассуждениям.

Свернул с дороги в сторонку. Присел на колодину. Подумал: надо поразмыслить, куда идти и что мне делать? Есть хочу, как шакал голодный. Прикрыл глаза я на минутку. Передо мной огромные сани с грудой мешков, по признаку с картошкой. Со всех сторон бегут оборванцы мужики. Растаскивают с саней мешки с картошкой. Пусть будет так. Может, это картошка. Утверждать не могу. День четверг, 19 ноября 1981 года.

На железной дороге два поезда соскочили с рельсов. Около них ходит военный, пометки делает на рельсах мелом. Вот встал, подумал, огляделся. Подался вправо от дороги. Бежит, кричит кому-то что-то и машет правою рукою. Знак дает – остановись! Меня это не касается, я спокоен, как обычно, не причастен ни к чему. Поезда зашевелились, дали сигнал и пошли, один – в сторону военного, а куда скрылся другой, я проморгал-не углядел.

Стою уже у множества железнодорожных линий. Не вижу ничего, кроме них, – где вокзал, где стрелочники и их будки? Как морской водой снесло в ненастную погоду. Помутились мои глаза – не пойму ничего. И линии исчезли. Явился тот самый военный, который чертил мелом на рельсах. Вынул блокнот из кармана мундира и стал писать на колене. Что записывал, неизвестно, это его тайна. Исчез военный, как видно, не простой, по рукам, образу – офицер. Явилась черная татарка, на обличие чуть знакома. Обращается ко мне: „Исправь электропроводку!" Отвечаю: „Я не умею и знать не хотел смолоду такую технику. Она, конечно, полезна и нужна всем, но когда у меня выходит она из строя, я, как и ты, обращаюсь к людям". День пятница, 27 ноября 1981 года.

Дорога предо мною ровна, как скатерть. По обочинам не обсохла грязь после дождя. Погода неважная, сыростью пахнет. Мчатся машины взад и вперед. *Потребность заставляет людей садиться в машины, а кто не имеет копейки в кармане на проезд, тот идет, согнувшись, пешком по дороге. Потребность заставляет людей совершать разные дела, загадывать немножко наперед, на неделю или две. Кому что нужно, тот то и ищет.*

А вот о чем же пешеходы размышляют-мечтают? Где и как заработать копейку-грош на пропитание, семьи своей на содержание? Где я ни бываю, жизнерадостных людей мало встречаю. Они отличаются по облику своему от тех, кто изнурительным трудом копейку добывает. Они холены, взгляд у них совсем иной, и одежда совсем другая . . . Заботы мало они имеют о себе. О чем заботиться, аль хлеба не в достатке?! Всего, что нужно для житья, у них всегда хватает. В любое время года. Они провожают время жизни, как за праздник годовой. Живи и радуйся, любуйся самим собою и всей природой, в какой ты порожден! Мечта мечту стегает плетью у холеных, как всегда. Зачем проявлять заботу о других, кто не работает на них?!

. . . Все работаем мы люди – все пируем в день святой. Вот кто-то за столом сидит. Хлеба ржаного корочка видна. Похлебки дожидаются. Хозяйка дома повернулась от русской печи лицом ко мне. Промолвила слова голосом тяжелым: „Картошки нет в подполье, крупу во сне видала. Печку нечем мне топить, в избе прохладой пахнет. Съезди, муж мой дорогой, в лес за дровами!“ Муж жене ответно слово: „Топор затупился, нельзя рубить“. Пошел к соседу насчет точила: „Дай точила – поточить топор“. Сосед сказал: „Точило раскололось“. Салазки взял, топор тупой, пошел в тайгу с думою глубокой: „Может, сучьев-хвороста наломаю“. День воскресенье, 29 ноября 1981 года.

Дороги нет, одна тропинка извилиста идет. Пожелтевшая трава видна. Свежесть воздуха осенняя, безлюдье, тишина. В глазах моих помутилось, отчего, объяснить я не в силах. Вот на дороге грунтовой, проселочной показалась лошадь каряя в упряжке. Около нее вертится черная собака, ездока не вижу. Куда он делся? Не пойму. Из предосторожности решил не подходить.

Попал я в старый дом. В углу – мешки с мукою, полны, развязаны.

Еще вижу молодых женщин. Все они в халатах белых, как больничные работницы. Пол чист, покрашен желтой краской половой, на нем пряники лежат свежей выпечки. Каждая работница имеет при себе посудину, полную пряников. Куда-то таскают их. Значит, прячут, прибирают. Чем объяснить такое дело? Почему пряники разбросаны на полу? Воздух – кондитерской пекарни. Почему же печи не видно? Иль муть в моих глазах? Неподалече от меня – стол старый деревянный, на нем лежат коврижки хлеба белого. Около хлеба видны двадцатикопеечные монеты. Было их несколько . . . День понедельник, 30 ноября 1981 года.

С отлогой горы в летнюю пору тек узенький ручеек с чистой серебристой водой. Вода переливалась с блеском. Неподалече от этого места образовалась предо мной огромная снеговая гора, котора выходила из поднебесья или равнялась с голубыми облаками. С этой горы на большой собаке несколько раз спускался молодой незнакомец. По-видимому, спортсмен. Жаль, что масть-шерсть собаки не запомнил, скорее всего светлая.

В этот же день иду из магазина в пятом часу. Около насыпи в логу надо мной пролетела птичка, на лету задела мою голову с фуражкой старой и чирикнула-пискнула, определяю по писку-голосу: это не воробей. День воскресенье, 7 июня 1981 года.

Нахожусь в неизвестном мне доме. Сижу на чем-то . . . Вижу пред собою большую школьную доску. На ней – примеры по алгебре. Дверь за ширмой, чувствую, открыта. Меня спрашивает женский голос: „Селиванов, скажите, как решить эти примеры?" Отвечаю: „В первый раз вижу такие непонятные записи . . ."

Нахожусь на кухне, смотрю на волю в окно. Вижу – стоит пожилая женщина, чернобрыса, то улыбнется, то смеется, то серьезная становится в лице. День пятница, 5 марта 1982 года.

Подошел с черным новым чемоданом к какому-то обрыву, в чемодане какие-то ценности. Мне нужна была помощь в том, чтобы вскарабкаться наверх. Помогли молодые мужики, которые специально для этого там стоят. Они ожидали от меня платы за работу, но у меня нечем было платить, хотя много денег было завернуто в стары газеты. Эти деньги кто-то поручил мне сохранить от воров. Все думал, куда их деть, но воров я все же не видел. День вторник, 3 августа 1982 года.

Большая серо-желтого цвета собака везла целые сани дров. Я поднялся на пригорок, она – за мной. Увидел много сосновых дров. Гололедица, снег местами стаял. Видно, что водица натаяла. Собака начала ее лакать. Видел много портретов мужских, даже очень много. Все они хороши, чуть ли не живые. День пятница, 30 апреля 1982 года.

Видел молодую свинью, около нее – кучка ячменя. Перешел к линии железной дороги – стоит состав углярок с ячменем. Один люк открыт, мимо проходили по этой дороге старухи, все смотрели на меня. На этом участке станции железнодорожники ремонтировали пути. День суббота, 1 мая 1982 года.

Учился у Марьи Ивановны плохо, по просьбе оставила, может, исправлюсь. Но в школе я был один из взрослых учеников. Чистота – неимоверна. Всегда жил бедно.

Я и два серобрысых молодых мужика, один полуслепой, находились в заснеженном поле.

Был в машинном отделении кирпичном. День воскресенье, 2 мая 1982 года.

Провожал большую темно-карю лошадь в упряжке. Она была запряжена в дроги, это было в каком-то городе . . .

Видел трех темно-карих лошадей. Также видел трех щенят – желты, одного из них держал на тонкой веревочке-обрывке. Этот щененок из моих рук вырвался-убежал. В открыту дверь в сенцах видел капусту, оттуда зашла мать щенят. Видел печь, похожую на ящик. Трубы у печи не было, вместо трубы дыра в стене. Печь горела, думал – стена загорится! День пятница, 7 мая 1982 года.

Молодой человек подает мне три отрезка алюминиевой проволоки. „Пойдете к железной дороге, увидите вагон, один отрезок воткнешь в расщелину вагона, вагон пойдет, если нужно остановить – другой воткнешь". Я так и сделал. Первый отрезок воткнул – вагон набрал скорость и ушел. Тогда я стал кричать молодым работницам-железнодорожницам, чтобы они

добежали до вокзала и позвонили на следующую станцию – остановили вагон.

Иду по дороге, ко мне присоединился другой молодой человек. Нас нагоняет милиционер. Заводит в свое помещение и хочет допросить о нашей преступности. Мы зашли в будку, за нами заходит молодая женщина с ребенком. Окромя нас, в помещении находилось еще несколько человек. Милиционер стал увлекаться ребенком, а про наши дела забыл. Было все это как бы на окраине большого города. День суббота, 8 мая 1982 года.

В одной избе искал ведро картошки. Людей нет никого, картошки не нашел. Видел только множество белых тазов, в которых кем-то наложено простокваши с верхом. День суббота, 22 мая 1982 года.

Шел по старой деревне, видел на двух домах по молодому ворону на каждом. Где-то в поле садил мелку картошку, мимо меня шли молодожены. Женщина беременна стонет от боли, а ее муж идет вперед и играет на гармони.

Пришел к большой глиняной горе. Что-то мерещилось вроде церкви. Вытаскивал из глубокого плетня-гнезда ворону молодую, это гнездо было на крыше чьего-то дома. День суббота, 22 мая 1982 года.

Видел две картины – сосновый бор, подобно как у Шишкина. Я налаживал-натягивал третью чью-то, но получилась натяжка плохая. День вторник, 25 мая 1982 года.

В сосновом-хвойном лесу протекала узкая речка чрезвычайно быстро, по воде плыли сосновы бревна. Через короткий промежуток я очутился у каких-то людей.

Один член этой семьи дал мне рыбью голову и сказал: вари уху. Я принял эту голову и вдруг сделался по размеру-росту, как пацаненок, и пошел с этой головой мимо чужих молодых женщин.

Подошел к железной дороге, перешел рельсы. Смотрю – много находится на грунтовой дороге людей, все они сидят, мечтают и чего-то ожидают. Этих людей обошел, вижу порядочный двухэтажный деревянный дом. В первой половине дома полупусто, зашел во вторую половину – тоже пусто, только у стены стоит большой деревянный дом. За столом

сидит черноброва молодая дама, дочь хозяйки. По эту сторону меня молодой мужчина – по масти такой же. Видно – толкуют про любовь. Это мое определение. День пятница, 28 мая 1982 года.

В лесу протекала широка река с темной водой. Очень странно, вода в реке – темный вид и какое-то твердое состояние.

Иду себе дорогой, мне попадают виды шахтового значения – места, где когда-то работали шахтеры-герои . . . Немного отошел от этого места, вижу скульптуры каждого героя-шахтера. Есть и хороши, и средни, одна из них черна на вид, другая – светлая – валяется на земле, а еще неподалече две скульптуры светлы, как живые, подметают землю. День вторник, 1 июня 1982 года.

Видел большой портрет какого-то мужчины. Уходя из этого помещения, повстречал высокую светло-рыжую лошадь. Дороги больше не было, проходить нужно было рядом с ней. Когда я поравнялся с лошадью, она мне сказала: „Здравствуй, Иван Егорович". Я был встревожен и удивлен. День среда, 2 июня 1982 года.

Собирался помыться в казенной бане – не пришлось. Укладывал свое имущество в шифоньер, как бы в чужой избушке. Откуда-то у меня взялись новы золотые часы, положил на верхнюю полку. Вдруг ко мне подходит незнакома белобрыса молодая женщина и предлагает на сохранность несколько ручных золотых часов, уложенных в коробочке. Я отказался сохранять чужое добро. День вторник, 8 июня 1982 года.

Одной чернобровой щупленькой клал печку. Она мне работу не оплатила, хотя я за этой женщиной долго ходил. *Обидно и прискорбно терять свой труд задарма, но ничего не поделаешь.* День четверг, 10 июня 1982 года.

Видел нову с красными обложками книгу – не толсту, обложки бумажны. Начал читать перву страницу и вдруг книгу закрыл, положил на то место, где она лежала. Вдруг на книге образовалась газета новая и оказалась у меня в руке.

Шел по строящемуся городу, в проулке мне показалась порядочная куча крупнозернистой темной глины. Видел немного полотна-мешковины. Зашел в какое-то помещение, а там на койке кожаное пальто, подобно моей тужурке, с воротником меховым. День суббота, 12 июня 1982 года.

Где-то кто-то вручил-дал мне большую пачку денег и сказал: „Здесь три тысячи рублей“. Вид денег – трояки. После этого куда ни погляжу, везде на мои глаза попадается приготовленная для строительства мятая глина.

Зашли с каким-то пацаненком в дом, стал первым просить милостыню . . . Хозяин подал нам по маленькому кусочку батона. Выходим из избы – нам навстречу такие же нищи – несколько человек, и все подростки-пацаны. Откуда столько взялось нищеты? . . День воскресенье, 13 июня 1982 года.

Что-то делал на воле. У меня в руках образовался катон-катушка ниток черных. Разматывал эти нитки, и они запутались. Поделать ничего нельзя. Подошли незнакомы люди и помогли нитки привести в порядок. День понедельник, 14 июня 1982 года.

На болоте Захариха рвала траву, от тяжести груза оседала в болотину. Подошел к лощине – вижу остатки недобранных бобов. По-видимому, в лощине было много бобов. Остатки перемешаны с землей и, видно, что с гнилью. Эти бобы какой-то мужчина намеревается собрать. День среда, 16 июня 1982 года.

Попался мне раскаленный прут, я его взял и тащил-волок, не чувствуя тяжести. Мне навстречу бежит большой бурый медведь: чтоб он меня не укусил, я развернул раскаленный прут с такой силой, что он у меня превратился в длинную веревку, накинул ее на ноги медведю. День пятница, 18 июня 1982 года.

Видел нову газету с портретами. Перед самым окном избы играла птичка – пестро-сера с белыми пятнами около крыльев. . . День среда, 23 июня 1982 года.

Зашел к военным, у них стоят на привязи молодые две лошади – рыжи с белесыми гривами, чуть тощеваты. На стенах висят настенные часы. Стрелки показывают 11 вечера. Военны приглашают меня на службу сторожем, в честь этого приносят столько хлеба, сколько хошь. Ешь-кушай – хлеб замечательный. Приносят еще крупной селедки, но я ни того, ни другого не кушал. „Надо бы подтопить помещение“, – я им сказал. Они объяснили мне: „Сторожить будешь с 11 вечера до 11 дня“. День пятница, 25 июня 1982 года.

Шел по глинистой местности, зашел на пригорок к чужой лошади. Взял ее и повел на пастбище. Зашел в какую-то избу – никого нет, а печь русская топится жарко-жарко. И что-то варится. День суббота, 26 июня 1982 года.

Был в музее, рассматривал экспонаты – почему-то темновато и привлекательности нет никакой. Был и в кабинете Елькина, тут чистота и опрятность. Елькин спрашивал у меня про реку Одер, я ему сказал: „В Польше“. Но я говорил наугад. День воскресенье, 27 июня 1982 года.

Нес к линии железной дороги картошку – подошел к откосу, чувствую – тяжело. На насыпи стоял чернобровый мужик, я ждал-просил его помощи, он мне не помог. Кое-как закарабкался на бровку-насыпь и стал ожидать поезда. День понедельник, 28 июня 1982 года.

Множество людей собралось. У меня в руках очутилась гармонь. Я начал играть, хотя держал гармонь в первый раз. И вдруг гармонь исчезла.

За большим столом сидит начальство – комиссия по образованию. Главный начальник – средних лет женщина, белобрыса, невысока, берет со стола бумажку-документ. Подошла ко мне, а на этой бумажке-документе приклеен натуральный цветок, который обозначает первую сте-

пень. Больше никто не получал по делу просвещения. День вторник, 29 июня 1982 года.

В большом четырехугольном нештукатуренном помещении начал класть плиту. На меня со стороны смотрел серобрысый мужчина среднего роста, на вид интеллигент. Он подозревал меня в неумении сложить плиту. День понедельник, 5 июля 1982 года.

Вечерней порой за мной гнались какие-то враги. Я от них отмахивался длинным прутом, но не смог отмахнуться. Решил удирать. Сначала бежал по равнине и вдруг скрылся за деревянный дом. Чувствую: здесь мне не спасенье. Набрался сил и подбежал к высокому обрыву. Очутился на высокой горе. Спускаться с высокой горы страшно: в низине поодаль от обрыва протекала не особо широка речушка. Тут по бережку идет тропинка, значит, имеется выход. Мечтаю: удрал от лиходеев-врагов! День вторник, 6 июля 1982 года.

Видел у одного небольшого мужика двое ручных часов и денег – мелочи не очень-то много. Он с каким-то мужиком разговаривал насчет сохранности этих ценностей. „Пойду в банк, сдам на сохранение“.

Другой мужик заводит часы, подобны моим, которы мне подарены, но циферблата не видел, потому что при заводе владелец повернул их к своей груди. Мне довелось увидеть только один механизм, который состоял из трех шестеренок-колесиков и пружины. Весь механизм обрамлен четырьмя стойками железными, затянут редкой металлической сеткой. Окромя меня, около этого мужика находилась ему незнакома женщина. Он рассказывал ей о качестве часов – в положительну сторону. Ночь воскресенье, 7 июня 1981 года.

Шел по воле на окраине поля, подошел к двухэтажному старому дому. Смотрю, стекла в рамах все выбиты и видно, что дом пустой. Вдруг оказался на строительстве деревянного города или селения. По какой бы улице или проулку ни шел, везде вижу рассыпанну глину. Подошел к перекрестку: мне нужно было проверить колонку – течет ли из крана вода . . . Только начал подходить, откуда-то взялось порядочно людей, куда-то идущих . . .

Все они в праздничном одеянии. Когда они прошли мимо меня, я подошел к колонке, нажал тугую ручку, в ту же минуту-секунду пошла вода.

У меня на душе повеселело. Я сразу же от крана отошел и пошел по дороге.

Иду себе, ни о чем не задумываясь. Вдруг образовалось порядочно рассыпанных кем-то денег, все бумажны-новы пятерки, такие же по цвету десятки, только по размеру крупнее. Я стал считать, откуда-то взялась около меня моя Варюша. Я ей сказал: „Хотя я и грамотен, считай ты. Я никак не соображу. Ты сообразишь лучше меня". Я оторвался от нее и пошел дальше по этой же улице. А она осталась прибирать-считать деньги.

Немного отошел от Варюши, смотрю – улица кончается. Вижу: лежит много бумаги, под ней много таких же денег. *Вдали от себя вижу такую же фигуру, как моя, и точно такое же лицо-образ-голову. Эта фигура освещена ярким солнечным светом и одета в праздничну светлу рубаху.* День вторник, 30 июня 1981 года.

Видел несколько женщин, которы были нагружены картошкой в мешках. Видел молодого мужчину, у которого были двое золотых часов новых, в объемности-окружности величиной с пол-литровую банку. Этот молодой человек натянул часы посредством скобочек на широкий солдатский ремень, перепоясался и полы костюма застегнул.

Видел на воле старого большого кота с черными угрюмыми глазами. На стене – большой моток ниток черных. Почему-то смотаны с катушек в моток . . .

Чувствовал – в правом кармане кем-то положено полно яиц. День среда, 29 июля 1981 года.

Сегодня провожал соседку, жену Ивана Хромого, на другое местожительство. На мне была средня одежда, я чувствовал себя бодрым-молодым. Где бы я ни ходил, мне попадались спешащие молодые военны мужчины.

Приключение: лежу на кухне, не сплю и не дремлю, слышу молодой женский голос: „Слава богу, утро, день!" День понедельник, 17 августа 1981 года.

Повстречался с женщинами. Они несут ржаной хлеб без корки – намазан сливочным маслом. И у меня такой же хлеб образовался в руках.

Зашел в баню, мне не дали помыться. Обратно выходил через маленькое окно. Отсюда попал в рабочу столову Беглова. Тут накормили мясным вволю, как на празднике. По случаю зарезали карего коня.

Видел шкив-ремень, идущий через маленькое окно стены. День пятница, 28 августа 1981 года.

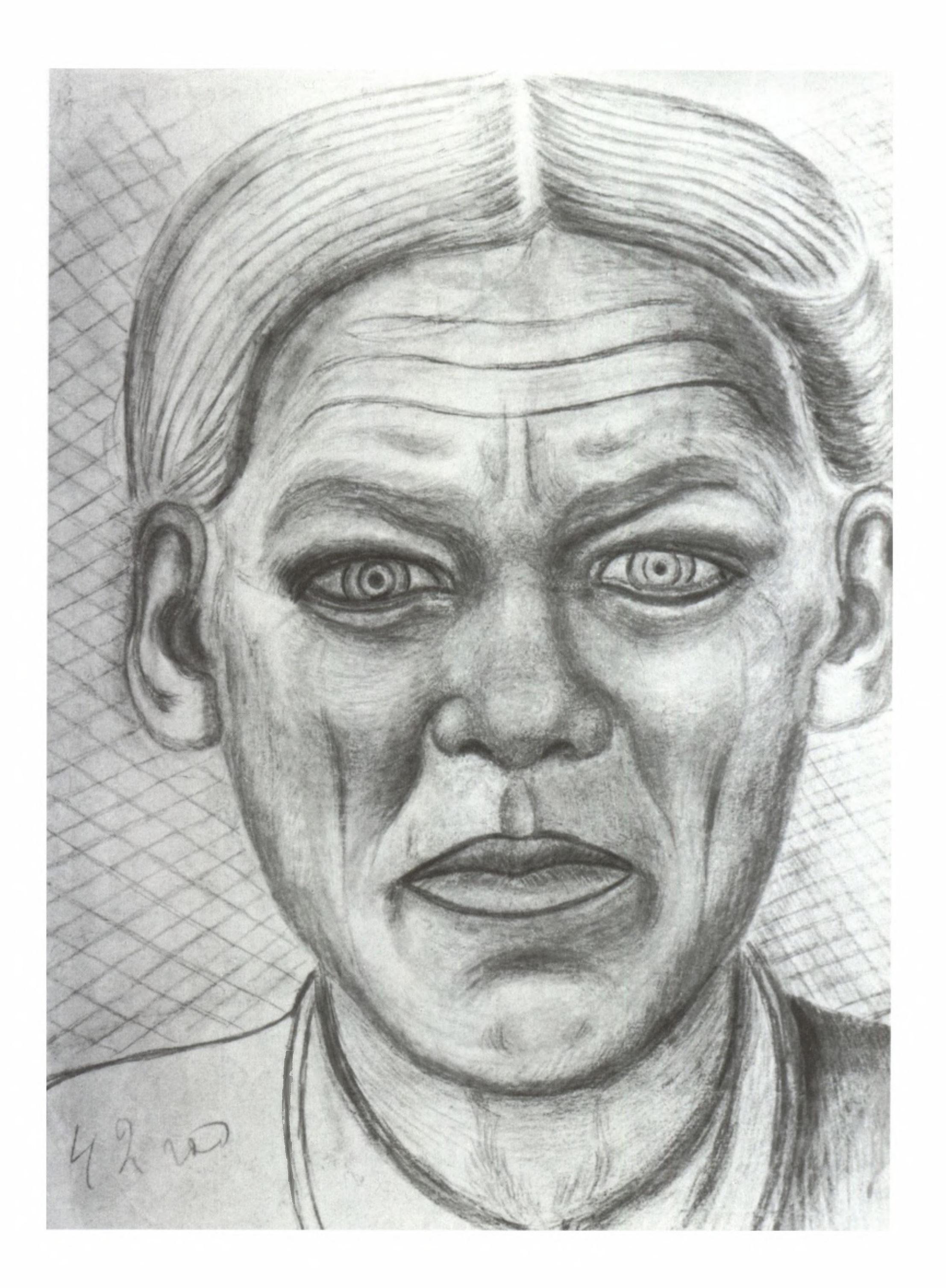
Портрет девочки.

Воспитать-вырастить нового
человека в наше время
не так просто, как это может
показаться тому, кто смотрит
со стороны.
Нужно прикладывать
всевозможные усилия,
прежде всего родителям
и, конечно,
учителям в школе.

4

Мужская фигура. Фрагмент.

„Нужно создать такие условия труда для народа, чтобы не было различия в жизни простых людей и „господ“. В этом и скрыт корень строительства дороги к лучшей жизни. Если соединить сознание простых людей и интеллигенции, можно создать все необходимое для жизни, сделать всех имущими и счастливыми. Но для этого нужны действительно образованны, преданны общему делу люди“.

„Тебя я вижу, какая ты есть,
так и должен начертить.
Важно схватить твою форму,
тогда и нарисую тебя
правильно. Ты никуда не уйдешь
от своей правды,
хотя можешь
захаманить мою работу“.

„Особы записи“, или Вещие сны художника

Видел свой образ скульптурный из металла. Ко мне приходила детвора, белила избушку, а избушка плохая. Кропал валенки. Видел огромну тигрицу с двумя детьми. Хотел сложить печь у Ивана Ноговицына, в его избе были одни стены из старых досок. День пятница, 23 июля 1981 года.

Хлеб, присыпанный речным песком, пасть маленького кита, полная гороха, суровые нитки, на ваших глазах превращающиеся в сырые и пушистые, а потом в шпагат, женская скульптура из черного материала, часы, тикающие в мужской голове, – не правда ли, знакомые селивановские образы? Они так и просятся в главу „Думы смутны“. . . Но эти „особы записи“ взяты из отдельной тетради Селиванова: несмотря на их фантастичность и благодаря лаконичной манере изложения, они воспринимаются как заметки из записной книжки. В любой из них есть основа для художественного воплощения, есть и прямые на то указания – „видел краски“, „видел свой образ“, „видел иллюстрации“. Не потому ли Селиванов назвал записи „особыми“? И если бы современный художник взялся проиллюстрировать эту главу, уверена, на бумаге возникла бы квинтэссенция селивановского мышления, отражающего его бытие.

„Вещими снами“ называю записи потому, что они сделаны однотипно, в духе маленьких отчетов автора перед собой – „сегодня видел во сне то-то“. А то, что явь и сон для Селиванова понятия условные, нам хорошо известно. И, конечно, на мысль о „вещих“ снах наводит заметка „Книга в красном переплете“, где в очередной раз читаем, что когда-нибудь обязательно будет существовать „очень интересна“ книга, в которую будет вписано его имя „как автора“.

Очень характерным эпизодом считаю видение черного самолета, низко летящего над Селивановым, – знак его „черного человека“, сопровождавшего художника всю жизнь.

Видел небольшую книжонку, на ней изображены две человеческих головы – хороши. Эта видимость промелькнула. День воскресенье, 22 февраля 1981 года.

Видел цветные журналы, на одном на обложке чей-то портрет. Также видел нову газету на столе около стены. День пятница, 27 февраля 1981 года.

Видел порядочно новых книг в каком-то помещении. Эти книги в очень хороших переплетах, полезны. Я отобрал три книги из стопы. Одна попалась с бракованными обложками, кто-то обрезал ножом с одного конца на самом сгибе. День среда, 4 февраля 1981 года.

Ночью видел молодую свинью, котора немного не откусила мне указательный палец правой руки. В каком-то месте видел открыту пасть маленького кита, в пасти полно гороха. День вторник, 10 марта 1981 года.

На какой-то вешалке посреди избы висело много суровых ниток. Они меняли вид. Из сухих превращались в сырые и пушисты, потом – в шпагат. Тут же видел скульптурну девку – как живую из какого-то черного материала . . . День четверг, 13 марта 1981 года.

Видел часы свои „Молнию“, которы дарены, стрелка показывала 12 часов. Рисовал замечательны портреты стариков. Цыплята прибежали в избу из стайки с улицы. Погода на воле стояла зимня. День воскресенье, 15 марта 1981 года.

Мерещился свой образ в самом натуральном виде, в хорошем освещении, где-то в избе . . . День пятница, 20 марта 1981 года.

В каком-то большом деревянном доме был. Сидел в первой половине на длинной старой лавке. Со мной рядом – пожилая жен-

щина, лицо которой я не рассматривал. Во второй половине избы на стене напротив меня виден портрет моей Варюши, который я дорабатываю. Портрет не закончен, но хорош. День четверг, 26 марта 1981 года.

Сидел мужик на русской печи, она заменяла ему хлебный магазин. Проходя мимо печи, взял за два раза четыре буханочки хлеба. И не наелся. Так оголодал. День среда, 22 апреля 1981 года.

Срисовал замечательный портрет молодой девки или женщины, осталось загрунтовать белилами леву сторону, чтобы не просвечивало. День среда, 22 апреля 1981 года.

Видел, как черный самолет медленно летел надо мной. После этого кто-то поставил на стол предо мной бутылку фиолетовых чернил. День четверг, 23 апреля 1981 года.

Без десяти минут в 12 ночи какая-то молодая женщина мне сказала-крикнула: „Егорович! Эй!“ Я ей в ответ: „Ну?“ В эту ночь украли кур. День пятница, 15 мая 1981 года.

С какой-то женщиной подошел к дороге, которая идет в гору. Женщина очень похожа на мою Варюшу. Стоим у обрыва в стороне от дороги. Обходить обрыв далеко. Против меня идет молодой мужчина. Он подал мне длинную руку и перетащил через обрыв. Мечтаю: обходи дорогу вдоль обрыва, а я пойду медленно по дороге, и мы с тобой встретимся. Мечты проговорил ей. День пятница, 22 мая 1981 года.

Стою в своей избе с женщиной, похожей на мою Варюшу. Мы смотрим через окно на бугор, на котором стоит изба Арсеньки Булгакова. Небо заволакивает быстро темнотой-тучей дождливой. И вдруг пошел сильный дождь. Промыло даже землю, и сделался ручей. Наша избушка зашаталась из стороны в сторону. Я говорю стоящей рядом женщине: „Ты слышишь?“ День четверг, 18 июня 1981 года.

Видел свой образ днем. День четверг, 18 июня 1981 года.

Соседка Аннушка стирала белье и во время стирки говорила мне: „Я тебе помогу картошку садить“. Я тоже стирал недалече от нее.

В 15 минут 6-го часа утра слышал звон будильника. Но у моих часов звонка нет. Причуда. С 19-го на 20-е июня 1981 года.

В большой черной курчавой мужской голове ходят часы – мерещится. С пригорка из-под какого-то теса текла чиста вода тонким слоем, как в нешироком ручье. День суббота, 20 июня 1981 года.

В одной избе стоял у порога. Мне было видно, как молода баба или девка одевала свою подружку в праздничное одеяние – под венец. День понедельник, 22 июня 1981 года.

Вечером был в магазине, продавец подала две булочки серого хлеба, да у меня был в сумке хлеб. Положил эти булки, стала полна сумка хлеба. И у продавщицы полно оставалось хлеба. И было много булочек. День воскресенье, 28 июня 1981 года.

Сегодня вечером в семь часов у Арсентия на проводе около столба сидела кукушка. Смотрела в сторону Ясной Поляны и на мою избу, и дальше. Прокуковала три раза. День понедельник, 29 июня 1981 года.

Видел портрет молодой женщины – рисунок, на книге или на вырезке газетной. Портрет – хорош. День среда, 22 июля 1981 года.

Из-под моего пригорка вышел к обвалу высокого роста мужчина – старый, как я. Похож на меня, только много выше и корпуснее. Этот старик осматривал мой высокий забор и дрова-костер. И вдруг исчез. Был неплохо одет – при головном уборе. Время было 35 1-го часа. День пятница, 31 июля 1981 года.

Видел себя в большом стекле. Такой, какой есть. Перед этим пел длинну песню. День пятница, 31 июля 1981 года.

В журнале каком-то видел хорошу иллюстрацию-картину. Изображен мужчина на поле летом. После сидел в школе с детворой на задней парте-скамейке. Мимо нас проходил седой мужчина-интеллигент. Утро. День суббота, 1 августа 1981 года.

На одной из стен большого помещения сделаны полки от пола до потолка. На полках – тетради наподобие моих. По этим тетрадям сверху вниз спускался лысый старый кот. Виделось это мне не сблизи, а несколько поодаль. День суббота, 1 августа 1981 года.

Промелькнуло в углу помещения много очень хорошего белого хлеба, а также серого. День понедельник, 3 августа 1981 года.

Где-то видел горящу плиту и русску печь. Еще видел на одном мужчине хороши валенки с отворотами и заплатами. Много видел хорошей стряпни на столе, а также блинов. День вторник, 4 августа 1981 года.

Молодой чернобрысый человек среднего роста и седой старик расценивали свои автопортреты. Портреты были хороши, но, по утверждению главного художника, у молодого портрет был с дефектом. Остальные смотрели на автопортреты и молчали.

Я стоял у двери и тоже молчал. Слушал, что говорили эти большие мастера. Один молодой, другой старый.

Откуда-то вдруг взялось много настриженных волос, а там, где я стоял, много сухой грязи. Почему у меня на груди образовался молоденький черный котенок?Откуда взялось около меня порядочно людей? Все они смотрели на меня, как на особу фигуру. День пятница, 7 августа 1981 года.

Подошел к железной дороге. Стоит огромный сарай, в нем много наколотых дров.

Вышел на шоссейну дорогу. Вижу множество книг, не новых, но хороших. Книги прибирают девки, и я стал им помогать. Обложки книг неважны, слабы. День среда, 12 августа 1981 года.

Натирал мылом пол почти чистый. Молодая белобрыса деваха его смывала. В другом помещении увидел интересну подстриженну свинью, зашел в третье – мной интересовалась средних лет женщина. День четверг, 13 августа 1981 года.

Как бы от Аксенова получил письмо, Расклеил, вытащил. Смотрю – одна бумага бела.

Мимоходом много краски видел в больших необычных тюбиках. Преобладает красная. Вся эта краска художественная. Какой-то молодой мужчина предлагал мне ее постороожить, без ответственности за количество тюбиков. Не состоялась договоренность. День пятница, 14 августа.

Довелось ехать на поезде, состоящем из трех вагончиков. Пассажиром я был один. Слева пристроена стайка, в которой до отказа накладено дров. Дрова постепенно загорались, и образовался сильный огонь. День понедельник, 17 августа 1981 года.

Сижу в раздумье. Вдруг открывает дверь необычайный, белобрысый, молодой. Рост его высок, таких не видел. Видно, не простой. Он сел на лавку, глядит на образ мой, мечтает, о чем-то размышляя . . . В одну минуту я очутился на ровной площади. Подошел к столу-прилавку. Огляделся я кругом: *идут чины военны, ордена-медали и знаки разны по отличью у каждого из них. Они подходили все ближе-ближе к фигуре старой личности моей. И каждый головной убор старался предо мною снять.* Зачем? Ведь я нечинный. Простой обыкновенный и ростом ниже всех чинов военных. Как говорится, можно приписать к калеке жизни.

Вот я в другой избе. На столе чайник, кипит ключом вода от электропроводки. Окружен я какой-то рьяной молодежью. День четверг, 20 августа 1981 года.

Видел железну дорогу, яйца россыпью около нее. Повстречались пионерки-школьницы. Какая-то женщина подала ленточку бумажну подобно телеграммной, в ней упоминались мировые имена: Толстой, Ленин. И еще сказано, могу ли я участвовать в выборах. День воскресенье, 23 августа 1981 года.

Видел порядочно молодых мужчин, они белобрысы, но одеяние на них черно-сине. Они дрались насмерть. Минуя их, подошел к горе снега, котора под линией железной дороги. Идут две молодые женщины. Гонят корову черну. Говорят: „Корова застрянет". – „Не бойтесь, не застрянет. Нас трое, вытащим". День понедельник, 24 августа 1981 года.

Шел в тапочках по мелко выпавшему снегу и ел снег. В одном месте была видна порядочна с погнувшимися колпачками печь. В избе из большой печи сильно било пламя с двух сторон.

Видел четверо настенных часов, все почти новы, но циферблаты разны и по-разному идут. Самые большие с четырьмя маленькими циферблатами. Стрелки мало заметны. Общий циферблат – коричневый. А еще одни с минутными

стрелками, которые быстро идут. День среда, 26 августа 1981 года.

Стоял сбоку какой-то машины и ехал по зигзагообразной дороге. Видел корпус голубой легковой машины Лорки-соседки, но машина показалась мне великоватой . . .

На столе видел новы воронены часы-будильник, цифры позолочены. Показывают 12.

Мужик в легкой ситцевой рубахе стоял на воле. День четверг, 27 августа 1981 года.

Встретил много люда, выходящего с общего собрания из одного дома. Весь народ в праздничном одеянии, кто-то сказал кому-то: „Деньги будут золотые". Когда? День пятница, 28 августа 1981 года.

Коровы не видел, но видел вымя. Видел, как сочится молоко . . . Спускался с горы с какой-то женщиной. Спустился на равнину, а женщина отстала и исчезла . . . Откуда-то взялся у меня сноп злаков. Предстояло проходить мимо молодой же-

нщины чернобрысой, она была не одна, а с дитенком. День воскресенье, 30 августа 1981 года.

Шел по сжатому полю, видел порядочно крупных цыплят, они клюют паутину со сжатых стеблей. . . Видел себя без головного убора, волосы у меня стали срыжа. День понедельник, 31 августа 1981 года.

В огромных рубленых сараях порядочно солдатни, пожилых и молодых. Кушали серы хлебны сухари, и я с ними собирал крошки, тоже кушал. У одного солдата был сзади на штанах запасник подобно большому карману, в запаснике у него хранилось три батона. Выйдя из сарая, я пошел по железной дороге с одним солдатом. На нас набегает поезд. Пришлось ложиться между рельсами, как бы в специально выкопанную яму. Из военных только у меня была стара винтовка-ружье. День вторник, 1 сентября 1981 года.

Подбежала ко мне легавая большая каре-темной масти собака, глядела на меня умными глазами. День четверг, 10 сентября 1981 года.

Поехал в Архангельск торговать луком. В одной избе видел часы, как мои – „Молния“. Видел своих годков, которы ухорашивают свою землю. День понедельник, 14 сентября 1981 года.

В избе стоит большая четырехугольна печь, в ней очень хорошо горит топливо. Я что-то поджаривал и варил. Выйдя на минутку на волю, увидел молодых женщин, одна – белобрыса, невысока-беременна. Они пришли к кирпичной стене-витрине и стали что-то читать. Вернулся в помещение, уселся на ступеньки, которы ведут в подвал. Вижу вместо потолка разноцветно небо: первые темные облака, за ними – голубые, третьи – светлы. День четверг, 3 сентября 1981 года.

Видел три курины гнезда-клетки, сделанные человеком, в гнездах по несколько цыплят, похожих на дитенков женщин. Причем некоторые – с очками-пенсне. Такими они были рождены. По моей вине у одного цыпленка-дитенка выпало стекло. Зачем я его брал в руки? Это стекло разбилось, значит, цыпленок остался полуслепым. День суббота, 16 мая 1981 года.

Был у большой гряды, она погибает из-за нерадивого ухода хозяев. Слышал слова молодой женщины: „У меня есть племянник, работает летчиком. Он может привезти семян“. Я подумал, что нужно приложить усилия. Я обратился к этой женщине и к своим знакомым: нужно немедленно вскопать гряду, засеять морковью и поливать ее. Будет хороший урожай. День среда, 7 июля 1982 года.

Ухаживал за яблонями, в конце работы подошел ко мне чернобрысый мальчик-школьник со свертком в руках. Он долго смотрел на меня, я понял, что ему было нужно передать кому-то этот сверток. Я дал согласие и отнес его по назначению. День пятница, 9 июля 1982 года. В этот день был на суде.

Сегодня, в воскресенье, 11 июля, забыл ключ от английского замка. Он запирается сам собой. Поэтому над моей головушкой нависла печаль. Пошел к Булгакову-соседу за помощью, он это дело исправил безотказно. День воскресенье, 11 июля 1982 года.

Подошел ко мне молодой мужик и подал винтовку: проверь, как работает. Я тут же проверил – винтовка работает хорошо. Разошлись: я пошел с винтовкой по сторожевым постам, как бригадир. День среда. 14 июля 1982 года.

Убил черного большого медведя на равнине. У него нос какой-то особый – необычный. По воле военных властей меня мобилизовали-забрали на военны работы грузчиком, к которым я вообще негоден. День пятница, 16 июля 1982 года.

Кто-то где-то в незнакомом помещении сделал-сложил большой кафельный очаг, но внутри не обработал. Пришлось внутреннюю часть очага с какими-то молодыми мужчинами обрабатывать мне. День суббота, 17 июля 1982 года.

Селение, в котором я родился, жил и живу, обросло мелким лесом подобно кустарнику. Моя избушка со стороны улицы-дороги мало видна, а если кто идет и спешит, то такой человек не замечает. Я слышу голоса идущих: „Всех выселяют из нашей деревни . . . Куда? Таков приказ правительства вре-

мен царизма – до 1917 года“. День воскресенье, 18 июля 1982 года.

В большом казенном помещении видел пайки серого хлеба, они лежали друг от друга с метр. В углу около стены лежал Елькин, укрывшись старой фуфайкой. Он мне предлагает последить-посмотреть за чьими-то лошадьми, я его слова нерадиво принимал.

Около самых моих ног была серопестра кошка, как моя, и большой бусый кот. День вторник, 20 июля 1982 года.

Бежал в валенках возле ограды по песку. Ремонтировал угол крыши с Павликом Захаровым. Слез с крыши, зашел во двор дома, увидел, что хозяин молодой имеет трех темно-карих лошадей – молодых, хороших. Зашел в одну конуру – смотрят на меня два щененка и их мать. Отсюда путь продолжаю. Зашел на дорожку промежду двух оград: цыгане-пацаны копают траншею под проводом. Вижу взрослых цыган; уселись в кружки – ноги калачиком. О чем-то толкуют . . . Почва-грунт, на котором сидят, глина.

Следую дальше по неведомой дороге – окраина города или селения. Вижу, на обочине дороги нарисованы пацаны-детвора, да много. Тут же рядом все они стоят в натуральной форме-виде. День суббота, 24 июля 1982 года.

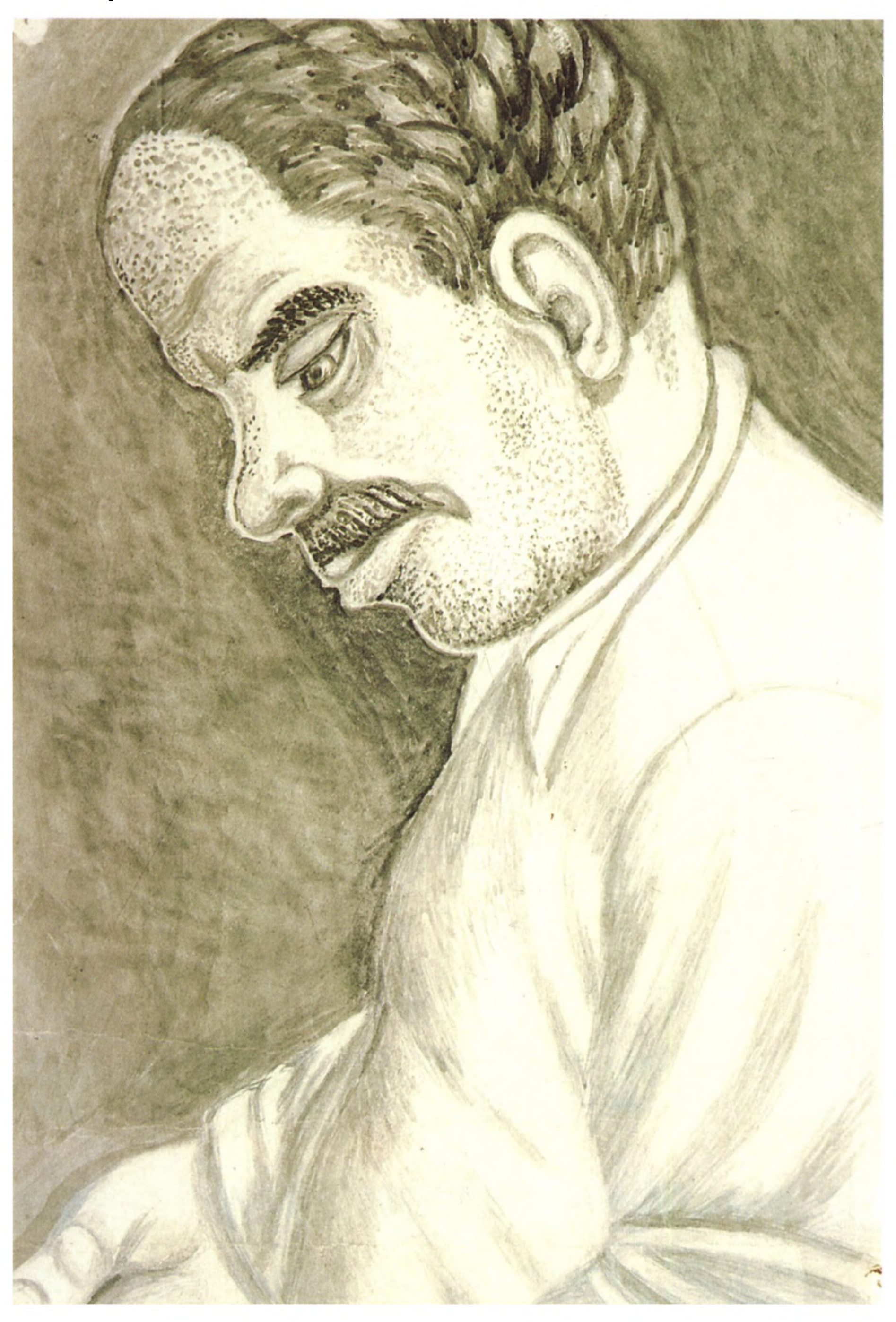
Перебирал ведро угля и ведро картошки. В том, где уголь, видел много вороненых маленьких часов. День понедельник, 26 июля 1982 года.

КНИГА В КРАСНОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

Видел в казенном помещении молодого мужчину, читающего толстую книгу в красном переплете. Он предлагает окружающим почитать ее, так как ему некогда. Книга очень интересна, и в нее вписано мое имя, как автора.

Где-то пел про море . . . День четверг, 10 сентября 1981 года.

Отец Тахира.

Портрет девочки.

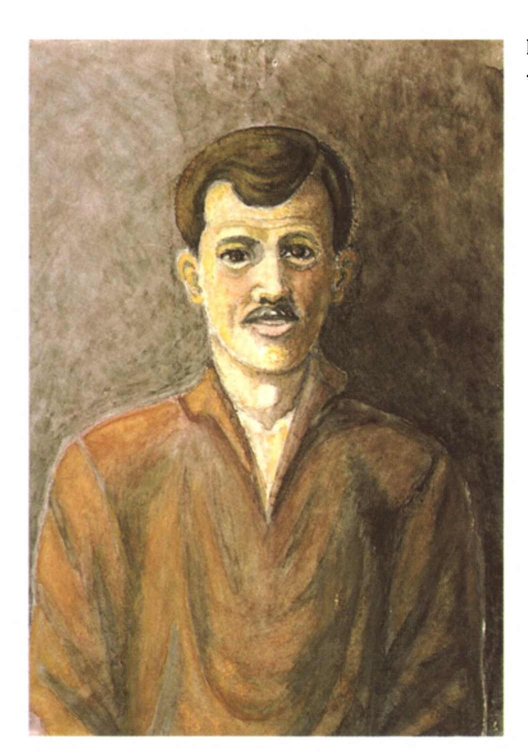

Рисунок к кинофильму „Неуловимые мстители“.

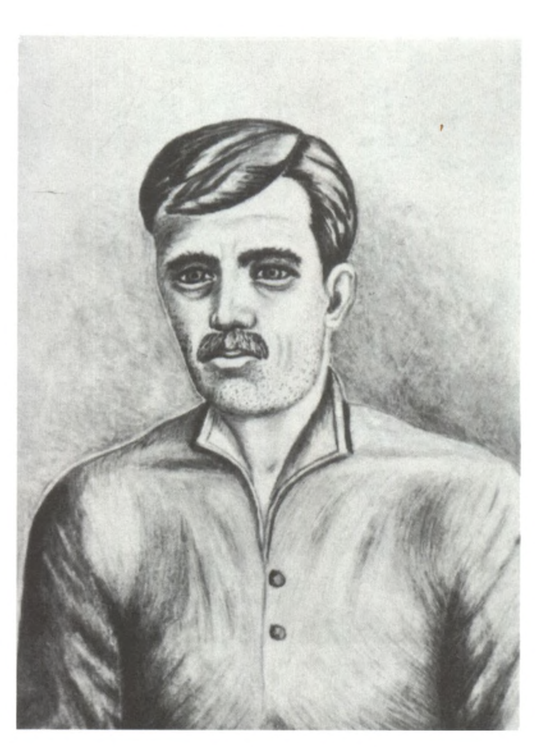

Рисунок к кинофильму „Железный поток“.

Женский портрет.

Работница торговли
г. Прокопьевска.

Лань.

Куры.

Обезьяна.

Курица.

„Записки из Мертвого дома. Ф. М. Достоевский“, или „Счастье, где ты есть?“

Все нарождается, цветет

и умирает. Это есть закон

природы. Его никто

не может изменить,

как только сама природа.

Эту главу можно было назвать „Мысли о смерти". Впереди художника ждали несколько лет жизни, но он уже подводил итоги. „Зачем я живу и зачем я страдаю" – кто из живших на земле дал ответ на этот вопрос? Федор Михайлович Достоевский, название романа которого было написано на этой селивановской тетради? . .

„Мертвым домом" называет Иван Егорович свою одинокую „лачужку", „Думы стары" не дают покоя, и из сердца, переполненного страданием, вырывается вопль отчаянья: „Все овеяно тьмой! Непонятным кошмаром!!! Зачем я живу и все подобны мне простофили?" Среди записей найдем много мудрых высказываний о смысле жизни, об уважительном отношении к предкам, о взаимосвязи всего сущего на земле. Встретим зарисовки о лютой сибирской зиме, которая „до костей пробирает" художника в его домишке, и поэтически-возвышенные сказания о природе, силу которой „никто не поборет". Стрелы селивановской иронии пущены против пустозвонных плакатов и лозунгов времени, в котором он жил.

Все говорит о том, что, несмотря ни на что, человек силен умом и талантом, знает себе цену и уверен в своих силах. „Считаю за счастье быть независимым от других". Но о каких это „корнях убожества", которые не удалось выдрать из подобных ему людей „искусным мастерам слова", ведет речь художник? О какой зависимости и подчиненности „надземным пророкам – большим господам земной коры" твердит?

Все объясняется просто: Селиванов причисляет себя к многотысячному отряду „простолюдинов", „простофиль", „нищих", внутренне не соглашаясь с этим. Он называет себя „изуродованным человеком", а в глубине души знает, что он „человек духовный", а значит, принадлежит к отряду „богатырей", сильнее которых нет никого на свете.

Пространную новеллу на эту тему, вызвавшую у меня ассоциацию с пьесой Леонида Андреева „Жизнь", я назвала „Триптих „Жизнь". Чтобы понять ее так, как следует, представьте небольшую полутемную кухню прокопьевской избушки: на теплой еще печной плите – доска, которая служит Селиванову постелью. Крошечный старик, одетый по-зимнему – в валенках, шапке, старом пиджаке и фуфайке, – сидит на постели и пишет эти строки.

Эта новелла также яркий пример диалогичности и многоголосия в тексте. Диалог Селиванова с его вторым Я обрывается на высокой ноте, и в разговор вступает автор, наблюдающий за разговором со стороны. Он не разделяет точку зрения Селиванова, собирающегося уехать в „неведомы края" из избушки в поиске лучшей доли, и не соглашается с Селивановым, привыкшим к унижениям, не пытающимся уже встать вровень со „светлыми учеными" людьми и всего-навсего „идущим-ползущим" к своей могиле. „У каждого правда своя, и в этом – вечна борьба между людьми", – философски заключает он, выдвигая неопровержимый аргумент, что могила сравняет всех.

Да, можно помыслить о прожитой жизни так. Но можно и иначе! „Жизнь на земле – это колесо, которое вечно вращается на своей оси. Одно нарождается, другое умирает", – настраиваясь на привычно возвышенную, оптимистичную ноту, пишет художник. Вывод прост и ясен: „Я дорогу по жизни своей кончаю и с гордостью смерть свою ожидаю". В этой второй картине представлений о жизни автором новеллы сделан решительный шаг к самому себе.

Но „рисует в уме" он и третью картину. Мысль о социальном неравенстве общества, в котором живет, о глубоком социальном расслоении гнетет старика постоянно. „Нищим родился – нищим помрешь", – постоянно твердил он, и разуверить его в том не удалось никому. Как не удалось никому убедить в том, что хороших людей на свете все же больше, чем плохих.

Мрачные и светлые мелодии селивановских откровений в постоянном единоборстве, но все же свет, оптимизм, надежда берут верх в этом человеке. „Пройдут времена, жизнь войдет в

нормальную колею, тогда вспомянут все народы, которы будут существовать на земле, про пройденны дороги, про тех, кто озарил путь к счастливой жизни наперед на многие времена". Дело за немногим, утверждает Иван Егорович: пока не поздно, нужно „выкорчевать жадность-алчность" в человеке.

Иду по извилистой дороге в незнакомых местах. Куда иду, зачем и что ищу? . . На горизонте – синева небес, и лес дремучий впирается в глаза мои. Мозги от старости тупеют каждую минуту, ведут они меня куда? Ведь я не знаю . . .

Иду-иду, ничего не замечаю. Тишина в просторах той природы, которая меня окружает. Ум и думы мои стары покою мне никогда не дают. Всю мою долгую жизнь куда-то ведут и толкают.

Боже, ты боже, зачем я страдаю!!! Чего я ищу в природе, в которой живу на белом свете? Гнусть беспокоит, грязь и вошь заедают порою-временем. Вершин благополучия я не вижу. Все овеяно тьмой! Непонятным кошмаром!!! Зачем я живу и все подобны мне простофили? Кто бы ответил-сказал мне на этот вопрос-слово, я бы остался доволен до смерти и гроба.

Считаю за счастье быть независимым от других, скушать ржаного хлеба с картошкою в очистках-мундирах и чуточку с солью, впримочку с водой. Пусть будет в избушке моей неуютно и грязно, это неважно. За важность считаю зимою в избушке моей тепло. Подобных мне стариков мужиков, баб молодых и старых старух – сколько угодно на всей земной коре . . .

Это воля-свобода издавна существует в народе. Обида нанесена этим людям другими . . . Корни убожества из этих людей не выдраны никакими искусными мастерами слова. Зависимы и подчинены мы все, как один, надземным пророкам – большим господам земной коры. День четверг, 14 октября 1982 года.

Сердце ноет мое, сердце порою сжимается! Зачем я на свете, проклятый, живу? . . Вижу только небо и землю, как пресмыкающийся, шевелюсь и брожу по земле. Люди мечтают: „Это тень и фигура лесная. Это отродок лесных дикарей". Только осталось выпить смертельного яда стакан и . . . навечно уснуть. Такой я, наверно, родился, несчастным таким и должен умереть. Отрада моя: смерть, гроб и кладбище. Больше и дальше ничего я не жду.

Мы идем к одной цели – достичь лучшей жизни. Идет вечная и бесконечная борьба, где бы мы ни жили. Единой цели не достигнем, пока не уничтожим алчность-жадность в человеке. Мы не должны успокаиваться на достигнутом, на том лучшем, что есть у нас на сегодняшний день. День среда, 17 ноября 1982 года.

Маленькая группа людей государственные законы не может изменить – они изменятся только с изменением общественной жизни. Закон несет правду о своем времени.

У каждого общества свои законы. Будь любезен подчиняться законам своего общества, в котором вы проживаете. День воскресенье, 28 ноября 1982 года.

Как скучно бывает мне временами в лачуге деревянной, гнилой! Скучают люди, подобные мне, где-то за горизонтом моим неведомым. Все омрачено зимой суровой. Мороз не дает пощады никому, хоть умри! Особенно братии, подобной мне. Как скучно, как грустно в пору ночную! Мороз пробивается в щели лачуги моей, что делать?

Представить картину жизни я не могу. Все передумано мной о себе. Сжимаюсь от холода в своей лачуге-избушке в пору ночную. Я стал стар и худой, книзу расту. *Земля горбит меня ежедневно, и какая же смерть ожидает меня с минуты на минуту? Зачем я существую на земле, на бугре, в избушке? Зачем я белый свет копчу? Кому я нужен? Как скучно, как грустно в зимнюю пору ночную в лачуге.* Ох! От холода горблюсь. Сказал бы про горе свое, но кому? День пятница, 3 декабря 1982 года.

Из уст излились великие слова: свобода, братство, равенство. Кто-то где-то когда-то сказал-написал их. Они потрясли всех рабочих и крестьян, и всех калек, и всю нищету.

В этих словах вся жизнь народна заключается для тех, кто живет справедливым трудом . . . И каждый из нас восторгается этими грандиозными словами.

Кому – свобода, братство, равенство, кому – решетки и замки. Кто к чему идет-ползет и кто чего добивается. День среда, 15 декабря 1982 года.

Зима границ, наверно, не имеет, а если да, то многие не знают, где они? Скучна, сурова бывает зима, когда ветры сильные бушуют: над землей и над лесами, над широкими полями, над городами-деревнями. На все бывает время, затихают ветры и ураганы. Затишье наступает. Из домов и лачуг с трудом выходят люди. В глаза впираются им сугробы снега. Немало принесли ущерба ветры и ураганы. Со многих домов снесло крыши и поломало трубы. Это только то, что видим мы, а что за нашими глазами-горизонтами? Может быть, засыпало снегами многие деревенские лачуги с людьми? Ничего мы не видим, ничего мы не знаем.

Никогда ни от кого я помощи не ждал – ни большой, ни маленькой. Считаю, что подобны мне люди чуть не все нищи. Еле дышим – от аванса до получки. Не умеем работать на «отлично», поэтому по-нищенски живем. В этом и гвоздь забит. Как познанья найти в труде? День воскресенье, 16 января 1983 года.

Писатели и поэты, литераторы! Лирики особые! Под веселу музу гармониста плясали, танцевали, пели! Вы все старались, как один человек, превосходство взять над одним мировым певцом – Шаляпиным. Вы не могли читать-петь свои произведения, как ваши песни пел-читал мировой певец Шаляпин. При пенье песен Шаляпиным гасли люстры в театрах. Восхищались слушатели-люди в театрах голосом его. Это было не так уж давно, может, столетье одно лишь прошло, а может, больше немножко. В поколеньях людских этот срок невелик. Люди гордились собратом своим, он был выходец из простых мужиков. Работал грузчиком на волжских пристанях. Не забудут долго российски народы, а также американски, певца мирового. Из поколенья в поколенье будут почитать его. День понедельник, 17 января 1983 года.

С высоты сегодняшнего дня смотрим на пройденны дороги. Вспоминаем лучших предков наших. Бывают грустны дни и времена в нашей жизни. Окружает нас на дворе ненастная погода. В летнее время дождь идет, с шумом ветра, а зимою полыхает буран со свистом. Скука, грусть на немногих нападает, но все одно в сердцах людских не то, что в ясную погоду.

Если делать нечего тебе в избе в ненастную погоду, ложись на постель, спой песню веселу, коль знаешь такую . . . И если имеешь жену молодую, утешай-утешай песней душу свою и жены своей молодой. День среда, 19 января 1983 года.

Где бы человек ни жил, он обязан любить и уважать свой труд, ибо это закон жизни. *Человек создан природой ради жизни, поэтому мы должны облагораживать своим трудом все, что окружает нас. Сделанное нашими предками издревле, с незапамятных времен, не должно забываться нами. Запомни, мой читатель, что ты родился не сам собой. Люби других, как сам себя, как любила мать с рождения тебя.* День четверг, 27 января 1983 года.

Сознательность человека определяется духовным содержанием и во многом зависит от инстинкта человека. Инстинкт – это действующая сила нашей мозговой системы. Человек способен создавать все необходимое для личной жизни. Только тогда в его руках появится самое настоящее богатство.

Нам нужно запомнить несколько заповедей: иметь трудолюбие, заниматься делом, к которому способны, работать только на „отлично“, чтобы в нашем труде нуждались все. В этом и проявится наша сознательность, в этом будет заключаться наша радость, это и будет называться достижением вершин жизни. День пятница, 28 января 1983 года.

Идем мы на подвиги, идем к вершине своей жизни сегодня на закате дня. Думаем о лучшем завтра. Так думали в свое время наши отцы-матери, деды и бабушки. Так будет и впредь. Думы ваши! Думы наши! Забиты нуждой, залиты слезами! Не могу обсказать я всего, что творится на свете . . . День воскресенье, 30 января 1983 года.

Над землей воздушные просторы. Видны разные облака и беспечна вечна синева! Везде-повсюду люди видят такое над собой. Воздушные просторы неизмеримы, измерить их никому нельзя. Значит, это невозможно, вселенна велика! Пытаются ученые вселенную изучить. Цели добиваются своей.

Что получается из этого? . . Драгоценностей из воздуха не взять. Побывали люди на луне, что они с нее взяли-привезли? . . Я не возражаю – ученым вселенную изучать, но думаю, ученым из вселенной мудры мысли не изъять. Туманы не раздвинулись перед глазами ученых, и никакие подзорны трубы не помогают вселенну рассмотреть-изучить. Настоящей драгоценности из вселенной ученым никогда не вывезти•.

ЛЮДИ В КАНДАЛАХ••

Зайдите на крутой высокий берег. Перед вами горизонт расширится. Вы будете любоваться тем, что видите. В минуту вашего размышления из-за горизонта покажется огромная масса людей-народа. Эти люди закованы в кандалы и еле-еле двигаются, куда? Ваша мозговая система при видении данной живой реальной картины потеряла бы сразу равновесие по воле вашего сердца. Вы бы подумали: что такое? Куда деваться, куда бежать? От такой огромной массы людей, закованных в кандалы? Каких только нет людей в этом человеческом море . . . За что они закованы в железны кандалы? . . Спросил бы я от сердца у каждого из них. Нельзя закон нарушать, нельзя к ним подойти.

ТРИПТИХ „ЖИЗНЬ“

Сижу на печке – на теплой плите, на доске, прессованной из щепок, котора сроблена, не знаю где. Пишу слова на сей бумаге рукой я старой по воле своего разума-ума. Смотрю на стены стары маленькой кухни, вожу умом по всей избе, по всей лачуге, в которой давно живу. На небольшом бугре, на дальней чужой стороне. Судьба закинула сюда меня и мою жену в расцвете полной силы, и здесь мы постарели.

Жена моя давно спокинула меня, давно уж умерла. Бывало время в моей жизни – скучал подолгу я. „Забросил бы, спокинул бы старую лачужку, уехал бы в неведомы края, где еще не была твоя нога“, – мой разум-мысли рассуждает со мною временем своим-порою. „Не смей трогаться из своей избушки-лачужки, ты испытал в свои младые годы все! Хорошего не видел ничего, но дурное-пошлое встречал ты ежедневно. Ты здесь на бугре в избушке-лачужке плохо живешь, порой как нищий. Каждому ты угождаешь в чем-то, и в этом обида твоя. Такой уж родился иль так воспитался сам ты собою среди людей. По белому свету

долго ты скитался! И много видал разных людей. Хороших встречал единицы, а больше прохвостов и разных мошенников, так разве возможно мне быть человеком, равным другим, справедливым и светлым ученым, подобным солнцу, которое на небесах с неведомых пор?!“

У каждого – правда своя, и в этом – вечна борьба людей. Говорить я гордо с людьми не могу, потому что я правды в себе своей не найду. Дорога пройдена моя по жизни. Пусть будет так, картину представляю себе в уме. На кладбище копают могилы могильщики в рабочее время свое. Они любят работу свою так же, как любят творцы красоту создавать, но все равно к тем и к другим смерть подкрадывается. Не минует она никого.

Представляю в уме я картину иную. Жизнь на земле – это колесо, которое вечно вращается на своей оси. Одно нарождается, другое умирает. Я дорогу по жизни своей кончаю и с гордостью смерть свою ожидаю. Не могу я понять, зачем человек человека гнетет смертельно к земле? Зачем кошмар существует? И кто является создателем грязной-пошлой жизни?

Рисую в уме я картину третью. Образованные люди, которые имеют капиталы большие в своих руках, покупают всех бедных людей за несчастные горьки копейки. Нужда заставляет людей продаваться, чтоб голодной холодной смертью не сдохнуть. Поэтому многие кошмарной жизни предпочтут мгновенну смерть. Лучше умереть неожиданно, чем жить в неволе, служить владельцам крупного капитала, которы с неведомых пор живут, как при коммунизме. Они владыки мира, и земли, и всех нищих!

Что делать будут народы мира, как решат судьбу свою?! Задача трудна. Нам нужно, пока не поздно, подготовить поколения людские, выкорчевать жадность-алчность в человеке. Пройдут времена, жизнь человека войдет в нормальную колею, тогда вспомянут все народы, которы будут существовать на земле, про пройденны дороги, про тех, кто озарил путь к счастливой жизни наперед на многие времена. День среда, 1 декабря 1982 года.

ОБРАЩЕНИЕ К НИЩЕЙ БРАТИИ С ЭКРАНА ТЕЛЕВИЗОРА**

Я рожден самой природой лесов Архангельской губернии Шенкурского уезда – в деревне Васильевской моей матерью Татьяной Егоровной из сословия нищих. Всю жизнь не корыствуясь на чужое добро, я прекрасно пони-

маю, что такое человек, его труд, для чего человек живет. Самое главное – всем нам, людям, надо знать и осознавать, кто нас окружает, под чьей зависимостью находимся и как с этим бороться. Если человек ничего не хочет знать, он коварный, злой, как зверь. Таких людей-зверей множество, они умышленно тормозят прокладывание дороги к лучшему будущему.

К таким людям относятся все хамы и воры прошлого времени и настоящего. Большинство их находится на ответственных постах. И все они прикрываются ширмой честности своей личности. Все стоят один за одного, как крепость. А крепость эту создали для своих интересов, до остальных людей им дела нет. Пусть вечно нищими живут!

Препоны нищеты человечеству не порвать, если хам хама будет менять на государственных постах. Прогрессивные деятели, сменяя друг друга, издавна боролись за хорошую отличительную жизнь человечества. Но их помыслы-планы остались на бумаге и в книгах без действия. Их вспоминают, их хвалят эти же хамы, про которых я только что говорил, а делать продолжают свое. Имена прогрессивных людей – ширма для врагов народа.

Не вижу надобности идти в глубь общественных наук. Всякие разговоры, не связанные с практической жизнью человека, пусты. Это относится и к моим разговорам здесь. Значит, и я болтун, много нелепости и бессмыслицы наговорил. И разговоры мои не оправдывают потерянного времени. Но надеюсь, что действительно образованны люди с большой буквы, может, что и поймут в моей писанине.

Ни один высокий господин не запустит к себе во двор нищего и не будет с ним разговаривать. Не говоря о том, чтобы подать кусок ржаного хлеба. А если высокий господин сядет за один стол с нищим и будет хлебать из одной чашки скромную похлебку, налитую кухаркой-бабой-крестьянкой, то все человечество мира засмеется и заторжествует. Такого, конечно, не будет.

Летите, летите, мысли мои! По всем уголкам нашей земли! Мысли мои – это слова мои. Вся нищета – моя братия, я с вами сейчас по экрану говорю. С каждым часом убывает из нашего строя. Сегодня мы дышим не так уже свободно. В подозренье находимся мы у других. Нас не считают за настоящих людей. Обижены мы и можем открыто сказать о своей обиде в последний свой час. Ветру на воле.

Мэри Моисеевна, сходите с этой писаниной к главному законодателю города Кемерова, возьмите у него разрешение на прочтение с экрана телевидения. Если законодатель откажет, то будем сидеть у экрана, как пешки-куклы, бездействующие люди. Такое нежелательно, так как это произведение имеет политический смысл.

Все руководители печати Кемерова узкомасштабны, их не знают в стране. По важным литературным вопросам к ним обращаться нечего, они не знают закона о выпуске литературы ни по какой линии познания. Думаю, законодатель разрешит нам читать эту писанину с экрана. Опасного и вредного тут ничего нет ни для руководителей государства, ни для самого народа в целом. А экран для нас, для народа построен. Селиванов И. Е. 24 марта 1981 года.

Рисунок к кинофильму „Журналист“.

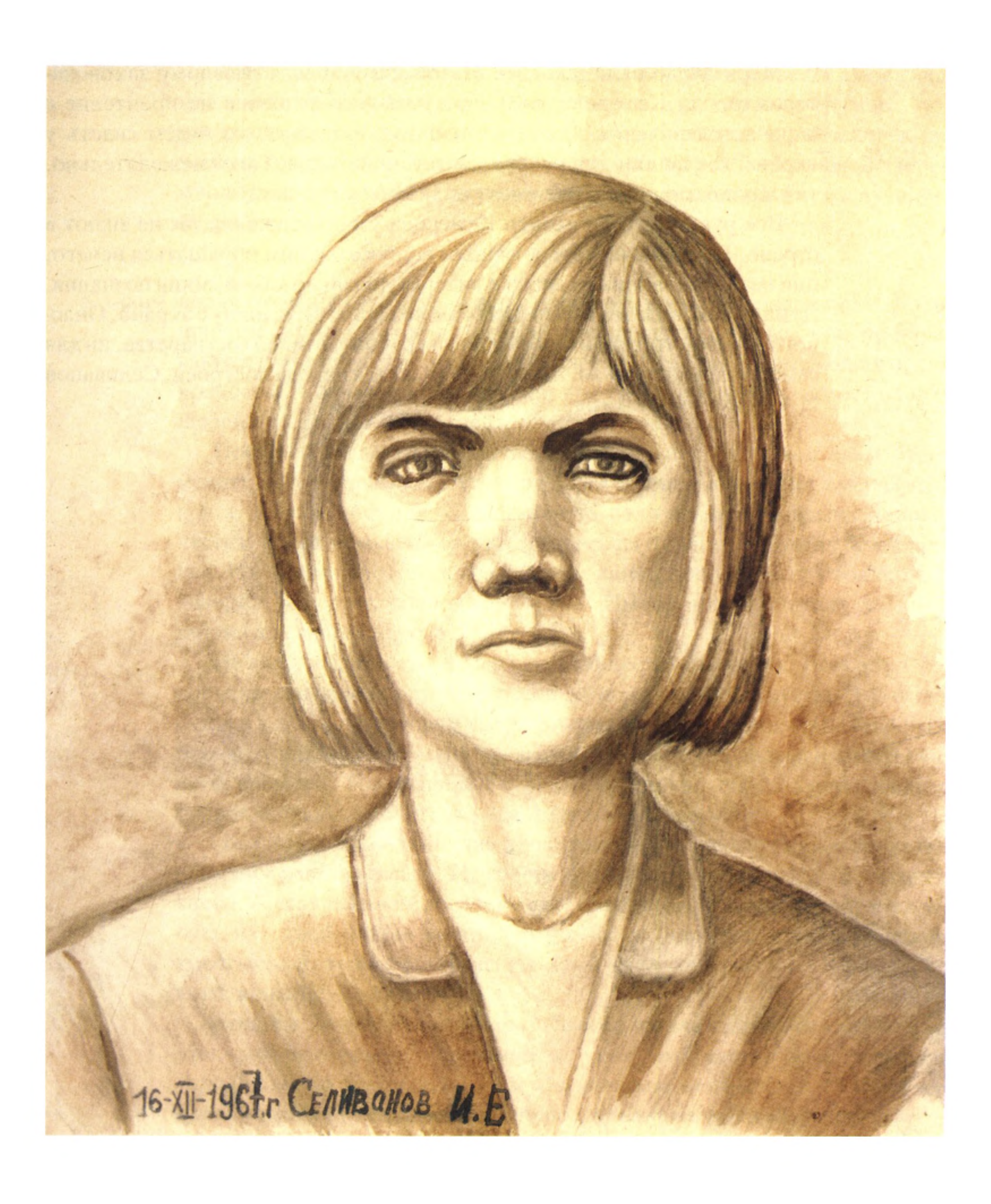

Рисунок к кинофильму „Сильные духом“.
Портрет полковника Дмитрия Николаевича.

Рисунок к кинофильму „Сильные духом“. Валя.

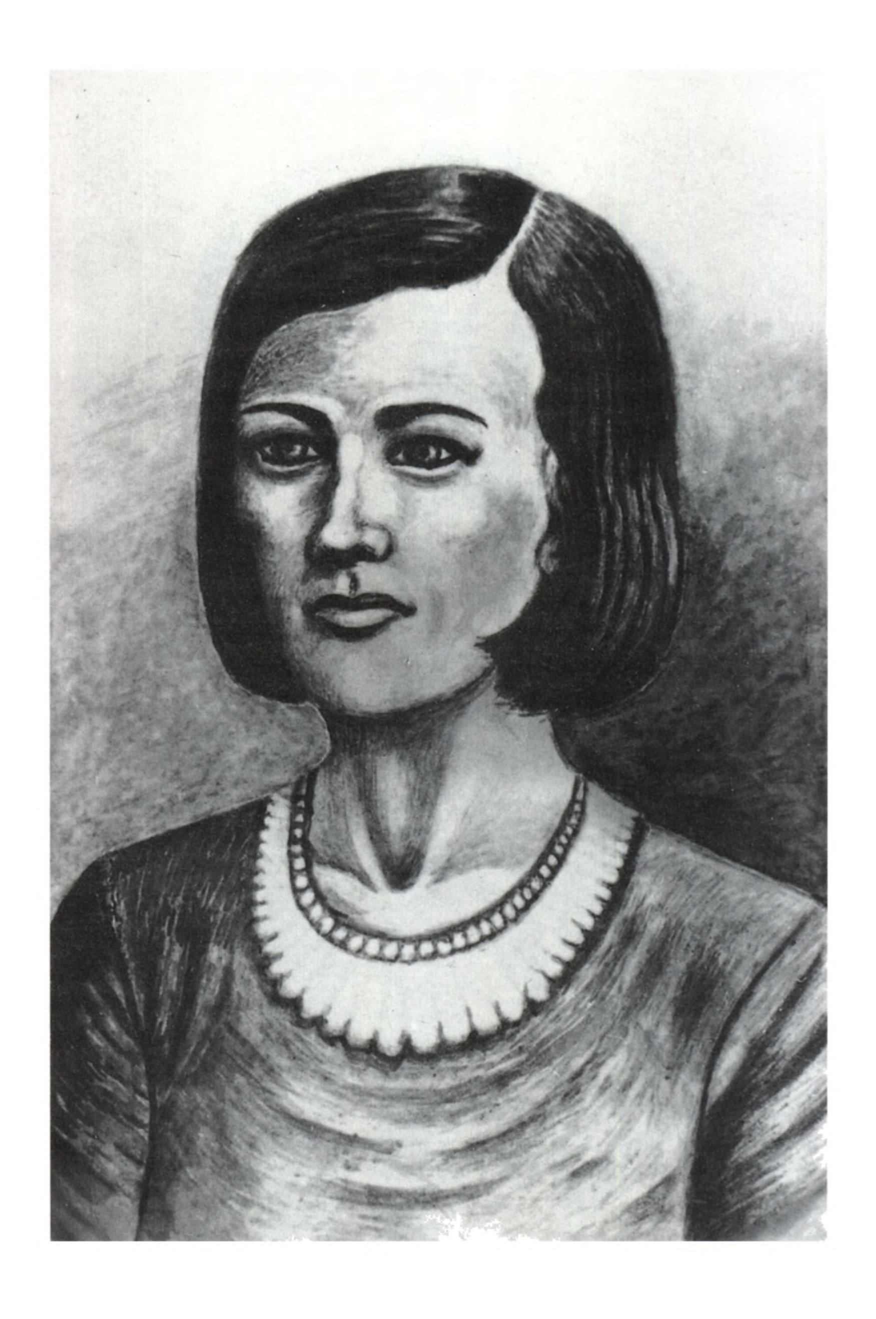
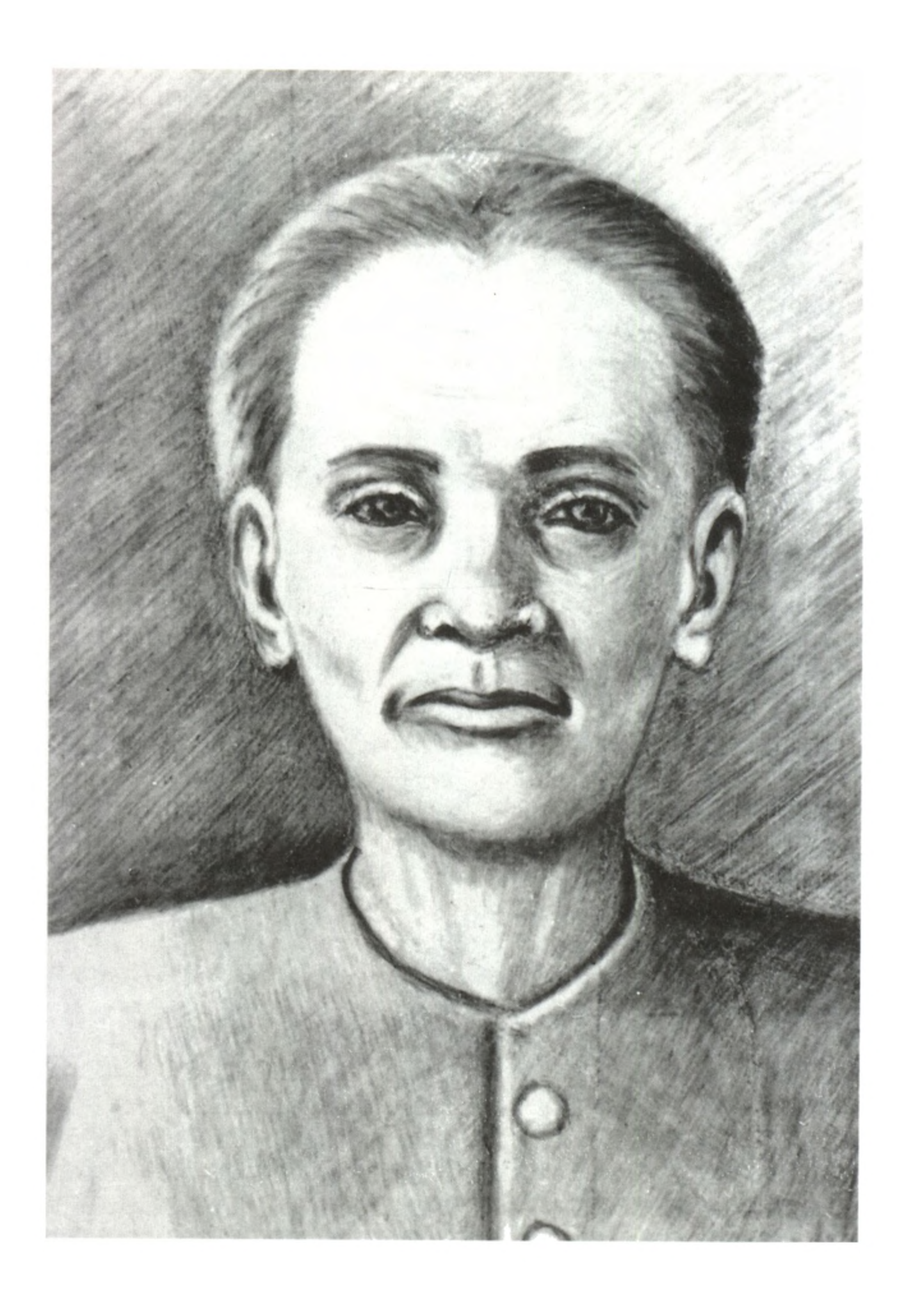

Рисунок к кинофильму „Сильные духом“.

Портрет А. Н. Акузиной.

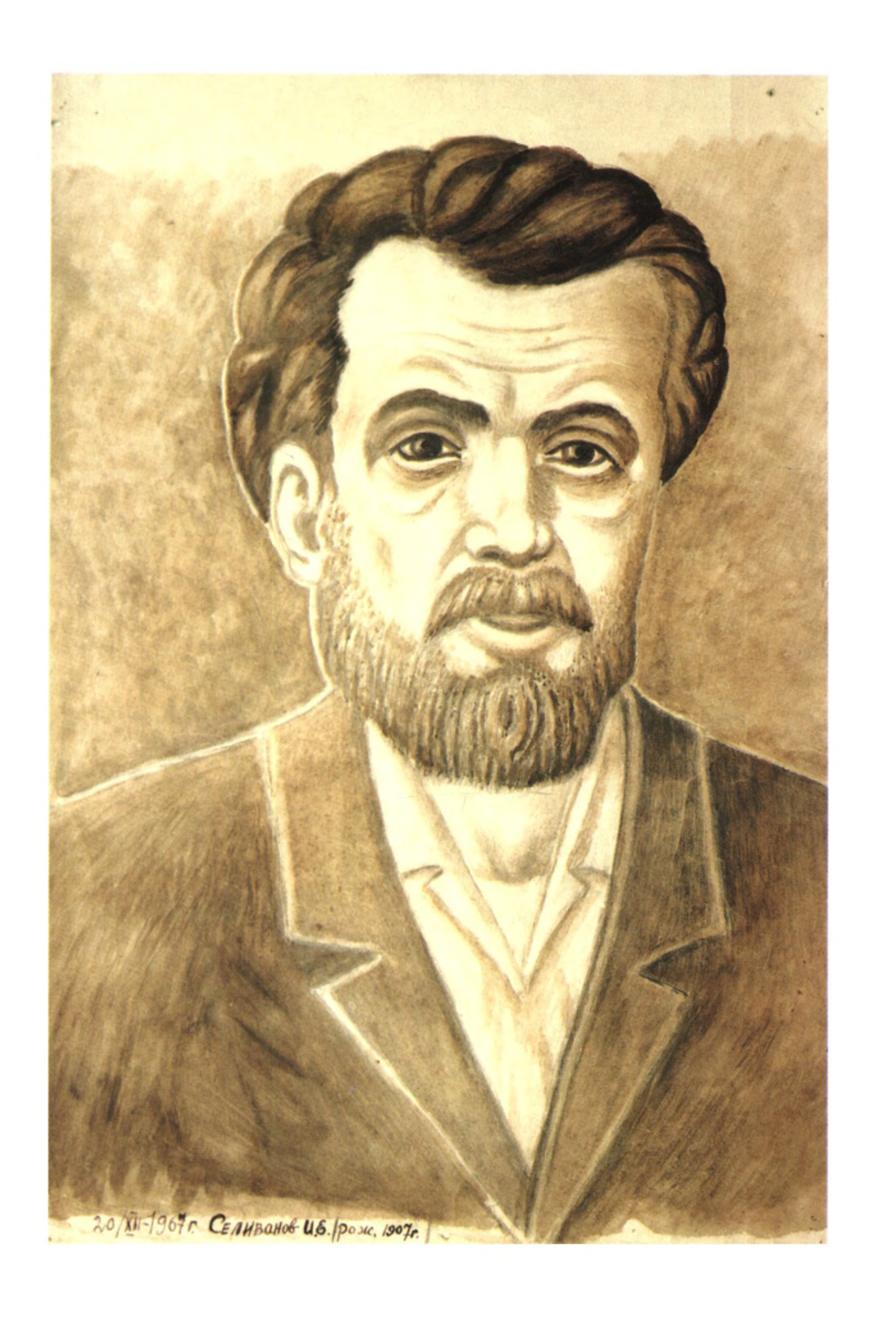
Торговая работница.

Портрет мужчины в папахе.

Цыган.

„Касается всех . . .“

Читай, если увлекаешься жизнью и ее наслаждениями. 19 декабря 1978 года. Селиванов Иван Егорович

Не волнуйся, мой друг, не жалей того, что прошло. Изнуда тянулась веками в народе. Изнуда, скажи, когда перестанешь грызть человечество, как гнида и вошь?!

„Касается всех. . .“ – думаю, Селиванов потому назвал так тетрадь, что занес в нее мысли о самом главном: труде – основе жизни, о никуда не годной системе воспитания молодежи, из-за которой так много „прорех“ в нашем государстве, о литераторах, продающих свой дар на потребу, о скитальческой доле, омытой слезами, о Москве, душа которой „осталась прежней“, несмотря на то, что она „переменила“ лицо.

Художник называет себя капитаном, корабль которого потерял управление, потому что отказал важный прибор, но с гордостью говорит, что „служит народу за скромную пищу, за кусок хлеба“. Селиванов излагает свои нравственные постулаты, и, отслаивая второстепенное, читателю легко выделить главные загадки бытия, над которыми мучился старик. Сформулированы они еще Эммануилом Кантом – что означает „звездное небо над нами“ и по каким правилам действует „нравственный закон внутри нас“. „Звездное небо“ Селиванова – блистающая природа, бесконечно меняющая свои „картины“, и это она по-разному награждает людей: „кого – инстинктом к воровству, кого – к распутству, а кого – к добрым делам“.

Самой природой „разрешена“ людям и чувственная любовь, которую воспевает здесь художник. На страницах дневника появляется образ женщины – „чернобровой“ с „черными, лукавыми глазами“ или „белобрысой“ – с „магнитными“ глазами и ласковым голосом „канарейки-соловья“. Она то возникает перед художником в избушке, подолгу пристально смотрит в его глаза, потом, не сказав ни слова, уходит, то уводит его на лесную поляну, в кустарниковые заросли на берег озера, то на деревенские посиделки, то в пустой крестьянский амбар на исходе короткой северной ночи.

По характеру красавица переменчива – или ласково смиренна, или дерзко вольнолюбива, но всегда хитра и способна обмануть; не доверяется ей Иван Егорович, определяя корыстолюбивые желания по чертам лица. „Давно знаю. . . что ведьма молодая она“.

Юрий Григорьевич Аксенов, познакомившись с этими записями, сказал ученику: „Не ожидал я, Иван Егорович, от вас такой любвеобильности“. На что Селиванов, усмехнувшись, ответил: „Нет, Варюхе своей я не изменял. Это написано все по снам-представлениям“. Подтверждение этому найдем в селивановских записях: „Изменить жене значит то же, что предать Родину свою. Таких мужчин я презираю всегда и всюду. В военное время продавших Родину к стенке ставили, пулю в лоб пускали. А за измену какую пулю заслуживает муж-мужчина?“

Где конец и где начало жизни? Почему не искореняются недостатки в людях? Что означает вечность? С этими вопросами и ушел Селиванов из жизни, четко сформулировав, к слову сказать, свои претензии к руководству страны-мира: „На исходе двадцатого века много громких слов произносится в эфире.

Даются обещания народу: сегодня живем красиво, завтра будем жить еще краше. Громкие хорошие слова! Если то, что обещано, сбудется, все нищи встанут на колени, где б ни были они.

Преклонят голову свою к сырой земле со всей душой и сердцем“.

Опыт учителей сельской школы, надо сказать, особенно важен по воспитанию нового человека. В наше время сельская школа является первой дверью в жизни для некоторых. Вы приехали в деревню – заходите в школу. В первую очередь обращайте внимание на учителя и обстановку, а потом – на поведение детворы.

При плохом поведении ребенок не усвоит никакой дисциплины. В сельской школе учитель должен смотреть за учащимся ребенком точно так, как за своим родным дитенком дома. В наше время дети чрезвычайно баловные, где бы ни жили, хоть в городе, хоть в деревне. Конечно, между городскими и деревенскими детьми имеется разница в воспитании и поведении, но главным в конце концов считаю то, как дитенок смотрит на мир, в котором он растет. Есть такая пословица – „с кем поведешься, от того и наберешься“, встречи с людьми определяют и будущее бытие человека и его сознание.

Воспитать-вырастить нового человека в наше время не так просто, как это может показаться тому, кто смотрит со стороны. Нужно прикладывать всевозможные усилия прежде всего родителям и, конечно, учителям в школе. Но вообще-то часто бывает так: никому нет дела до чужого ребенка, как хочешь, так и воспитывайся! А родители – молодые люди, которые сами понимают жизнь человеческу и свою в такой же степени, как и их дети.

Такие родители воспитать-вырастить полноценного самостоятельного человека не смогут, потому что не умеют извлечь из земли и природы, а также общественной жизни людей тех „питательных“ веществ, которые необходимы их ребенку. Им самим нужно учиться с детьми в одной школе. Смешно! Не смешно, а горе! Это вопрос серьезный, над ним надо призадуматься тем молодым людям, которые имеют детей.

Даже не знаю, кто из грамотеев может взяться за решение важной задачи по воспитанию нового человека. Пока все смотрят на это дело с прохладой, никого это не касается. Вот люди и учатся сами – у кого как получается. Не потому ли так много прорех в нашем государстве? И существуют до сих пор всевозможные „прослойки“? И те, кто пользуется привилегиями в жизни?

Поезд мчится-мчится по железной дороге, рельсы с колесами что-то шуршат! Ну пусть они вечно шуршат. Поезд тихонько подходит к перрону. Дежурный вокзала подает сигнал к остановке. Нас люди встречают на этом перроне, а мы спокойно стоим у окна. Одни люди выходят из нашего вагона, другие – заходят, и так по всему составу поезда. Люди меняются, а мы все стоим-стоим у окна в вагоне, и путь продолжается.

Время подходит такое: дежурный вокзала дает поезду сигнал к отправлению – а мы без волненья стоим у окна в своем вагоне. *Мы долгое время стояли в вагоне, мы наблюдали за переменой картин природы. Картины менялись, а поезд все шел и шел. Люди тоже менялись. Так бесконечно меняется жизнь. И мы, наблюдатели природы, тоже скоро-скоро сменимся! . .*

Сегодня вечером сижу на койке-доске с бумагой и карандашом. Пишу на вольну тему сочиненье. Художников слова много, все они пишут о добродетели. Многого у них я не пойму, не знаю почему. Может, грамотеи мы разны, понятие у нас разно?! *Писатели вы, писатели, поэты-баснописцы, лирики. Хотел бы я у вас узнать, почему слова ваши исковерканы, почему вы, художники высокого слова, продаете на базаре лицемерье, обман, всякое вранье?!*

Я не убеждаю вас, читатель мой, что я святой, но сегодня вечером сижу на койке-доске с бумагой и карандашом. Пишу нелепые слова я откровенно. Пойми меня, читатель мой! *Всех нас, людей, от рожденья поразному наградила природа, кого – инстинктом к воровству, кого – к распутству, а кого – к добрым делам.*

В глубоком размышленье однажды вышел я на волю из своей халупы в летнюю пору. Закатилось солнце за горы-горизонт, тишина наступила, легла-обняла наше глухое селенье. Слышу, где-то в стороне, в лощинекустах, смех молодых девок и подростков. Подумал: пойду-ка в свою халупу на отдых.

Неожиданно ко мне подходит знакомый: „Что ты стоишь в каком-то недоуменье?“ – „Просто любовался природой! Слышал смех молодых девок и парней, а теперь собираюсь идти на покой“. – „Ты слышал, а я видел, проходя мимо темно-зеленых кустов, эту компанию. Сидят на земле, пьют, едят, собираются веселиться“. – „Ну, что же такого?! Пусть веселятся, набираются смелости для наслажденья. Нам что за дело? Пойдем по халупам своим. До свиданья!“

В последних строках сочиненья своего могу сказать, что прошли большие годы жизни, пройдены дальние пути-дороги. *Порой такое вспоминаю, сердце сжимается и громко стучит в моей груди! Рука колыхается, лицо слезами умывается, в голове теснятся мысли, словно волны на море в ураган, и чувствую себя, словно капитан, корабль которого потерял путь, потому что отказал важный прибор.*

Жизненный путь у людей протекает по-разному: кто вольготно проживает от начала до конца, а кто плачет не переставая. Подростком я жил в соседней деревне в пастухах. Скотский пастух был в каждой деревне, это – мои коллеги-товарищи, все они ходили в лаптях из лык березы, а я, бедный, в опорках. Никто не научил меня искусству плетения лаптей.

Много-много ходил я пешком по стране, много-много я ездил зайцем в поездах. Приходилось не раз плыть мне и на морском пароходе по Белому морю в разны погоды в летнюю пору. Тебя, читатель мой, знаю я воочью, как посланника ко мне. Кто и с какой целью посылает вас, писатели-журналисты, ко мне? Неужели я такой подозрительный человек? На все вопросы я должен отвечать по силе ума своего и безукоризненно. Я так и делаю. Цели поездки вашей я не расследую, потому что я нейтральный человек. *А служу я народу за скромную пищу, за хлеба кусок.*

Москва! Далеко я живу от тебя. Говорят, многолюдна ты и чиста. Москва, я был у тебя в гостях, когда мне исполнилось семнадцать. Хотел я правду найти в тебе, так и не нашел. Не знаю, почему, может, потому, что я был молод и глуп?! Мне было досадно и горько от этого. *Теперь ты лицо свое переменила, Москва, но душа твоя осталась прежней.*

Люди правду искали веками, и никто не нашел никогда. Это потому, что у каждого правда своя и таится она внутри, где-то в мозгу человеческом. . .

На базаре мы стоим, дрянны вещи за хороши продаем. Кто в вещах не понимает, тот в деньгах себе отказывает. А нам, торговцам, это на руку: пошли, господи, бестолкового покупателя! *Везде обман, везде коварство – таков человек. . .*

КАСАЕТСЯ ТЕХ, КТО ИНТЕРЕСУЕТСЯ РАЗВРАТНОЙ (ИНТИМНОЙ, ЧУВСТВЕННОЙ. – *Н. К.*) ЖИЗНЬЮ, НО ЛЮДИ ВСЕ СКЛОННЫ К ЭТОЙ ЖИЗНИ.

Ночь. 19 декабря 1978 года.
Селиванов Иван Егорович.

Мы с тобой подошли к озеру, обширному-широкому. На берегах кругом тишина. Только солнце ликует в воде, как красивый человек перед зеркалом.

„Ты скажи мне, чернобровая, что мы будем делать с тобой в такой тишине? Трава высокая, а кусты намного выше. . .“ – „Раздевайся, мой кавалер, полезай в озеро, а я полюбуюсь телом твоим. Как захочу, так я разденусь и полезу к тебе в озеро. По разрешению моему, кавалер мой, возьмешь ты меня. Я буду довольна и удовлетворена чистым телом твоим. Мы живем на свете с тобой один раз, давай по-всячески насладимся. Тело мое, кавалер ты мой, дышит так же, как и твое. И нет сейчас разницы между нами – мы одно целое“.

Разговор проговорила-подготовила моя чернобровая. Всем своим видом она говорит, что желает наслаждения. „Давай, моя чернобровая, промоемся, а потом пойдем в куст и по воле твоей буду тело твое наслаждать, сколько силы у меня будет“.

Чернобровая моя не стеснялась кавалера своего: *„Все мы, женщины, одинаковы, ищем возлюбленного только по себе. Та, которая стесняется и не может удовлетворить по-всячески своего кавалера, та женщина негодна для жизни. Нам, женщинам, природа разрешила делать все, что требует от нас наш организм. Нам можно не стыдиться кавалера своего. Кого люблю, с тем и буду близкою“.*

Природа требует, а жизнь утекает с часами. „Не стесняйся меня, моя чернобровая!“ День пятница, 10 ноября 1978 года.

Тишина в бугристой нашей местности, особенно зимою. Только видно, иногда ребятня балуется в мягком пушистом снегу. Около детей собаки часто крутятся. Тишина обнимает зимою наше селение. Некуда пойти, не с кем поговорить по душам мне. Все товарищи давно спокинули меня. В редкости по дороге в магазин встречаю я односельчан. Тишина обнимает меня.

Пошел бы к соседям, но мешает одно – нельзя. Не заглядывай туда, куда тебя не зовут. Порою грусть и скука съедают, но делать нечего. Не ходи туда, куда тебя не зовут. Понимай, кто по соседству живет с тобой. Понимать надо многое. И смотреть на завтра тоже.

Иногда стучатся в калитку, не открыл бы, да надо. . . Кто смотрит тебе в глаза, как с магнитом и с ласковым словом канарейки-соловья? Простая женщина, обычная. Она способна обмануть своего мужа-друга, а чужого соседа доброго – и подавно. *Не доверяйся женским магнитным глазам и ее тону, канарейки-соловьиным словам.* День вторник, 14 ноября 1978 года.

Они идут по парам в вечернюю пору, по околице деревни своей. Тишина! Луна смотрит свысока на природу. Жизнь ликует в сердцах молодых людей. Слышно нам: играет гармонь где-то. . . Наступает предутрешне время, молодежь по домам побрела. Кому нужно влюбляться друг в друга, те заходят в пустые амбары-сараи. *Любовь – наслаждение, это счастье и жизнь человека.* Бери, красавица, от друга своего что надо, если он позволяет тебе. Ночь. День среда, 20 декабря 1978 года.

Пришла ко мне одна красавица и села предо мной на табуретку с думой глубокой. Я стою, молчу, читаю черты ее лица.

Молчание продолжается, а время катится. Думы ходят у меня: зачем она пришла? Черты ее лица показывают мне: она смотрит на меня с коварным ехидством. Сказать ей наотрез: „Не ходи, на меня не смотри“?! Давно знаю по чертам лица, что ведьма молодая она. Я не пророк и не святой и не особо прозорливый. Возможно, я ошибаюсь. Тут высша грамота не нужна, нужно уметь читать черты лица. „Вы выше цените себя, чем меня?! Иди ты от меня к другу-кавалеру своему! Говорить я ничего не буду. Ты поймешь впоследствии мои слова. Возможно, придет такая минута, ты будешь плакать у калитки моей, но будет поздно. Такое тебе

наказание за самолюбство-ехидство твое. Ты еще молодая, учись жить у природы". День пятница, 22 декабря 1978 года.

Была одна у меня, белобрысая, с черными лукавыми глазами! Непонятно смотрела на меня, по чертам лица и глаз лукавых не мог понять я истины ее. Эту женщину с детства я знаю. Она дочь моей знакомой, когда-то жили по соседству со мной. Теперь они живут где-то на горах, но все же навещают изредка меня.

Осмотрела она меня, старого, седого, притом немножечко больного, и сказала мне: „Давай водички поношу тебе". Я сказал в ответ: „Согрей воды, помой меня. За это я тебе буду благодарен".

Течет время, как в реке вода. Жизнь меняется: кто нарождается, парит-расцветает, подобно полевым цветам в прекрасно время года, а кто стареет-умирает. Обычно дело во всей жизни человека. Не забудь, что все не вечно, все нарождается и умирает ежедневно. День воскресенье, 24 декабря 1978 года.

Вокруг тебя и меня солнце ходит, где бы ни были, ни жили мы с тобой. Идем мы по дорогам жизни с мыслями разными. *Открой, мой друг, глаза чуть-чуть пошире. Прислушайся и приглядись к самой природе, куда она тебя ведет?* Природа по времени меняется вечно, и человек за нею тоже. Вчера он был ребенком, сегодня – пацаненком, а завтра будет парнем-женихом. Какое удивление! Как быстро солнце мелькает над нашей землей! День суббота, 15 декабря 1979 года.

Подошел ненароком, случайно, на берег морской скалистый-высокий. Ликует морская природа: водные глади широки. Над морем чуть видно вдалеке белое пятно. Долго сидел на берегу высоком, на камне, существующем века. Меняется природа морская. О! Боже, боже, какое же широкое море, какая же природа над широким морем! Одна видна гора, огромная гора! Море ты, море, гордишься красотой ты, как ясный сокол в небе. Манишь меня к своим берегам, как девка с магнитными глазами тянет парня в летнюю пору красотой своей. День суббота, 15 декабря 1979 года.

Труд есть основа основ, труд есть дыханье жизни. Когда поймут это все, тогда вам руку подадут, тогда за брата вас сочтут. Нельзя увидеть все хорошее,

нельзя услышать все красивые слова, пока сокрыты они в тайне сердца. Когда раскроешь ты свои сердечны тайны, увидят там красоту необъяснимую, которая как цветок розовый цветет.

Жизнь посматривает из щели, она смеется над теми, кто оборван. Отчего? Объяснить я могу, так как немало дорог я прошел. *Кто идет в красивом платье, смущен, задумчив и суров, тот, считаю, большой мазурик и вор. Но такого человека не назовешь открытым словом, не уличив на месте преступления. Пусть он преступник, действительный мазурик-вор, надо это доказать. А есть они везде, где трудятся, согнувшись, честны люди в замызганных спецробах. Их трудом, простым и сложным, часто пользуются прохвосты-воры.* День воскресенье, 30 декабря 1979 года.

Зима-зима, холодная она, без снега и мороза у нас в Сибири не бывает. Часто бушуют ветры по полям, по низинам, буграм. Иногда бывает, не видно человеку ничего – ни зги. Ветер воет, ветер свищет. Непонятно ничего на малом расстоянии. Чуть видно вечером иль ночью темной мерцание электролампочек в селенье. И это все!

В это время жизнь у человека как бы притихает на время. Все живое прикорнуло, чуть немножко примерло. В селеньях в ненастну зимню погоду кто водку за столом выпивает, как бы праздник справляет, про все забывает, кто песни поет и в гармонь играет, а кто под гармонь и под песни танцует. Молодым вечерком положено на койке где-то лежать, целоваться-усмехаться, а порою наслаждаться. Такое разрешено природой. День пятница, 5 января 1980 года.

Музыка и песня разгоняют иногда тоску человека. Песня развивает мозги человека, показывает дорогу ко всем познаниям, если человек способен изучать песни и выступать в театрах, как артист. День воскресенье, 7 января 1980 года.

Курица.

Петух.

Женщина, чистящая картошку.

Письма

Я пишу людям только ради уважения.

И . . . чтобы мозговая система

не застаивалась.

А то мозги будут стоять, как в омуте вода.

Художнику Селиванову такого

положения допускать нельзя никак,

чтобы его мозги имели состояние,

как у котика Васи.

Как вы смотрите-понимаете

на рассуждения и размышления

художника Селиванова И. Е.?

Некоторые могут подумать:

„Куда загибает?! Его рассуждения и

размышления, как у недоразвитого

человека“. Каких, мол, чудаков земля-

матушка не рождает . . .

Селиванов И. Е. 20 марта 1981 года

Письма Селиванова, нескладные, длинные, скорее иррациональные, чем подчиненные логике, обычно содержали в себе свод размышлений по самым разным жизненным вопросам. Он и писал их по нескольку дней кряду, занося, как в дневник, все новые впечатления.

Независимо от того, задавались или нет его корреспондентами наводящие вопросы – а среди них было немало журналистов, – Селиванов обстоятельно обсказывал „путь жизни прожитой". И каждый раз находил новые слова, обороты, сравнения, так что его рассказы об архангельском детстве, скитаниях по стране и прокопьевском житье-бытье можно было воспринимать как работы „пробного значения", из которых рано или поздно должна была появиться законченная новелла. Читатель уже встречал их, они рассеяны по всей книге – „Воскресный день", „Изба без хозяйки", „Разговор с кошкой Алексевной", „Книга в красном переплете", „Притча о посланнике" и другие. Главу 7-ю предлагаем рассматривать как попытку сборника селивановских притч и сказов.

Кроме Ю. Г. Аксенова, основными корреспондентами Ивана Егоровича были ленинградский кинодокументалист Михаил Сергеевич Литвяков и кемеровская журналистка Мэри Моисеевна Кушникова. Это им отправлял художник пространные послания „на откровенность", в которых постепенно проступали необходимая при переписке любезность и тепло души. Самые важные из своих посланий он переписывал и оставлял экземпляр у себя.

Селиванов с благоговением относился к литературному труду и не раз высказывал это своим друзьям по переписке, давая оценку их творчеству. „Хорошо пишете. Даже очень хорошо" (из письма М. Кушниковой. – *Н. К.*). Конечно, Иван Егорович мечтал услышать профессиональную оценку своих записей: читатель уже знает о „Книге в красном переплете", которая часто грезилась старику. Еще в 1983 году он предлагал искусствоведу Н. С. Шкаровской „оформить всю эту писанину и сдать в издательство", мечтая, что их сотрудничество „озарится в искре золотого труда".

Мысль о том, что его имя будет известно потомкам, не покидает Селиванова, но говорит он об этом без тени самодовольства. „Нет сомненья у меня в том, что когда-нибудь прочтут мои слова люди и подумают, кто же были его учителями в этом заочном учебном заведении? Ю. Ф. Лузан и Ю. Г. Аксенов! Не может быть, что не напишут люди наши имена на камне через века. Напишут! А если не напишут – убыток небольшой . . . Пусть будет так, но наш труд не может пропасть".

Считаю, что так выразить мысль мог только человек, оставшийся „янтарно чистым" до конца своей жизни. Не забудем, что янтарь – это камень северных морей.

Иные корреспонденты ненадолго появлялись на селивановском горизонте, но и в коротких посланиях обнаруживаем селивановское стремление в частном находить общее и в афористичной форме запечатлевать открытые им жизненные закономерности.

В письмах Иван Егорович часто возвращается к волнующим его думам-рассуждениям об устройстве жизни. И камнем преткновения, как всегда, становится разговор о бездне, разделяющей „трудовых людей" и всевозможных „господ труда". Особо не вникая в различие социальных систем и оперируя терминами утопистов, озабоченных картинами грядущего царства изобилия и всеобщего счастья, Селиванов всякий раз в бессилии опускает руки перед тотальной несправедливостью, царящей в мире.

Несоответствие высоких слов ничтожным деяниям – вот главный грех, в котором он обвиняет людей. От этого, по мнению нашего философа, проистекают все неурядицы. Люди хитрые и изворотливые, обладающие хорошо подвешенными языками, объединяются и выступают в роли „пророков-просвещенцев", якобы обеспокоенных судьбами простых людей. На самом

деле они используют все средства для того, чтобы как можно более сытной и красивой сделать свою жизнь. И трудовой народ, опутанный сетью их слов, оказывается у них в подчинении.

К отряду таких „просвещенцев" Селиванов относит как „господ-империалистов", так и „бумажных коммунистов", которые за горами отчетов и докладов не видят реального человека. Достается от Селиванова и литераторам, которые, находясь в услужении у лживых „просвещенцев", создают горы бесполезной литературы.

Но сквозь бессилие, охватывающее автора, всякий раз пламенеет мысль об „истинно справедливых" людях, которые несут народу правду „в открытой форме". Нет, Селиванов не утопист, и он не верит, что царство всеобщего благолепия – у порога. Слишком глубоки „корни убожества" в человеке, слишком медленно переплавляется его сознание.

И настоящим бальзамом на душу художника проливается мысль о том, что от будущих поколений „не будет чести" всем „дармоедам-хамам-сволочам"! Эти „будущие поколения", возведенные Селивановым в ранг „янтарно чистых" людей, должны сыграть роль великих утешителей всех обиженных в дне сегодняшнем. И старик, только что изничтожавший себя обидными определениями, превращается в трибуна и борца: „Бейся, учись и твори, пока имеешь ты возможность и сил немножечко в себе!" Вот истинный Селиванов, и этот лик не заслонить никаким другим.

После нескольких публикаций в центральной печати в последние годы лавина писем обрушилась на дом-интернат в Инском, отвечать на них у адресата уже не было сил. Но письма – пример обратной связи, возникшей таки со зрителем. Часть из них приводится в восьмой главе, а в этой расскажем, о чем же писал художник, когда силы еще не покинули его.

Аксенову Юрию Григорьевичу

Здравствуй, Юрий Григорьевич. Прочитай это письмо искусствоведу Шкаровской Н.С.

Везде-повсюду на всех надземных точках имеются свои пророки-просвещенцы. Они обещают тем, кто хлеб насущный добывает своим трудом, все блага. Все пророки-просвещенцы живут за счет труда простых людей. Они называют сами себя издавна на бумаге „строителями райской жизни", то есть „коммунистами". Ведь это же гольно вранье. Как мучительна жизнь на земле! Где же искать правду простым людям? Правды не найдешь никогда. Пророки-просвещенцы не пойдут против себя никогда. Поразмышляй, читатель мой, может, найдешь одно полезное слово для себя. Селиванов И. Е. 3 января 1983 года.

Смерть мне необходима, изжита жизнь моя. За важность смерть свою считаю: мгновенну, любую, чтоб тело мое не ощущало ее. Предпочтенье смерти отдаю, лучше всего уснуть навечно, безвозвратно.

Господа империалисты-капиталисты и бумажны коммунисты, нао-

борот, жаждут жизни. Рабочие-подчиненные исполняют их приказы по выпуску продукции-товаров. Что им не жить, что им не блаженствовать? Они вечно живут, как в раю – при коммунизме. Значит, для некоторых коммунизм издавна – со старины существует. Что вы на это скажете, мои читатели?! Закон природы для всех один – „все рождается, цветет и умирает". Всем „пророкам" придется умирать наравне со всеми. От будущих поколений всем дармоедам-хамам-сволочам чести не будет!

Доволен я ответом вашим, Юрий Григорьевич. Такое в памяти останется до последних минут. Благодарю, что вы сумели возвратить мой важный портрет. Прошу вас от души и сердца хранить труд мой, хотя, возможно, он и покажется неважным приходящим в учебное заведение в первый раз.

Зрители всяки бывают: понимающие и непонимающие, специалисты, простые деревенски мужики, кухарки, поломойки, заводские работницы и прочи люди. Где-то нужно время проводить. Сидеть в избе, смотреть в окно на окружающу природу тоже надоедает. По раздумью-размышленью одевается человек, идет на художественные выставки, в музеи и театры. Одним словом, кого что интересует. Совсем ничем не интересующихся людей нет. Если есть, то их можно отнести к идиотам, глупцам и безумцам.

У каждого из нас есть желание сделать что-то полезное для других. По нашим твореньям-работам будут учиться наши потомки. А разговоры критиков, как тряпки поломоек! Творцам искусства нельзя возмущаться теми, кто хаманит их дела. Ко всяким делам искусства нам нужно относиться хладнокровно. Тогда мы будем непоколебимы, сильны и разумны. *Бейся, учись и твори, пока имеешь ты возможность и сил немножечко в себе.* Это закон твоего сознанья, люди вечно чему-то учатся и делают ошибки. Кто достигает вершин, а кто вечно учится-работает, а стоит на средней точке своих успехов. Как говорится, ни рыба ни мясо. Таких миллионы по российской нашей земле, а по всему белу свету не счесть. Поэтому мы плохо живем, никто не нуждается в нашем труде. Почему так получается? Что мы не умеем учиться-работать, как следует? . .

Редки те литераторы, которые писали людям правду в открытой форме. Такое запрещено было властями по всей земле. За правду сажают и вешают . . . Власти тех почитают, кто под дудку их играет-пляшет. На каждом производстве есть свои власти, в городах на

заводах и в учреждениях, в деревнях-колхозах. Так пусть они создают для рабочих условия, чтоб люди работали с увлечением – отлично! А то рабочий идет на работу, как после попойки, а после работы до дому бежит без оглядки.

Сколько неуменья у руководителей на предприятиях. То нет материалов иль их не хватает для выпуска продукции, то автомашина сломалась. Все какие-нибудь неполадки! Бывало, зайдешь к директору по служебным делам, а он сидит за столом, как чумовой после пьянки-гулянки*. После очухается, рвет зло свое на рабочих. Орет-кричит, что попало. Ругается чуть ли не на каждого. Правда у каждого своя, за нее идет вечна борьба, ее не найдет никто никогда. Люди всего мира идут по дорогам к счастью. Эх! Счастье ты, счастье, что представляешь из себя? . .

Грамота появилась в нашем народе с печатного слова Ивана Федорова. За это время прошло не одно поколение грамотеев-литераторов, пророков-господ. Они создали груды книг по всем знаниям. Кто изучал эти книжные груды? Конечно, в первую очередь дети господ. Дети нищенской рати в глаза не видали книг, а не то чтобы в школу ходить. До прихода Советской власти в нашей стране не в каждом селении были грамотны. Неграмотных и малограмотных одурачивали господа-грамотеи на каждом шагу. Люди не умели считать даже деньги. Таких людей – неграмотных стариков – можно встретить и в наше время.

Во все горло кричат очковтиратели малосознательны**: „Мы к счастью-просвещению идем сознательно!“ Это отличны слова для оратора на собрании. Нельзя опровергнуть их. А на деле – не могут давать продукции вволю, сколько нужно народу. Вырабатывается нами продукция в основном низшего качества. Негодна для других. Это плохо. Нам нужно много учиться, чтоб было вволю отличной продукции, чтоб каждый гость нашей страны мог сказать: „Вот это здорово! Вот это и есть рай-коммунизм“.

Еще много пороков у нас. Нужно отбросить далеко от себя всякое хамство. Нужно доказать всем народам планеты, что по-настоящему

---

*Судя по всему, у Селиванова большие претензии к бывшим своим начальникам, лишь понаслышке знавшим, что такое культура взаимоотношений с подчиненными. Что делать, мы должны принять их портреты такими, какими они были. На зеркало, как говорится, неча пенять . . .

**Речь вновь идет о несоответствии слов делам, об огромном разрыве между лозунгами и самой жизнью.

уничтожен империализм у нас. Этим делом занимались люди со времен Спинозы, а может, и раньше. Еще, как известно, декабристы были настоящи коммунисты. Они не щадили жизни своей. В наше время от старых людей я еще не слыхал про настоящих коммунистов. Наверное, где-то есть они? . .

Селиванов И. Е.

Здравствуй, Юрий Григорьевич! Дорогой мой учитель!

Если мне отвечать на ваши последние два письма на откровенность, то я, пожалуй, не уложусь за целый год. Столько сошлось в моей старой голове всевозможных мыслей! У каждого человека жизненная дорога начинается тогда, когда он начинает на прожиток-жизнь зарабатывать кусок хлеба. Кто как сможет заработать и посредством чего . . . Для облегчения и усложнения жизни человек стремится чему-то научиться. Полюбивши любимое дело, он как бы открывает семафор на своем пути.

Только нужно вести себя в самостоятельных рамках. Это означает: работа должна быть по душе, это и составит счастье человека. Но имеют это немногие из проживающих на белом свете. Каждый счастливый человек – добросовестный, он хорошо зарабатывает на личную и семейную жизнь и живет безбедно.

Что такое „безбедно", понимает каждый. Не поймет только какой-нибудь дурак, проживающий в отдаленных глухих местах-месте. По белому свету на нашей планете проживает около 5 миллиардов человек. Так что дураков много, и их не перечтешь. Наверно, не найдется на земле такого математика-статистика, который мог бы пояснить людям, сколько на земле дураков и умных . . .

В молодости мне приходилось слышать от старых людей: „Счастье – есть райская жизнь человека". Значит, счастливо и безбедно люди жили вечно. Но немноги. Слово „счастье" равно слову „коммунизм".

Продолжение будет.

Селиванов И. Е.

Дорогой мой друг заочный, многоуважаемый, давнишний!

Я очень благодарен вам за ваши искренни слова мне, незнакомому человеку, Селиванову И. Е. Такое, возможно, слышу впервые. Сижу в

хатенке своей, умом смотрю на Москву, подобно ученому, который рассматривает в подзорну трубу планеты.

Вы спрашиваете о состоянии моего здоровья и о моей нужде. С сентября месяца 1977 года пошел седьмой год, как живу, брожу в одиночестве – без Варюши. Мне кажется, вы должны понять жизнь одинокого человека, где бы он ни находился. Об этом можно наговорить на бумаге целый том, книгу составить, а что толку?

А нужна мне книга – словарь орфографический или такой, каким вы пользуетесь, несколько кисточек акварельных – от номера 7 до 13. Расходы за эту работу будут мной оплачены до копейки. Я думаю, что всякую работу нужно выполнять на честность и по возможности.

До свидания, Юрий Григорьевич Аксенов, до следующей встречи. Желаю наилучших успехов в вашей жизни.

Селиванов И. Е. 3. 4. 1978 год.

Шкаровской Наталье Семеновне*

Здравствуй, Н. С. Шкаровская! Это говорит с вами самодеятельный художник Селиванов Иван Егорович, ученик Ю. Г. Аксенова. Обо мне вы писали в журнале „Декоративное искусство". Про это мне известно из письма Ю. Г. Аксенова, которое я получил 24 января 1983 года.

Откуда все живое взялось на земле и сама Вселенная? Хотя учены всех рангов изучают Вселенну, но это равносильно тому, как на воде писать. Человек стремится ко многому, но, бывает, все это плохо дается. Вот человек всю жизнь изучает какой-то предмет, а изучить не может. Например, столяр стремится повысить свое мастерство до столяра-краснодеревщика. И не доходит до вершин. Так простым столяром и умирает. Конечно, развиты умственно люди большим трудом достигают своей цели и двигают всякие познания вперед. Таких людей не очень много. Повторяю: изучить Вселенну досконально никто не сможет. На это нет предпосылок . . .

Люди-современники отличаются от домашних животных и диких зверей своей формой, языком, одеждой и руками. В умственном отношении, конечно, имеется различие. Человек, рожденный голым, сумел с помощью мозговой системы приодеть свое тело. Значит, он поумнее домашних животных и зверей. Несколько! Дуров обучал зверей за

*Московский искусствовед, специалист по народному творчеству.

короткое время нужному делу, а человек всю жизнь учится, сам собою и у других и не может достичь цели, к которой идет. Не может сам себя обеспечить по-человечески. А все зависит от степени учености и образованности. Значит, мы все живем плохо. За исключением немногих . . . Подумай: может, согласитесь со мной? Если нет, согласитесь это пояснить.

Писанина, которая находится в распоряжении моего консультанта Аксенова, возможно, заинтересует читателей? Если вы имеете время плюс литературно-научные познания, возьмитесь оформить всю эту писанину и сдать в издательство. Самое главное, чтобы мой-твой труд признало издательство и выпустило в свет. Это мое предложение условного значения.

Полезный труд оплачивается, плохой выбрасывается. Цену нашему труду назначит издательство. Писанины там у Аксенова много: 9–10 кг. В числе этой писанины имеется и моя автобиография. Сходите к Аксенову, договоритесь, там вы и прочтете мое последнее большое письмо. Мне кажется, вам моя писанина понравится как искусствоведу. Одним словом, поразмысли, что сделать продуктивно для будущих читателей.

Конечно, вся наша жизнь зависит от труда и качества-красоты. Красивый труд все люди любят. Это указатель-маяк к прекрасной жизни человечества. Мы должны работать, пока не умрем, в этом – смысл жизни. У каждого человека свой путь. Кто вечно с улыбкой смотрит на мир, кто с душевным подъемом, кто – на вечном празднике чувствует себя. Такой человек не чувствует, когда умирает, это особые люди большой просвещенности плюс наглости, на которых работает весь честный народ.

Жизнь грязна и корява принадлежит нищете. У честных людей – и просвещенных, и простых – ползают черви на сердцах. Не дают им в жизни никакого покоя . . . Почему мы так плохо живем? Сухую ржаную корку грызем, как оборваны нищи, холодной водой припивая. Мы – люди, все собратья-братья друг друга топим в грязи противной-гадкой . . . Значит, нет в нас воспитанности-образованности-сознанья? Продаем сами себя большим просвещенцам за несчастны горьки копейки, облитые на наших глазах слезами. Нудность и жадность людская сковала людей душевно.

А это мое обращение к вам, Н. С. Шкаровская, личное. Мне нужна книга „Красное и черное“ Стендаля на русском языке. Если нет, может, есть „Униженные и оскорбленные“, „Записки из Мертвого дома“ Достоевского?

На этом с вами прощаюсь, быть может, еще повстречаюсь я с вами заочно . . . Жду от вас я ответ откровенный! Желаю вам счастья большого в труде. *Знакомство мое и твое не пройдет задарма. Оно озарится в искре золотого труда. Пусть будут помнить молодые поколения тебя и меня.*

Селиванов И. Е.

Здравствуй, Шкаровская!

Очень сожалею, что наши правительственные, ответственные работники так мало обращают внимания на самодеятельных художников. Раздел энциклопедии („Всемирная энциклопедия „наивного“ искусства“, изданная в 1984 году в Югославии. – *Н. К.*) на русском языке стоит, по-моему, несколько миллионов рублев. Они пожалели народных денег для народа. Этой „Всемирной энциклопедией“ должны интересоваться все творческие профессиональные работники и ученые всех мастей и рангов.

Из-за дороговизны книги малооплачиваемы творчески работники приобрести ее не могут, а самодеятельные художники совсем бедны. Если будет сходна цена на книгу – не более пятидесяти рублев, то я как-нибудь наберу, а если не хватит немножко, займу. Ваше письмо читала искусствовед из Кемерова Кушникова Мэри Моисеевна.

Шкаровская! Вы искусствоведа Кушникову знаете? Она Вас знает. Текст Вашего письма, прочитанного мною, записан на пленку ее помощником. Кушникова приезжала ко мне 22 ноября 1984 года. Они заснимали меня для картины по телевидению. Кто им давал такое распоряжение, это меня не касается, и я не допытываюсь знать. Каждый работник на своей должности отчитывается перед кем-то.

В энциклопедию брали только отличны работы, интересно знать, кто занял первое место? Из какой страны? Об этом не сказано Шкаровской.

Деды и прадеды наши давно в земле попрели. Мы прах в земле их не найдем. Кто был великий и известный в далеких от нас временах, и тот забыт людями. Время идет своим чередом, формы оно не имеет. По времени природа изменяется, и все живое, и сам человек. Все создается, все умирает. Возраста нет тому, что умерло. Кто жил хорошо и отлично, тот жил, как в раю, при нашем коммунизме. Кто плохо жил-живет, тот вечно в рабстве.

Все люди живут от того, кто что заработает. Каким трудом, мне неинтересно. Людей премножество. У каждого богатства и невзгоды, тоска-печаль своя. Это есть везде, где человек родился, где проживает он – чернобрысый или белобрысый, какая разница? Думаю-мечтаю: пусть будет хошь какой, все это для меня неважно. Пусть важность в стороне от меня стоит и смотрит на меня, о чем же я мечтаю . . .

Как в сказке, человек мечтания свои передает другим. Вот на вечере собрались люди в соседской избе. Для чего они собрались? Кто попрясть нить, кто повязать варежки-рукавицы. Все это для меня неважно. Среди собравшихся женщин есть и молоды, есть и стары-старики. Рассказчица-крестьянка стара-пожилая. Своим голосом красноречивым увлекает всех слушателей. Все находящиеся в одном мнении: где же такая родилась аль с неба упала она?

Родилась она в наших краях в другой деревне. Все находящиеся в этой избе в одном мненье: у кого же такая училась и где? Во всем разбирается – в житье-бытье народного дела, в жизни людской. Слово сказать с большим красноречьем умеет людям, собравшимся на посиденье, где-то в глухой крестьянской избушке иль в большой избе. Слово ее в переливе воздушном входит сидящим в нутро. Увлекаются все. Каких только не рождает большая земля наша людей! Одарованных-умных, полудурков-недоумков. Всех разных мастей.

Селиванов И. Е.

Голованову Леониду Витальевичу*

Молодое поколение только начинает открывать свои глаза. *Нет сомнения, что наша смена подкована хуже, чем их ровесники начала века. Потому что образование тогда было основательным и получали его по желанию, а не по принуждению.* В области просвещения много сделано, начиная с 1917 года, как я помню, в нашем селении в Едемском сельсовете в Архангельской губернии образованных молодых людей было около десятка. Сынки и дочери зажиточных людей, а что касается крестьян из бедного сословия, с образованием среди них не было. *Сегодня грамотны все, да не всех, кто имеет высшее образование, назовешь образованными.*

Мы проделали грандиозный путь с 1917 года! Совсем не похож он на

*Преподаватель Академии общественных наук СССР.

тот, который прошли наши отцы и их прадеды. Известно, что раньше промышленность находилась в руках богатеев, и они не были заинтересованы в том, чтобы их подчиненные обучались грамоте. Образованный хозяин всегда опутает малограмотного рабочего, а ты, работяга, гни спину на хозяина, и все равно ему нет до тебя дела – хоть любой смертью подохни!

Поскольку у нас вся промышленность находится в руках государства, руководители и заботятся о просвещении рабочего класса и крестьянства. Чем образованнее рабочий, тем доброкачественнее выпускается продукция, а значит, и за границей она не снижает цену за труд человека. Рабочий трудится с полной отдачей умственных и физических сил, по сути, он борется за накопление капитала государственного фонда и, в частности, за личную жизнь. Для рабочих ученые люди в промышленности – это как учителя в школе для детей.

18 мая 1978 года.

Тупицыну Юрию Константиновичу

Породила меня крестьянка нищая и свое воспитание передала: воспринимай, мой сынок родной, все, что увидишь, от матери своей! А также от других людей.

Так я прожил до сегодняшних дней. Много дум, много дел. Откуда что берется – все не переделаешь! Мысль подсказывает: *до гроба бейся за что-нибудь одно, иначе с голоду подохнешь иль в избенке худенькой, нетопленой замерзнешь*.

Я – русский человек по откровенью. От русских по крови все принимаю, только вранье отвергаю. *Мне приходилось встречаться с людьми всех мастей – и с теми, кто умом ценен и кто – костюмом. Главное – честь по уму, костюм на человеке, лучший из лучших, есть мертвый предмет, придаток для приличия.*

Для меня всегда важно понять человека: кто предо мной? Раскусить искренность, передаваемую его языком: не врет ли, не прет ли брехни? Может, он подошел с намерением обмануть меня? Просто так ни один человек к человеку не подойдет, обмануть или правду сказать – только за этим.

Селиванов И. Е.

1. 4. 1978 год.

Здравствуй, многоуважаемый Берг*!

Сообщаю следующее: я не настоящий художник, как-никак самодеятельный, настоящих вершин к познанию художественного образования не имею. Работаю по самоопределению, как сумею. Я только слушаю, что написано людьми. Моя поездка к вам ни вам, ни мне не даст никакой пользы. Для старого одинокого человека-художника – одна канитель. Я не хочу канители и не хочу, чтобы какая-то группа людей на меня смотрела (Берг предлагает Селиванову приехать в Кемерово, чтобы познакомиться с художниками из Москвы. – *Н. К.*).

Дорогой тов. Берг! Вы целиком и полностью зависимы от секретаря Союза художников. Съездите к нему, посоветуйтесь, полезный человек Селиванов Иван Егорович или нет? Об этом вы можете узнать в Университете искусств по адресу: Армянский пер., 13 у педагога Аксенова. Я изделал автопортрет, который просит начальник музея Новокузнецка, но он еще мною не продан, и цену никто не устанавливал. Если хотите, приезжайте. Может, договоримся. Задаром я труд не могу отдать. Этот портрет я могу уступить только вам, а начальнику музея изделать другой.

Селиванов Иван Егорович.
14 декабря 1978 года.

Шемарину Николаю Михайловичу**

Занесла меня сюда судьба давным-давно, когда началась великая война. Край сибирский был мне непривычен. В окружении природы и людей я часто вспоминал попервости свою Россию, и до сегодняшнего дня ее я не забыл! *Встречался с разношерстными людьми я в Сибири, и разношерстны были у меня, в моей избушке. Кто говорил со мной с недоверием-ехидством, а кто – с чисто русскою душой. Люблю людей я всех мастей откровенных! Но больше русских я люблю – с чистой кровью откровенных.*

Приветствую тебя заочно, молодого, за сочувствие ко мне, старому художнику. Прими от меня, Николай Шемарин, наилучшие пожелания во всех твоих творениях. Никогда не забуду честных людей, строителей чего-либо нового, прекрасного для будущих людей. Моя судьба сложи-

---

*Кемеровский художник.
**Кемеровский художник.

лась так – пришлось встать на старости лет в один ряд с молодым поколением строителей для будущих людей.

Селиванов И. Е.

4 марта 1978 года.

Кушниковой Мэри Моисеевне

Здравствуй, товарищ Кушникова Мэри Моисеевна! Благодарен за Вашу посылку и Вашу открытку. Очень поучительны работы художника Д. Доу про героев войны 1812 года и описание, то есть приложение к этим героям. Интересны и работы Горьковского музея.

Мэри Моисеевна, Вы говорите, что у Вас имеется журнал „Декоративное искусство“ № 7, в котором очень хорошо пишут про Ивана Егоровича. Не можете прислать мне его для проработки? В крайнем случае, я возвращу его Вам.

Разговор продолжается дальше. Каждый человек зависит от дела своего производства, то есть от выпускаемой продукции, а продукция есть товар или пища человека. Вы причисляетесь к отделу культуры, у Вас есть хозяин большой. Отдел культуры объединяет несколько подразделений: в его состав входит музыкальное дело, киноискусство, театральное дело, парки, зверинцы, художественные союзы, издательства по делам культуры и прочее. Значит, И. Л. Курочкин (начальник Кемеровского управления культуры. – *Н. К.*) должен быть ученым в каком-то деле, понимающим и в остальных делах, состоящих под его руководством. Своим подчиненным он должен отвечать без всяких вымыслов, реально, справедливо, а у Курочкина этого нет.

Он говорит, что восемь-десять лет тому назад посылал ко мне Суворову. Это неправда. Суворова у меня была в начале марта месяца 1974 года. Весь день она что-то писала, а что – я не знаю. Сам И. Л. Курочкин у меня не был и не знает, где мой дом. Из областного Дома народного творчества никогда никого не было, кроме Валентины Александровны Плешковой, которая приглашала на семинар почетных людей Кузбасса в 1974 году . . . Семинар продолжался от 25 по 30 июня. Она была послана, по-видимому, Курочкиным И. Л. Больше из Кемерова у меня никого не было до Вашего приезда.

С Вашим начальником Курочкиным И. Л. разговаривать надо осторожно. Желаю Вам плодотворно работать. До следующей встречи. Я

пренебрегаю такими начальниками, которы своим подчиненным врут всякую нелепость. Писано 23 августа 1977 года.

И. Е. Селиванов.

Здравствуй, Мэри Моисеевна!

Ваше письмо и открытки получены мною 9 октября. За Вашу заботу и отношение Вашей личности к моей чрезмерно благодарен. Много дел у Вас, а дела очень сложны и имеют кровную связь с художественным словом. Я не волнуюсь за выполнение работы Вами: Вы выполняете ее хорошо.

При проработке Вашего письма увидел, что у Вас кое-какие неполадки, из-за фотографа. Он не проверил фотоаппарат, поэтому фотосъемка вышла на „плохо". Это значит – тормоз всей Вашей работе. Предлагаю выехать ко мне для повторных фотосъемок.

Насчет книги-словаря разговор будет тогда, когда его изготовят и предоставят Вам. Буду ждать, а мои книги получите, когда приедете ко мне. Неполадки-дефекты в работе бывают у всех, ну, одним словом, все это нужно исправлять. Пожелаю Вам успехов в выполнении этого задания. До следующей встречи, до свидания. 11 октября 1977 года.

Селиванов Иван Егорович.

Кто ласково говорит-поет, подобно соловью-канарейке, тот вечно врет по своей природе внушительны слова неправды. Поверить можно лишь доброму наглядному делу. *Я не расстраиваюсь, что кто-то где-то меня ругает, а может, проклинает. За что-почто? Язык лепечет порой безумно и нелепо. Пусть говорят про меня, что угодно. Что заслужил, то и получил. Вы не подумайте, что считаю себя умным-разумным северным стариком. Нет, я не умный и не разумный. Рожден северной природой-матерью, нахожусь в ряду простых, как сам, людей. Ничем не отличим по фигуре-личности, опрятности, а незнакомый человек может сказать про меня: „Этот старый черт – вор-мазурик . . .*" Работа вечерняя 17 октября 1977 года.

И. Селиванов.

Я не знаю, Мэри Моисеевна, как вы разбираетесь в моей писанине. Каждый рассматривает другого человека по своему понятию. Что ни голова – так ум. А

тактика ума у каждого своя. Это не секрет. Запомните: у людей, совершающих полезный труд, секретов не может быть. Секреты, в частности, разводят такие люди: бандиты, воры, проститутки. Я думаю, у вас имеется уклон, как у писателей-прозаиков, поэтов-лириков. Вашей писаниной доволен. Если все написанное мной будет полезно для вас и других литераторов в рамках областного значения, можете все оставить у себя, а если писанина будет бесполезна, вышлите ее мне обратно. Если одна не разберешься в написанном мною, сходи посоветуйся с идеологом литературы. Утрешня работа, 18 декабря 1977 года.

И. Селиванов.

Занимался подготовкой к работе над портретом своего учителя (Ю. Г. Аксенова. – *Н. К.*). Изучал фотокарточку. Не знаю, что получится, я с карточек не рисовал. А эта блекла, затребовал другую, более четку. Такое мое занятие впервые, если сделаю „на хорошо", это будет моя удача.

О состоянии здоровья: пока еще дрыбаю-брожу, смерть придет – умирать буду. Как вы, Мэри Моисеевна, живете? Как чувствуете себя? Над чем работаете?

До следующей встречи.

Селиванов И. Е. 5 апреля 1978 года.

Здравствуй, Мэри Моисеевна! Долго я мечтал о вашем журнале „Огни Кузбасса", в котором ты хотела писать обо мне большую статью. Так и не дождался журнала к сентябрю 1978 года. Мои мечты складывались так: статья ваша вошла в брак. Вот поэтому и не пришел ко мне журнал. 15 августа 1978 года был у меня посланник из Кемерова Грызыхин Виктор Никифорович, который заснимывал меня для журнала. Он мне говорил: „Я скажу редактору, чтобы выслал вам журнал". Так этот журнал и пропал. Ну, что поделаешь: что пропало, того не найдешь. *Это не редкость, что человек о человеке не заботится. Многи заботятся только о своих личных интересах.*

30 августа 1978 года ко мне приезжал Берг (он работал в Кемерове председателем Союза художников около десяти лет тому назад) с группой художников – 16 человек. Он был в группе старший. Все художники зарисовывали меня в блокноты. Они ездили по Кузбассу по назначению Союза художников РСФСР, и кто-то позаботился о Селиванове Иване Егоровиче. 1 января 1979 года.

В какой бы точке наземной я бы ни находился, это природа меня обнимет! Стары мои глаза не так уже смотрят. Все помутнело вокруг меня. Селиванов Иван Егорович. 7 марта 1979 г.

Здравствуй, Мэри Моисеевна! Получил Ваш журнал „Огни Кузбасса". Хорошо пишете. Даже очень хорошо. Окружающие меня люди восхищаются и не верят в мои такие достижения большие. Я сам ничего не могу ни прибавить, ни убавить. На это я не имею никаких оснований.

Да! На все способности нужны, а главное, трудолюбие. Труд есть основа всей жизни человека, все остальное придаточно. Я изделал два портрета для Москвы, там скоро будет выставка. Просят обязательно выслать. Если Вы заинтересованы, возьмите лучшего фотографа по цветной съемке и заснимите, а если нет, то дело Ваше. Посоветуйся с отделом культуры и музейным работником. Они знают, что нужно делать для культуры города. Мое мнение об их работе: лишь бы пень колотить, да день проводить, да жалованье получать побольше.

Я Вам посылал тетрадь-писанину, Вы в этой тетради нашли что-нибудь полезное или нет? А может, в мусорный ящик бросила, печку растоплять будешь? Это мечты-думы, а полезна писанина для литературы или нет, я не знаю. Если есть в этом значение, то рано или поздно соберется в какой-то плод. Пока до свидания, Мэри Моисеевна. Это говорил Селиванов Иван Егорович. Вечерня работа 1 апреля 1979 года.

Здравствуй, Мэри Моисеевна!

С откровенным человеком можно поговорить по-откровенному. Вы спрашиваете, был ли у меня фотокорреспондент из „Шахтерской газеты"? Был 24 апреля 1979 года. Сказал: меня к вам послали кемеровские работники телевидения для заснятия двух работ. Это работа проделана им, Равиловым Алексеем Савельевичем. 26 апреля 1979 года.

Здравствуй, Мэри Моисеевна!

Какие у вас чувства, обстоятельства на настоящее время и будущее? . . Значит, чем вы занимаетесь и будете заниматься? Вы не волнуетесь? На каждое дело, чем бы человек ни занимался, требуется материал для выполнения

продукции. Если нет материала, то никакой мастер продукции дать не может для общества. Вывод: мастер должен черпать материал для выполнения продукции в том обществе, в котором он живет. А как черпать? . . Общество богато всем, что необходимо для жизни человека-мастера, но оно распылено и состоит из множества людей. У каждого человека свои мысли и дела. Какой бы мастер ни был, если он не имеет подхода к человеку, то такой мастер материала для выполнения продукции не добудет. И золотой мастер ничего полезного для общества не изделает. 27 февраля 1981 года.

После картины „Мой дом, моя родина“, которую вы видели летом 1980 года, я работаю над портретом жены Варюши с фотокарточки, которая снята неважно, неясно. Поэтому сталкиваюсь с затруднениями. Да! Кто с этими затруднениями не сталкивался? Только тот, кто не занят творческим трудом. Над этим портретом придется посидеть еще около двух месяцев. Причем если будет успех, а то человек может всю жизнь прокорпеть и не сделать работу до самой смерти. Все зависит от таланта мастера.

После окончания портрета сообщу: можно будет приехать переснять эти две работы. Разговор этот условно-предварительный. Обстоятельства жизни меняются с каждым днем. Сегодня живем, а завтра свезут на кладбище. Вот такая наша человеческая жизнь. До свидания, до следующей встречи. Передай любимому (мужу Кушникову Юрию Алексеевичу. – *Н. К.*) привет от меня. Прочитай это письмо ему. Селиванов И. Е. 1 марта 1981 года.

Здравствуй, Мэри Моисеевна! Отвечаю на ваши письма в силу вашей тревоги сердечной. Приболел я немножко, это с каждым бывает. Вот поэтому и получилось запозданье с ответом. Прошу извинить. Нельзя поехать мне на ваше приглашение. (Кушникова приглашает погостить в Кемерове. – *Н. К.*). Хозяйство у меня большое, а сколько добра в моей хате-избе . . . В кухне на вешалке рабоча фуфайка висит. Заберутся злодеи-воришки, последню фуфайку и ту унесут, а на злобу прокляту избушку сожгут! Все это придумал и собрал в уме: не поеду.

Юрию Алексеевичу прошу передать особый привет с пожеланием высокой трудоспособности на общее дело нашего русского народа.

Всякие науки собирались из накопления опытов человечеством через многие тысячелетия. Основоположник наук – простой человек, способный мыслить и развивать мозги в излюбленном деле. Всякая наука исходит из практики. Селиванов И. Е. 2 января 1981 года.

Здравствуйте, Мэри Моисеевна и Юрий Алексеевич! Благодарен за вашу созидательность и душевное отношение к моей личности, хотя моя личность стара и неприятна многим другим молодым. . .

В нашу современность человек обязан развивать умственные способности во всех сферах жизни. Если он не может найти путь к будущей жизни, остается умственным калекой, идет самым задним в человечестве. Идущие по жизни передовые не оглядываются, кто там ползет за ними.

Наша жизнь зависит от маленьких или больших денег. Люди говорят: без денег везде человек худенек. Значит, не имеешь денег, независимо от ума-разума, идешь самым задним. Поэтому всякий человек прокладывает путь к большим деньгам. А эта борьба за деньги всегда связана с эксплуатацией человека человеком. Пока не исчезнут деньги, будут существовать всякого рода неприятности кикимор (начальников. – *Н. К.*) между людьми.

В наше время мало что изменилось, по сравнению с далеким-далеким прошлым. Вывод: с развитием человека и средств производства растет жадность на деньги, на роскошь. Остановить ее невозможно.

23 июля 1981 года меня вызывала заведующая отделом культуры города Прокопьевска Уколова Светлана Михайловна. Она мне сообщила: секретарь обкома партии Горшков якобы дал распоряжение назначить мне, Селиванову И. Е., персональну пенсию. Считаю: за денежное дело никто из отдела социального обеспечения отвечать не возьмется. В силу не имеющихся документов. Указание Горшкова не будет выполнено. . . Это возможно осуществить только в следующем случае: я проработал на государство более 30 с лишним лет по просьбе моего педагога Аксенова Юрия Григорьевича (имеется в виду заочное обучение в ЗНУИ и создание более двухсот работ. – *Н. К.*). Возможно ли присоединить мой труд к труду уходящих на пенсию писателей-художников?

Создается целая канитель, которая никому не нужна. . . Вчера 21 октября, на вечерней заре, был у меня Сухацкий насчет улучшения моего положения. Пробыл, может, с час. Этот вопрос был мной выпущен в силу скороспешки и необдуманности. *Думаю, возможно все изделать, если разница в стоимости моего творческого труда и труда обыкновенного, которым я также занимался на пользу государства, будет возмещена мне следующим образом. Я прошу сломать мою стару избушку, построить нову по той же конструкции с некоторым изменением. Провести водопровод, потому что вода – это пища человека, а ее у нас в поселке нет.*

Решать вопрос советую не спеша. Работа большая. О результатах сообщишь. До свидания, Мэри Моисеевна. Передай привет своему другу. Селиванов И. Е. 22 октября 1981 года.

Всякие власти на нашей планете – иждивенцы народа. А иждивенцы – это бедные люди. Они не имеют ни копейки. Народ сам решает свою судьбу. Нет денег в народе – страдают и народ, и власти. Откуда помощь ждать?

Мэри Моисеевна, эти выдержки прочитай с выражением своему другу-супругу и спроси у него о значении написанного мной. После сообщишь. Всего наилучшего в вашей жизни общей. Жду ответ без преувеличения. Селиванов И. Е. 8 ноября 1981 года, вечер.

Да! Людмила Ильинична Ананьева (кемеровская журналистка. – *Н. К.*), видно, имеет авторитет среди своих сотрудников. Имеет образование по своему делу – это хорошо, но задуманное ею насчет персональной пенсии для меня не осуществится. Речь не о грошах, а о тысячах рублей. Никто из государственных работников на помощь мне не придет. Каждое подотчетное лицо боится истратить не по назначению даже копейку. Никакое красноречие не поможет, если нет документов. Пенсию можно охлопотать лишь через директора Заочного народного университета искусств, а он не даст такую справку, что я работал для народа как художник 34 года. Надо хлопотать через Верховный Совет. И те откажутся. Много дела. Но испыток – не убыток. Жду ответ о результатах.

Спрашиваете, Мэри Моисеевна, над чем работаю. Летом прибаливал, еле-еле справился с огородными работами. С наступлением холодов

рисовать в избе никак нельзя, от пола ноги мерзнут даже в валенках. Спасаюсь на кухне. Но и там приспособиться рисовать невозможно – тесно. В общем, из-за этого ничего не делал ни лето, ни зиму. Дожидаюсь потепления. Хотя бы изделать Петю-петуха.

Пока всего хорошего. Найлучших успехов в вашем труде. Привет Юрию Алексеевичу. Прочитай это письмо ему с выражением, а мне пришлешь ответ со всею искренностью и с критическим осмышлением. Селиванов И. Е. 28. 1. 1982 год.

Литвякову Михаилу Сергеевичу

Где бы мы с тобой ни жили, в большом городе или захолустном месте, на самой окраине земли, везде видим голубые небеса и просторы земли . . . Это сущно наше житейское, всех людей широкой земли. Все мы боремся за свободу слова, за свободу труда своего. Все мы, люди, связаны законами, как грешники цепями железными. 23 мая 1986 года. Селиванов Иван Егорович. Храни.

Долматову Владимиру Петровичу*

Дорогой товарищ Долматов, я с тобой и ты со мной знакомы в личность давно. По возрасту я для вас дедушка. Вас считаю неплохим работником печати, потому что с ответственностью обдумываете, как писать так, чтобы вас понимали все. А в основном наши советские работники печати мало обращают внимания на свой язык. Человечество по всем специальностям работает лично на себя, но если мы, русские, откроем дорогу к лучшей жизни, то будущие поколения во всем мире будут рукоплескать нам многие-многие века.

Я прожил 81 год, вы – человек молодой, но *каждое прожито время, если оно пройдено реальным путем жизни, мы должны хранить в памяти своей до конца*. Дорогой товарищ Долматов, я восхищаюсь вашей добротой по отношению ко мне. Селиванов И. Е. 17. 11. 1987 года.

---

*Главный редактор журнала „Родина“.

Путевой обходчик. Автопортрет.

„Мы, люди,

по-разному живем

и по-разному

понимаем жизнь

свою.

Кто как может

ее построить.

Это моя мысль,

это моя фантазия

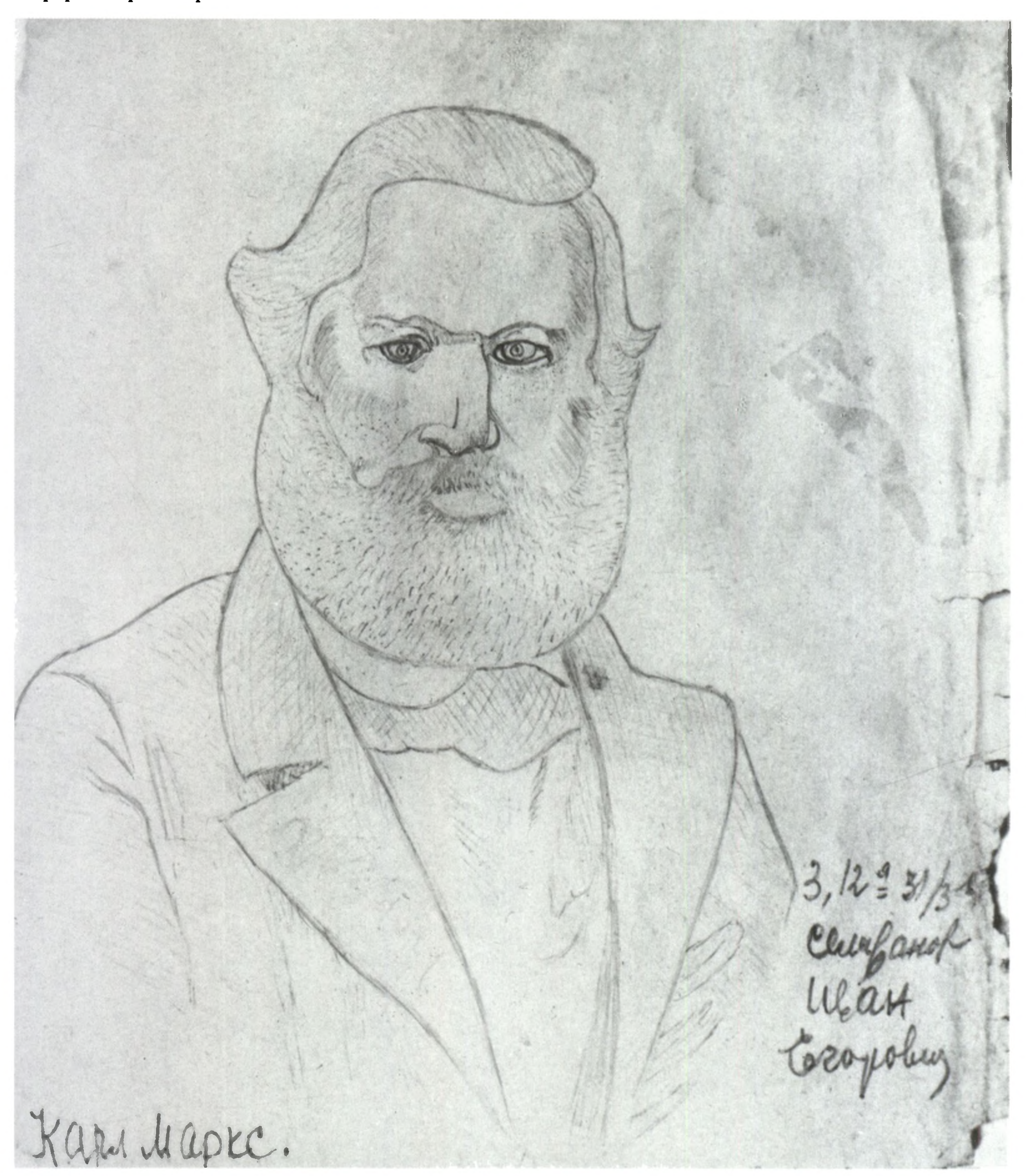
мысли,

без фантазии

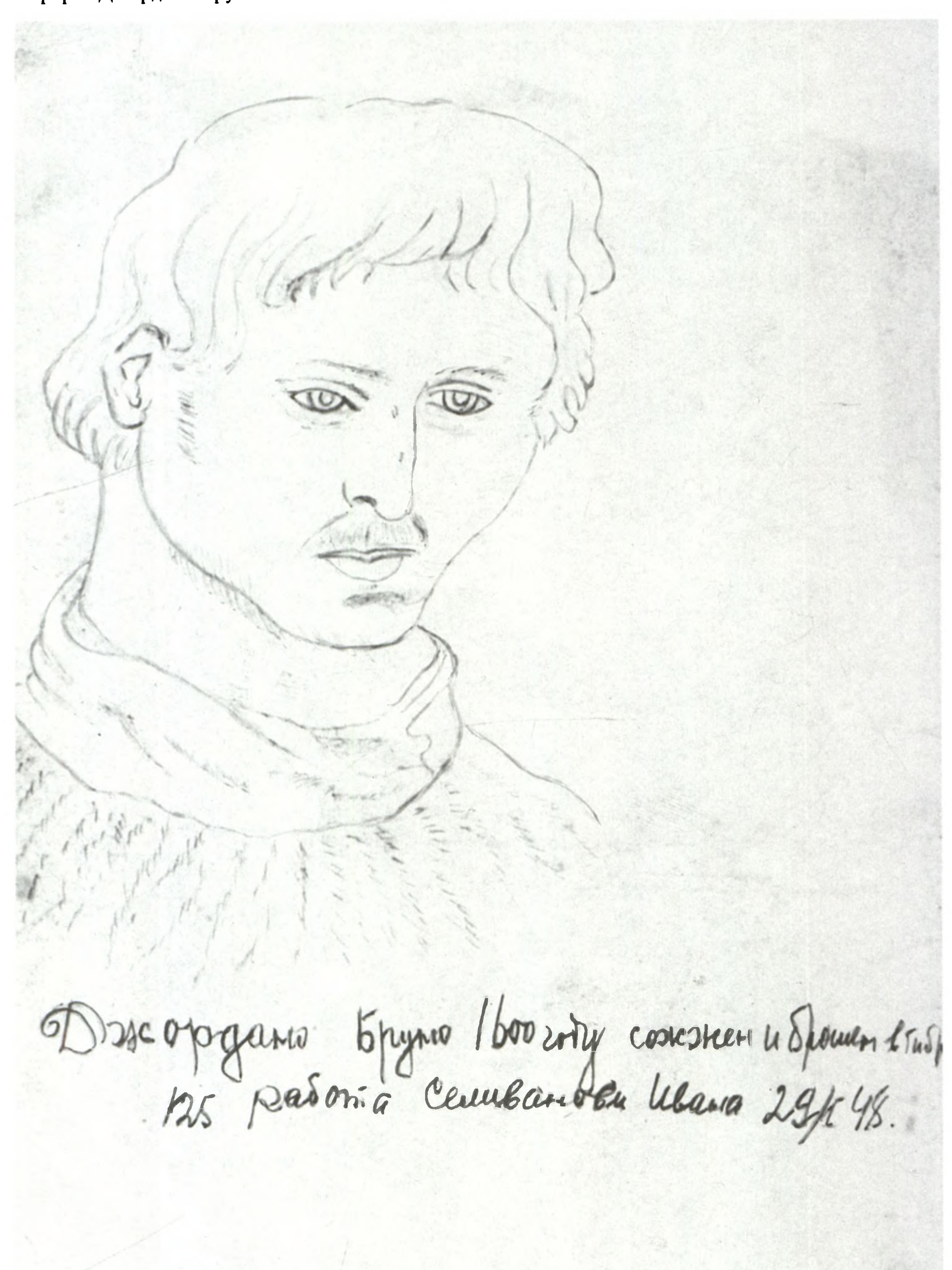
жизнь деятеля

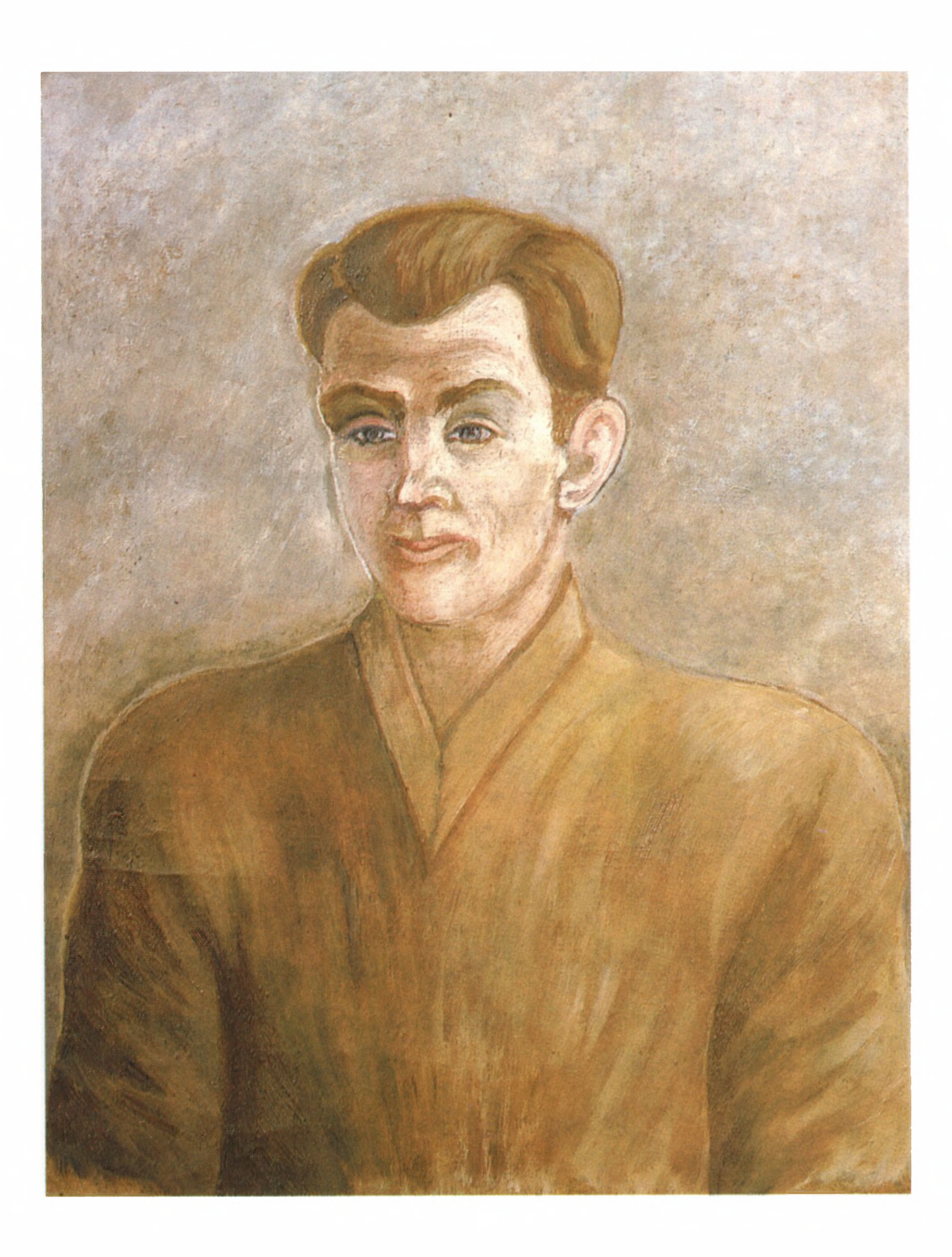
невозможна“.

Портрет Карла Маркса.

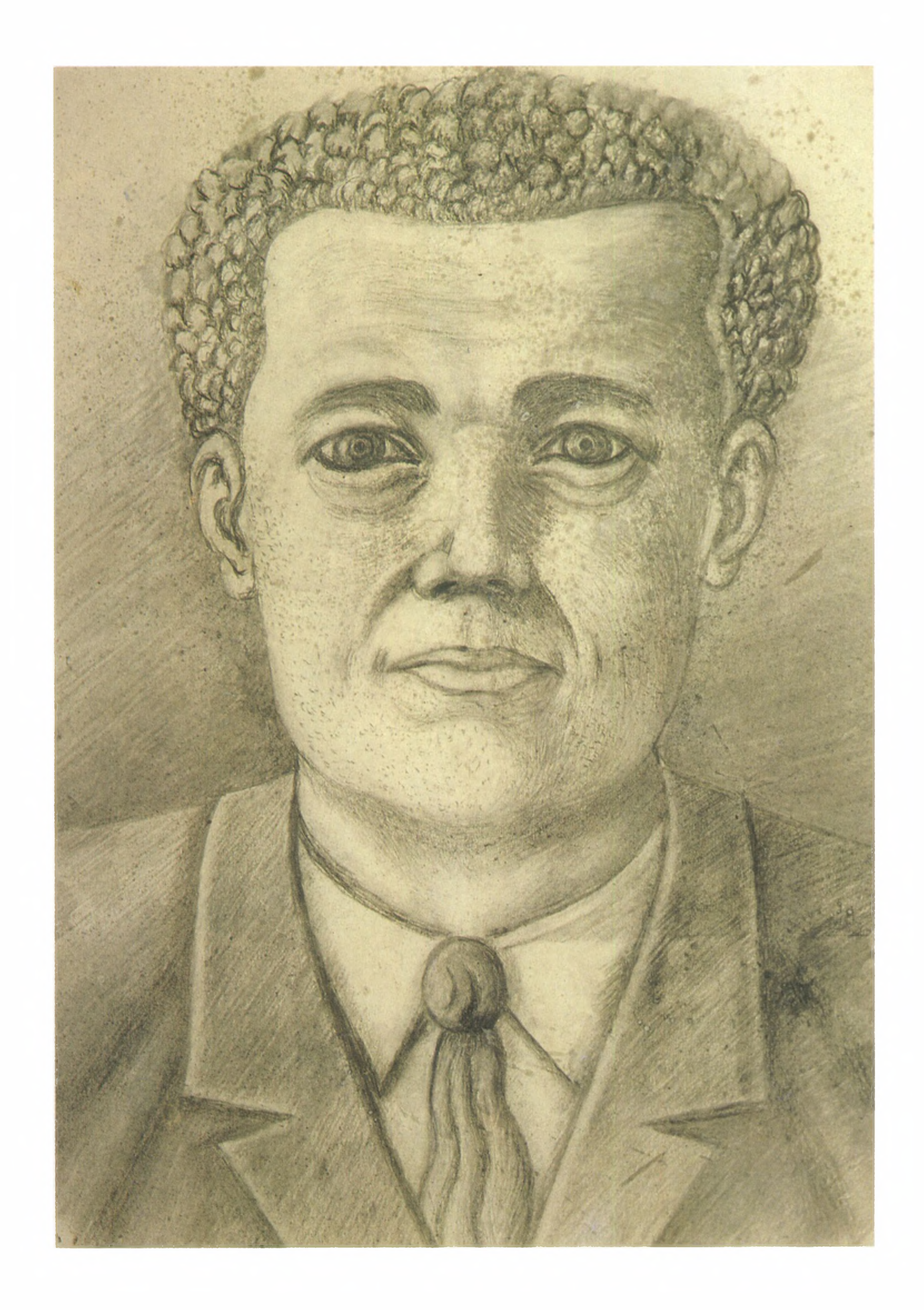
Портрет Джордано Бруно.

Портрет рабочего.

„Человек рождается
не сам собою,
он приходит
в этот мир по какой-то
никому не известной
причине, и он связан
со всем живым.
Если человек честно
относится
к своему труду
и своим товарищам,
значит, он выполняет
закон о справедливом
общественном труде“.

Портрет режиссера М. С. Литвякова.

„Где бы мы с тобой ни жили – в большом городе или захолустном месте на самой окраине земли, везде мы видим голубые небеса и просторы земли . . . Это сущно наше житейское, всех людей широкой земли. Все мы боремся за свободу слова, как за свободу труда своего. Все мы, люди, связаны законами, как грешники цепями железными“.

Сказы, притчи

Чтобы прожить день
с истинной правдой
на земле, вам надо много
поработать с утра
до вечера над собой.
Чтоб сердце и душа
по чистоте своей
были равны янтарю
или солнечным лучам.

СТРАШНОЕ СЛОВО – БЕЗРАБОТИЦА

В природе имеются две силы: сила естественная, то есть стихия, и сила искусственная, то есть ум человека. Та и другая не имеют пределов, то есть не найдется третья сила, превышающая эти две. За основную считаю – силу человеческого ума.

Все мы знаем свои жизненные дороги. Знаем также дороги отцов и матерей, но не знаем по-настоящему, как жили до нас отдаленнейшие родственники всех времен и поколений.

Цель жизни у каждого, независимо от национальности, быть свободным. В человечестве веками один зависел от другого. Такая микстура была по воле тех, кто больше знал. Справедливые законы труда и быта были, есть и будут; кто нарушает государственные законы, того карает рука человеческая. Все мы стремимся к лучшей жизни, но наше стремление неосуществимо. Потому что независимо от справедливых законов человек угнетает человека и наживается за счет угнетаемого.

У каждого своя правда: как хочу, так и ворочу. Это значит: хозяин – барин, что хочет, то и делает. Кто имеет силу ума, подкрепленную техническими средствами, тот – господин средств производства, поработитель рабочего человека. Рабочему по необходимости приходится продавать себя, чтобы не умереть с голоду. Рабочий тянется к тому господину производства, который платит дороже хотя бы на копейку в час. Господа эти захлебываются в рабочей силе, они роются в ней, как жуки в дерьме, смех!

На международном рынке скапливается огромное количество товаров, и многим господам приходится закрывать двери заводов и фабрик и увольнять рабочих. Печаль и горе для рабочих, особенно для тех, у кого на иждивении кто-либо из родных.

В больших городах рабочий не имеет собственной жилой площади, то есть своего дома. Значит, нечем оплачивать квартиру, и приходится покидать ее и скитаться, где придется. Дело серьезное, дело печальное, скапливается большое количество безработных. Каждый безработный перед выбором: жить или умирать?! Умирать с голоду никому не охота. И приходится бросать былую честность и идти на всевозможные преступления, несмотря на неприглядность этих занятий и общее негодование.

Эта картина жизни затрагивает мозговую систему и у всех нормально живущих людей: они тревожатся о завтрашнем дне. В мире немало умных людей, но каждый из них заботится только о себе, своей жизни и

своей семье. О людях безработных, голодных и холодных мало кто беспокоится-думает, как я понимаю.

Но должны найтись умнейшие из умных, которые направят общественную жизнь в нормальное русло. Сделают так, чтобы люди всех наций жили, радовались, мало о чем беспокоились. Да и немало было их, умнейших из умнейших, которые блуждали в поисках правильного устройства общества. Наука, литература, искусство практически не помогают улучшить жизнь людей. Исключения возможны, но этого недостаточно.

Человек, получивший образование, специалист своего дела. И вдруг он оказывается в рядах безработных! Значит, и он бесполезен для общества? Как такое могло случиться? И вот специалист и простой рабочий сидят и ведут разговор об улучшении личной жизни. Значит, никто из умнейших не застрахован от звания „безработный".

ВОЛНЫ КОЛЕБЛЮТ МОРЕ

Буря бушует над морем. Вы стоите на берегу морском в ненастный день. Какое чувство у вас в мозговой системе, когда смотрите в ненастну погоду на море?

Волны с силой бури бьются о берег морской. С небосвода в это время дождь поливает. Ничего не видно. Только слышен рев урагана над морем. О! Как чувствуют себя моряки-капитаны, ведущие суда свои к берегам, в это время?!

ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

С каких пор вертится солнце вокруг оси своей – никто не знает . . . С каких пор человечество начало развиваться на земле, также никто не знает . . . Редко кто из образованных-умных людей не интересуется общественной жизнью, каждый хочет что-то познать, чему-то научиться . . .

Образование – не вымысел и не фантазия, и не что-то такое, что можно сразу „взять" от природы. Образование – это труд человеческого ума над каким-либо явлением на протяжении сотен, а то и тысяч лет. И наконец человек приходит к точке, окончательно определяющей это явление, и получает признание от современников. Например, вы лечите человека, значит, у вас есть знания и практика в этой области, и вам не обойтись без медицинского образования.

Современные люди – это не наши деды и прадеды, которые жили сто – сто пятьдесят лет назад. Они научились многому с тех пор, как было открыто печатное слово ученым Иваном Федоровым. Еще большему научились они, начиная с первых лет Советской власти в России. Честь и хвала строителям Советского государства! Благодарность от нашего русского народа! . . Во времена моей молодости на моей родине в Шенкурском уездном городке Архангельской губернии была одна школа-десятилетка. Специальных технических школ и высших учебных заведений не было.

Параллельно с получением образования развиваются большие недостатки в людях. Каждый с юных лет мечтает, чем бы ему заняться, чтобы жилось отлично, что значит – роскошно. Многие молодые люди не могут определить, к чему способны. И вместо того, чтобы получить специальность, скажем, портного, человек учится на инженера, а работает . . . плотником. Значит, получается несовпадение желаемого и действительного. Значит, человек не сможет эффективно работать, и жизнь у него пойдет „ни рыба – ни мясо". Он не даст продукции, которая удовлетворила бы его потребности. Значит, пропали мечты юных лет об отличной жизни?! Плохо – и очень плохо.

Но вы, молодые, можете исправить все свои ошибки. Не волнуйтесь, не расстраивайтесь. Возьмите себя в свои руки могучие, придайте себе непоколебимую волю. Отбросьте от себя всякое прежнее детство. У многих людей детство сохраняется навсегда, что тормозит жизнь зрелого человека. Такие люди живут очень плохо, с шаткими мыслями, с расхлябанностью ума, и делают всякого рода непотребные варианты в общественной жизни.

Вам необходимо найти путь жизни, пока вы молоды. Научиться такой профессии, которую действительно любите, как сам себя, свои глаза, тогда ваш труд будет эффективен. И вам будут платить высокую плату. Этим вы успокоите свою душу, сердце и ум, войдете в нормальное русло общественной и личной жизни. Если добьетесь таких успехов, будете жить, как раньше говорили господа, по-райски, а если перевести на современный язык, по-коммунистически.

Коммунизм в человечестве существует издавна. Я бы сказал, с появления международной торговли, с развития промышленности и образованности человека. Без специального образования человек не может работать на ответственной работе. Значит, спецобразование нужно всегда.

ГИМН ЛЮДЯМ ТРУДА

„Куда вы идете с утра, солдаты, солдатки труда?!“ – „Мы идем на заводы и фабрики, на морские суда, на поля, на заготовку лесов, на добычу угля из шахт, на свои рабочие места, которы трудно перечесть. Все мы трудимся на одного короля труда! За хорошу-отличну работу платят нам по усмотрению королевски прислужники. Как сумеют приопутать, обмануть, так и заплатят. Полностью королевски приспешники не платят нам никогда. Вы видите: одеянье на нас мало у кого хорошее, все мы тощи, исхудалы.

Если ты человек образованный-вразумительный, поразмышляй сам с собой, пораздумайся! Зимой морозною горе и слезы нам – надо идти в дремучий лес на заготовку бревен-лесов. Не пойдешь один день на работу тяжелую, будешь голоден, как пес, привязанный на цепь у нерадивого богатого хозяина! Все муки-невзгоды переносят солдаты-солдатки труда, а также наши дети. Сколько нас есть, нам здесь не счесть . . .“

Много дел, раздумий и помыслов у королей труда на широкой земле. Их цель – накапливать капитал за счет солдат и солдаток труда. Все короли – единомышленники в том, как опутывать трудовой народ. Рабочие люди, особенно чернорабочие, ничего не могут сказать в свою защиту королевским прислужникам. Потому и бедствует трудовой народ всех стран.

Все люди без исключения служат хозяину своей страны. Никаких жалоб от низших слоев трудящихся он не принимает. Никакие слова литераторов-прозаиков, поэтов-критиков также не принимаются. Так и продолжается все – кто вечно роскошно живет, а кто плачет и стонет и чего-то все ждет неизвестно от кого.

Миллионы людей веками мечтали свободно пожить. Все чаянья-помыслы о жизни свободной были закрыты теми, кто имел и имеет в своих руках капиталы, большие иль малые. „Свободу труда, свободу слова нельзя людям дать“, – говорят те, кто роскошно живет за счет солдат и солдаток труда.

Если дать трудовому народу свободу, то поймет любой король труда-господин: власть роскоши в любом государстве отпадет! Да! Закружились головы у господ труда!!! Обеспокоились их прислужники, опустили головы к земле все чиновники. Помутнели их глаза, призадумались они.

В трудовом народе есть люди грамотны и развиты умом-разумом. Им

не страшна ни одна работа – служебна обязанность. Но наконец трудовой народ встал на ноги на одной точке земли. Провозглашал, торжествовал эти слова, рядом сказаны, – свободу труда и свободу слова. Ура-а-а-а, ура-а-а-а, ура-а-а-а!!!

ВПЕРЕД К СВОБОДЕ ТРУДА И СЛОВА!

Часы вечно тикают, время чуть ползет, незаметно глазам человеческим, а то быстро мелькает со скоростью молнии. Вы поймите, народы всех наций: веками вы в кабале у господ. В наступающие дни переменны мы стали свободней дышать, говорить на собраньях про общественные дела, про господ труда. Да здравствует свобода слова и труда!

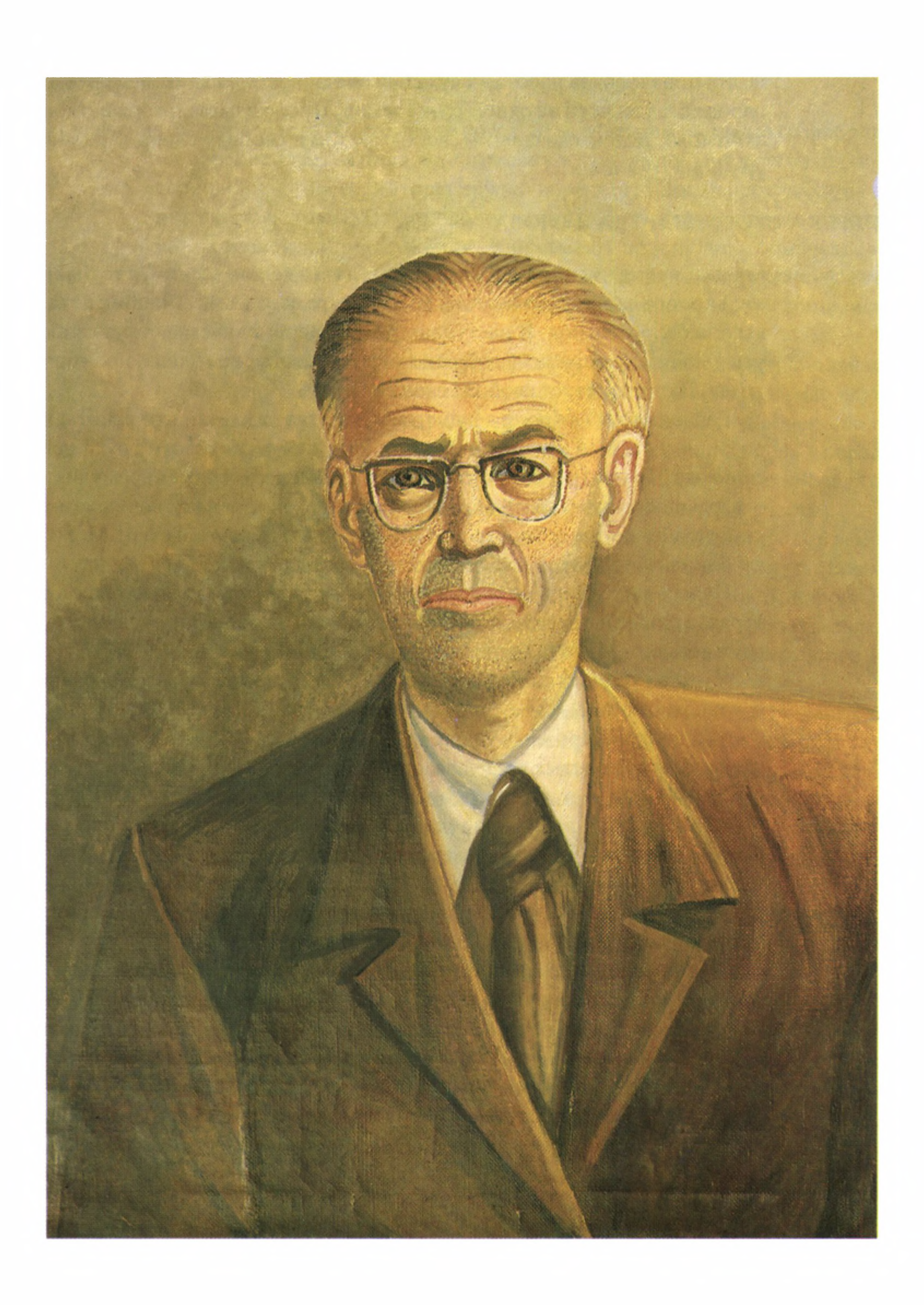
Господа труда-короли в душе насмехаются над теми, кто в люты морозы по желанью на воле работает. Сколько ж тяжелого труда непосильного! Трудно пером описать. Порубщики леса стонут в дремучих лесах, распиливая деревья на бревна. Тут же свозят бревна к речушкам-рекам, чтобы не занес их буран. Ой! Какое изнемогательство! Мороз и глубокий снег заготовщикам бревен-лесов – помеха.

Нужда заставляет человека танцевать, играть на пьедесталах в театрах, а также измываться над себе подобным за малейшу провинку. Палачи есть везде, где бы ни жил человек.

Я – член коллектива простых людей. Век прожил, как все, на равных условиях. Счастье это мое иль несчастье, не знаю, но королем труда никогда я не был. Прожиту жизнь мне не жалко. Моя очередь умирать. И хотя никто из простых людей радости-счастья не испытал, люди продолжают бороться за лучшую жизнь, за просвещенье!

Капиталисты живут по единым законам, образованье одно все имеют, но и у них имеются разногласия в руководстве хозяйствами, в политических важных делах. Один жестко держит подчиненных в своих руках, другой – поблажку-вольготность дает в работе и слове, но ни у кого из властителей нет заботы о своем народе.

Жизнь человеческая идет самотеком, как вода в русле большой реки течет вечно и бесконечно в низовья и наконец соединяется с морем. Кто понимает смысл этой картины, тот представляет все страдания, которые несет человеку капитализм. О свободе труда и слова в давни времена никто и не мечтал. Может, и были дальнозорки мечтатели-пророки, но все они смотрели на происходящие события как наблюдатели.

„Здравствуй, Юрий Григорьевич! Дорогой мой учитель! . . Работа должна быть по душе, это и составит счастье человека. Но имеют это немногие из людей, проживающих на белом свете. Каждый счастливый человек – добросовестный, он хорошо зарабатывает на личную и семейную жизнь и живет безбедно“.

Были войны, были мелкие столкновения и драки. Одни люди, сильные умом и физически, побеждали более слабых. Всякого рода перебранки и споры слышны и в наше время в разных уголках планеты: одним нравится жить при капиталистическом строе, другим – при социалистическом.

Трудно определить свое отношение к этому человеку, стоящему между двух систем управления государствами. Говорят, в лесу родился, пню молись. Все вроде у такого человека определено, волноваться не о чем, но как бы хорошо он ни жил, стремится жить еще лучше. Ему не нравится житье-бытье в обстановке, в которой родился и воспитался, и он начинает изыскивать путь к лучшей жизни.

Но без чьей-либо помощи дорогу эту не найти, каким бы умственно развитым и образованным ты ни был. Одинокий человек – все равно что столб в поле, в обществе людей он мало полезен или совсем бесполезен.

В далекие годы школой служил людям труд. К чему человек был способен, то и делал, так все и совершенствовались. Потом из этого стали извлекать теорию и по каждой специальности создали настоящую школу.

Как видите, перед молодыми людьми, которые умеют читать и слышать, затворы открываются в полную мощь. Надо только работать над собой, не обращая внимания на реплики и смешки, отрицательные вымыслы тех, кто думает по-другому.

Перед нами, людьми мира, стоят представители двух государственных систем, и каждый защищает интересы своего общества. Кто победит – это важно для каждого честного труженика, который сам добывает себе кусок хлеба, жилище, одежду – основу жизни, а потом, бывает, прибретает и предметы прихоти-роскоши. Перечислять их не буду, потому что их множество, но людям простого труда, всюду малооплачиваемым, думать о роскоши обычно не приходится.

Пусть думают об этом приспешники государственных чинов, которым больше-дороже платят, и не из уважения к личности, а просто за исполняему высоку служебну работу.

Все приспешники государственных чинов имеют высшее образование, скажем, металлурги изучают руды, из которых изготавливают железные изделия, чугун, сталь и прочие предметы – топоры, стамески, чугунки, кастрюли, пилы разных размеров. Одним словом, в каждой отрасли производства требуется свое образование.

ВСТАВАЙТЕ НА ТИРАНОВ!

Вставайте, люди всех расцветок, на места свои – с мечтой работать „на отлично“. Идите твердой поступью – работу вам дадут ваши господа. Ваш труд войдет в продукцию-товар, товар продадут на рынке всех государств. Господа ваши получат денежки золотые, сколько – никто из вас не будет знать. Это известно только господам, как и то, сколько вам заплатят. Работали мы с помыслом „отлично“, а получили жалкие гроши от господ.

ВРЕМЯ – КОЛЕСО

Часы тикают с незапамятных пор, секунды превращаются в величайшие века. Время катится! Солнце вертится! Не замечают глаза и умы человечества, как время катится издавна-давно. Время – не форма предмета и вещи, время – не растенья-явления в природе. Оно невидимо.

От вращенья солнца, от теплоты его происходят изменения во всем живом, и природа, и человечество меняются ежедневно. Конечно, редко кто замечает изменения в природе, но есть люди, которые изучают находящееся вокруг – специалисты по естествознанию, а также по общественным наукам.

Вот эти учены и должны построить дорогу к лучшей жизни для всех. Если они смогут построить эту дорогу, то оправдают звание ученых и оставят свои имена будущим поколениям.

ДОРОГА К ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ*

Человек рождается не сам собою, он приходит в этот мир по какой-то никому не известной причине, и связан со всем живым. Если человек знает цену труду своему и своих товарищей, значит, он выполняет закон о справедливом общественном труде.

Ученым всех познаний и степеней по своему делу-образованию предстоит поставить вехи-маяки, ведущие к лучшей жизни. Особенно это относится к молодым поколениям. Но могут ли учены построить такую до-

---

*Именно эта притча – камертон седьмой главы, потому что в ней отчетливее, чем в других, проступает светлый лик Селиванова – „собрата всех людей на Земле“, болеющего душой за обиженных и терпящих лишения.

рогу для своих детей и будущих поколений? Я бы сказал, могут, но с участием всего трудового народа. Если учены будут строить эту дорогу самостоятельно-теоретически, значит, они будут работать только для себя. Все мы, люди, зависимы друг от друга, все мы должны друг другу, потому-то и идет вечная борьба между нами.

Нужно создать такие условия труда для народа, чтобы не было различия в жизни простых людей и „господ". В этом и скрыт корень строительства дороги к лучшей жизни. Если соединить сознание простых людей и интеллигенции, можно создать все необходимое для жизни, сделать всех имущими и счастливыми. Но для этого нужны действительно образованны, преданны общему делу люди.

Ни в одной стране мира нет людей, которые не ощущали бы перед собой препятствий, чинимых государственным и частным капиталом. Когда же люди осознают, что труд – создатель всех ценностей, и самого человека в том числе, они скажут в один голос: „Мы должны идти твердой поступью к всеобщему счастью!"

А пока . . . Приведу небольшой пример из жизни детей. В какой-то местности, в городе или деревне, выбегают играть на волю из своих изб дети. В какое время – безразлично: утром, днем или вечером. Все они веселы, значит, сыты. Никто из них не думает о своем житье-бытье, пока не опостылеет им игра-забава.

Время подходит, солнце закатывается ниже, и ниже, и ниже и начинает отдавать последние лучи земле. Все в природе темнеет и тускнеет, дети покидают место, на котором играли, и спешат по избам.

Прибегая домой, дитенок обращается к родной матери: „Мама! Я есть хочу, как собачонок!" Мать смотрит в глаза ребенку и говорит: „Сынок, мне нечем тебя покормить, абсолютно ничего нет, да и не на что купить хлеба, ни копейки у меня за душой. Не знаю, как будем жить завтра. Некуда пойти заработать на пропитание . . ." Не вытерпело сердце у женщины-матери, и зарыдала она горькими слезами над своим дитенком. Таких явлений на широкой земле и планете сколько угодно. Есть в народе поговорка: „Сытый голодного не разумеет".

Много людей на нашей планете ежедневно думают об одном – как бы завтра не умереть с голоду и не замерзнуть. У них нет жилища, нет постоянной работы. Никто из господ труда и капитала на них не смотрит. Простой народ не в силах сбросить с себя гнет эксплуататоров.

Писатели-политики через книги и газеты борются с врагами-эксплуататорами простого народа. Но эта борьба голословна, бесполезна.

Книги и газеты грамотные люди пишут вечно, если собрать их все в одно место, получится не одна гималайская гора. Значит, никакая литература бедствий с трудового народа не снимает. И по-прежнему верна поговорка: „Родился от нищего – сдохнешь нищим“.

Литераторы былых и настоящих времен – фантазеры своего слова, они зарабатывают на этом труде себе на прожиток. Господа труда – короли финансов, безусловно, читают и прорабатывают фантазию ученых-литераторов, но в реальную жизнь людей не проводят. Поэтому литература, большая и маленькая, пока в застывшем состоянии. Утверждать, что литература принесла пользу народу, никто не может.

Бывает, читает человек замечательную книгу, и пока читает – кое-что помнит, отчитает – про все забудет. Значит, не хочет или не может он почерпнутое из литературы применить в личной жизни.

В каждом государстве литераторы защищают интересы правящих господ, а это значит, что нет свободы слова и труда для писателей-ученых. Поэтому все они становятся однобокими *литераторами государства,* в котором живут. Это понятно: *они танцуют и поют по воле одного режиссера труда.*

Не было на белом свете ни одного богатыря, который никого бы не боялся. В глубокую старину богатырей привязывали к деревьям и сжигали, а то клали на плахи и головы отрубали. Мало кто умирал из них своей смертью.

Читатели вы, читатели, по-разному смотрите на окружающий мир. Кто – с тревогой на сердце своем, кто – с унылым лицом и тоскливыми глазами. Какие в душах у вас впечатления? Понимаете ли вы, отчего появилось солнце и почему вращается оно над нашей планетой? Откуда появился сам человек на земле? Почему он страдает и другого гнетет? Почему измывается над себе подобным и живет не по-божески?

Все богатые, не стыдясь, ставят имена свои рядом с именами всевозможных пророков!!! Сколько их, бесстыжих людей, всякого рода прохвостов, по всем странам нашей планеты. Они маскируются среди простых мужиков и баб всех мастей-рас. Их маскировка красива-шикарна. Чаще всего эти прохвосты именем честных людей прикрываются.

Когда же мы правду людскую найдем? Никогда. Не надо думать-мечтать о правде народной. О! Правда ты, правда, у каких людей в душах ты таишься? Не видит тебя никто в мире людском. Ты вечно, правда, со своими врагами в борьбе за свободу труда и слова кровь проливаешь!

У правды врагов не сочтешь. Враги наставили на нее все виды оружия. А она прикорнула где-то в укрытии и смотрит тайком через щели на мир живой, необъятный, людской. Правда думает себе в одиночестве: „Сколько миру людского страдает за правое дело всенародное! Сил не хватает народу, чтоб сбить с копылков всех мошенников. Ни одному математику мира не перечесть всех страданий народных!

МОЛОДЫМ НА ЗАМЕТКУ

Добрые люди большой земли – все вы мои собратья. Прошу я вас от души: *не нарушайте законов своего государства и правил их. Добывайте себе на жизнь все необходимое трудом своим. Не протягивайте к чужому добру руки свои, не обижайте себе подобных ничем.* Трудно все перечислить мне, вы и сами понимаете, что хорошо, а что плохо. Это и есть основа всех правил и государственных законов.

Ко всему хорошему вы сами должны изыскивать пути-дороги. Учитесь у тех, кто больше вас знает. Если вы молоды, помните: умные люди на достигнутом не останавливаются, они вечно учатся и добиваются новых успехов и познаний. Есть у людей пословица – „век живи и век учись“.

СЕВЕР ТЫ МОЙ, СЕВЕР!

Танцуют девки, танцуют бабы молоды в летнюю пору на закате солнца. Они танцуют под гармонь молодого гармониста. Не хватает только парней. Где они танцуют? У болота на пригорке. На голоса гармони и на песни приходят и парни молодые со всей нашей деревни. Этот вечер особый для нашей молодежи.

Кругом тишина. Только разливаются голоса гармони, гармониста, а также молодых девок, баб и парней над тихим болотом. Всех возрастов люди живут в нашей деревне, и каждый по-своему слушает голоса в тишине. Без таких песен и танцев скучновато проживать людям в далеких деревнях, в глуши дремучих лесов, особенно на Севере. Да, можно сказать, и повсюду.

Солнце погасло, не видно вечерней зари. Молодежь разбрелась по домам. Над деревней – сплошная тишина. Не лают собаки, не мяукают кошки. Ночь нависла над всем живым с высоких небес, но еще кое-кто

не спит, видать по огням в избах. Но вот и тьма наступила – сплошная мгла.

Долго ли, мало ли спали люди в своих избах, пришло время утрешне. Пробивается от солнца заря через ночную мглу. Так ежедневно вертится солнце вокруг нашей деревни, так проходят над ней многи-многи века.

Боже ты, боже, какие были на этом месте дремучи леса! Трудно представить современнику жизнь человека в далеких веках. Леса вы, леса, местами какие красивые! Красотой своей человека притягиваете. Красота ко всему человека притягивает. Красота – это есть необыкновенный магнит во всех природных явлениях. За красоту парни девчонок любят, сопленосых, корявых, раскосых, кому какие нравятся.

Лес ты наш северный, обладаешь красотой необычайной! Кто посмотрит на пейзажи, удивляется. Сколько в тебе певчих птичек и птиц – всех красот! Есть немало людей, которы проживают в больших городах, и не видали тебя, лес, и издали, а не то чтобы побывать внутри тебя.

Лес имеет богатства огромны! Лес заготавливают на берегах малых рек и речушек лесорубы-порубщики в зимнее время, а с открытием весенних вод они же становятся сплавщиками. Смолокуры гонят из соснового леса смолу в специальных печах. То и другое продают на международном рынке.

Чем меньше лесного товара на рынке, тем он становится дороже. Лес для народов Севера – основной хлеб и продукт. Много из леса вырабатывается изделий: плетут бураки и всевозможные корзины, строят рамы и двери, а также дома деревянны, колеса-телеги.

Наша Страна Советов – самая богатая по лесным нивам, поэтому капиталистические страны мира стараются завоевать нашу страну всеми средствами. На нас направлено огнестрельно оружие последней техники, мы все должны быть начеку. Это значит: надеть на себя военну форму и в любую минуту времени стать солдатами. Личное мое толкование-размышление таково. А ваше? Как вы на это смотрите?

В наших лесах находится много других богатств: растет брусника, голубика, смородина, малина, костяница, черемуха, рябина, клюква, земляника, морошка, кедровый орех. Одним словом, в лесах Севера, а также Дальнего Востока питательных ягод для человека достаточно, только бери, не ленись. Принеся ягоды домой, сумей сварить себе по нраву варенье.

Окромя ягод, растет в лесах множество питательных грибов и волнух. Самый вкусный гриб – толстокоренник, иначе его называют люди – белый гриб. Его употребляют все без исключения люди, живущие на земле. Из волнух к лучшим относится груздь, на зиму его солят, а остальные грибы сушат.

Из зверей назову немногих: бурый и черный медведь, лось, олень. На лося охотиться нельзя, запрещено правительством, так как это редкий, красивейший зверь. Птиц также достаточно: белый гусь – перелетная водная птица, привлекательна своей красотой и съедобна, журавль живет на болотах или в приболотной местности, по питанию и образу жизни имеет родство с куликом, тоже перелетный.

Очень интересна жизнь перелетных птиц. Они знают время дня и месяц, когда им нужно совершить перелет в какой-либо район юга. У этих птиц имеется предводитель перелета – царь, он-то и собирает определенное количество птиц, подобных себе, и больше положенного не берет ни одну. Такой порядок у царя – строгость. Все перелетные птицы обладают умственным кругозором-развитостью ума. Окромя гусей и журавлей, есть перелетные мелкого формата: из съедобных – утки, из несъедобных – гагары, чайки.

Постоянными северными птицами считаются тетерева, куропатки – тоже съедобны. Есть и сороки, вороны и многие другие малозначимые птицы.

Обо всех богатствах лесов трудно рассказать человеку малосведущему. Чтобы все знать о лесе, надо учиться в лесном учебном заведении или хотя бы в техникуме. Это для молодых, потому что пожилые мало чем интересуются, все они живут, как говорится, самотеком. Все же не интересующихся ничем людей нет на белом свете, такой человек подобен малоразвитому животному или дикому зверю, проживающему в лесу.

Подробно о богатствах лесов и жизни человека вблизи них могут рассказать ученые по изучению леса: это их кровная жизнь и хлеб. В лесах Севера, Дальнего Востока, Финляндии, Норвегии, Прибалтики живет немало людей. Все они существуют в основном за счет богатств леса.

Лесным делом занимается Министерство лесной промышленности вместе с Министерством торговли международного значения. Чем больше леса и чем более по высокой цене продаст его Министерство торговли на международном рынке, тем больше заплатит Министерство

лесной промышленности своим работникам. Если же международный рынок не будет принимать лесной товар или будет, но по сниженным ценам, то нашему министерству нечем будет платить рабочим. Такая постановка вопроса плачевна для всех тружеников. Мне кажется, никогда международный рынок не бывает перенасыщен лесными товарами, скорее наоборот.

Таких людей, которые дальше своей деревушки нигде не бывали, немало в нашей стране. Таковы обстоятельства их жизни, проходящей вблизи дремучих лесов. По характеру они мягче и проще, чем люди в больших городах, но смотрят на общую жизнь в узком масштабе. О шумной жизни в городах чуть-чуть слыхали, и то от военных солдат, которые Родину от напастья врагов защищали. Во время стихийных явлений каждый из них стремится другому помочь, чем может. А стихийные явления часто бывают у тех, кто живет в глуши дремучих лесов.

Мой разговор – для интересующихся людей. Мне кажется, они должны познакомиться с моей личностью по-настоящему. Селиванов Иван Егорович. День вторник, 31 декабря 1985 года.

ТОПЛИВО

Всякий труд полезен, он разделяется на множество уклонов-профессий. Кто что любит, тот тем и занимается. Один сам рубит дрова для отопления помещения, а другой, наблюдая за первым, обдумывает, сколько же придется заплатить. Срубить деревья в лесу и купить дрова у кого-то – разный труд.

Нарубленны дрова нужно уложить в костерицу. И когда потребуется затопить печку, сходи к костерице, возьми сколько нужно топлива. И вот вы затопили печку. Стало в избе тепло и уютно. Душа улыбнулась, и сердце поднялось. Топливо нужно человеку не только для согрева помещения в зимне время или прохладной осенью и весной, оно нужно для приготовления пищи и подогрева ее.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

В старину в общественном поле земля наделялась по едокам, то есть на кажного члена семьи – определенное количество квадратных метров, независимо от возраста. На склоне моих лет картина несколько изменилась. Быт и

образность (облик. – *Н.К.*) человека стали иными. Раньше пахали землю лошадями на деревянных сохах, боронили деревянными боронами. Коров крестьянки-бабы доили вручную, а сейчас доят электромашинками. Но не везде, в глухих-отдаленных местах электроэнергии нет.

Меньше стало заботы о личной жизни у молодых людей. Было бы только здоровье: учись, работай, не ленись. При помощи науки иsделаты всевозможные машины: тракторы, косилки, молотилки. Все это создавалось человеком веками.

КЛАССОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Поскольку имеется эксплуатация человека человеком, постольку есть и противоречия между господином и рабочим. Куда же девать крестьянина? Его нужно присоединить к рабочим. Почему? Да потому, что тот и другой занимаются физическим трудом. Правда, тот, кто работает на фабрике или заводе, понимает побольше в технических операциях, в этом, можно сказать, вся и разница.

Крестьянин больше занимается разнообразным земледельческим трудом. Все остальные работы как бы подсобны. Большая разница, конечно, в том, кто кому подчиняется: рабочий – слугам хозяина, а крестьянин – общегосударственной власти по налогам, по судебным делам ну и по какой-нибудь случайности еще кому-либо.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Интеллигенция считается прослойкой среди основных классов. Интеллигенция со средним и низшим образованием большого значения не имеет, но она необходима во всех отраслях промышленности, как при капитализме, так и при социализме.

Куда же отнести людей с высшим образованием? Из множества образованных выбирают наиболее достойных и ставят на руководящи посты-работы. Всем известно: человек-руководитель предприятия-хозяйства подотчетное лицо, то есть хозяин на своем посту. Все рабочие и служащие – в его подчинении, допустим, на складе лесопильного завода или в шахте, а может, в каком-нибудь глухом колхозе.

В капиталистических странах люди несколько иначе хозяйничают. Хозяином завода-предприятия может быть каждый умственно развитый

человек независимо от образования, потому что завод – его собственность. Что такое хозяин, известно всем: что хочу, то и делаю, что имею, то и расходую. Между хозяевами и рабочими дружбы не было и нет.

ЗАБОТА ЖЕНЩИН

Основная работа женщин, где бы они ни жили, сварить пищу для семьи. Для этого надо сходить в магазин за продуктами и взять то, из чего женщина задумала изготовить обед. А она может сварить щи с мясом или постну похлебку, испечь хлеб или сдобну ватрушку. Каждая самостоятельная женщина измышляет по имеющимся средствам-деньгам, а что купить – осмысливает в пути следования из дома-квартиры.

Окромя продуктов, надо иметь топливо-дрова, каменный уголь, торф, солому, газ и так далее, топливом являются и всякого рода отходы, непригодные для деловых нужд. Если нет топлива, хозяйке надо изготовить его.

Часто бывает, что муж хозяйки пьяница или лодырь. Такой мужчина человек малополезный как в домашних условиях, так и на общественных работах. Администратор-хозяин выгоняет его, и в квартире-избе между мужем и женой складывается обстановка ненормальной жизни. Муж-разгильдяй изыскивает легкий путь к жизни, старается прожить за счет труда своей жены. Любой жене не под силу прокормить мужа-лодыря, особенно если у нее есть дети.

Женщины в основном используются на подсобных работах в качестве обслуживающего персонала. Например, в столовых или магазинах. В чертах-рамках обслуживающего персонала трудятся и целые министерства. Например, Министерство обороны, Министерство торговли, Министерство заготовок, Министерство связи, Министерство культуры, Министерство транспорта по всем видам, Министерство финансов и др. В этих министерствах миллионы малооплачиваемых людей, среди них много женщин.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Как бы ни шел человек по жизни, он всегда ищет путь красивый и легкий. На планете люди живут везде, где позволяет климат. Нет жизни для человека только на водах северных морей, на плавающих льдинах. При помощи

инстинкта и мозговой системы человек с рождения начинает осмысливать, что же ему следует делать.

Допустим, молодая женщина родила ребенка. Он сразу же пищит-плачет. Мать понимает: дитя надо покормить и прислоняет его к титке-сиске. Ребенок перестает пищать-плакать. Идет время минута по минуте, день ото дня. Ребенок подрастает, и ему грудного молока становится недостаточно, тогда мать начинает варить жиденькую кашицу и подкармливает младенца.

Время идет безостановочно и невидимо. Ребенок уже ползает по полу и понимает слова матери. По мере возрастания-мужания он начинает понимать все, что делают родители, и в конце концов становится самостоятельным молодым человеком.

ЛЮДИ-ВОРЫ

Некоторые малооплачиваемые люди бросают былу самостоятельность и встают на путь воровства. Человек заболевает хронически-духовно воровской жизнью, становится.неисправим и неизлечим, то есть на него не действуют законы государства. Так этот человек и умирает с новым воровским познанием.

Есть в народе поговорка: „с кем поведешься, от того и наберешься“. Воровством занимаются люди, которы имеют инстинкт к этому явлению-делу. Человек обдумывает все стороны настоящей и будущей жизни и выбирает путь легкой наживы: днем он на общественно-полезной работе, после нее сознательно идет воровать, раздумывая, что бы полезное украсть у такого же, как он сам. Этот человек в момент неприличной работы-воровства теряет самостоятельное сознание, бывшее в его молодости. Но ни один вор, бандит и убиец не скажет своему дитенку: „Иди, сынок, укради что-нибудь полезное у соседа или соседки и принеси домой“.

Если начать изучать законы человеческой жизни, то никому до самой смерти их не изучить, настолько она сложна. По каждому делу имеются учебные заведения и специалисты-педагоги и профессора. У каждого человека есть тяготение к возлюбленному делу. К примеру, один любит петь, другой – танцевать, третий – играть на гармони и так далее. Сколько этих дел и учебных заведений, трудно перечесть-пересчитать. Только нет учебного заведения для воров, бандитов и убийц.

Смех! Это своего рода самородки, имеющие особый дар к некрасивому делу, которо приносит честным людям большой вред.

Почему люди чаще всего относятся друг к другу как прохожие? Мой мозг задается целью раскрыть тайну жизни нищих и богатых, а также объяснить, почему нарождаются воры-бандиты и убийцы. Нищи, богаты всех мастей и воры появились на свет божий давно-издавна. Мое предположение: с появления денег, с развития промышленности и торговли на международных рынках. Из этих корней стала возрастать жадность в человеческих мозгах. Параллельно стали появляться военного действия стычки – порабощение человека человеком и крупные войны. Все это направлялось и создавалось людьми умственно развитыми, физически сильными. Физическая сила и ум человека в далекие седые времена играли решающую роль в наживе капиталов – больших и малых.

УБИВЕЦ НА ПИРУ

Немало неполадков бывает у людей как в общественной жизни, так и в домашних обстоятельствах. К примеру, люди собираются отмечать день рождения хозяина. Хозяева заранее приготовляют для своих посетителей обед, ну, как водится, нужно к обеду приготовить и что-то из спиртного.

Простые люди приготовляют обычно сорокаградусну водку, чтоб покрепче, похмельнее была. Да! Все готово. Хозяйка квартиры-избы собирает на стол все, что приготовлено ею. Собравшиеся спокойно садятся по воле хозяина с хозяйкой. Уже налита водка в стаканы. „Угощайтесь“, – сказали хозяева квартиры-избы.

Посетители-клиенты разные – сильные и слабые. Все начинают выпивать и закусывать, не выпивают и не кушают только хозяин с хозяйкой. Наверно, так положено в этой местности по обычаю отцов и дедов.

Гости отвели обед, выходят из-за стола один по одному, каждый находит место для себя. Говорят между собой о прошлом-прожитом, кто чему научился, как живет, к чему стремится. Среди людей есть вспыльчивы и спокойны, при веселом разговоре-пьянке у человека вспыльчивого голос поднимается выше, спокойствие нарушается, начинается скандал. Как водится, кто-то из двух слабее. Сильный может одним ударом искалечить слабого или убить. Такие случаи нам известны.

И на этот раз сильный человек убил слабого, и из-за чего? . . Смех. Каждый из присутствующих скажет: сильный убивец не прав. Через некоторое время из органов власти пришли два милиционера и арестовали гостя-убивца, посадили его в каземат. Куда и делась пьянка, особенно у человека-убивца! Гости разошлись по домам.

СЧАСТЬЕ

Были такие люди, которые хотели дать добру жизнь народу, имя им – декабристы. За стремление к счастью народа их наказывали: ссылали, давали тяжелы, непосильны, каторжны работы. Для некоторых применяли виселицы, то есть накидывали людям веревку на шеи и приподнимали кверху при помощи поперечной палки на столбе. С таким расчетом, чтобы тело человека-страдальца не касалось столба. Руки страдавшего также связывались палачами веревками.

Такая картина была для наблюдавших кошмаром-ужасом. Страшно смотреть на такое явление. А для палачей это обычная работа. Этим они живут, кормят жен, воспитывают детей. Эта работа – красота и счастье их жизни. Видите, читатель мой, каково счастье людей-палачей? Значит, счастье у каждого свое: кто чему научился, кто что воспринял.

На сознательности и честности держится жизнь испокон веков. Несмотря на то, что у многих людей нет ни того, ни другого, они проживают припеваючи до самой смерти – за счет добросовестных людей. Например, вор ворует, и это его любезное дело, его радость и счастье.

А что могут сделать честные люди вору? Осудить. Любой сознательный человек скажет: „Всех воров, аферистов, убийц-бандитов, мошенников нужно отделять от честных людей труда навечно. Потому что они заражены болезнью, хронически неизлечимой. Это будет предварительная веха при постройке дороги к общей счастливой жизни".

Ученые всех мастей и писатели всех рангов, государственные деятели веками трандят-говорят о всеобщем счастье, написали горы книг, но счастья не видно в народе. Кажды живет в недостатке, чем-то ущемлен обязательно.

Счастливчиков немного на Земле-планете. Счастливыми могут быть только независимые люди. А когда класс богатых и сильных угнетает-порабощает слабых, никакой речи о всеобщем счастье не может и быть.

СИЛА ЕСТЬ – УМА НЕ НАДО

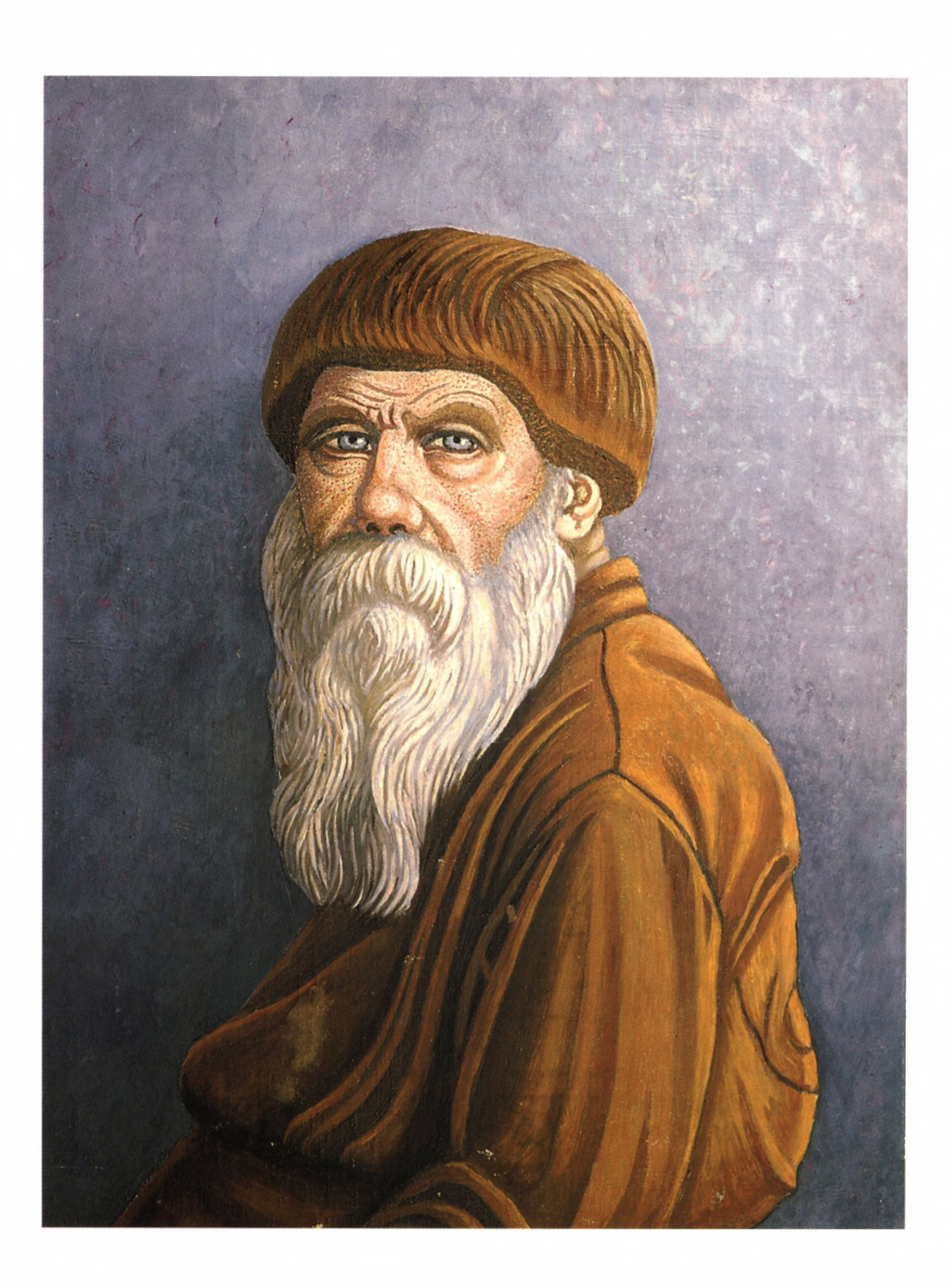
Из рассказов предков известно: кто был богат и физически силен в далекие времена, тот и имел степени учености и власть. Все же нижестоящие жили в страшной нищете и невежестве, мало кто был способен защищать рать своего народа. Встречались, конечно, развитые люди, но, как бы ни был человек развит, он не имел веса из-за нищеты, а образование ему взять было негде.

ЖИЗНЬ – КОЛЕСО

Каждый человек считает истинно справедливым себя, к соседям же относится недоверчиво. Также и они – к нему. Получается колесо из людей, вечно живущих и вертящихся на своей оси.

ПЛАЧ ПО XX ВЕКУ

Я приравниваю жизнь человечества в свой век к одному из самых неприятных явлений. Но не потому, что мне не нравятся ее внешние проявления, а потому, что я вижу, как растление надвигается со всех сторон на молодежь, гибнет нравственность, пропадает духовность. И нравственная сущность современности предстает предо мной в образе огромной извивающейся гадюки.

Автопортрет с голубыми глазами. 1976.

„Считаю за счастье быть независимым от других, скушать ржаного хлеба с картошкою в очистках-мундирах и чуточку с солью, впримочку с водой. Пусть будет в избушке моей неуютно и грязно, это неважно. За важность посчитаю зимою в избушке моей тепло. Подобных мне стариков мужиков, баб молодых и старух сколько угодно на всей земной коре“.

Портрет жены.

Написан

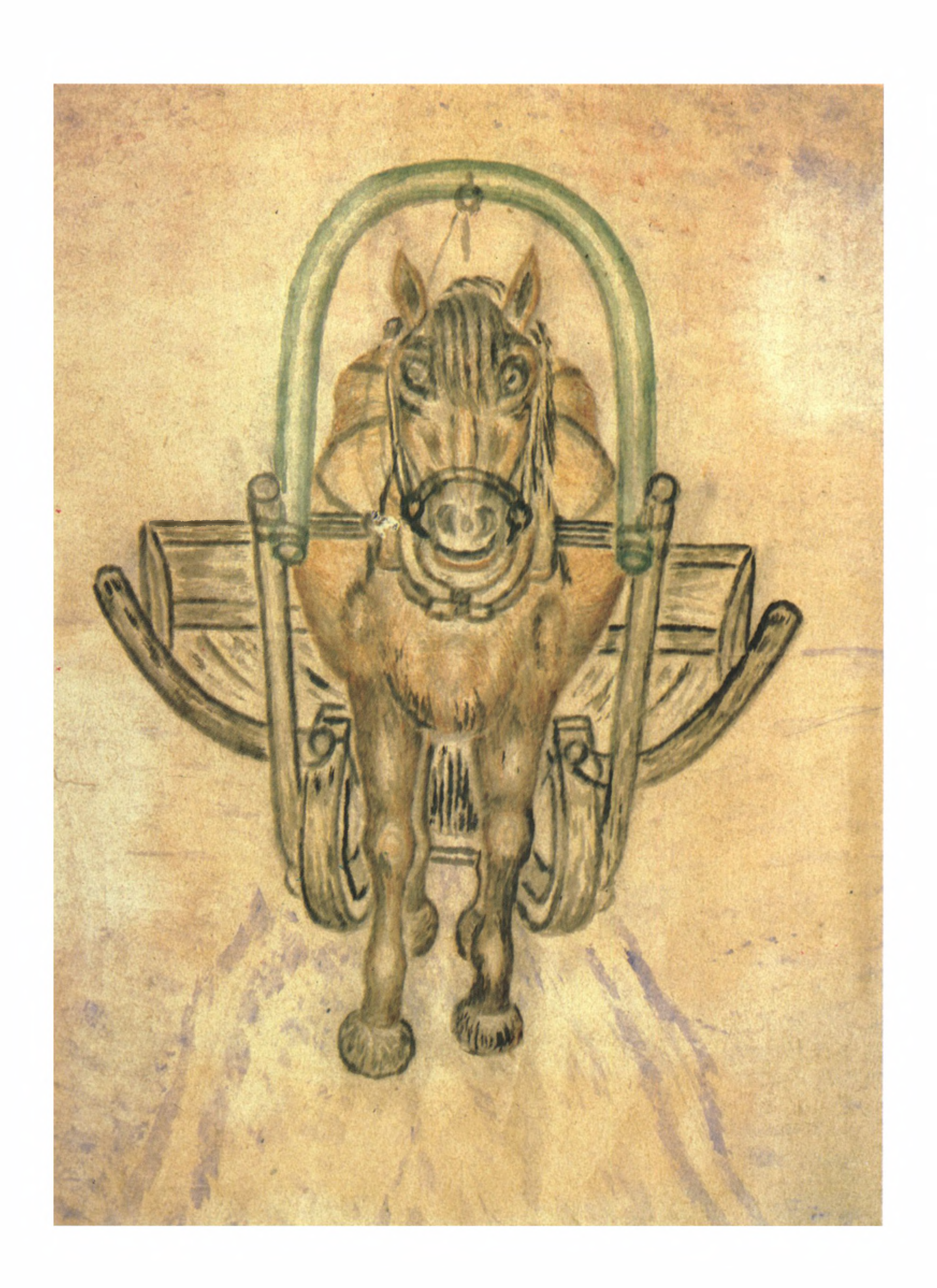
по воспоминаниям.

„Видел вещи Варюхи,

вспоминал ее, плакал“.

„Иду по дороге. Меня обгоняет обоз
лошадей, запряженных в сани.
На воле снега не было, а также
за подводами извозчиков не было,
на санях никто не сидел.
Лошади шли с грузом сами собой.
Такое я видел впервые.
Лошади в обозе преобладали карей
масти, причем все молодые, хорошие.
Любо смотреть на красоту
молодых лошадей!“

„Подхожу к столярной мастерской. На меня глядит лошадь каря молодая. Ростом небольшая, у нее глаза пронзительны, что-то хотят мне сказать . . . Красотой своей она льстит моим глазам. Люблю я карих лошадей с юных лет. Они как бы отмечены особой магией своей. Люблю я карих лошадей“.

„А некоторые все равно

говорят: смотри, какой

Иван Егорович, хоть живет

неважно, но далеко слышно.

Значит, есть люди,

которые завидуют образу-форме

изуродованного человека.

Трудом бесплодным исковерканного.

Никому не нужного . . .“

Корова.

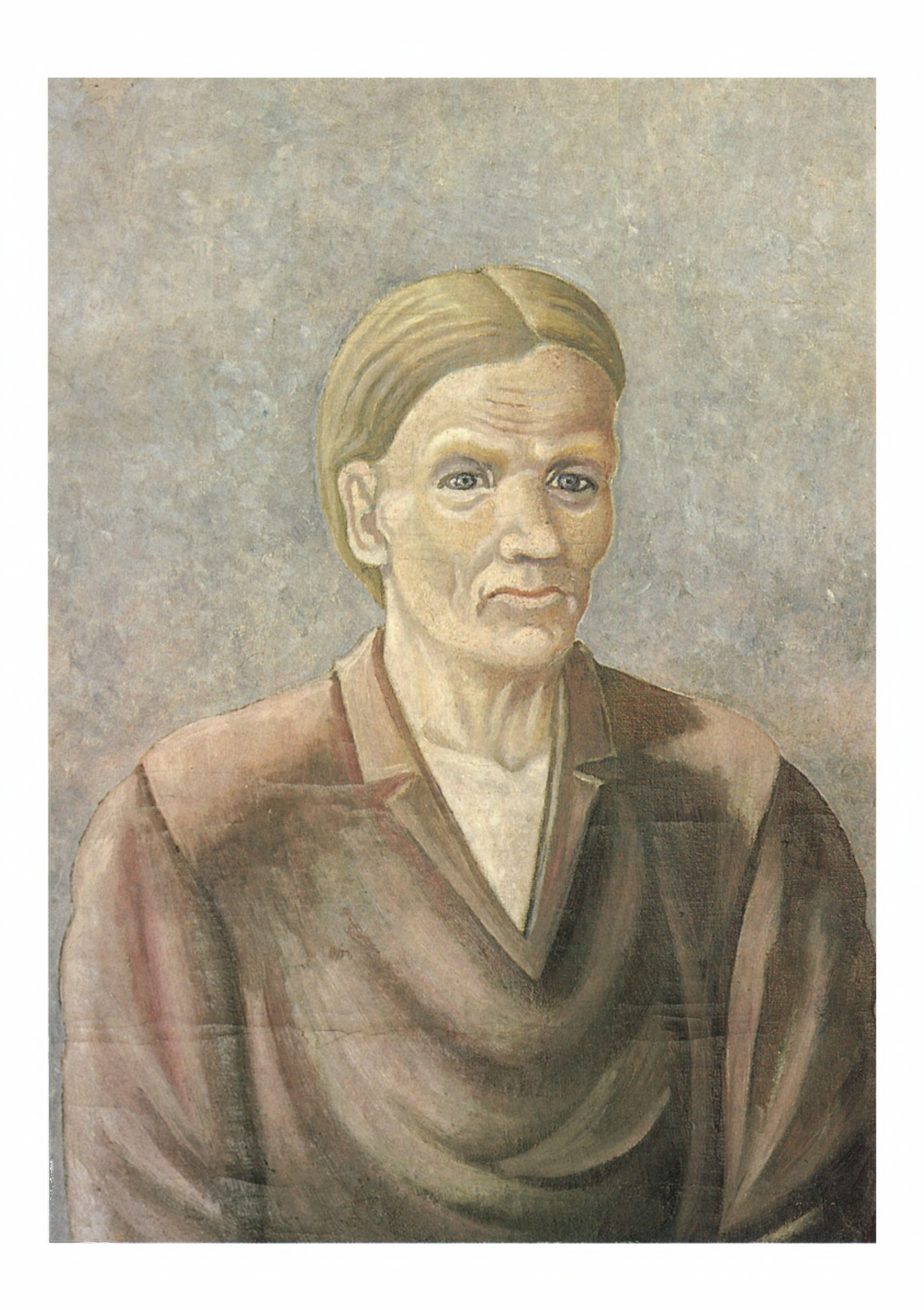
„Где-то корова бурой масти на привязи стоит, перед ней охапка сена брошена хозяйкой“.

„Здравствуй, Петя! Я к тебе. Принес гостинца. Смотрю давно я на тебя. Стар ты стал, красу младую потерял. Пока живи, не умирай, красавец мой, тебя храню, как особую реликвию красоты твоей. Твоя красота на полотне снята мной уже давно. Известна в Лондоне людям. Не погасла слава о тебе. Ты будешь жить на полотне, пока полотно не развалится и краски не померкнут“.

„Собака с чужими людьми
не останется. Она понимает
разговор хозяина
и его отношение к ней.
Да, умное животное.
Недаром люди говорят:
„Собака – друг человека“.

„Какая же она была, Варя,
Иван Егорович?“ – „Обыкновенная.
Я не дюже-то разбираюсь в красоте
женщин, да красота для меня
и не главное,
само важно – характер,
добро отношение друг к другу.
Моя Варюша такая была –
и поругается, и через несколько
минут мирится.
Поэтому я и жил с ней до самой
ее смерти“.

Здравствуй, чудо-человек!

„Человек способен ко всему – любого человека можно научить добру и злу. Умей выбрать учителя!“

Переписка у Селиванова всегда была обширной, но в последние годы жизни благодаря газетным публикациям стала еще больше. Немало писем приходило от молодежи, и, как в зеркале, они отражали то, что сказал художник своим творчеством авторам.

Однажды я видела картины молодого художника, которые тот готовил к выставке. На одной было изображено бушующее море, а на берегу – яблоко как символ чего-то. Автор видел в этом скрытый смысл. А я ничего не видела. И испытывала небольшую неловкость. А вот Ваши картины мне нравятся. Они просты, как жизнь, потому что жить надо просто, они добры и мудры, потому что их написал добрый и мудрый человек. Об этом говорит Ваш автопортрет.

Благодарю Вас за то, что Вы есть. Я о многом передумала, когда читала о Вас. Сейчас люди зачастую не могут жить просто, открыто и чисто. Делают много разных дел, суетятся, а следа от них не остается. Очень жалею, что не могу сделать так, чтобы Вы жили в светлом и просторном доме и рисовали, сколько хотите. Низко кланяюсь Вам и жму Ваши руки. Наталья Николаева, инженер, 33 года, г. Димитровград Ульяновской области. 24 февраля 1986 года.

Часто вспоминаю нашу с Вами встречу – незабываемую, удивительную . . . Иван Егорович, я, может быть, только благодаря Вам понял, что в жизни главное. Главное, мне кажется, наша душа. Кто были бы люди, если бы душа наша была покрыта черным покрывалом, как зеркало в доме покойника. Владимир Сухацкий, 28 лет, г. Кемерово.

Пишет Вам учитель рисования из далекого северного села. Живем мы далеко, но дети у нас очень талантливые, и если пробьется такой талант, выдержит все жизненные испытания, весть о нем пройдет далеко за пределы Родины и страны. Наш край известен как передовой по добыче газа, ударных новостроек и т.д. Но я о том, что дети наши не могут ходить ни в какие кружки, кроме танцевального. А они по природе художники.

Я в школе рисовала хорошо, но семья у нас была большая, и уделить внимание мне одной, конечно, родители не могли. И вот я работаю первый год учителем рисования и вижу, как много талантливых детей у нас, на Крайнем Севере. Приезжайте к нам, дорогой Иван Егорович, Вы сможете создать не одну картину. У меня большая квартира. Отцу моему скоро исполнится 75, будете жить у нас. Одну комнату отделаем под мастерскую. А главное, научите рисовать наших детей. И меня тоже! Вера Шестакова, село Питляр, Ямало-Ненецкий национальный округ Тюменской области.

Большое спасибо Вам за Ваше творчество, за молодую душу. Мне тридцать лет, но среди сверстников я встречала мало людей, понимающих добро и красоту. Иногда хочется все бросить, уйти, закопаться, зарыться, но всегда в те моменты вспоминаю о Вас, о том, что все-таки должна же быть истина! Смысл?! Красота?! Что-то ценное, на чем должен стоять мир! Как хочется приехать к Вам! Увидеться и что-то навсегда понять для себя. Или, наоборот, задать себе еще много-много вопросов. Все это слишком заманчиво и слиш-

ком невыполнимо! Но смолчать не смогла и вот пишу Вам с благодарностью. Ольга Блейдер, г. Саранск, 8 августа 1986 года.

С интересными письмами постучались земляки.

Здравствуйте, уважаемый Иван Егорович! На мой запрос о том, являетесь ли земляком, Вы очень правильно и подробно описали моих родителей, хотя прошло 65 лет с тех пор, как ушли из родного дома.

Я тоже помню Вашу маму Татьяну Егоровну. Ваш брат Сергей жил в Ленинграде. В 1932 году, будучи в командировке в Архангельске, заходил к нам и говорил, что собирается писать роман. В том же году я была в Ленинграде, заходила к нему на квартиру, но он уехал в командировку на север Сибири, а дома была его жена с двойняшками-девочками, и с тех пор я ничего ни о нем, ни о семье не знаю. Были ли Вы у него в Ленинграде! Знаете ли что-либо о его семье?

В нашей семье всего было 11 человек детей, а осталась я одна, остальных нет в живых. Из газеты „Советская Россия“ я узнала, Иван Егорович, о Ваших успехах, рада, что по достоинству оценили их и обещают создать нормальные условия для дальнейшего труда. В этом большая заслуга Вашего учителя Аксенова Юрия Григорьевича. Будьте здоровы! Если не затруднит, напишите, Иван Егорович, ответы на мои вопросы.

С уважением, Ваша землячка Селиванова-Паромова.

13 июля 1986 года.

Здравствуйте, Иван Егорович! Прочитал про Вас в газете „Советская Россия“ и сразу хотел Вам написать. Но боялся, чтобы не произошла ошибка, сначала написал родителям в Шенкурск. И сегодня получил ответ на вопрос.

Иван Егорович, пишет Вам сын Михаила Ивановича Селиванова, внук Ивана Михайловича. Отец пищет, что Ваш дом стоял почти напротив нашего, рядом с домом Алексея Михайловича, ныне покойного дяди. Судя по статье и письму из дома, Вы давно не были на Едьме, в Васильевской. Конечно, Вы понимаете, что многое уже изменилось и многих нет в живых, нет и Вашего рубленого дома и березы, но колодец, я сам помню, еще был . . .

Иван Егорович, Вы сейчас великий мастер, и было радостно читать про Вас, про однофамильца, земляка знаменитого. Вы можете и должны спросить, зачем Вам пишу? Иван Егорович, в мае еду в отпуск к родителям и думаю, что Вы не против, низко поклонюсь родной Васильевке от Вас, подробнее спрошу у старожилов о Вас и обязательно зайду в краеведческий музей.

Если сочтете нужным, прошу Вас, ответьте на мое письмо, что Вас интересует про Васильевскую, ее людей. Словом, напишите сами, что для Вас было бы интересно знать. Иван Егорович, желаю Вам здоровья, творческих успехов, всего самого доброго и прекрасного. Извините, если что-то не так! Такое письмо пишу впервые.

До свидания. С уважением Анатолий Селиванов. Мой адрес: Запорожская обл., г. Днепрорудное.

8 марта 1986 года.

Здравствуйте, глубокоуважаемый Иван Егорович! Перво-наперво представлюсь, чтобы Вам ведать, кто пишет. Родина моя – село Хи́манева Шенкурского района. По профессии врач. Пережил ленинградскую блокаду. Потом колесил по белу свету, по России-матушке, и прибило к Москве. Не знал я, что Вы мой земляк, а узнав из „Советской России“ (спасибо В. Долматову!), решил написать Вам прежде всего как истый поклонник Вашего самобытного таланта, а затем уж как земляк.

Судьба Ваша и то, что Вы на старости лет оказались в казенном доме-интернате для престарелых, то есть в богадельне, попросту говоря, глубоко и больно тронули и огорчили меня. Надеюсь, однако, что Вы не лишены христианских начал и с терпением, смирением переносите все невзгоды, какие пали на Вас. Что ведь делать? Такова жизнь. Такова иногда участь народных талантов. Помните, наверное, грузинского Пиросмани и костромича Ефима Честнякова?

Не стану приводить другие примеры. Вы знаете их лучше моего. Не падайте, пожалуйста, духом. Ваши добрые дела и Ваше искусство никогда не будут забыты, а за страдание воздастся сторицею.

Шенкурский наш уезд опустел. От многих деревень следа не осталось. В каждый приезд на Родину посещаю музей в Шенкурске. Побогаче он стал. В нем собрано порядочно материалов об известных шенкурятах. В комиссионных магазинах Москвы я многие годы ищу картины Михаила Степановича Карамышева, художника второй половины XIX века и уроженца Шереньги, чтобы подарить их музею, но покуда ничего не нашел.

Удалось подарить лишь картину Александра Алексеевича Борисова, известного полярного художника, родом он из Красноборска. Крайне хотелось бы мне купить и подарить и Вашу картину, но где? Невозможно! Очень, очень прошу Вас, глубокоуважаемый Иван Егорович, подарить шенкурскому музею и, стало быть, нашим с Вами землякам хоть какую-нибудь свою картину. Святое дело Вы этим сделаете.

Желаю Вам, Иван Егорович, всего самого доброго. Не рассчитываю получить ответ, но ежели черкнете о моей просьбе хоть строчку, буду сердечно признателен. Искренне Ваш – Гр. Кулижников. 21 февраля 1986 года.

Здравствуйте, Иван Егорович! Письмо Ваше получил.

Спасибо. Ничуть не удивлен, что Вы ничего не слыхали о Хи́маневе, этом медвежьем угле в 25 верстах к северу от Шенкурска напрямую, а если идти от него берегом вниз по Ваге, то будет все 40 верст. Но Хи́манева – это довольно древнее село, известное с XIV века. В середине XV века Варлаамий Важский (в миру новгородский посадник Василий Степанович Своеземцев, владевший землями на Ваге) устроил в нем первую Христорождественскую церковь, которая длительное время служила приходом и для Шеговарского Заважья. На Химаневе в 20-х годах нашего века проживало около полутора тысяч человек, а сейчас на ней меньше сорока душ. Вот такое произошло опустение ее за последние 50 лет.

А о Вашей родной деревне Васильевской я тоже ничего не слыхал. Предполагаю, что она где-то возле Шенкурска, но в какой волости (сельсовете) – точно не знаю.

Шенкурск теперь, конечно, не тот, что был 50 лет назад. Изменился, разросся немного, в нем появилось порядочно каменных домов, однако по сравнению с Вельском он выглядит захудалым. Почему? Да потому, что через Вельск от Коноши пролегла железная дорога на Воркуту, и это оживило его, а Шенкурск остался в стороне даже от шоссе Архангельск –

Вологда, которое идет по левому берегу Северной Двины и Ваги и недавно полностью заасфальтировано.

Нынче от Вельска на Шенкурск и обратно, так же, как и из Архангельска на Шенкурск и обратно, регулярно курсируют автобусы. Летают к нему и самолеты из Архангельска. Но перебираться в него от села Борок через Вагу приходится по-прежнему на пароме. Впрочем, я не жалею, что наш древний Шенкурск кое в чем остался таким же, как полсотни лет назад. Только вот машин в нем стало многовато, они наделали на его песчаных улицах и в окружающих его сосняках глубокие колеи и, проходя, поднимают такие облака пыли, что спасу нет, приходится в сторону отбегать.

Река Вага тоже несколько изменилась – не разливается уже в половодье столь широко и раздольно, как раньше . . .

Для ознакомления с Поважьем присылаю Вам несколько шенкурских газеток, которые мне переслал мой знакомый из Шеговар со своими пометами. Если они не представят для Вас никакого интереса, выбросьте.

С некоторыми Вашими суждениями, Иван Егорович, не могу согласиться. Но не обижайтесь на меня за это. Хорошо, когда у людей бывают разные мнения. Было бы плохо, если бы их не было. Из разнозвучия складывается гармония. Об одном прошу: не торопитесь отказывать краеведческому музею родного Шенкурского района в Вашей картине. Подумайте хорошенько, сделайте для него исключение. Верьте, что эта моя просьба исходит из самых добрых к Вам чувств. И не считайте, пожалуйста, меня богатым человеком, бросающим попусту свои трудовые копейки, не умеющим отличить добро от зла, распознать достоинство человека и степень нужности его деятельности.

До свидания, Иван Егорович. Надеюсь на благоприятный ответ на мою просьбу. Желаю Вам всего доброго.

Ваш Гр. Кулижников
15 марта 1986 года.

И – как собрату – писали Селиванову люди творческие.

Здравствуйте, уважаемый Иван Егорович! Пишет Вам художница Елена Андреевна Волкова из Москвы. Сегодня я случайно прочитала о Вас большую статью в газете „Советская культура“. Главное, хочу Вас поздравить со всеми заслугами, которых у Вас очень много! Ваша судьба очень похожа на мою, мы оба учились в ЗНУИ, об обоих много пишут и в нашей, и в зарубежной печати, оба участвовали во многих выставках, все это нам придает, надеюсь, Вы не станете отрицать, еще больше творческой силы, бодрости и здоровья.

У Вас ожидается интересная перемена в жизни, для Вас строят дом, я очень рада, поздравляю и желаю всего самого доброго! Я представляю Вас в своем цветущем саду среди домашних любимых животных с кистью в руках за мольбертом! Жаль, что могу это только представить, я бы хотела написать Вас на своей картине . . . Но не знаю, как у меня это получится, так как не видела Вас и Ваш новый дом-музей.

Надеюсь, Вы знаете меня по моим картинам, которые участвуют в выставках, висят в суздальском музее, в котором осенью 1985 года была моя персональная выставка, и мы с сотрудниками вспоминали Вас в приятной беседе. На этом прошу прощения за беспокойство. С уважением к Вам Елена Волкова. 28 июня 1986 года.

Здравствуйте, славный чудо-художник, драгоценный человек Иван Егорович! Прочитала в „Советской культуре" статью о Вас – очень хорошо рассказано! А тут еще Ваш автопортрет: прямо в душу смотрят внимательные, цепкие глаза, видящие самую суть. Очень захотелось познакомиться. Я тоже человек пожилой – до 80 три года. Занимаюсь поиском красоты всю жизнь, только в других областях искусства, хотя и рисовала немного. Мать же моя, учительница, была страстной поклонницей живописи, собрала значительную библиотеку монографий о художниках, а в открытках-копиях – почти все картинные галереи мира. Может быть, Вам нужны копии картин мастеров, которые найдутся у нас?

Я живу в зеленом красавце-городе на заречном массиве Русановка, который называют украинской Венецией. Вокруг молодой лес, нами, жильцами, посаженный, и вода, вода, залив Днепра, каналы. Знаю, что Ваша область тоже очень красива, хотя не была в Кузбассе.

В незнакомом сибирском селенье
Вижу новым Ваш старенький дом.
Представляю с сердечным волненьем,
Как Вы скоро поселитесь в нем.
Вот с поленницы подле крылечка
Запоет златокрылый петух;
Вот Вы сами воздвигли печку,
Чтобы в доме жил теплый дух.
На подрамник с новой картиной
Льется солнышко из окна . . .
К Вам, народный художник любимый,
Еще радость придет не одна!
Про великого Льва Толстого
Мне напомнил Ваш автопортрет.
Его мудрого, доброго слова
Вам, я чувствую, близок свет.
Доброта и краса природы,
Голос птицы, березы лист –
Пусть согреют на долгие годы
Ваше сердце, и глаз, и кисть!
Вы не сможете быть одиноки,
Если столько любящих ждут –
Что там снова пронзительным оком
Вы подметите в мире широком,
Как еще зацветет Ваш труд?!

Забыла представиться: я украинка, автор книжек для детей. Шлю для знакомства книжечку, изданную в Москве в переводе на русский язык. Хотя она адресована детям, Вы все же прочитайте: может, какое из стихотворений подскажет тему рисунка, разбудит молодое воспоминание. Тут написано об увиденном глазами юности, а она у нас с Вами была в одно время.

Сердечно желаю Вам здоровья покрепче, настроения пободрее, всегда, всегда творческого настроения! Я ради этого занимаюсь гимнастикой и стараюсь побольше ходить. А

Вы? Буду рада получить от Вас письмо и затем поздравить Вас с новосельем и юбилеем!
С уважением и товарищеским приветом Инна Кульская.
2 июля 1986 года.

Настоящую притчу посвятила Селиванову новокузнецкая художница, в прошлом – палешанка, Алла Фомченко:

У нас выставка Селиванова,
Прокопьевского мастера из Сибири,
Стал он гордостью нашей страны –
России.
Простой мужичок!
Почти не учился,
А в искусстве глубин
Океанских добился.
Он в простом красоту увидел,
Ни петуха, ни курицу не обидел.
Петух нарядом своим гордится,
Красивее, чем палехская жар-птица,
Как купец в дорогом кафтане,
Кур и зрителей – всех приманит.
Девочка пространство собой затмила,
Солнце, луг и цветы напомнила.
Из избы вышло детство простое,
Загорелое, деревенское, золотое.
Грустный кот, что сидит на снегу,
Человек, потерявший друга,
У него душевная вьюга,
И помочь ему не могу.
Снежный холод владеет душой,
С ней тенью – тоска за тобой,
Как найти ему дом и уют,
А к картине все люди идут.
Смотрят люди родные с картин,
Значит, все-таки ты не один,
Мать, жена тебе так же верна,
Как полночная вечно луна.
Дал им жизнь ты в картинах своих,
Дал им счастье свое на двоих, на троих.
И для тех, кто к картинам пришел,
И в простом мудрость жизни нашел.
Клюй же, курочка, семя для тех,
Знает кто, как достался успех.
Семя мудрости трудно найти,
Но на правильном курочка

Встала пути:
Надо ближе к земле,
Пашню всю перерой,
И своим, и своим только
Голосом пой!
Голос твой услыхали в России,
Чудо-мастер, Иван,
Селиванов Иван
Из Сибири!!!

22 октября 1986 года
А. Фомченко.

И новокузнецкая поэтесса Любовь Никонова написала стихи Селиванову:

Жизнь взглянула глазами огромными,
на холстах, на листах пробудясь.
Все здесь связано узами кровными,
между всеми – заветная связь.
И природа с душой негасимою
отразилась в своих существах
общей прелестью неизъяснимою
и загадочной мыслью в глазах.
Все живое, предвечное, сущее
с нас не сводит внимательных глаз –
и в ответ тот же взгляд испытующий
появляется вскоре у нас.

А закончить все же хотелось бы отзывом Ивана Петровича Копина. Мне неизвестно, к сожалению, из какого он города. „Вашу картину „Мой дом, моя родина“ я буду помнить до конца дней своих. Она мне всегда будет возвращать радость жизни, радость крестьянского труда. Крестьянский труд не дает развиваться человеческим порокам и создает условия для развития народных талантов. Доказательство тому – Ваш талант. Такой талант по всем писаным и неписаным законам о наследственности могут породить только родители без развитых порочных страстей, которых сейчас стало больше, чем допустимо природой. Несбалансированность светлых и теневых сторон в человеческом обществе приводит к крайне нежелательным последствиям и перегрузкам юстиции. Ваши картины лечат людей от таких пороков. Ваши картины сильнее книг, радио, газет.

Спасибо Вам. Копин И. П.“.

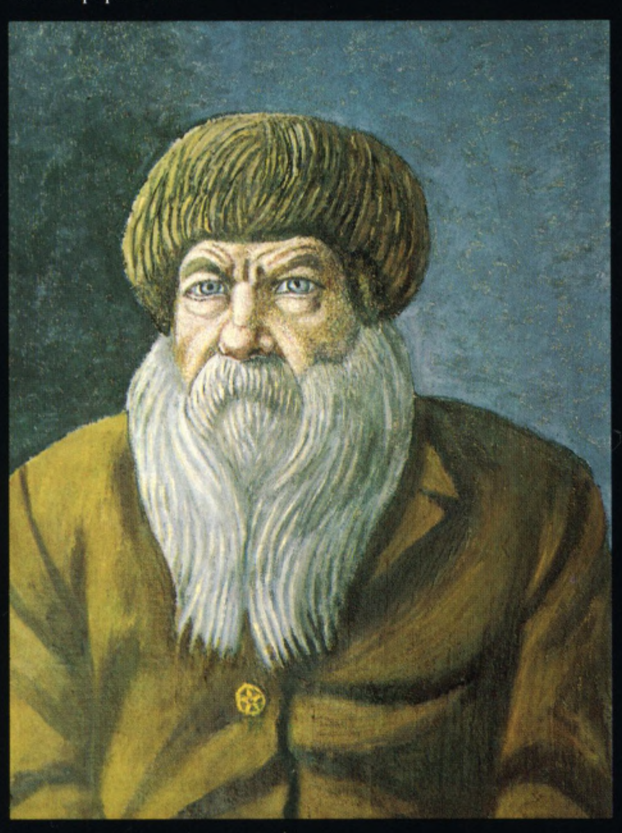
Вот, собственно, и все, что нам было известно об Иване Егоровиче Селиванове и во что нам захотелось вникнуть . . . Как это удалось, судить вам, дорогие читатели. Ясно одно – эта книга будет доброй памятью о большом Мастере, прекрасном Человеке из народа.

Представить картину жизни я не могу. Все передумано мной о себе. Сжимаюсь от холода в своей лачуге-избушке в пору ночную. Я стал худой, книзу расту. Земля горбит меня ежедневно, и какая же смерть ожидает меня с минуты на минуту? Зачем я существую на земле, на бугре, в избушке? Зачем я белый свет копчу? Кому я нужен? Как скучно, как грустно в зимнюю пору в лачуге. Ох! От холода горблюсь. Сказал бы про горе свое, но кому?

Автопортрет. 1986.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Со дня смерти Ивана Егоровича Селиванова прошло слишком мало времени, не зарубцевалась еще сердечная рана у дороживших им людей, чтобы снова браться за перо. С такой близкой дистанции невозможно окинуть взглядом эту фигуру. Селиванов – это явление, признанное при жизни, но неподдающееся полному анализу и осознанию. Явление, которое имеет право на тайну, загадочность и уже обрастает легендами. Но никакие домыслы, попытки возвеличить или, наоборот, вписать в „титулярный" список, отделяя имя Селиванова запятыми от других замечательных представителей народной художественной культуры, тоже не выдерживают критики.

Прочитанная вами книга тем и ценна, что с ее страниц Иван Егорович не только смотрит глазами автопортретов и „братьев меньших", но он и говорит своим трубным голосом. Его тембр и ритм услышит каждый, кто умеет читать вдумчиво, без предубеждений. С этой просьбой обращался и сам Селиванов с первой страницы автобиографии: „Читай неспешно!"

Если уважите просьбу, распознаете удивительный талант – быть человеком во всем, оставаться самим собой и всегда только по-человечески действовать и относиться к подобным себе.

Мы потому и посоветовали Ивану Егоровичу начать писать дневники, а потом дали задание составить автобиографию, что обнаружили в письмах и начальных рисунках этот бесценный

дар. Он потому и стал художником с именем и сразу завоевал признание знатоков искусства, что уже был Человеком с большой буквы ко времени, когда случай высек в нем искру божию.

И первый вывод, который советуем сделать читателям, – это увериться, что прежде, чем хотеть стать художником, надобно быть человеком. Художник – не профессия, как видите по работам Селиванова, художник – это судьба. И если бы судьба не „поблажила", как говорил мне мой ученик, вспоминая, с чего начал рисовать, то все равно этот человечище стал бы художником на любом другом поприще.

Он нес в душе искру радости от работы на совесть. Складывая трубу, двадцать раз слезал с крыши, глядел, ладно ли она сделана. Радовался, что его печи „до сих пор людей греют, не дымят" по многим селам и деревням России. Но и огорчался, когда в юности нужда заставила по кирпичику разбирать старинный храм в бригаде лихих поденщиков. И не стерпев надругательства над своей совестью, ушел с такой работы, не рассчитавшись, но с облегчением на душе. А уж о том, как старательно выписывал завитки бороды в своем „Автопортрете", как вообще преодолевал сопротивление дотоле неизвестного материала живописи, Иван Егорович рассказывает с присущей ему откровенностью на многих страницах дневников.

Конечно, со временем Селиванов принял к сведению, что считают его мастером большие художники. Но уйти полностью в занятия живописью считал для себя немыслимым не только потому, что никогда не стремился зарабатывать кистью кусок хлеба. Попав под конец жизни в дом престарелых, получив в отстроенном для него помещении, казалось бы, все условия для работы, он так и не положил на белый, туго натянутый холст ни одного мазка. Почему? Болезнь? Ушли силы? Непривычная обстановка? И да и нет! Вспомним, что самое главное для человека, чтобы был он самим собой во всем. Свобода!

Ваня Селиванов родился в крестьянской семье, которая ни в одном из своих колен не знала уз крепостного права. Крестьянствовали родители по совести, не теряя достоинства перед более удачливыми хозяевами. Не гнула спину перед богатеями мать, наоборот – поносила лиходеев на всю деревню таким же громким грудным голосом, которым поразил меня при встрече Иван Егорович.

Свободно выбирал „главное свое дело" и сын Татьяны Егоровны, определяясь то в подпаски неудачно, то в строители ненадолго, то в кузнецы „не по росточку", пока не научился самому важному в деревне – печному ремеслу. В полном согласии со своей свободолюбивой натурой занимался Селиванов и в ЗНУИ: отринул казенную „изограмоту", почувствовав ее полное несоответствие своему ви́дению и пониманию жизни и образности в рисунке, зато на сорок без малого лет втянулся в нелегкую заочную переписку с педагогом, поскольку она не стесняла свободу его творчества.

И живопись оказалась подходящим для Селиванова занятием потому, что она воспитывает не просто живописцев и рисовальщиков, а людей раскрепощенных, свободных, естественных во всех проявлениях. И одаренных, ибо занятия искусством пробуждают творческие способности даже в тех, в ком, казалось бы, их быть просто не могло. А наша методика не только не стесняла развитие селивановского таланта, но еще и помогала ему оставаться Селивановым в самых сложных обстоятельствах.

Разумеется, свободой правильно пользуются лишь сильные и нравственно чистые люди. На счастье наше, Иван Егорович сам себя таким воспитывал, не забывая и жестоких материнских уроков, за которые век был ей благодарен.

Сила самой личности Селиванова была удивительной. Не поверите, но когда я наблюдал его тщедушную фигурку в большом выставочном зале Кемеровского художественного музея,

когда смотрел, как его оставили в свете софитов одного, то вспоминал не образы одиночества, а нечто другое. Мне припомнилось, что есть в космосе звезды-карлики, обладающие неимоверной силой притяжения. Так вот и Селиванов, его картины, рисунки, дневники поражали силой притяжения, не случайно у одного редактора вырвалось: „Да это же русский космизм!" Последний „Автопортрет" нам пришлось повесить на отдельную стену в особом зале, ибо ему было тесно.

Невозможно было развешивать и другие работы Селиванова плотно, в несколько рядов. А когда в столице не нашли другого зала для юбилейной выставки, кроме тесных закром церквушки, да еще по соседству оставили постоянную выставку аквариумов, то живопись селивановская раздвинула стены храма и рассказала нам обо всей жизни художника, а также жизни его предков, чьи помыслы и неосуществленные чаяния судьба доверила воплотить Ивану Егоровичу.

Картины, в которых воплощено ликование природы, органично вписались в стены храма, не потерялись на пестром фоне аквариумов. И подумалось о другом: видимо, природа время от времени намеренно создает таких людей, как Селиванов, чтобы полюбоваться на самою себя, увидеть себя глазами самобытного человека, осознать его независимым умом. И благодействовать ему, ни в чем никогда не повредившему ни корове, ни лошади, а неустанно трудившемуся на земле, возделывая пусть нехитрый, да свой огород.

Вынужденный окончательно оторваться от крестьянских корней, он переселился в дом престарелых, но так и не смог приспособиться к нетерпимому режиму богадельни. И в этом – причина того, что заветного коня он так и не нарисовал на холсте, оставшемся в новом доме. Есть фильм, в котором эти муки уже „несвободного художника" показаны очень живо.

Быть свободным даже от „потребностей", ненавидеть всей душой то, что мешало бы погружаться в творчество или угрожало бы заботой о нажитом, со временем стали такими свойствами натуры Селиванова, которые повергали некоторых в смятение. Посетители выставок спрашивали, почему даже накопленные „тыщи" Иван Егорович не использовал на благо занятий живописью.

Крестьянская закваска была крепкой. Так, живя уже в Белове, повелел Селиванов привезти из Прокопьевска хранившиеся в одной школе два мешка бобов, потребовал расширить подвал в новом доме, чтобы хранить в нем не только капусту, но и масляные краски впрок. А вот все свои сбережения с легкостью душевной, разве что под расписку, отдал вероломной знакомой. Отдал, как от соблазна освободился, от вечных просьб соседей ссудить на выпивку, от мыслей, где держать эту сумму, противную всему образу его жизни.

Нас поражал Селиванов другим – безрассудной смелостью и прямотой суждений. В них он предстает теперь предтечей перестройки, трубадуром гласности и правды. Оберегая саму свободу художника, мы не имели права организовать персональную выставку его работ в Кемерове в те годы, когда невозможно было обнародовать дневники, письма. А без этих прямодушных „писаний" картины расшифровать трудно. До сих пор мечтаю об альбоме факсимильных репродукций с работ „мужицкого" художника, которые сопровождались бы цитатами из его откровений.

Не так жил Егорович, „как все". Это верно. Он ценил в жизни непреходящее: свет мирного неба, любовь, доброту, радость труда на земле и неотделимость честного человека от природы и вековых устоев нравственности.

И в этом он не был странно обособлен. Он много читал, изучал труды Сенеки, обратил внимание на завещание Огюста Родена: „К сожалению, в наше время многие презирают, нена-

видят свою работу. Но мир будет счастлив только тогда, когда у каждого человека будет душа художника, иначе говоря, когда каждый будет находить радость в труде.

Искусство – прекрасный урок искренности.

Подлинный художник всегда выражает то, что думает, не боясь растоптать существующие нормы.

Тем самым он учит искренности себе подобных.

Представьте себе, какого огромного прогресса мы могли бы добиться, если бы люди были до конца правдивы.

Как быстро общество увидело бы и осудило свои ошибки, свои заблуждения, безобразные дела, и в какой короткий срок наша земля превратилась бы в рай".

И если бы возможно было чудо, о котором писал другой великий человек, Циолковский, и в бесконечности времени и пространства хорошие люди снова бы встречались, то, думаю, Роден сказал бы о работах Селиванова то же, что писал о тех, кто первым понял его творения, – о „рабочих из числа тех, кто одиноко в толпе продолжает ремесленную традицию, когда каждый создавал свою работу согласно собственной совести, не изучая искусство в официальных катехизисах".

Селиванов шел своим путем. И думается, что если бы действительно, согласно Циолковскому, когда-то снова возникло явление – Селиванов, то оно не смогло бы в точности повторить нашего Ивана Егоровича. Все-таки он был очень земным человеком – печником и строителем, крестьянином до мозга костей, самобытным художником в душе и наяву.

Селиванов оставил нам образы жизни своей большой. Оставил и вещее слово: „Человек живет до тех пор, пока радуется жизни". Оставил не полностью оцененные писания-сказания, начатую повесть о двух архангельских мальчишках.

Пусть же голос прочитавших эту книгу возвысится, чтобы помочь нам скорее отреставрировать картины и рисунки, обрести помещение для них и выставить на всеобщее обозрение в столице навсегда. Только тогда сможем с честью сказать, что „и была жизнь", и продолжается она в творениях простодушного, не нуждающегося в титулах Человека, ставшего учителем учителей и новых учеников народного творчества. А мы все, наследники, выполнили наконец-то свой долг перед Человеком, сказавшим: „Родина, тобой величаюсь".

Юрий Аксенов,
заслуженный работник культуры РСФСР

ВЫСТАВКИ, НА КОТОРЫХ БЫЛИ ПРЕДСТАВЛЕНЫ РАБОТЫ И. Е. СЕЛИВАНОВА

Выставка работ самодеятельных художников, учащихся Курсов заочного обучения ЦДНТ имени Н. К. Крупской. Москва, ЦДРИ, 1965.

Всероссийская выставка произведений самодеятельных художников, Москва, 1960.

Выставка в залах редакции газеты „Советская культура", Москва, 1965.

Всесоюзная выставка самодеятельных художников и мастеров прикладного искусства в честь 50-летия Советской власти. Москва, 1967.

Отчетная выставка факультета изобразительного искусства ЗНУИ в ПКиО „Измайлово", Москва, 1969.

Всесоюзная выставка в ознаменование 100-летней годовщины со дня рождения В. И. Ленина. Москва, 1970.

Выставка „100 работ самобытных художников", Москва, зал Правления Союза художников на Гоголевском бульваре, 1971.

Всероссийская выставка самодеятельных художников. Москва, 1973.

Всесоюзная выставка „Слава труду", Москва, Центральный выставочный зал (Манеж), 1974.

Персональная выставка в честь 70-летия И. Е. Селиванова в Москве, в ЗНУИ. Москва, 1977.

Всероссийская выставка самодеятельных художников, приуроченная к I фестивалю самодеятельного художественного творчества трудящихся. Москва, 1977.

Городская выставка самодеятельных художников города Прокопьевска в честь 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, 1977.

Всесоюзная выставка „Самодеятельные художники – Родине". Москва, Центральный выставочный зал (Манеж), 1977.

Юбилейная выставка работ учащихся факультета изобразительного искусства в честь 50-летия ЗНУИ в Центральном выставочном зале Московского отделения Союза художников РСФСР в городе Подольске, 1983–1984.

Всероссийская выставка работ самодеятельных художников в честь 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Москва, Всероссийский музей народного искусства, 1985.

Всесоюзная выставка работ самодеятельных художников в честь 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Москва, Центральный Дом художника на Крымском валу, 1985.

Персональная выставка в честь 80-летия И. Е. Селиванова в городе Кемерове, октябрь, 1986. Кемеровский областной музей изобразительных искусств.

Персональная выставка И. Е. Селиванова в Музее изобразительного искусства города Новокузнецка, октябрь–ноябрь 1986 года.

Московская выставка работ И. Е. Селиванова на Калининском проспекте, февраль–март 1987 года.

Выставка работ И. Е. Селиванова в Центральном выставочном зале Московского отделения Союза художников РСФСР в городе Подольске, май–июнь 1987 года.

Кроме того, после каждой всесоюзной выставки в Москве работы И. Е. Селиванова демонстрировались на десятках передвижных выставок в разных городах страны и за рубежом: в Праге, Берлине, Будапеште, Бонне, Париже, на Международной выставке работ художников-любителей в Лондоне, в павильоне СССР на Международной выставке в Монреале.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ И. Е. СЕЛИВАНОВА, ДЕМОНСТРИРОВАВШИЕСЯ НА ЕГО ПЕРСОНАЛЬНОЙ ВЫСТАВКЕ В ГОРОДАХ КЕМЕРОВЕ И НОВОКУЗНЕЦКЕ В 1986 ГОДУ.

ЖИВОПИСЬ

1. Портрет девочки, 1960. Х., м. 42×38
2. Портрет рабочего. 1964. Х., м. 53×42
3. Портрет рабочего. 1964. Х., м. 53×41
4. Портрет рабочего. 1964. Х., м. 53,5×42
5. Рабочий. 1965. Х., м. 85×49
6. Шахты. Без даты. Х., м. 53×64
7. Спартак. 1967. Х., м. 64×51
8. Мой дом в Прокопьевске. 1968. Х., м. 54×72
9. Портрет торговой работницы. 1969. Х., м. 64×52
10. Кот на снегу. 1975. Х., м. 72,5×52
11. Автопортрет. 1976. Х., м. 82,5×61
12. Портрет жены. 1977. Х., м. 81,5×61
13. В поле. 1977. Х., м. 52×64
14. Автопортрет. 1978. Х., м. 80×61
15. Мой дом, моя родина. 1980. Х., м. 54×71
16. Семья петуха. 1983. Х., м. 61×82
17. Автопортрет. 1984. Х., м. 71×50
18. Автопортрет. 1984. Х., м. 86×64,5
19. Портрет Ю. Ф. Лузан. 1984. Х., м. 64×52
20. Автопортрет с Головановым. 1985. Х., м. 67,5×77
21. Автопортрет. 1986. Х., м. 73×55
22. Портрет матери. 1986. Х., м. 72×55

ГРАФИКА

1.(23). Стол. 1946. Б., кар. 31×26
2.(24). Кот в избе. Без даты. Б., кар. 33×37
3.(25). Портрет Джордано Бруно. 1948. Б., кар. 42×21
4.(26). Портрет К. Маркса. Без даты. Б., кар. 31×27
5.(27). Портрет М. И. Калинина. 1948. Б., кар. 41×30
6.(28). Стол и стакан. Без даты. Б., акв. 22×22
7.(29). Стакан и чернильница. Без даты. Б., акв. 20×30
8.(30). Фуражка и чернильница. Без даты. Б., акв. 29×26
9.(31). Спичечный коробок. Без даты. Б., акв. 15×24
10.(32). Портрет рабочего. Без даты. Б., акв. 35,5×21,5
11.(33). Портрет рабочего. Без даты. Б., акв. 37×28,5
12.(34). Портрет мальчика. Без даты. Б., акв. 39,5×32
13.(35). Корова. Без даты. Б., акв. 45×30
14.(36). Курица. Без даты. Б., акв. 37×21
15.(37). Лев. 1957. Б., кар., акв., гуашь. 41×34
16.(38). Слон. 1957. Б., кар., акв., гуашь. 36×32
17.(39). Лань. Без даты. Б., акв., гуашь. 37×39
18.(40). Обезьяна. 1957. Б., кар. 37,5×53
19.(41). Портрет мужчины в папахе. 1967. Б., акв. 48×44
20.(42). Рисунок к кинофильму „Журналист". 1967. Б., кар., акв. 49×42
21.(43). Рисунок к кинофильму „Сильные духом". 1968. Б., кар., акв. 58×35,5

22.(44). Рисунок к кинофильму „Сильные духом". 1968. Б., кар., акв. 59×42
23.(45). Рисунок к кинофильму „Железный поток". 1968. Б., кар., акв. 60×43,5
24.(46). Рисунок к кинофильму „Неуловимые мстители". 1968. Б., акв. 40,5×28,5
25.(47). Отец Тахира. 1968. Б., акв. 40×28,5
26.(48). Работница торговли г. Прокопьевска. 1968. Б., кар., акв. 61×48
27.(49). Торговая работница. 1968. Б., кар., акв. 59×42
28.(50). Рисунок к кинофильму „Цыган". 1968. Б., кар., акв. 57×39
29.(51). Пума. 1970. Б., кар., акв. 40,5×29
30.(52). Пума. 1970. Б., кар., акв. 28,5×40,5
31.(53). Портрет М. И. Ноговицыной. 1975. Б., акв. 40,5×28,5
32.(54). Портрет режиссера М. С. Литвякова. 1976. Б., кар., акв. 40,5×28,5
33.(55). Автопортрет. 1977. Б., акв. 41×28,5
34.(56). Портрет А. Н. Акузиной. 1979. Б., кар. 40,5×28,5
35.(57). Портрет Кузнецова. 1980. Б., кар., акв. 40,5×28,5
36.(58). Портрет искусствоведа Г. С. Ивановой. 1986. Б., кар. 41×30.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Выставка работ самодеятельных художников, учащихся Курсов заочного обучения. Состоялась в Москве, в ЦДРИ. 1965: Каталог, сост., авт. введения и пояснений Р. М. Закин. – М.: ЦДНТ имени Н. К. Крупской, 1958.

Содержится первое упоминание о работе И. Е. Селиванова „Портрет девочки".

„Портрет девочки": Репрод. с картины И. Е. Селиванова. – Молодой колхозник, 1959.

Всероссийская выставка произведений самодеятельных художников 1960 года: Каталог. – М.: ЦДНТ, 1960.

Закин Р. М. Творческая работа самодеятельного художника. – М.: Искусство, 1961.

Аксенов Ю. Чувство формы и ее развитие. Сборник факультета ЗНУИ за 1960–1962 годы. – М., 1963.

Лазыкин А. Есть такие художники. – Творчество, 1965, № 9, с. 12–13.

Алпатов М. Непосредственно и чистосердечно. – Творчество, 1966, № 10, с. 14–15.

Григорьев Р. Красота рабочего человека. – Правда, 1970, 4 января.

Лазыкин А. Итоги и уроки одной выставки. – Сов. культура, 1970, 13 октября, с. 1–2.

Сто работ художников-любителей. – Правда, 1971, 6 июля.

Гречук Ю. Примитивны ли примитивы? – Творчество, 1972, № 2, с. 11.

Васильев А. Все волнует сердце художника. – Известия, 1974, 19 ноября.

Аксенов Ю. Художественная форма, ее восприятие и решение. О развитии творческих способностей самодеятельных художников: Сб. статей. – М., 1975.

Шкаровская Н. С. Народное самодеятельное искусство. – М.: Аврора, 1975.

Аксенов Ю., Левидова М. Цвет и линия. – М.: Сов. художник, 1976.

Закин Р. М. На пути к творчеству: Беседы о творчестве и обучении самодеятельных художников. – М.: Художник РСФСР, 1971.

Слуцкий Б. Высокое искусство простоты. – Комс. правда, 1977, 17 апреля.

Балдина О., Аксенов Ю. Творчество привычное и непривычное. – Декоративное искусство СССР, 1977, № 7, с. 32–35.

Кушникова М. Прокопьевский мастер и пермские боги. – Огни Кузбасса, 1979, № 1.

Самодеятельные художники – Родине: Всесоюзная выставка: Каталог. – М.: Сов. художник, 1979.

Самодеятельные художники./Сост., авт. вступит. статьи Т. Б. Бельская. – М.: Сов. художник, 1981.

Сухацкий В. Это нужно нам. – Комс. Кузбасса, 1981, 28 апреля.

Балдина О. Д. Второе призвание. – М.: Мол. гвардия, 1983.

Гранина Н. Открытие в себе художника. – Сов. женщина, 1984, № 6, с. 28.

Закин Р. Накануне юбилея. – Художник, 1984, № 6, с. 29–30.

С м о л и х и н Г. Откуда родом Серафим Полубес? – Известия, 1984, 11 октября.
С и н я в с к и й Б. Художник. С чем идем к людям. – Кемерово, 1984, с. 43–52.
Л о б а н о в а И. Таланты вокруг нас. – Смена, 1985, № 4, с. 20–22.
Д о л м а т о в В. Синий кот на белом снегу. – Сов. Россия, 1986, 16 февраля.
Позаботились о старом мастере. – Сов. Россия, 1986, 4 мая.
К а т а е в а Н. Особен своей красотой. – Сов. культура, 1986, 26 июня, с. 5.
К о с т ю к о в с к и й В. Смотрю на мир открытыми глазами. – Сов. Россия, 1986, 1 июля.
А к с е н о в Ю. Смотреть своими глазами. – Художник, 1986, № 9, с. 51–55.
А к с е н о в Ю., Л е в и д о в а М. Цвет и линия. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Сов. художник, 1986.
Р а з и н а Т. О профессионализме народного искусства. – М.: Сов. художник, 1985.
З о л и н а И. О себе и о нас. – Кузбасс, 1986, 10 октября.
О л ь х о в с к а я Л. Я счастлив, когда рисую. – Комс. Кузбасса, 1986, 11 октября.
К о с т ю к о в с к и й В. Холсты старого мастера. – Сов. Россия, 1986, 11 октября.
Старый мастер. – Известия, 1986, 13 октября.
Б р и м а н М. Самородок из Кузбасса. – Сов. культура, 1986, 16 октября.
А к с е н о в Ю. Образы жизни большой. – Кузнецкий рабочий, 1986, 25 октября.
К а т а е в а Н. Все живое, предвечное, сущее . . . – Работница, 1987, № 12.
К у ш н и к о в а М. М. Размышления после выставки художника Ивана Селиванова. Прокопьевский мастер и пермские боги. Искры живой памяти. – Кемерово, 1987, с. 131–162.
К о с т ю к о в с к и й В., Г р ы з ы х и н В. В гостях у старого мастера. – Сов. Россия, 1987, 16 января.
А н и с и м о в Г. Этот удивительный Селиванов. – Известия, 1987, 22 февраля.
М о н а х о в Ф. Читая песнь любви. – Сов. Россия, 1987, 17 марта.
Ш к а р о в с к а я Н. Притяженье любви к природе. – Огонек, 1987, № 36, с. 8, вкл. 1–3.
Р я б и ч е в Д. Проблемы самодеятельного художественного творчества. – Искусство, 1987, № 5.
К а т а е в а Н. Человек обязан любить и уважать свой труд. – Сов. Россия, 1988, 2 октября.

ФИЛЬМОГРАФИЯ

1. „Люди земли Кузнецкой“, режиссер М. Литвяков. – Ленинградская студия документальных фильмов, 1969.
2. „Они рисовали с детства“, режиссер К. Ревенко. – Объединение „Экран“, ЦТ, телефильм, 1979.
3. „Кузбасский Пиросманишвили“. Телеочерк. Автор М. Кушникова, режиссер Н. Тарасова. – Кемеровская студия телевидения, 1981.
4. „Серафим Полубес и другие жители Земли“, режиссер В. Прохоров. – „Мосфильм“, 1964.
5. „Кто нарисует коня?“, режиссер С. Лаврентьев. – Западно-Сибирская студия документальных фильмов, 1987.
6. „Синий кот на белом снегу“, режиссер В. Ловкова. – ЦСДФ, 1987.
7. „Живописного ремесла мастер“. Телеочерк. Автор М. Кушникова, режиссер Н. Ставцев. – Кемеровская студия телевидения, 1987.

Селиванов И. Е., Катаева Н. Г.
С 29 И была жизнь. . . / Послесл. Ю. Аксенова; худож. Е. Ковалева. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 392 с., ил.

ISBN 5-235-00357-8

Книга-альбом самобытного русского художника, наряду с творчеством Николо Пиросмани и Ефима Честнякова составляющего наше национальное достояние. Основу книги составляют работы художника и редкие по содержательности и глубине его дневники, в которых самодеятельный мастер пишет о жизни, о людях, об искусстве, о Родине, взаимоотношениях людей. Издание иллюстрировано и рассчитано на широкий круг читателей.

С $\frac{4903000000-296}{078(02)-90}$ 231–90

ББК 85.143(2)7

ИБ № 6748

Селиванов Иван Егорович, Катаева Нина Григорьевна
И БЫЛА ЖИЗНЬ . . .

Заведующий редакцией **Виталий Ивашнев**
Редактор **Валентин Аксенов**
Художник **Екатерина Ковалева**
Художественный редактор **Константин Фадин**
Технические редакторы **Наталья Носова, Елена Брауде**
Корректоры **Ирина Ларина, Надежда Самойлова, Евгения Дмитриева**

Сдано в набор 24.11.89. Подписано в печать 29.11.90. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Бумага Мелованная. Гарнитура „Тип-Таймс". Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,85. Усл. кр.-отт. 191,6. Уч.-изд. л. 21,3. Тираж 50000 экз. Цена 12 руб. Заказ 1191.

Ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия". Адрес ИПО: 103030, Москва, Сущевская, 21.
Типография Фортшритт Эрфурт – ФРГ.

Отпечатно при посредстве в/о „внешторгиздат".

ISBN 5-235-00357-8

12 руб.

Человек ничего не познает на свете, если не видел сценок жизни. Не каждый одаренный природой может получить познания без учебного заведения-школы! Нужны для этого упорный труд и чтение книг. Без любви к природе никто не станет мастером своего дела. Природа есть не что иное для человека, как превысшая школа.

Люди знают меня поверхностно, в узком смысле слова по литературе, газетам, журналам, но никто из читающих не знает мою автобиографию . . .

Селиванов И. Е.

